

СОЧИНЕНИЯ

Д. И. ПИСАРЕВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Дополнительный къ шести томамъ выпускъ.

Цѣна 35 коп.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

1-й ТОМЪ. Первые литературные опыты. Несоразмѣрные претензіи. Народныя книжки. Идеализмъ Платона. Физиологическіе эскизы Молешота. Процессъ жизни (по Фохту). Схоластика XIX вѣка. Столчая вода. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе тапы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова. Библиографическія замѣтки. Меттернихъ.

2-й ТОМЪ. Аполлоній Тианскій. Московскіе мыслители. Русскій Донъ-Кихотъ. Вольные русскіе переводчики. Гейрачь Гейне. Пчелы. Физиологическія картины. Базаровъ. Очерки изъ исторіи печати во Франціи. Зарожденіе культуры.

3-й ТОМЪ. Нама университетская наука. Историческое эссеизмъ. Цѣлты невнинаго юмора. Мотивы русской драмы. Прогрессъ въ мѣрѣ животныхъ и растений. Историческое развитіе европейской мысли.

4-й ТОМЪ. Реалисты. Кувольная трагедія. Промачи неврѣлой мысли. Романъ всейной дѣвушки. Сердцце безсміе. Прогрузка по садамъ російской

словесности. Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы. Мысли Вурхова о воспитаніи женщинъ. Педагогическіе софизмы. Разрушеніе эстетики. Школа и жизнь.

5-й ТОМЪ. Пушкинъ и Вѣланскій. Подвиги европейскіихъ авторитетовъ. Посмотримъ! Подрастающая гуманность. Историческія идеи Огюста Канта. Погибшіе и погибающіе. Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ. Взгляды англійскихъ мыслителей на умственные потребности современнаго общества. Льюисъ и Гексли.

6-й ТОМЪ. Очерки изъ исторіи европейскіихъ народовъ. Образованная толпа. Борьба за жизнь. Романы Андре Лео. Старое барство. Французскій крестьянинъ 1789 г.

Дополнительный выпускъ: Бѣдная русская мысль. Мыслищій пролетаріатъ. Наши усыпители. Статьи о Шедо-Ферротти. Литературный процессъ по 2-ой части «Сочиненій Д. И. Писарева». — Ф. Ф. Павленковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.

1907.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Средства, получаемыя отъ распродажи изданій Ф. Павленкова, предназначаются, согласно завѣщанія, главнымъ образомъ на устройство бесплатныхъ народныхъ библиотекъ.

Беллетристика, критика, исторія литературы.

Сочиненія Гоголя. Съ портретами, биографіей и 180 рис. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ коленкор. перепл. 2 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, биографіей, 500 письмами и 160 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ. Ц. 1 р. 50 к. Такое же собраніе въ 10 томахъ безъ рисунковъ. Ц. 1 р. 50 к. За переплетъ д. а 1-томн. изд. 40 к. и 1 р.; для 10-томн. въ 5 переплетахъ 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретами, биографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Ц. 1 р., въ переплетъ 1 р. 40 к. и 2 р.

Сочиненія Эркмана-Шатриана. Въ 2 большихъ томахъ. Въ 1-мъ томѣ: Давидъ Рокъ. Тереза. Воспоминанія рекрута 1813 г. Ватерлоо. Воспоминанія пролетарія. Исторія плебсита. Во 2-мъ томѣ: Исторія одного крестьянина (въ время великой франц. революціи). Ц. за оба тома 3 р.

Одинъ въ полѣ не воинъ. Соціологическій романъ *Фр. Штимальена*. Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Утопическій романъ *Бульвера*. Перев. съ англ. Ц. 50 к.

Черезъ сто лѣтъ. Соціолог. романъ *Беллами*. Съ приложеніемъ очерка *Рише*: „Куда мы идемъ?“ 5-е изд. Ц. 75 к.

Голодь. Романъ *Гамсуна*. Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Зудермана*. Ц. 60 к.

Долой оружіе. Антивоенный романъ *Берты Зутнеръ*. Ц. 80 к.

Конецъ міра. Астрономическій романъ *Фламмаріона*. Съ 80 рис. Ц. 60 к.

Стелла. Астрономическій романъ *Фламмаріона*. Ц. 80 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 больш. томахъ. Съ портретами, факсимиле и снимкомъ съ картины *Наумова* „Бѣлинскій передъ смертью“. 3-е изд. Ц. I, II, III тома по 1 р. за томъ, а IV-го тома 1 р. 25 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6-ти томахъ съ дополнительнымъ выпускомъ. Съ портретами и ствѣію *Е. Соловьева*. Цѣна каждого тома 1 р., дополнит. вып. 35.

Сочиненія А. М. Скабичевского. 2 тома. Съ портр. автора. Ц. 3 р.

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Георга Брандеса. Французская литература. Съ 13 портретами. Ц. 2 р. Англійская литература. Ц. 75 к. Нѣмецкая литература. Ц. 1 р.

Исторія новѣйшей русской литературы. (1848—1903 гг.). А. М. Скабичевского. Съ 55 портр. 5-е изд. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи русской цензуры. А. М. Скабичевского. Ц. 2 р.

Жизнь и дѣятельность А. Герцена въ Россіи и заграницей. В. Д. Смирнова. Ц. 1 р.

Ренанъ, какъ человекъ и писатель. *Годлевскаго*. Съ портретами *Ренана*. Ц. 50 к.

Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. Ш. Летурино. Ц. 1 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Читаніе для народа. *Цвѣткова*. Ц. 15 к.

Соціологія, политическая экономія, исторія и пр.

Соціальныя этюды. Соціальныя законы.—Толпа и публика.—Преступность толпы.—Трансформация власти. Г. Тарда. Перев. съ франц. 1 р. 50 к.

Законы подражанія. Г. Тарда. Съ французскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Соціальное развитіе. В. Кидда. Перев. съ англ. М. Чепинской. Ц. 75 к.

Общественный организмъ. Р. Вормса. Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. А. Трачевскаго. Ц. 75 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. Проф. Грейфа. Перев. съ франц. Паперна. Ц. 1 р. 50 к.

Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. М. Энгельгардта. Ц. 75 к.

Соціологическія основы исторіи. Лакомба. Перев. подъ редакціей Р. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Психологія народовъ и массъ. Г. Лебона. Съ франц. Ц. 1 р.

Психическіе факторы цивилизаціи. Уорда. Съ англійскаго. Ц. 80 к.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. Стилел. Съ итальян. 2-ое изд. Ц. 30 к.

Психологія французскаго народа. Фуллье. Съ франц. Ц. 1 р.

Организація свободы и общественный долгъ Прэнса. Перев. подъ ред. и съ предисловіемъ Р. Сементковскаго. Ц. 80 к.

Представительное правленіе. Дж.-Стюарта Милля. Съ англ., подъ ред. Р. Сементковскаго. Ц. 60 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Гольцендорфа. Пер. съ нѣм. Ц. 75 к.

Основы политической экономіи. Шарль Жидо. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 25 к.

С. Мавренков

СОЧИНЕНИЯ Д. И. ПИСАРЕВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Дополнительный къ шести томамъ выпускъ.

Цѣна 35 коп.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

- 1-й ТОМЪ. Первые литературные опыты. Несоразмѣрная претензія. Народныя книжки. Идеализмъ Платона. Физиологическіе эскизы Моцшота. Процессъ жизни (по Фохту). Схоластика XIX вѣка. Стоячая вода. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова. Библиографическія замѣтки. Меттернихъ.
- 2-й ТОМЪ. Аполлоній Тианскій. Московскіе мыслители. Русскій Донъ-Кихотъ. Вольные русскіе переводчики. Генрихъ Гейне. Пчелы. Физиологическія картины. Базаровъ. Очерки изъ исторіи печати во Франціи. Зарожденіе культуры.
- 3-й ТОМЪ. Наука университетская наука. Историческіе эскизы. Цѣвты невнятнаго юмора. Мотивы русской драмы. Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений. Историческое развитіе европейской мысли.
- 4-й ТОМЪ. Реалисты. Кукольная трагедія. Промачи незрѣлой мысли. Романъ кисейной двушечки. Сердитое безсудіе. Прогулка по садкамъ российской словесности. Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы. Мысли Вирхова о поспитаніи женщинъ. Педагогическіе софизмы. Разрушеніе эстетики. Школа и жизнь.
- 5-й ТОМЪ. Пушкинъ и Вѣлискій. Подвиги европейскихъ авторитетовъ. Посмотримъ. Подрастающая гуманность. Историческія идеи Огюста Конта. Погибіе и побѣдоносіе. Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ. Взгляды англійскихъ мыслителей на умственную потребности современнаго общества. Льюисъ и Гексли.
- 6-й ТОМЪ. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Образованная толпа. Борьба за жизнь. Романы Андре Лео. Старое бѣдство. Французскій крестьянинъ 1789 г.
- Дополнительный выпускъ: Бѣдная русская мысль. Мыслившій пролетаріатъ. Наши уснытели. Статя о Шедо-Ферротіи. Литературный процессъ по 2-ой части «Сочиненій Д. И. Писарева». — Ф. Ф. Павленковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.

1907.

Оглавление дополнительного выпуска.

1) Бѣдная русская мысль.	1
2) Мыслящій пролетаріатъ.	53
3) Наши усыпители.	103
4) Статья о Шедо-Ферроти.	123
5) Литературный процессъ по 2-й части „Сочиненій Д. И. Писарева“.	133
6) Ф. Θ. Павленковъ.	201

ВЪДНАЯ РУССКАЯ МЫСЛЬ.

(Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изслѣдованіе П. Пекарскаго. Томъ I).

I.

Г. Пекарскій надъ своимъ изслѣдованіемъ трудился нѣсколько лѣтъ. Въ 1855 году былъ напечатанъ въ IV томѣ Извѣстій академіи наукъ по II отдѣленію планъ этого ученаго труда. Съ 1855 до половины 1859 года г. Пекарскій работалъ въ публичной бібліотекѣ; затѣмъ, съ половины 1859 года онъ группировалъ собранные матеріалы и готовилъ ихъ къ печати, и вотъ, наконецъ, въ началѣ 1862 года читающая публика можетъ воспользоваться плодами многолѣтнихъ и усидчивыхъ трудовъ. Приступая къ оцѣнкѣ книги г. Пекарскаго, я счелъ необходимымъ прежде всего описать ея размеры и привести ея формулярный списокъ; къ какимъ бы результатамъ меня ни привелъ разборъ этого изслѣдованія, во всякомъ случаѣ, надо прежде всего отдать должную дань уваженія тому количеству добросовѣстнаго труда, которое положено въ эти сотни убористо напечатанныхъ страницъ. Сколько хламу надо было перерыть, сколько скуки перенести, сколько самоотверженія потратить для того, чтобы составить эту книгу! Поэтому, принимая въ соображеніе путь узкій и прискорбный, по которому г. Пекарскій шелъ къ своей свѣтлой цѣли, я отъ всей души порадовался за автора, прочтя на оберткѣ его книги: «удостоено отъ академіи наукъ полной демидовской преміи». Вѣроятно авторъ предвидѣлъ, что это пріятное извѣстіе обрадуетъ всѣхъ добрыхъ людей, которымъ попадется въ руки его изслѣдованіе; предвидя это и желая на первыхъ же порахъ доставить своимъ читателямъ пріятное ощущеніе, г. Пекарскій такъ и напечаталъ это на оберткѣ; я говорю это собственно для тѣхъ неисправныхъ скептиковъ, которые, усматривая во всякомъ дѣлѣ дурные умыслы, подумаютъ, что эти слова на оберткѣ поставлены ради тщеславія, или для того, чтобы

зарекомендовать заранѣе книгу нашей слишкомъ довѣрчивой и мало читающей публикѣ. Неисправимые скептики глубоко ошибутся въ своихъ коварныхъ предположеніяхъ: г. Пекарскій рѣшительно неспособенъ придавать особенно высокое значеніе приговору академіи; онъ знаетъ очень хорошо, что только судъ публики въ самомъ обширномъ смыслѣ долженъ быть дорогъ для писателя, добросовѣстно служащаго своей идеѣ; онъ знаетъ также, что наша академія не пользуется особеннымъ сочувствіемъ публики, и что теперь даже неакадемическіе авторитеты меркнутъ и блѣднѣютъ передъ безпомощнымъ сомнѣніемъ. Г. Пекарскій извѣстенъ публикѣ какъ сотрудникъ «Современника», слѣдовательно, всѣ эти вещи онъ твердо знаетъ; повторяю, что слова «удостоено отъ академіи наукъ полной демидовской преміи» помѣщены на оберткѣ съ самымъ добрымъ намѣреніемъ, единственно для того, чтобы порадовать публику хорошимъ извѣстіемъ. Эти слова ободряютъ меня, рецензента, приступающаго къ оцѣнкѣ книги; я разсуждаю такъ: если г. Пекарскій уже получилъ за свою работу значительное и почетное вознагражденіе, то, по всей вѣроятности, онъ не огорчится тѣми замѣчаніями, которыя мнѣ, можетъ быть, придется сдѣлать въ этой статьѣ. Г. Пекарскій уже знаетъ, что почтенное собраніе русскихъ ученыхъ уже увѣнчало его трудъ многоцѣнными лаврами. Что же значать послѣ такого рѣшительнаго торжества бѣглыя и поверхностныя замѣчанія скромнаго журналиста?

Зояль бранить — поэтъ не *ропчетъ*,

сказалъ самъ г. Полонскій, заканчивая четвертую главу своего «Свѣжаго преданія»; а ужъ если г. Полонскій, которому въ послѣднее время дѣйствительно насолили зюльи, общается не роптать даже въ случаѣ брани, то тѣмъ болѣе есть надежда, что г. Пекарскій съ ве-

личественнымъ равнодушіемъ пропустить мимо ушей мои легкія замѣчанія.

Замѣчанія мои будутъ, дѣйствительно, очень легки и немногочисленны. Я замѣчу только, что книга г. Пекарскаго даетъ очень много фактовъ и очень мало выводовъ; если у меня спросить, что такое это замѣчаніе, похвала или порицаніе, то я скажу, что принять его въ ту или въ другую сторону совершенно зависитъ отъ г. Пекарскаго. Если бы такое сужденіе произнесъ надъ изслѣдованіемъ почтенный академикъ, тогда малѣйшее сомнѣніе сдѣлалось бы невозможнымъ. Обиліе фактовъ, нужныхъ или ненужныхъ, годныхъ или негодныхъ, на языкѣ цеховыхъ ученыхъ называется основательностью изслѣдованія, а отсутствіе выводовъ на томъ же языкѣ называется осторожностью и благоразуміемъ. Что же касается до меня, то я скажу прямо, что книга г. Пекарскаго при другой, болѣе живой обработкѣ могла бы быть второе короче и, по крайней мѣрѣ, вдвое занимательнѣе. Первый томъ состоитъ изъ пятнадцати главъ; вторая, третья, четвертая, пятая и седьмая представляютъ много интереснаго; затѣмъ, можно найти нѣкоторыя характерныя подробности въ одиннадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой; все остальное сухо и безплодно; самый любознательный читатель, раскрывающій книгу съ добросовѣстнымъ желаніемъ научиться чемунибудь дѣльному, долженъ будетъ употребить въ дѣло геройскія усилія, чтобы не оставить чтенія на этихъ безнадежно скучныхъ мѣстахъ. Надо сказать правду, что весь героизмъ этихъ усилій будетъ потраченъ даромъ, потому что тѣ немногія и мелкія крупницы, которыя можно вынести изъ утомительнаго чтенія, рѣшительно не могутъ вознаградить читателя за потраченное время и за испытанную скуку. Съ восьмой главы начинается библиографія; г. Пекарскій съ величайшею тщательностью описываетъ намъ внѣшній видъ разныхъ петровскихъ учебниковъ и приводитъ изъ этихъ душевспасительныхъ книгъ длиннѣйшія цитаты; тутъ мы узнаемъ, напримѣръ, что первый букварь въ Москвѣ вышелъ въ 1634 году, «трудами и тщаніемъ Василія Федорова Бурцева и прочихъ сработниковъ»; потомъ мы узнаемъ, что въ 1637 году напечатано второе изданіе этого букваря, потомъ въ 1664 году — еще букварь, потомъ въ томъ же году — букварь въ Киевѣ, потомъ въ 1671 году — еще букварь Львовскаго братства, и такъ далѣе, исторія о букваряхъ тянется на пятнадцать страницъ; затѣмъ начинается исторія о грамматикахъ, потомъ объ ариѳметикахъ, о календаряхъ, о географіяхъ; читая эти страницы, можно подумать, что петровская Россія вся сидѣла въ огромной классной комнатѣ, и что введеніе тѣхъ или другихъ учебныхъ руководствъ составляло самую

живую, единственную и интересную сторону общественной и умственной жизни. Статистика букварей, стоявшая, по всей вѣроятности, г. Пекарскому многихъ трудовъ, могла бы при извѣстныхъ условіяхъ привести къ кое-какимъ результатамъ. Напримѣръ, одинъ и тотъ же букварь Василія Бурцова напечатанъ двумя изданіями въ теченіе трехъ лѣтъ. Если бы г. Пекарскій могъ знать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ было напечатано первое изданіе, то, узнавши, сколько букварей разошлось въ теченіе трехъ лѣтъ, онъ могъ бы приблизительно разсчитать, какъ великъ былъ запросъ на грамотность въ первой половинѣ XVII столѣтія. Но, вѣдь, дѣлать такіе расчеты надо очень осторожно; вмѣстѣ съ букваремъ Бурцова могли быть и дѣйствительно были въ обращеніи другіе буквари, вышедшіе раньше, не въ Москвѣ, а хоть бы, напримѣръ, въ Вильнѣ; кромѣ того, во многихъ семействахъ дѣти могли учиться не по букварямъ, а просто по псалтири или по какойнибудь другой священной книжкѣ, какъ это дѣйствительно дѣлалось.

Наконецъ, г. Пекарскому даже неизвѣстно то количество экземпляровъ, въ которомъ печатались эти буквари; стало быть, даже голая цифра, опредѣляющая число учащихся грамотѣ, не можетъ быть выведена изъ библиографическаго перечня учебниковъ. Въ этомъ перечнѣ помѣщено довольно подробное описаніе каждаго отдѣльнаго букваря, каждой грамматики и ариѳметики. Характернаго въ этихъ описаніяхъ найдется очень немного. Слѣдующій замысловатый панегирикъ розгѣ, бичу и жезлу представляеть, быть можетъ, самое любопытное мѣсто въ этой монографіи о букваряхъ:

Розга умъ востричь, память возбуждаетъ
и волю злую въ благо прелагаетъ:
Учить Господу Богу ей молити
и раю въ церковь на службу ходити,
Бичъ возбуждаетъ скверно глаголати
и дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣлати,
Жезлъ лѣшныя къ дѣлу побуждаетъ,
рождшихъ слушати во всемъ научаетъ.

Какъ ни игривъ этотъ педагогическій мадригалъ, однако, надо сказать правду, даже въ немъ читатель находитъ мало характернаго; что въ школахъ сѣкли въ XVII столѣтіи, — это всѣмъ извѣстно; что ученіе и мученіе въ то время были синонимами, — это тоже не ново; мы все еще помнимъ, отчасти по собственному опыту, отчасти по свѣжимъ преданіямъ, которымъ вѣрится безъ малѣйшаго труда, что розга являлась естественнымъ посредникомъ и живою органическою связью между учителемъ и ученикомъ. Слѣдовательно, какая же это характерная черта для изображенія русскаго воспитанія въ XVII столѣтіи; даже воспѣваніе педагогическихъ орудій въ стихахъ не составляетъ исключительной принадлежности нашей старины. Не

дальше, какъ съ мѣсяцъ тому назадъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» была напечатана замѣтка о стихотвореніи одного ксездза, который въ розгѣ, или, какъ онъ ее называетъ, въ «розочкѣ» видитъ истинный и вѣрный путь къ добродѣтельной жизни и къ вѣчному блаженству. А Витгенштейнъ! А Юркевичъ съ его энергическими мотивами жизни! Нѣтъ, рѣшительно тѣ черты эпохи, которыя г. Пекарскій откашываетъ въ заброшенныхъ петровскихъ и до-петровскихъ азбукахъ, живымъ живутъ въ XIX столѣтіи; стало быть, или пора исторіи еще не настала для петровской эпохи, или надо искать историческихъ матеріаловъ не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г. Пекарскій. Это второе предположеніе несомнѣнно вѣрно. Искать черты быта и народнаго характера въ книженкахъ, по которымъ учились грамотѣ и счету разные ребята и школьники—это такая идея, на которую можетъ напасть только отчаянный библиоманъ; думать, что значительная часть идей и стремленій, одушевлявшихъ во время оно живыхъ людей, можетъ прилипнуть къ школьнымъ руководствамъ, составленнымъ разными трудолюбивыми тупицами,—это, воля ваша, очень оригинально. Но, вѣдь, дѣло то въ томъ и есть, что бѣлая часть нашихъ ученыхъ вовсе не задаетъ себѣ вопроса о конечной цѣли своихъ трудовъ. Одни пишутъ о какой нибудь черниговской гривнѣ, другой о томъ, какъ писалась буква *юсъ* въ рукописяхъ XIII вѣка, третій о значеніи слова *изгой* или еще что нибудь въ такомъ же нравоучительномъ родѣ. Если бы вы спросили у этихъ добровольныхъ мучениковъ, къ чему же они стремятся, изъ чего они бьются, чѣмъ оправдываютъ и объясняютъ свою многострадальческую и пребезполезную дѣятельность, знаете ли вы, что они отвѣтили бы вамъ на одинъ изъ подобныхъ вопросовъ? Самые зазорные отвѣтили бы вамъ, что вы профанъ и невѣжда, что если вы не признаете пользы и необходимости археологическихъ, филологическихъ, палеографическихъ и разныхъ другихъ розысканій, одаренныхъ очень звучными названіями, то съ вами и говорить не стоитъ о предметахъ недоступныхъ вашему ограниченному пониманію. Другіе, болѣе смиренные на видъ, отвѣтятъ скромно, что они собираютъ матеріалы для будущаго зданія русской исторіи, что они, безвѣстные труженики, работаютъ для грядущихъ поколѣній, которыя будутъ пожинаать плоды ихъ усилій. Этотъ приличный отвѣтъ въ сущности ничто иное, какъ довольно ловкая увертка, которая дѣйствительно обманываетъ многихъ довѣрчивыхъ слушателей и читателей. Представьте себѣ, что кто нибудь хочетъ построить каменный домъ и купилъ себѣ для этого землю, мѣсто; у этого NN есть много знакомыхъ, сочувствующихъ его предпріятію и желающихъ, чтобы роскошное зда-

ніе, какъ можно скорѣе и успѣшнѣе, было воздвигнуто на приготовленномъ мѣстѣ; и вотъ всѣ эти знакомые начинаютъ тащить на мѣсто предполагающейся постройки всякій хламъ, все, что имъ попадется подъ руку: одинъ волочетъ старую подошву, другой—разбитую стклянку, третій—мѣшокъ гнилаго картофеля, четвертый—растрепанный экземпляръ какого нибудь сочиненія Эккартсгаузена.—Что вы дѣлаете? спросить у этихъ людей посторонній и безпристрастный зритель.

— Да вотъ, батюшка, скажутъ ему усердные носильщики, собираемъ матеріалы для будущаго зданія.

Конечно, безпристрастный зритель захохочетъ.

— Помилуйте,—скажетъ онъ,—за что же вы разоряете хозяина? Вѣдь, ему придется папимать нѣсколько подводъ, чтобы вывезти съ своего участка всю рухлядь, которую вы набросали. Развѣ вы не знаете, изъ чего строятся каменные дома? Развѣ вы не понимаете, что битое стекло и гнилой картофель ни при какихъ условіяхъ не превращаются ни въ кирпичъ, ни въ камень, ни въ известку? Неужели у васъ и на это не хватаетъ мозга и соображенія? Правду же говорилъ объ васъ Чернышевскій, что вы очень несообразительны.

Обидятся или не обидятся этими словами собиратели хлама,—до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Смыслъ моей нехитрой басни, кажется, ясенъ. Дѣло все въ томъ, что собирать матеріалы безъ разбору, безъ критики, безъ смысла—значитъ затруднять задачу будущаго зодчаго, будущаго таланта, который долженъ окинуть ординарнымъ взоромъ всю вереницу прошедшихъ событій, увидать между ними дѣйствительную связь и набросать широкими штрихами великую картину, полную живаго смысла, блестящую яркими красками исторической правды. Что за облегченіе для будущаго историка, если вы перепечатаете ему въ своемъ изслѣдованіи половину изданныхъ въ Россіи букварей и часослововъ? Что за облегченіе, если вы ему представите въ хронологическомъ порядкѣ всѣ измѣненія, которыя въ теченіи вѣковъ испытала въ своемъ начертаніи буква *юсъ* или *кси*? Что за облегченіе, если вы пересчитаете сколько разъ слово *нръ* (паруса) встрѣчается въ лѣтописяхъ или въ переводѣ Библіи? Если вы трудолюбивый изслѣдователь, и не признаете за собою способности созидать зданіе, т. е. ярко изображать или стройно группировать и обобщать факты, то собирайте ихъ съ толкомъ, умѣйте различать, что камень, что дерево, а что просто навозъ. Вѣдь, въ этомъ то и состоитъ единственно возможное раздѣленіе труда въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія. Вѣдь, нельзя же возводить въ драгоценные историческіе матеріалы *пробы пера* какого нибудь чело- вѣка, хотя бы этотъ чело- вѣкъ былъ величайшій

геній нашей планеты и хоть бы онъ жилъ дѣтъ за тысячу до нашего времени. Пробы пера все-таки останутся пробами пера и вы изъ нихъ не выжмете ничего путнаго; бумага и пергаментъ не вино; они не становятся лучше и занимательнѣе отъ времени.

Знающій талантъ будущаго историка потратится на расчищеніе мѣста, если скромные изслѣдователи по прежнему будутъ усыпать его архивною пылью. Дѣло изслѣдователей — обсудить, что годится, что не годится, и потомъ представить въ своемъ изслѣдованіи совокупность всего годнаго; дѣло талантливаго историка — взять это годное, и изъ этихъ очищенныхъ матеріаловъ вылѣпить живыя фигуры и осмысленные барельефы; первый сортируетъ, отвѣиваетъ зерна отъ мякины, второй творитъ изъ даннаго матеріала. Что касается до нашихъ русскихъ ученыхъ, то большая часть изъ нихъ негодится ни въ историки, ни даже въ собиратели матеріаловъ. Сырье остается сырьемъ; характерные факты ставятся рядомъ съ самыми безцвѣтными; занимательныя подробности рядомъ съ такими обстоятельствами, которые можно было бы забыть съ величайшимъ удобствомъ. Слабость мысли, раболопное уваженіе къ старинѣ потому только, что она старина; умиленіе надъ прошедшимъ, потому только, что оно прошло; безцвѣтная погона за мелкимъ фактомъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго историческаго смысла; бессознательная перепечатка рукописей и документовъ, потому только что онѣ написаны стариннымъ почеркомъ, — вотъ какими свойствами и дѣйствіями отличается большая часть нашихъ тружениковъ. Смѣяться надъ такою наукою и надъ такими учеными можно именно изъ любви къ истинной, плодотворной и живой наукѣ. Этой сухой и дряхлой официальной наукѣ, надъ которою, по моему мнѣнію, можетъ и долженъ смѣяться всякій живой и энергическій человѣкъ, этой самой наукѣ, прозябающей въ разныхъ умственныхъ оранжереяхъ, г. Пекарскій принесъ обильную дань въ своемъ изслѣдованіи. Сотрудникъ «Современника», умѣющій иногда отзываться живыми статьями на запросы времени, перерылъ всѣ петровскіе буквари и учебники, описалъ ихъ заглавныя картинки, изучилъ ихъ шрифтъ, перепечаталъ изъ нихъ многое множество скучныхъ цитатъ, потомъ заключилъ всю эту неорганическую компиляцію подъ одну обертку и съ торжествомъ написалъ на этой оберткѣ: «удостоено отъ академіи наукъ полной демидовской преміи». Ну, и слава Богу! Отдавая должную дань официальной наукѣ, той наукѣ, которая гордо объявляетъ, что она сама себѣ цѣль, и что ей до общества и до жизни нѣтъ дѣла, г. Пекарскій доказалъ очень пагальнымъ примѣромъ, что порода ученыхъ переливателей изъ пустаго въ порожнее переведется у насъ очень не скоро, и что петровскій періодъ искусственнаго насажденія наукъ въ Россіи продолжается до нашихъ

временъ и, можетъ быть, будетъ продолжаться еще для нашихъ дѣтей и внуковъ.

II.

Впрочемъ, Богъ съ ними, и съ официальной наукою, и съ демидовскою премією, и съ счастливымъ триумфаторомъ, г. Пекарскимъ. Взглянемъ лучше на ту эпоху, которою занимался нашъ изслѣдователь; будемъ брать факты изъ его же книги, а рассуждать о нихъ будемъ по своему, т. е. не такъ, какъ рассуждаютъ ученые, а такъ, какъ рассуждаютъ простые люди, не лишеныя здраваго смысла.

Теперь, кажется, споръ между славянофилами и западниками о значеніи Петра въ исторіи нашего просвѣщенія, оставаясь нерѣшеннымъ, затихъ и заглохъ, потому что самыя литературныя партіи, красовавшіяся подъ этими двумя фирмами, успѣли выродиться и преобразиться. Теперь уже никто серьезно не совѣтуетъ возвратиться къ временамъ боярства, и, вслѣдствіе этого, уже никто серьезно не полемизируетъ съ боярскимъ элементомъ. Слышится кое-гдѣ фразы о народности, о почвѣ; эпитетъ *русскій* ни къ селу, ни къ городу привязывается къ словамъ жизнь, мысль, умъ, развитіе; но тѣ господа, которые сочиняютъ подобныя фразы и употребляютъ всеу многозначенательный эпитетъ, сами какъ-то не вѣрятъ тому, что говорятъ, и на самомъ дѣлѣ придаютъ своимъ словамъ очень мало значенія. Фразы и вывѣски годъ отъ году теряютъ свою обаятельную прелесть; прежде достаточно было сказать «матушка Русь православная» или заговорить о народной подоплекъ, или противопоставить «русскую цѣльность духа» европейскому раціонализму, для того чтобы прослыть не только патриотомъ, но даже опаснымъ человекомъ. Теперь уже не то. Теперь вы можете кричать на всѣхъ перекресткахъ, что вы прогрессистъ, либераль, демократъ, и вамъ немногіе повѣрятъ на слово, и всѣ немногіе будутъ слушать, или читать, если подъ звучными вашими словами нѣтъ оригинальныхъ мыслей, если подъ вашими фразами не кроются глубоко продуманныя убѣжденія. Наши теперешнія литературныя партіи теперь не выкидываютъ яркихъ флаговъ, не тащатъ пасивно читателей ни на востокъ, ни на западъ, не стараются прыгнуть ни въ XVI столѣтіе, ни въ XXII-ое; онѣ живутъ во времени и въ пространствѣ, онѣ слѣдятъ за жизнью и комментируютъ одни и тѣ же явленія, и смотрятъ на нихъ или, по крайней мѣрѣ, стараются смотрѣть на нихъ не съ китайской, не съ французской, не съ англійской, а просто съ человѣческой, съ своей личной точки зрѣнія. Вотъ, говорятъ одни, это распоряженіе хорошо, потому что оно облегчаетъ судьбу такого-то сословія. Нѣтъ, возражаютъ другіе, такое-то распоряженіе не хорошо, потому что оно недостаточно

облегчаетъ и обезпечиваетъ участь заинтересованнаго класса. Являются доказательства съ той и съ другой стороны. Доказательства эти берутся изъ живаго быта, изъ чистой дѣйствительности. Спорятъ большею частью о томъ, удобно или неудобно новое бытовое условіе, а не о томъ, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ оно прежнему историческому ходу развитія, и не о томъ, согласно ли оно съ выводами чистой умозрительной логики. Вѣра въ непогрѣшимость чистой логики и въ разумность исторіи оказывается подорванною; эту вѣру задавили настоятельныя потребности жизни; мы увидали, что жизнь наша устроена очень плохо, такъ плохо, что если бы нарочно выдумывать, то нельзя было бы изобрѣсти чего нибудь болѣе неудобнаго; между тѣмъ, мы видѣли и знали, что рѣшительно ни одинъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на устройство нашего быта, не дѣлалъ намъ умышленнаго зла; всякій хотѣлъ сдѣлать получше, всякій мудрилъ надъ жизнью, всякій вертѣлъ по своему ея огромный калейдоскопъ, и отъ этого отдѣльные камешки и стеклышки складывались въ невѣроятно уродливыя фигуры, тѣснили другъ друга, безъ нужды сшибались и сталкивались между собою, то приходили въ хаотическое движеніе, то вдругъ останавливались и замирали въ самомъ неестественномъ положеніи. Всякій мудрителъ надъ жизнью, какъ болѣе или менѣе крупный Петръ Ивановичъ Бобчинскій, хотѣлъ заявить о себѣ почтеннѣйшей публикѣ и часто заявлялъ такую же оригинальную штукою, посредствомъ которой Эростратъ вошелъ во всемірную исторію. Если перебрать жизнь и дѣйствія всѣхъ великихъ и большихъ историческихъ дѣятелей, то найдется очень немного такихъ людей, съ которыхъ можно было бы снять упрекъ въ мудреніи надъ жизнью. Въ этомъ мудреніи надъ жизнью и заключается темное пятно ихъ жизни и дѣятельности. Личная логика этихъ дѣятелей расходилась съ потребностями людей и времени; эти настоящія, законныя потребности заявляли свое существованіе сопротивленіемъ, иногда тупымъ и инертнымъ, какъ сопротивленіе нашихъ старовѣровъ, иногда дѣятельнымъ и блестящимъ, какъ сопротивленіе нидерландскихъ патриотовъ противъ распоряженій Филиппа II, желавшаго насильно ввести своихъ подданныхъ въ царство небесное. Тогда личная логика мудрителя, опираясь на его личную волю и на его матеріальныя средства, вступала въ отчаянную борьбу съ естественными силами непонятой имъ жизни; борьба была болѣе или менѣе упорна, смотря потому, насколько была крупна личность дѣятеля, и насколько были развиты силы сопротивленія и отпора. Въ концѣ концовъ, попятая и насильственно ломаемая жизнь всегда одерживала побѣду, уже потому, что она переживала своего противника; во всей всемірной исторіи мы не видимъ ни одного при-

мѣра, чтобы личная воля одного человѣка, отрѣшенная отъ естественныхъ потребностей народа и эпохи, основала какое нибудь прочное государственное или социальное зданіе, какое нибудь долговѣчное учрежденіе, какое нибудь живучее бытіе. Возьмите, напр., исторію всѣхъ монархій, составившихся завоеваніями одного человѣка; всѣ онѣ, начиная отъ монархіи Александра Македонскаго и кончая имперією Наполеона I, не переживали своихъ основателей, и, насильственно сколоченныя изъ разпородныхъ кусковъ и вершковъ, мгновенно разлагались на свои составныя части. Припомните исторію отвлеченныхъ законодательныхъ теорій, которыя втискивались въ жизнь народа по волѣ отдѣльнаго лица; что дѣлалось съ этими теоріями? Ихъ выкидывалъ народъ изъ своей жизни, или онѣ ихъ проглатывалъ и переработывалъ такъ, что голая теорія становилась неузнаваемою. Припомните далѣе исторію религиозныхъ преслѣдованій—этого грубѣйшаго проявленія личнаго произвола: вы увидите, что эти преслѣдованія не упрочивали господства того культа, во имя котораго онѣ воздвигались. Джордано Бруно, Савонаролла, Янъ Гусъ не остановились передъ кострами, а за ними пошли тысячи людей, которые затоптали, заплевали эти костры и разметали по свѣту безобразныя головни и погасшіе угли. Всѣ эти примѣры однако вовсе не доказываютъ, что мудреніе надъ жизнью, производимое историческими дѣятелями по тѣмъ или другимъ побужденіямъ и соображеніямъ, остается безвреднымъ и не ведетъ за собой важныхъ послѣдствій. Дѣло только въ томъ, что послѣдствія никогда не бываютъ такіа, какихъ желаетъ самъ дѣятель. Если бы Филиппъ II не ввелъ инквизицію въ Нидерланды, то, вѣроятно, Нидерланды долго не оторвались бы отъ испанскихъ владѣній; стало бытъ, Филиппъ II имѣлъ вліяніе на судьбу Нидерландовъ, только вліяніе это было очевидно не то, которое онъ желалъ имѣть; ему хотѣлось утвердить католицизмъ,—онъ ввелъ инквизицію, и вдругъ это непогрѣшимое средство подѣйствовало совершенно наыворотъ: вмѣстѣ съ католицизмомъ оно опрокинуло въ Нидерландахъ господство Испаніи; личная логика оказалась несостоятельною; историческая дѣйствительность перехитрила всѣ тонкіе расчеты Филиппа II.

Владѣя извѣстною матеріальною силою, задвинувшись извѣстною идеею, дѣятель вступаетъ въ борьбу съ тою или другою стороною современной ему жизни; эта борьба, конечно, измѣняетъ состояніе сопротивляющейся силы; всякое гоненіе измѣняетъ положеніе гонимаго класса, народа или религіознаго общества; во время гоненія преслѣдуемыя идеи доводятся до своего послѣдняго, крайняго выраженія. Гоненіе пораждаетъ мучениковъ; мученичество вызываетъ сочувствіе; сочувствіе, закравшееся въ сердца цѣлыхъ тысячъ людей, выражается въ болѣе или менѣе сильномъ

протестъ противъ гонителей; словомъ, напоръ личной логики и личной воли вызываетъ реакцію, и дальнѣйшее историческое движеніе, дальнѣйшее направленіе жизни опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ, изъ которыхъ сила личной логики и воли всегда оказывается слабѣйшей.

Реформаторская попытка, предпринятая историческимъ дѣятелемъ, напрягаетъ, такимъ образомъ, силу тѣхъ началъ, которыя заключаются въ обрабатываемомъ матеріалѣ. Кроме того, эта же реформаторская попытка измѣняетъ самое расположеніе этихъ началъ; перепутывая и переламывая существующій порядокъ, нарушая заведенный ходъ обыденной жизни, борьба между личной логикой и народной волей измѣняетъ самыя условія жизни, но измѣняетъ ихъ обыкновенно не настолько и не такъ, насколько и какъ того желаетъ самъ дѣятель. Ревностный католикъ, германскій императоръ Фердинандъ II, началъ тридцатилѣтнюю войну съ полнымъ желаніемъ искоренить или, по крайней мѣрѣ, стѣснить протестантизмъ, насколько это было возможно. Въстѣтъ съ тѣмъ онъ имѣлъ въ виду войною упрочить преобладаніе своей династїи и неограниченное господство императора какъ въ Германїи вообще, такъ въ наслѣдственныхъ своихъ земляхъ въ особенности. Онъ хотѣлъ переломать по своему весь строй общественныхъ отношеній и религиозныхъ понятїи; на самомъ же дѣлѣ ему удалось только разрушить тотъ порядокъ вещей, который онъ засталъ при вступленїи своемъ на престоль.

Протестантизмъ не погибъ, а абсолютизмъ германскаго императора не разросся и не окупѣлъ, но, во всякомъ случаѣ, Германія послѣ Вестфальскаго мира была уже не та, какою мы ее видѣли раньше битвы при Вѣлой горѣ: многіе вопросы жизни, едва поставленные въ началѣ тридцатилѣтней войны, успѣли опредѣлиться и подвинуться къ своему разрѣшенїю; территориальныя отношенія перепутались; Швеція и Франція, благодаря военнымъ дѣйствїямъ, приобрѣли небывалое до того времени вліяніе на дѣла Германїи; католики-французы, сражаясь рядомъ съ нѣмцами-протестантами, убѣдили Европу въ томъ, что религиозныя войны начинаютъ дѣлаться анахронизмомъ, и что умные государственные люди руководствуются въ своихъ дѣйствїяхъ чисто политическими расчетами. Всѣ эти послѣдствїя тридцатилѣтней войны вовсе не были похожи на то, чего желалъ и ожидалъ императоръ Фердинандъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что крупный историческій дѣятель имѣлъ несомнѣнное вліяніе на развитіе событїи, по что это вліяніе, переработанное силою обстоятельствъ, было вовсе не сознательное и вовсе не соответствовало ни его личнымъ соображенїямъ, ни его личнымъ желанїямъ. Крупная личность вовсе не управляетъ ходомъ событїи; она сама, какъ ингре-

диентъ, входитъ въ процессъ исторической жизни; ея дѣйствїя перерабатываются извѣстными условїями и обстоятельствами, образуютъ съ этими условїями и обстоятельствами разныя комбинаціи и complicacїи, вовсе не зависящїя отъ ея личной воли. Алхимики хотѣли найти философскій камень и жизненный эликсиръ, а вмѣсто того обогатили естественныя науки разными открытїями, о которыхъ они и не думали. Колумбъ хотѣлъ проѣхать въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ новую часть свѣта, о которой онъ не имѣлъ понятїя.

Область неизвѣстнаго, непредвидѣннаго и случайнаго еще такъ велика, мы еще такъ мало знаемъ и внѣшнюю природу, и самихъ себя, что даже въ частной жизни наши смѣлые замыслы и послѣдовательныя теорїи постоянно разбиваются въ прахъ то объ внѣшнїя обстоятельства, то объ нашу собственную психическую натуру. Кто изъ насъ не знаетъ, напримеръ, что ревность — чепуха, что чувство свободно, что полюбить и разлюбить не отъ насъ зависитъ и что женщина не виновата, если измѣняетъ вамъ и отдается другому? Кто изъ насъ не ратовалъ словомъ и перомъ за свободу женщины? А пусть случится этому бойцу испытать въ своей любви огорченіе, пусть его разлюбить женщина, къ которой онъ глубоко привязанъ! Что же выйдетъ? Неужели вы думаете, что онъ утѣшитъ себя своими теоретическими доводами и успокоится въ своей безукоризненно гуманной философїи?

Нѣтъ, помилуйте! Этотъ непобѣдимый діалектикъ, этотъ вдохновенный философъ полѣзетъ на стѣны и надѣлаетъ такихъ глупостей, на которыя, можетъ быть, не рѣшился бы самый дюжинный смертный. «Чужую бѣду я руками разведу, а къ своей бѣдѣ и ума не приложу», говоритъ русская пословица. Ну, вотъ видите ли, вѣдь, историческіе дѣятели такіе же люди, какъ и мы; у нихъ такая же плоть и кровь, такой же разладъ между мозговыми выкладками и физическими ощущенїями, такое же несогласіе между мыслью и дѣломъ. Если сумма ихъ умственныхъ и нервныхъ силъ больше нашей, то за то и кругъ дѣйствїи шире, и ошибки замѣтнѣе, и паденїя опаснѣе. Если намъ трудно и даже невозможно расположить собственную жизнь по той программѣ, которую совершенно одобряетъ нашъ разумъ, то тѣмъ болѣе историческому дѣятелю, т. е. человѣку, стоящему на замѣтной ступенькѣ, совершенно невозможно сдѣлать такъ, чтобы нѣсколько тысячъ или милліоновъ людей завели бы между собой именно такія отношенїя, какія онъ считаетъ разумными и нормальными. Физической маятникъ ни при какихъ условїяхъ не будетъ двигаться совершенно такъ, какъ математическій; тяжесть, треніе, сопротивленіе воздуха, свойства металла введутъ въ движеніе

физическаго маятника такія условія и ограниченія, какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ отвлеченной алгебраической формулѣ. Такъ точно бываетъ съ каждымъ теоретическимъ проектомъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы привести его въ дѣйствіе; то, что въ головѣ прожектера складно и послѣдовательно, то, что на бумагѣ ясно, легко и просто, то можетъ не пойти въ ходъ отъ какого нибудь ничтожнаго столкновения съ плотью и кровью жизни, то можетъ разстроиться отъ какого нибудь маленькаго, непредусмотрѣннаго обстоятельства. Кто же рѣшится утверждать, что онъ знаетъ жизнь и что для него жизнь не представляетъ вереницы случайностей, сбивающихся съ толку самаго тонкаго психолога, самаго опытнаго дипломата? Драгоценнѣйшій результатъ исторической жизни человѣчества, драгоценнѣйшій плодъ изученія этой жизни состоитъ, быть можетъ, именно въ томъ, что мы потеряли вѣру въ нашу личную логику, приложенную къ предусматриванію или предустроенію событий. Ты будь въ себѣ хоть семи нядей во лбу, думаемъ и говоримъ мы теперь, обращаясь къ историческимъ дѣлателямъ, а ты событий не создашь и даже не предскажешь. Въ древности вѣрили въ существованіе разныхъ Солоновъ и Лигурговъ; вѣрили, что законы каждаго государства составлены какимъ нибудь очень мудрымъ мудрецомъ, который сказалъ, что должно быть такъ и эдакъ, и которому всѣ граждане повѣрили на слово. Въ древности даже историческіе мудрецы, оставившіе намъ вполне достовѣрныя сочиненія, воображали себѣ, что они могутъ основать идеальнаго государства и осчастливить человѣчество, заставивъ его жить въ предѣлахъ данной программы. Съ паденіемъ Греціи и Рима не погибла претензія умныхъ людей распоряжаться жизнью, мыслями и поступками своихъ ближнихъ; утописты, т. е. люди, изображавшіе идеальный порядокъ вещей и пытавшіеся осуществить свои фантазіи на дѣлѣ, являлись во всевозможныхъ богословскихъ, философскихъ и экономическихъ школахъ; можетъ быть, они не перевелись и до сихъ поръ, но за то рядомъ съ ними явились и такіе люди, которые, не возражая противъ частностей ихъ проектовъ, говорятъ просто и рѣшительно: «Это построеніе чистаго разума, это теоретическое сооруженіе, слѣдовательно оно не приложимо къ жизни. Жизнь не терпитъ произвольныхъ ампутацій и механическихъ склеиваній; кто хочетъ коверкать на свой ладъ живую дѣйствительность, тотъ этимъ самымъ желаніемъ обнаруживаетъ полное непониманіе жизни и полную неспособность дѣйствовать на нее благоотворно». Это заявленіе полнаго и рѣшительнаго недоуверія къ непогрѣшимости личной логики составляетъ протестъ мужающаго человѣчества противъ опеки разныхъ геніевъ, мудрецовъ и вели-

кихъ людей. Безъ этого протеста обыкновеннымъ людямъ нельзя было бы жить на свѣтѣ; ихъ постоянно охраняли и предостерегали бы отъ увлеченій разные мудрецы; ихъ постоянно просвѣщали бы противъ ихъ воли разные геніи; имъ постоянно благодѣтельствовали бы, не спрашивая ихъ согласія, разные исполны филантропін; а, вѣдь, непрощенныя предостереженія, просвѣщенія и благодѣанія, все равно что не въ пору гость,—хуже татарина. Самое драгоценное достояніе человѣка—его личная независимость, его свобода постоянно приносилась бы въ жертву разнымъ обширнымъ и возвышеннымъ дѣламъ, созрѣвающимъ въ разныхъ великихъ и высокиихъ головахъ; намъ, простымъ смертнымъ, пришлось бы отказаться отъ всякой самодѣятельности; за насъ думали, чувствовали и жили бы разные герои, мудрецы и геніи; можетъ быть, въ нашей жизни водворилось бы вслѣдствіе этого небывалое благочиніе; можетъ быть явилась бы невиданная и неслыханная гармонія, но во всякомъ случаѣ намъ, отдѣльнымъ атомамъ, букашкамъ и моськамъ было бы скудно и тяжело среди этого разбѣреннаго, рассчитаннаго, чиннаго и симметричнаго хозяйства жизни. Къ счастью или къ несчастью (смотря по вкусамъ читателя), стремленіе къ личной независимости съ каждымъ десятилѣтіемъ глубже и глубже проникаетъ въ сознаніе людей; необходимость личной полноправности сознается шире, полнѣе и опредѣленнѣе; увеличивающееся сознаніе этой необходимости составляетъ даже главное основаніе того процесса, который называется въ исторіи развитіемъ или усовершенствованіемъ человѣчества. Чѣмъ развитѣе нація, тѣмъ полнѣе самостоятельность отдѣльной личности, и въ то же время тѣмъ безопаснѣе одна личность отъ посягательствъ другой. Пользоваться полною личною свободою и въ то же время не вредить другому и не нарушать его личной свободы—вотъ то положеніе, въ которое всевозможныя законодательства и общественныя учрежденія стараются поставить отдѣльную личность. Чѣмъ ближе подходятъ существующія общества людей къ этому желанному положенію, тѣмъ незначительнѣе становится вліяніе людей, склонныхъ мудрить надъ жизнью и ломать ее по своей прихоти или по своимъ болѣе или менѣе мудрымъ соображеніямъ. Въ цивилизованной націи, въ которой каждый отдѣльный гражданинъ считаетъ себя полноправнымъ лицомъ и знаетъ, гдѣ кончается свобода и гдѣ начинается нахальный произволъ, въ такой націи, говорю я, возможны или постепенныя измѣненія въ нравахъ и идеяхъ, измѣненія, происходящія отъ смѣны поколѣній и отъ естественнаго движенія жизни, или крупныя перевороты, соответствующіе той или другой неудовлетворенной потребности цѣлаго сословія, цѣлой массы людей. По идеѣ одного мыслителя.

по волѣ одного генія, какъ бы ни былъ уменьшитель этотъ мыслитель, какъ бы ни былъ силенъ этотъ геній, не сдѣлается никакого ощутительнаго измѣненія ни въ жизни, ни въ понятіяхъ, ни въ стремленіяхъ. Когда мыслятъ, когда живутъ полной человѣческой жизнью цѣлыя тысячи или милліоны разумныхъ существъ, тогда, конечно, единичная мысль и единичная воля тонутъ и исчезаютъ въ общихъ проявленіяхъ великой народной мысли, великой народной воли. Когда существенный характеръ общества заключается не въ инерціи, а въ самодѣятельности, когда каждый устраиваетъ себѣ жизнь по своему и составляетъ себѣ о ней свои болѣе или менѣе своеобразныя и самостоятельныя понятія, тогда ваши идеи, высказанныя публично или напечатанныя, принимаются не иначе, какъ послѣ многосторонней и строгой критической провѣрки. Въ обществѣ мыслящихъ людей самый краснорѣчивый ораторъ, самый вдохновенный мыслитель найдетъ себѣ мало слѣпо вѣрующихъ адептовъ. Выслушавъ такого оратора или мыслителя, каждый отдѣльный человѣкъ скажетъ про себя; ты, другъ любезный, очень уменьшитель, но это нисколько не отнимаетъ у меня возможности и потребности взвѣшивать твои слова и разбирать, насколько они дѣльны и справедливы. Словомъ, слѣпой фанатизмъ, увлекающій многоголовую толпу за тѣмъ человѣкомъ, который умышенно или нечаянно успѣлъ поразить ея воображеніе, возможенъ только при такомъ состояніи общества, которое уже миновало для большей части образованныхъ европейскихъ націй или, по крайней мѣрѣ, для дѣйствительно образованныхъ слоевъ этихъ народовъ.

Если въ этихъ образованныхъ націяхъ трудно или невозможно увлечь за собою толпу, дѣйствуя только на ея воображеніе, то тѣмъ болѣе трудно или невозможно повести эту толпу за собою насильно. Въ Африкѣ, въ какойнибудь имперіи негровъ-ашантиевъ, властелинъ, имѣющій подъ своимъ начальствомъ преданное войско, можетъ, пожалуй, по своему благоусмотрѣнію, измѣнять у жителей моды, обычаи, образъ жизни; онъ можетъ насильно дать имъ новую религію, новые законы, новыя увеселенія. Не составивъ себѣ яснаго понятія о своихъ чисто-человѣческихъ правахъ, бѣдные ашанти покорятся, привыкнутъ, можетъ быть, къ новымъ искусственнымъ порядкамъ и даже, можетъ быть, согласятся быть въ рукахъ своего властелина послушными орудіями для дрессированія своихъ упорныхъ или непонятливыхъ соотечественниковъ. Въ образованномъ обществѣ, конечно, немисляема даже подобная попытка. Самый сумасшедшій изъ римскихъ цезарей, какойнибудь Кай Калигула, Коммодъ или Геліогобалъ не пытался произвольно перестроить социальныя отношенія, установленныя обычаями, существующіе

законы. Въ новѣйшее время, самое легкое посягательство отдѣльнаго лица на такія права, которыя общество привыкло считать своею неотъемлемою и законною собственностью, вело за собою самыя рѣзкіе и рѣшительные перевороты. Достаточно назвать Карла I и Іакова II англійскихъ, Карла X и Людовика-Филиппа французскихъ. Эти четыре имени напомнятъ читателю четыре многознаменательные историческіе эпизода. Изъ этихъ эпизодовъ такъ легко вывести нравоученіе басни, что я предоставлю этотъ трудъ другимъ, а самъ приступлю, наконецъ, къ личности и дѣятельности Петра.

III.

Когда западники спорили съ славянофилами о реформѣ Петра, тогда первые доказывали, что она была въ высшей степени полезна, а вторые утверждали, что она извратила русскую жизнь и нанесла къ намъ цѣлыя груды иноземной лжи. Западники говорили, что съ реформы Петра начинается исторія Россіи, а что предыдущія столѣтія не что иное, какъ печальное и мрачное введеніе; славянофилы божились, напротивъ того, что съ Петра начинается вавилонское плѣненіе русской мысли, египетская работа, заданная намъ западомъ. Мнѣ кажется, нельзя согласиться ни съ западниками, ни съ славянофилами. Западниковъ можно было озадачить однимъ очень простымъ вопросомъ: въ чемъ же вы, господа, можно у нихъ спросить, видите проявленіе исторической жизни въ Россіи послѣ Петра? Какое же существенное различіе между Россіей Алексѣя Михайловича и Россіей Екатерины I? Въ чемъ измѣнилась судьба народа? И какое дѣло народу до того, что въ Петербургѣ ученые нѣмцы собираютъ монстры и раритеты, что приказы переименованы въ коллегіи, и что шведскій король разбитъ подъ Полтавою? Обращаясь къ славянофиламъ, можно сказать: помилуйте, господа, о чемъ вы горюете? Если иноземная ложъ дѣйствительно подавила нашу народную правду, то значить эта ложъ хоть и ложъ, а всетаки была сильнѣе хваленной вашей правды. Если эта побѣда лжи надъ правдою есть явленіе временное, происходящее отъ временнаго ослабленія этой правды, тогда ждите ея усиленія и не вините Петра въ томъ, что онъ будто бы задавилъ это живое начало. Да и что за правда? гдѣ она? Въ какой это прелюбезной чертѣ старо-русской жизни вы ее видите? Въ боярщинѣ, въ униженіи женщины, въ холопствѣ, въ батогахъ, въ постыженіи и юродствѣ? Если это правда, то, во всякомъ случаѣ, правда относительная. Иному она нравится, а иному и даромъ не нужна. Расходясь съ западниками и славянофилами, я въ то же время и схожусь съ тѣми и съ дру-

гими на нѣкоторыхъ существенно важныхъ пунктахъ. Съ западниками я раздѣляю ихъ стремленіе къ европейской жизни, съ славянофилами—ихъ отвращеніе противъ цивилизаторовъ à la Панинъ или, что то же самое, à la Петръ Великій. Европейская жизнь хороша, спору нѣтъ,—не хорошо только то, что мы до сихъ поръ созерцаемъ ее въ заманчивой, но отдаленной перспективѣ. Любя европейскую жизнь, мы не должны и не можемъ обольщаться тою блѣдною пародіею на европейскіе нравы, которая разыгрывается высшими слоями нашего общества со временъ Петра; мы должны помнить, что ничто не вредитъ истинному прогрессу такъ сильно, какъ сладенкій оптимизмъ, принимающій декорации за живую дѣйствительность, удовлетворяющійся фразами и жестами, питающійся дешевыми надеждами и не рѣшающійся называть вещи ихъ настоящими именами. Постепенное очищеніе нашего сознанія отъ этого тупого оптимизма составляетъ самую живую и интересную сторону въ развитіи нашихъ литературныхъ идей. Съ каждымъ десятилѣтіемъ мы начинаемъ смѣлѣе и безпощаднѣе относиться къ самимъ себѣ, къ тѣмъ проявленіямъ нашей жизни, которые такъ недавно возбуждали въ насъ патріотическую гордость. Мы трезвѣемъ съ изумительной быстротой и перестаемъ бояться тѣхъ неприятныхъ ощущеній, которыя можетъ доставить намъ созерцаніе неподкрашенной дѣйствительности. Давно ли Полевой писалъ свою «Парашу-Сибирячку»? Давно ли Загоскинъ восхищалъ патріотическую публику произведеніями, въ родѣ «Юрія Милославскаго» или «Рославлева»? Давно ли Пушкинъ взывалъ къ клеветникамъ Россіи, давно ли онъ пѣлъ Петру перелаченные панегирики въ «Полтавѣ» и въ «Мѣдномъ Всадникѣ»? Давно ли даже Гоголь въ концѣ первой части «Мертвыхъ Душъ» сравнивалъ Россію съ могучей тройкой, отъ которой сторонятся народы, передъ которой чуть ли не съ благоговѣніемъ разступаются европейскія державы? Возьмите, наконецъ, Вѣлинскаго, этого неподкупнаго критика, этого трезваго мыслителя. Просмотрите его статью о Петрѣ, писанную въ 1841 году. Что это за восторги, что за восклицанія, что за риторическія фигуры вмѣсто тонкаго анализа и послѣдовательной аргументаціи. Надо сказать правду, въ послѣднее время наши умственныя и нравственныя требованія поднялись гораздо выше. Теперь даже г. Пекарскій, котораго по таланту, конечно, смѣшно и сравнивать съ Вѣлинскимъ, не обнаружитъ въ отношеніи къ Петру того ребячески слѣпаго благоговѣнія, которое въ началѣ сороковыхъ годовъ одолѣло нашего знаменитаго критика. Созрѣли ли мы, или не созрѣли, это такой вопросъ, котораго разрѣшеніе надо предоставить г. Е. Ламанскому или г. Погодину, но достовѣрно то, что мы почувствовали и начали сознавать нашу незрѣлость, мы стали строги и требова-

тельны къ самимъ себѣ, мы вооружились противъ себя и противъ другихъ орудіемъ насмѣшки и презрѣнія, юморъ и желчь проникли насквозь нашу литературу и заразили собою самыхъ незлобивыхъ нашихъ поэтовъ,—вотъ что хорошо, вотъ на что мы можемъ надѣяться, потому что, какъ говоритъ Базаровъ, кто сердится на свою болѣзнь, тотъ навѣрное побѣдитъ ее. Итакъ, мы любимъ европеизмъ, но, именно изъ любви къ нему, стремимся къ настоящему европеизму и не удовлетворяемся остроумными затѣями Петра Алексѣевича.

Съ славянофилами мы сходимся, какъ я уже замѣтилъ, въ ихъ отвращеніи къ цивилизаторамъ, насильно благодѣтельствующимъ человечеству. Мы бы желали, чтобы народъ развивался самъ по себѣ, чтобы онъ собственнымъ ощущеніемъ сознавалъ свои потребности и собственнымъ умомъ пріискалъ средства для ихъ удовлетворенія. Мы въ этомъ случаѣ не возстаемъ противъ подражательности, если только народъ собственнымъ процессомъ мысли доходитъ до сознанія необходимости позаимствоваться у соседей тѣмъ или другимъ изобрѣтеніемъ или учрежденіемъ. Мы не желаемъ только, чтобы надъ жизнью народа продѣлывали тѣ или другіе фокусы; если бы теперь въ Россіи жили два чловѣка, изъ которыхъ одинъ захотѣлъ бы силою вводить заключеніе женщинъ въ терема, а другой вздумалъ бы силою же вводить гражданскіе браки, то меня прежде всего возмутило бы не направленіе той или другой реформы, а ея насильственность, т. е. способъ ея проведенія въ жизнь. Но, придавая, такимъ образомъ, важное значеніе самостоятельному развитію народной жизни и народной мысли, мы не желаемъ утѣшать себя звучнымъ паденіемъ словъ; мы не думаемъ, чтобы мыслящій историкъ могъ въ исторіи московскаго государства до Петра подмѣтить какіе нибудь симптомы народной жизни; мы не думаемъ, чтобы онъ нашелъ въ ней что нибудь, кромѣ жалкаго подавленнаго прозябанія. Мы не думаемъ, чтобы мыслящій гражданинъ Россіи могъ смотрѣть на прошедшее своей родины безъ горести и безъ отвращенія; намъ не на что оглядываться, намъ въ прошедшемъ гордиться нечѣмъ; мы молоды, какъ народъ, и, если счастье дастся намъ въ руки, такъ не иначе какъ въ будущемъ, впереди, въ неизвѣстной, заманчивой голубой дали. Слѣдовательно, славянофильское отрицаніе дѣйствій Петра во имя до-петровскаго порядка вещей оказывается несостоятельнымъ, хотя это отрицаніе основано на очень законномъ и понятномъ отношеніи славянофиловъ къ тѣмъ бытовымъ формамъ, которыя выработались у насъ въ XVIII и въ половинѣ XIX вѣка. Сухой бюрократизмъ этихъ бытовыхъ формъ тяготѣлъ надъ ними свинцовою тяжестью, и они видѣли, что этотъ бюрократизмъ ведетъ свое происхожденіе изъ заморскаго запада и постоянно указываетъ на свою непосредственную связь

съ дѣйствіями Петра. Недовольные настоящимъ, несправедливо негодуя противъ заморскаго за-
нада, славянофилы обратились къ тому гони-
мому, отверженному прошедшему, которое наши
официальные историки отнесли подъ рубрику
русскихъ древностей. Желая вычитать изъ лѣ-
тописей привлекательныя черты этого умышленно
забытаго прошедшаго, славянофилы усилѣли это
сдѣлать; въ каждой книгѣ, въ каждой рукописи
всегда можно прочесть именно то, что желаешь,
и, такимъ образомъ, многіе изъ нашихъ патріотъ
по предвзятой идеѣ влюбилась въ наше
прошедшее, доказали себѣ, что оно хорошо, и
зажмурили глаза, чтобы не видѣть его гройныхъ
ранъ и кровавыхъ болячекъ. Накидываясь на
Петра за то, что онъ нарушилъ гармонію этого
прошедшаго, славянофилы не сообразили того,
что одинъ человѣкъ не можетъ измѣнить строй
народной жизни, если эта жизнь дѣйствительно
построена на крѣпкихъ и разумныхъ основахъ,
сознанныхъ и любимыхъ самимъ народомъ. Если
Петръ дѣйствительно опрокинулъ что нибудь, то
онъ опрокинулъ только то, что было слабо и
гнило, только то, что повалилось бы само собою.

Мы видимъ такимъ образомъ, что славяно-
филы и западники преувеличиваютъ значеніе
дѣятельности Петра; одни видятъ въ немъ иска-
зителя народной жизни, другіе—какого-то Сам-
сона, разрушившаго стѣну, отдѣлявшую Россію
отъ Европы. Метафорамъ съ той и съ другой
стороны нѣтъ конца, потому что только мета-
форами можно до нѣкоторой степени закрасить
нелѣпость того или другого положенія. Дѣятель-
ность Петра вовсе не такъ плодотворна истори-
ческими послѣдствіями, какъ это кажется его
восторженнымъ поклонникамъ и ожесточеннымъ
врагамъ. Жизнь тѣхъ семидесяти милліоновъ,
которые называются общимъ именемъ русскаго
народа, вовсе не измѣнилась бы въ своихъ от-
правленіяхъ, если бы, напримѣръ, Шаковитому
удалось убить молодаго Петра. Конечно, очень
можетъ быть, что у насъ не было бы столицы
на берегахъ Невы и, слѣдовательно, не было бы
ни кунсткамеры съ раритетами, ни академіи на-
укъ, ни даже изслѣдованій г. Пекарскаго, удо-
стоеннаго полной демидовской преміи. Все это
очень возможно, но скажите по совѣсти, по-
ложь руку на сердце, какое дѣло русскому на-
роду до всѣхъ этихъ общепользныхъ учрежде-
ній? Многіе ли изъ этихъ семидесяти милліоновъ
знаютъ о ихъ существованіи? Вотъ манифестъ
19 февраля 1861 года—дѣло совѣтъмъ другое;
объ немъ черезъ полгода знала вся Россія, и
мужики повеселѣли на всемъ протяженіи земли:

Отъ хладныхъ Финскихъ скалъ
До пламенной Колхиды,
Отъ потрясннаго Кремля
До стѣны недвижнаго Китая.

Этотъ манифестъ—историческое событіе, эпоха
для жизни Россіи. Но кто же, кромѣ г. Устря-

лова, рѣшится считать эпохою закладку Петер-
бурга или учрежденіе академіи, или основаніе
потѣшныхъ ротъ.

А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что много-
сторонняя кипучая дѣятельность Петра пред-
ставляетъ собою оригинальное и характерное
явленіе. Эта дѣятельность важна и замѣчательна,
какъ барометрическое указаніе; она доказываетъ
намъ, какъ глубоко спалъ русскій народъ, какъ
безсиленъ былъ противъ этого богатырскаго сна
тотъ шумъ, который производилъ Петръ, и какъ
непробудно продолжалъ спать этотъ народъ во
время дѣятельности своего властелина и послѣ ея
окончанія. Проснулся ли онъ теперь, просыпается
ли, спитъ ли по прежнему—мы не знаемъ. Народъ
съ нами не говоритъ, и мы его не понимаемъ.
Вѣрно только одно: если онъ проснется, то про-
снется самъ по себѣ, по внутренней потребности;
мы его не разбудимъ воплями и воззваніями,
не разбудимъ любовью и ласками, какъ не раз-
будилъ Петръ Алексѣевичъ ни казнями стрѣль-
цовъ, ни изданіями голландской типографіи Тес-
синга.

IV.

К. С. Аксаковъ въ своей статьѣ о богаты-
ряхъ времени великаго князя Владиміра приво-
дитъ очень характерный разговоръ о столкнове-
ніи Ильи Муромца съ какимъ то невѣдомымъ
богатыремъ необъятной силы.

«Создавъ богатыря страшной силы, говоритъ
Аксаковъ, народная фантазія не остановилась
на этомъ. Она создаетъ еще богатыря—необъ-
ятную громаду и необъятную силу: его не дер-
житъ земля; на всей землѣ нашель онъ одну
только гору, которая можетъ выносить его страш-
ную тяжесть, и лежитъ на ней неподвижный.
Прослышалъ о богатырѣ Ильѣ Муромецѣ и идетъ
съ нимъ помѣрять силы; онъ отыскиваетъ его
и видитъ, что на горѣ лежитъ другая гора—
это богатырь. Илья Муромецъ, не робѣя, высту-
паетъ па бой, вынимаетъ мечъ и воззаетъ въ ногу
богатырю. — Никакъ я зацѣпился за камешекъ,
говоритъ богатырь. Илья Муромецъ наноситъ
второй ударъ, сильнѣе перваго. — Видно я за-
дѣлъ за пружикъ, говоритъ богатырь, и обер-
нувшись, прибавляетъ: это ты, Илья Муромецъ;
слышалъ я о тебѣ: ты всѣхъ сильнѣе между
людьми,—ступай и будь тамъ силенъ. А со мною
нечего тебѣ мѣрять силы; видишь, какой я уродъ;
меня и земля не держитъ; я и самъ своей силѣ
не радъ».

Борьба между волею Петра и естественною
силою обстоятельствъ въ тогдашней Россіи на-
помпаетъ собою этотъ своеобразный эпизодъ
изъ богатырскаго жизни Ильи Муромца. Подобно
Ильѣ Муромцу, Петръ чувствовалъ себя силь-
нѣе всѣхъ своихъ современниковъ; силы его ума и
воли были необыкновенны; положеніе его совер-
шенно исключительное; всѣ его приказанія ис-

полнялись буквально; всѣ нарушители его воли подвергались жестокому наказанію; сопротивление было невозможно и немислимо; даже недостатокъ усердія въ повиновеніи считался преступленіемъ; словомъ, всѣ единичныя воли безъ борьбы склонялись передъ волею Петра, и Петръ, какъ сказочный богатырь Илья Муромецъ, не находилъ себѣ соперниковъ и противниковъ между живыми людьми.

Но почти всегда случается такъ, что претензіи превышаютъ сумму наличныхъ силъ; это бываетъ даже тогда, когда наличныхъ силъ очень много; могучій геній почти всегда бываетъ одержимъ такимъ безпокойнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, которое заставляетъ его предпринимать невыполнимыя задачи, сталкиваться съ неодолимыми препятствіями и горькимъ опытомъ убѣждаться въ томъ, что всякой человѣческой силѣ есть мѣра и границы.

Рѣшившись создать русскую цивилизацію, рѣшившись превратить въ европейцевъ тѣ миллионы своихъ подданныхъ, которые еще не обнаруживали ни малѣйшаго желанія и не чувствовали ни малѣйшей потребности измѣнить свой стародавній бытъ, Петръ, очевидно, вступилъ въ борьбу уже не съ единичною волею, и даже не съ массою единичныхъ волей, а просто съ стихійною силою, съ природою, съ физическими законами вещества. Передѣлать цѣлое поколѣніе своихъ современниковъ и устранить вліяніе этого поколѣнія на подрастающую молодежь значило создать для цѣлой обширной страны новую искусственную атмосферу жизни. Выполнить такого рода задачу было также невозможно, какъ, примѣръ, измѣнить въ Россіи климатъ, или поворотить назадъ все теченіе Волги, или сравнять съ землею Уральскій хребетъ. Принимаясь за свое невыполнимое дѣло, нашъ Илья Муромецъ XVIII вѣка вступалъ въ борьбу съ такимъ богатыремъ, который даже по своей огромности не могъ чувствовать его ударовъ, который даже не давалъ себѣ труда сопротивляться его усиліямъ. Да и къ чему было сопротивление, когда усилія сами собою разбивались объ естественныя препятствія, объ очевидную невозможность?

Цивилизаторскія попытки Петра прошли мимо русскаго народа; ни одна изъ нихъ не прохватила вглубь, потому что ни одна изъ нихъ не была вызвана жгвой потребностью самаго народа. вмѣстѣ съ Петромъ двигались и хлопотали по его приказанію сотни военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; по командѣ этихъ чиновниковъ трудились и утомлялись тысячи простыхъ работниковъ, облеченныхъ въ сермяжные кафтаны и въ форменные мундиръ. Чиновники Петра до нѣкоторой степени понимали нѣкоторыя изъ его желаній; работники, исполнявшіе приказанія чиновниковъ, уже равно ничего не понимали: общая мысль правительства была ясна и понятна только самому

Петру; спускаясь по бюрократической лѣстницѣ ранговъ и должностей, дробясь, измѣняясь и искажаясь въ различныхъ инстанціяхъ, свѣтъ этой мысли быстро слабѣлъ по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ своего источника; уже второстепенные чиновники едва видѣли этотъ свѣтъ, а низшіе исполнители были совершенно слѣпы и работали во мракѣ. За низшею инстанціею исполнителей начинался народъ, который уже ровно ничего не зналъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства; по правдѣ сказать, онъ и не старался узнавать; ему нечѣмъ было интересоваться; только увеличение денежныхъ налоговъ или естественныхъ повинностей напоминало ему порой о существованіи центральной власти; на что шли собираемыя деньги, куда тратились живыя силы, выхватываемыя изъ его среды, объ этомъ было бесполезно спрашивать. На что бы онъ ни шли, куда бы онъ ни тратились, ясно было одно, — онъ исчезалъ, а ошутительнаго улучшенія быта не замѣчалось.

Колоссальный богатырь нашей сказки разговариваетъ съ Ильей Муромцемъ и, какъ мы видѣли, принимается его удары сначала за дѣйствіе маленькаго камешка, потомъ за столкновеніе съ прутикомъ. Богатырь, съ которымъ имѣлъ дѣло Петръ, по всей вѣроятности былъ громаднѣе сказочнаго богатыря: онъ ничего не говорилъ Петру и совсѣмъ не замѣчалъ его усиленныхъ ударовъ. Приближенные Петра любили и боялись своего властелина; раскольники боялись и ненавидѣли его, но вся масса народа, та масса, мимо которой шли и до сихъ поръ идутъ всѣ историческія событія и переломы, не чувствовала къ нему ни любви, ни ненависти, ни боязни. Ее занимали неизбежныя, всеневныя заботы о пропитаніи; каждый день приносилъ съ собою свои труды и хлопоты, свои невымысленныя опасенія и горести, свою нескончаемую борьбу за право жить.

Мужику было не до политики и не до Петра, когда ему надо было сегодня пахать, завтра двоять, послѣ завтра сѣять, и во все это время ладить то съ баринкомъ, то съ бурмистромъ, то съ какимъ нибудь приказнымъ, то съ своею собственною горемычною семьею. Мужику показались бы барскими затѣями и прихотями всѣ прогрессивныя распоряженія Петра, но, къ счастью или къ несчастью, мужику о нихъ не зналъ и рѣшительно не интересовался ими; чтобы дать мужику возможность интересоваться распоряженіями правительства, надо было хоть немного облегчить тотъ страшный гнетъ матеріальныхъ заботъ, лишений и стѣсненій, который обременяетъ собою низшее сословіе даже въ самыхъ образованныхъ государствахъ Европы, и который, въ странахъ, еще не успѣвшихъ освободиться отъ рабства или отъ крѣпостнаго

права, парализируетъ въ низшемъ сословіи всякую самодѣятельность мысли, всякую энергію волн и поступковъ, всякую рѣшительное стремленіе къ лучшему порядку вещей. Надо было сгряхнуть съ русскаго мужика его отчаянную апатію—эту вынужденную апатію безнадежности, которая такъ неминуемо и неизбежно вытекала изъ безвыходности положенія. Сгряхнуть эту роковую апатію, которую многіе совершенно ошибочно принимаютъ за физиологическую черту русскаго народнаго характера, могъ только или самъ народъ, или такой смѣлый преобразователь, который, находясь въ положеніи Петра I, рѣшился бы коснуться основныхъ сторонъ гражданскаго и экономическаго быта нашего простонародья. Петра, конечно, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ смѣлости и энергіи; если бы онъ понималъ необходимость радикальныхъ бытовыхъ реформъ, если бы онъ убѣдился въ томъ, что истинное просвѣщеніе можетъ пустить глубоко корни только въ такой странѣ, въ которой всѣ граждане пользуются естественными человѣческими правами,—тогда, конечно, онъ не побоялся бы ожесточеннаго сопротивленія бояръ и не отступилъ бы отъ упорной борьбы съ рабовладѣльческимъ порядкомъ вещей. Но чтобы увидать корень зла, причину застоя и неподвижности, Петру было необходимо стать выше своего вѣка и посмотрѣть на задачу просвѣщенія не такъ, какъ смотрѣли на нее короли, подобные Людовику XIV, и ученые, подобные Лейбницу и французскимъ академикамъ.

V.

Въ трехъ предыдущихъ главахъ я выразилъ ту мысль, что личная инициатива крупнаго историческаго дѣятеля почти никогда не имѣетъ рѣшительнаго опредѣляющаго вліянія на развитіе историческихъ событій. Эта мысль подтверждается примѣромъ Петра. Читатель, быть можетъ, возразитъ мнѣ, что если бы Петръ уничтожилъ крѣпостное право, тогда, вѣроятно, весь ходъ историческихъ событій въ Россіи XVIII вѣка сложился бы иначе, и въ наше время Россія находилась бы уже не въ той фазѣ развитія, въ которой мы ее застали. Это возраженіе дѣйствительно довольно важно, тѣмъ болѣе, что нѣтъ такихъ историческихъ фактовъ, которые доказывали бы, что у Петра не достало бы силъ или энергіи для совершенія такого переворота. Если бы Петръ рѣшился распорядиться такимъ образомъ и если бы онъ нашелъ подъ руками необходимыя силы и средства, тогда, значитъ, зачѣмъ же дѣло стало?—Только за мыслью. А что, если бы явилась эта мысль?—Вотъ тутъ-то и оказывается слабая сторона того возраженія, которое можетъ представить читатель. Развѣ же

мысль является когда нибудь случайно? Развѣ же она сваливается съ неба? Вы безъ надобности не повернете головы, не пшевельнете пальцемъ; каждое движеніе ваше непременно вызывается или внутреннею потребностью или внѣшнимъ впечатлѣніемъ; каждое усиліе вашего мозга является только отвѣтомъ на какой нибудь запросъ, поставленный вамъ обстоятельствами жизни. Чтобы напасть на мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права, мало быть геніальнымъ человѣкомъ; надо еще жить въ такое время, когда вопросъ поставленъ на виду, когда слышатся голоса за и противъ, когда, слѣдовательно, важность этого очереднаго вопроса бросается въ глаза даже такому человѣку, который еще не знаетъ на чьей сторонѣ логика и справедливость.

Геніальные мыслители древности, Платонъ и Аристотель, строятъ свои соціальныя зданія на рабствѣ и сходятся въ своихъ идеяхъ съ какимъ нибудь негодяемъ Флицъ-Гугомъ, котораго въ наше время можно назвать мыслителемъ только въ насмѣшку. Эти же самые геніальные мыслители пороку горodyтъ такую чепуху объ астрономіи, о Диміургѣ, о мірозданіи, которая заставитъ улыбнуться недоучившагося гимназиста. Точно также можно себя представить, что Архимедъ или Эвклидъ знали меньше математическихъ истинъ, чѣмъ сколько знаетъ ихъ теперь какой нибудь нехитрый преподаватель высшей алгебры въ среднемъ учебномъ заведеніи. Если взять примѣръ еще болѣе наглядный, то легко будетъ себя представить, что какой нибудь карликъ безъ особеннаго труда побѣдитъ самаго сильнаго и неустрашимаго изъ паладиновъ Карла Великаго, если только этому карлику будетъ дано оружіе нашего времени, а паладину будутъ предоставлены: палица, мечъ и копье. Конечно, изъ всѣхъ этихъ примѣровъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не выведетъ того заключенія, что недоучившійся гимназистъ умнѣе Платона и Аристотеля, что нехитрый преподаватель талантливѣе Архимеда и Эвклида или что карликъ сильнѣе паладина. Общимъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ примѣровъ будетъ только та очень извѣстная, но, между тѣмъ, часто забываемая мысль, что отдѣльный человѣкъ во всей своей дѣятельности, во всѣхъ свойствахъ и особенностяхъ своей личности зависитъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, отъ количества и качества идей, находящихся въ обращеніи между его современниками и выработанныхъ его предками. Теперь ясно, почему Петръ не могъ уничтожить въ Россіи рабства, несмотря на колоссальную силу своего ума и своей энергіи; ясно, почему онъ даже не могъ подумать о такомъ распоряженіи, которое теперь кажется намъ естественнымъ, необходимымъ, и во всякомъ случаѣ, вовсе неудивительнымъ.

Если вы владѣете какимъ нибудь участкомъ

земли и посѣяли на немъ какія нибудь сѣмена, то, конечно, урожай въ значительной степени будетъ зависѣть отъ климатическихъ условий, отъ дождя, отъ солнечной теплоты, отъ направленія вѣтра и т. п. Но, если вы имѣете какое нибудь понятіе объ агрономіи, то, вы конечно, знаете, что, кромѣ климатическихъ условий, существуютъ еще и другія обстоятельства, имѣющія самое важное вліяніе на успѣшное прозябаніе посѣянныхъ зеренъ. Свойства самой почвы могутъ содѣйствовать или препятствовать урожаю. Каждый деревенскій хозяинъ скажетъ вамъ, что такой-то грунтъ любитъ картофель, а такую-то землю—пшеница, а такое-то удобреніе—макъ. Конечно, можетъ случиться, что отъ засухи погибнетъ хлѣбъ, посѣянный на отлично удобренной землѣ, и притомъ именно на такомъ грунтѣ, который при благопріятныхъ условіяхъ совершенно соответствуетъ его потребностямъ; можетъ точно также произойти и то, что при достаточной полнвкѣ болѣе тощая и менѣе удобная почва дастъ болѣе обильный урожай, но подобныя случайности вовсе не доказываютъ, чтобы урожай не зависѣлъ отъ химическаго состава почвы; онъ доказываютъ только, что урожай зависитъ не отъ одной почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другихъ вліяній и обстоятельствъ.

Эта агрономическая притча прилагается вполне къ дѣятельности человѣка. Почва—самъ человѣкъ, сѣмена—тотъ матеріалъ, который онъ перерабатываетъ; урожай—плоды его дѣятельности; климатическія условія—тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя содѣйствуютъ или препятствуютъ успѣшному ходу развитія и работы; химическія свойства почвы—естественный складъ и естественная, прирожденная сила ума. Очевидно въ притчѣ остается незанятымъ только одно мѣсто—это мѣсто хозяина участка, мѣсто того *вы*, къ которому я обратился въ началѣ моей агрономической экскурсіи. Конечно, очень многіе мыслители утверждаютъ, что это мѣсто занято, что это *вы* дѣйствительно существуетъ, но изъ этого нельзя вывести никакого положительнаго заключенія, потому что нѣтъ той нелѣпости, за которою съ пѣною у рта не спорила бы какая нибудь школа мыслителей. Тѣ господа, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ, пишутъ даже цѣлыя объемистые трактаты по исторіи и по философіи, чтобы доказать, что картофель, овесъ, макъ и прочая благодать всегда попадаютъ именно на ту почву, на которую имъ слѣдуетъ попасть. Когда же они встрѣчаются въ исторіи человѣчества съ такими фактами, которые прямо доказываютъ, что овесъ попалъ туда, куда слѣдовало попасть пшеницѣ, тогда они стараются поддержать свою колеблющуюся теорію слѣдующимъ разсужденіемъ: конечно, говорятъ они, въ этомъ мѣстѣ овесъ попалъ не туда, куда слѣдуетъ, но это случилось не спроста;

тутъ видна великая идея; тутъ кроется благое предначертаніе; тутъ надо было доказать, что самыя крупныя овсяныя зерна не могутъ прорасти въ песокъ. Помилуйте, отвѣтитъ читатель, да изъ за того, чтобы доказать такую очевидную истину, не стоило тратить овесъ и время. Но мыслитель, задавшійся идеею доказать разумность и цѣлесообразность историческихъ событій, закусить удила и, конечно, не обратитъ вниманія на возраженіе читателя. Мы, съ своей стороны, не будемъ обращать вниманія на натянутые доводы подобныхъ псевдомыслителей и пойдемъ дальше по пути нашего разсужденія.

Конечно, никто не вздумаетъ обвинять человѣка за то, что онъ родился съ тѣми или другими чертами лица, съ тѣмъ или другимъ устройствомъ черепа, съ тою или другою организаціею мозга. Новорожденный попадаетъ подъ непосредственное вліяніе нянекъ, родителей, кормилицъ; его кормятъ тою или другою пищею, ему рассказываютъ тѣ или другія сказки, его наказываютъ и награждаютъ, ласкаютъ или сѣкутъ по тѣмъ или другимъ обычаямъ, капризамъ или педагогическимъ теоріямъ. Ко всѣмъ этимъ условіямъ, изъ которыхъ складается жизнь и характеръ, подрастающій ребенокъ поневолѣ относится совершенно пассивно; онъ физически слабъ, онъ неопытенъ, онъ безсиленъ мыслью, и потому всѣ окружающіе мнутъ его, какъ жидкую глину, мнутъ и руками, и розгами, и благонамѣренными совѣтами, и изнѣживающими ласками. Но отъ времени и отъ дѣйствія воздуха глина твердѣетъ; усилія людей, выльпливающихъ на этой глинѣ разные узоры, мало по малу перестаютъ утѣчиваться вождѣльничьимъ успѣхомъ; ребенокъ нечувствительно и незамѣтно превратился въ человѣка и началъ обнаруживать свои наклонности, свои мысли, свою волю. Педагоги замѣчаютъ, что пассивное повинновеніе смѣнилось разсужденіями, возраженіями, сопротивленіемъ. Сначала они борются съ этими проявленіями личной самостоятельности, но потомъ привыкаютъ къ нимъ, мирятся съ ними, какъ съ существующимъ фактомъ и, наконецъ, говорятъ: нашъ Вася или Петя выросъ; онъ теперь самъ понимаетъ, что дѣлаетъ, онъ теперь своимъ умомъ живетъ. Когда человѣку выданъ такимъ образомъ патентъ совершеннолѣтія, тогда знакомые и незнакомые начинаютъ взыскивать съ него, какъ съ взрослого. Къ его поступкамъ прилагается болѣе строгая мѣрка; даже законъ смотритъ на совершеннолѣтняго иначе, не такъ, какъ на ребенка или отрока. Всякое лыко ставится въ строкъ; начинается вѣняемость. Но позвольте же спросить, господа судьи, образующіе своими приговорами общественное мнѣніе, какъ же вы проведете границу между тѣмъ временемъ, когда молодой человѣкъ зависитъ отъ родителей и наставниковъ, и тѣмъ временемъ, когда онъ

зависитъ только отъ самого себя? Если даже вамъ удастся провести эту границу, то какъ же вы сумѣете разрушить связь между тѣми двумя эпохами жизни, которыя вамъ удалось разграничить? Положимъ, что предмету вашихъ наблюденій минуло сегодня двадцать одинъ годъ; положимъ, что родители и опекуны вручаютъ ему все его имѣніе и объявляютъ его полноправнымъ и независимымъ гражданиномъ. Что же вы думаете? Развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ независимъ? Развѣ онъ можетъ по своему произволу выбрать себѣ родъ занятій и образъ жизни? Развѣ нынѣшній день не обуславливается для него вчерашнимъ? Развѣ его вкусы, наклонности и желанія не подготовлены заранѣе предыдущею, зависимою жизнью? Человѣка доводятъ на помочахъ до извѣстнаго возраста и потомъ ему говорятъ: ступай, ты свободенъ, ты самъ отвѣчаешь за каждый свой поступокъ. Помилуйте, да гдѣ же онъ свободенъ, когда онъ самъ не что иное, какъ продуктъ разныхъ внѣшнихъ и постороннихъ вліяній? Гдѣ же онъ свободенъ, когда онъ извнѣ получилъ направляющій толчекъ! Если его природныя способности испорчены и извращены, справедливо ли взыскивать съ него за то, что онъ сдѣлаетъ грязный поступокъ? Если его голова набита хорошими сентенціями, которыхъ онъ не успѣлъ переварить, справедливо ли осуждать его за то, что онъ не сумѣетъ руководствоваться этими сентенціями въ жизни? Если его изнѣжила и разслабила любящая мать, справедливо ли презирать его за то, что онъ опускаетъ крылышки при малѣйшей неудачѣ? Если его забилъ и ожесточилъ суровый отецъ, справедливо ли ненавидѣть его за то, что онъ туго сближается съ людьми и порою обнаруживаетъ къ нимъ неосновательное недовѣріе. Каждый изъ насъ, слабыхъ смертныхъ, попадаетъ въ жизнь, какъ молодой щенокъ, котораго на глубокомъ мѣстѣ рѣки выбросили изъ лодки; ну, выплывай, кричатъ намъ съ лодки; выплывешь—молодецъ будешь, не выплывешь—самъ виноватъ. Ступай ко дну! Туда и дорога! При этомъ надо замѣтить, что у многихъ изъ этихъ щенятъ перекалѣчены или перевязаны лапы; иные окормлены тяжелой пищею; иные заморены голодомъ до истощенія силъ. А глубокой рѣкѣ до всѣхъ этихъ подробностей нѣтъ никакого дѣла; вода, какъ неодолимая стихійная сила, покроетъ своимъ синимъ уровнемъ и праваго и виноватаго, и связаннаго и больнаго, и вообще всякаго, кто не умѣетъ барахтаться именно такъ, какъ слѣдуетъ. Вода не умѣетъ разсуждать, это и не ея дѣло; но тѣ господа, которые, сидя въ лодкѣ, смотрятъ на захлебывающихся щенятъ, тѣ могли бы, я думаю, понять и обсудить ихъ положеніе; они могли бы замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не тонетъ по злонамѣренности, и что всѣ погибаютъ или по глупости,

или по слабости, или по неповоротливости. И въ жизни точно также никто не падаетъ нарочно, изъ любви къ паденію, а падаютъ потому, что нѣтъ достаточной физической, или умственной, или, такъ называемой, нравственной силы. А откуда же ее взять, коль ея нѣтъ? И какъ же не упасть, когда нѣтъ силъ держаться на ногахъ?

Исторія—та же жизнь, только жизнь, отошедшая назадъ, жизнь, превратившаяся въ неподвижную картину, которую можно спокойно разсматривать и изучать. Бросая бѣглый взглядъ на эту картину, мы замѣчаемъ, что на ней изображены на первомъ планѣ разные большіе люди, мѣняющіе костюмы, позы и взаимныя отношенія, управляющіе другими людьми, выслушивающіе ихъ донесенія и раздающіе имъ различные приказанія. Этихъ большихъ людей можно назвать общимъ именемъ историческихъ дѣятелей. При бѣгломъ взглядѣ на историческую картину можно подумать, что весь интересъ ея заключается именно въ позахъ и жестахъ этихъ большихъ людей; можно подумать, что они своими личными достоинствами или пороками украшаютъ или искажаютъ всю картину, что они разливаютъ вокругъ себя свѣтъ или мракъ, добро или зло, радость или горе. Но всмотритесь въ картину пристальнѣе, и вы увидите, что эти большіе люди, эти такъ называемые дѣятели, просто образчики извѣстной эпохи, просто безотвѣтныя игрушки событій, безвинныя жертвы случайностей и переворотовъ, которые толкаютъ ихъ впередъ и выносятъ ихъ на верхъ, Богъ знаетъ какъ, и Богъ знаетъ для чего. Всмотритесь въ картину событій, говорю я вамъ,—и вы перестанете восхищаться добродѣтелями Тита и негодовать передъ злодѣйствами Домиціана. Вы увидите, что во всей жизни человѣчества нѣтъ ни одного свѣтлаго десятилѣтія; вы увидите вездѣ борьбу, вездѣ страданія, вездѣ насліе и перестанете дивиться тому, что среди этого дикаго хаоса возникаютъ и формируются нравственные уроды изумительнаго безобразія. Свыкнувшись съ уродливыми явленіями, вы начнете относиться чрезвычайно скептически, какъ къ титанамъ добродѣтели, такъ и къ титанамъ порока. Вы перестанете вѣрить въ ихъ титанизмъ, вы будете принимать этотъ титанизмъ за оптическій обманъ, за результатъ исторической перспективы, вы начнете разлагать титана на его составные элементы, и вы, наконецъ, увидите, что въ титанѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго—кое что приврано историками, кое что невѣрно понято и недостаточно освѣщено, а на повѣрку выходитъ, что титанъ просто человѣкъ, какихъ много, и что титанизмъ его зависитъ вовсе не отъ колоссальности его страстей или способностей, а просто отъ исключительности его случайнаго положенія, отъ односторонности его развитія, отъ общаго настро-

нія умовъ въ данную минуту. Смѣшно припомнить, какими ужасными красками расписываютъ, напримѣръ, римскихъ императоровъ разные русскіе и заграничные Кайдаповы и Смарагдовы. Сколько эпитетовъ, сколько риторскаго жара и сколько пороха, потраченнаго на вѣтеръ! Какъ достается, напримѣръ, бѣдному Калигулѣ, который, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается просто несчастнымъ больнымъ, нуждающимся въ уходѣ и въ леченіи. Попробуйте дать любому изъ субъектовъ, содержащихся въ психіатрической лечебницѣ, такой кругъ дѣйствій, какимъ пользовался Калигула,—и вы увидите точно такія же гадости и нелѣпости. Вся штука въ томъ, что уже теперь подобный случай невозможенъ. Георгъ III англійскій потерялъ всякую власть съ той самой минуты, когда приближенные его замѣтили его умственное разстройство, а при Калигулѣ было иначе; Калигулу никто не рѣшался взять подъ опеку даже тогда, когда онъ произвелъ свою лошадь въ сенаторы, а между тѣмъ каждый изъ приближенныхъ старался эксплуатировать въ свою пользу капризы и сумасбродства властелина; въ случаѣ неудачи, этотъ же приближенный попадалъ въ руки палача, а на его мѣсто становился другой искатель счастья, который точно также подолжался и старался примѣниться къ характеру болѣзни, чтобы обратить эту болѣзнь въ обильный источникъ щедротъ для себя и для своихъ близкихъ. Калигула приказывалъ построить себѣ храмъ и становился въ позы Юпитера Олимпійскаго: этому никто не удивлялся, и разные города изъ далекой Азіи присылали въ Римъ почетныхъ пословъ, добываясь чести поставить у себя алтари новому доморощенному божеству. Ну, что же вы скажете? Гдѣ же конецъ того зла, которое дѣлалъ Калигула, потомъ Неронъ, потомъ Домиціанъ? Въ характерѣ ли этихъ отдѣльныхъ личностей, или въ томъ хаотическомъ состояніи умовъ, которымъ отличается эпоха паденія имперіи? Развѣ одинъ человекъ можетъ мучить десятки милліоновъ людей, если эти десятки милліоновъ не хотятъ, чтобы ихъ мучили? А если десятки милліоновъ соглашаются быть пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ полоумнаго Калигулы, то Калигула-то, собственно говоря, ни въ чемъ не виноватъ: не онъ, такъ другой, не другой, такъ третій; зло заключается не въ томъ человекѣ, который его дѣлаетъ, а въ томъ настроеніи умовъ, которое это допускаетъ и терпитъ.

Если вы сами развѣсите уши и позволите бить и обирать себя, то на такое занятіе всегда найдутся охотники; природа человека гибка и измѣнчива; большая часть получаетъ свою физиономію отъ обстоятельствъ; обстоятельство дѣлаютъ ихъ хорошими людьми или негодными; получая отъ обстоятельствъ направляющій толчекъ, люди вносятъ только въ избираемую дѣятельность ту дозу энергіи, умственной силы и

изворотливости, которую они получили при рожденіи вмѣстѣ съ чертами лица и устройствомъ черепа.

За какое бы дѣло ни принялся Петръ I, онъ во всякомъ случаѣ не остался бы въ ряду посредственностей. Живой умъ и желѣзная воля заявили бы себя и въ военномъ дѣлѣ, и въ ученomъ трудѣ, и въ техническомъ занятіи или производствѣ. Если бы Петръ былъ простымъ работникомъ на какойнибудь фабрикѣ, то его навѣрное уважали бы товарищи, имъ дорожилъ бы хозяинъ, и онъ, можетъ быть, выдумалъ бы какуюнибудь новую машину. Попалъ ли бы онъ во всемірную исторію—это, конечно, неизвѣстно. Много свѣтлыхъ головъ затираетъ темная, трудовая жизнь, и много жалкихъ посредственностей оставляютъ свое имя въ исторіи по праву рожденія и по стеченію случайныхъ обстоятельствъ. Способность и силы Петра составляютъ его полную неотъемлемую собственность; что же касается до его дѣятельности, то она зависитъ преимущественно отъ его исторической костюмировки, отъ декораций, отъ освѣщенія. Онъ стоитъ на подмосткахъ времени и мѣста, онъ окруженъ послушными исполнителями, за нимъ своитъ великій безотвѣтный народъ; онъ одинъ думаетъ, дѣйствуетъ, управляетъ событіями, а все, что его окружаетъ, то отбѣняетъ только его дѣятельное могущество своею официальною безгласностью, своимъ пассивнымъ повиновеніемъ. Какъ величіе Петра зависитъ преимущественно отъ случайныхъ особенностей его положенія, такъ точно и несостоятельность его исторической дѣятельности должна быть отнесена на счетъ условій времени и мѣста. Въ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія, сынъ царя Алексѣя Михайловича не могъ дѣйствовать иначе; за то, что онъ сдѣлалъ, онъ лично не заслуживаетъ ни признательности, ни осужденія; сочувствовать ему мы не можемъ, обвинять его мы не вправѣ, потому что на плеча одного человека, хотя бы этотъ человекъ былъ исполнителемъ, нельзя наваливать отвѣтственность за ошибки цѣлой эпохи или за безгласность цѣлаго народа.

Живыя силы народовъ до сихъ поръ играли въ историческихъ событіяхъ самую второстепенную роль; мѣнялись лица, мѣнялась политическія формы, разрушались и созидались государства, и все это большею частью проходило мимо народа, не нарушая и не измѣняя ни междучеловѣческихъ, ни междусловныхъ, ни экономическихъ отношеній. Конечно, какойнибудь нѣмецкій баронъ XIX вѣка уже теперь не то, чѣмъ былъ его предокъ въ XIV столѣтіи; конечно, теперешній бюргеръ стоитъ къ этому барону не въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоялъ средневѣковый бюргеръ къ средневѣковому феодалу; конечно, и баронъ и бюргеръ, оба смотрятъ теперь не такъ на простаго крестьянина, какъ смотрѣли на него

во времена тридцатилѣтней войны, но всѣ эти перемѣны, которыхъ существенная важность, конечно, не подлежить сомнѣнію, пронзопили не на полѣ сраженія, не на вселенскомъ соборѣ, не на имперскомъ сеймѣ, не при смерти того или другого политическаго дѣятеля, не при вступленіи на престолъ той или другой династіи. Эти перемѣны совершились въ области чело-вѣческаго сознанія, въ той области, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ мыслители и художники; внѣшнія событія, измѣненія политическихъ формъ, войны и союзы, революціи и подвиги историческихъ дѣятелей имѣли на эти перемѣны значительное вліяніе, но точно также подчиняли ихъ своему вліянію землетрясенія, наводненія, моровыя язвы и неурожаи; жизнь измѣнялась постоянно подъ вліяніемъ разныхъ случайностей, но источникъ и законы этой жизни лежали внѣ стихійныхъ силъ и случайныхъ событій. Подрастающія поколѣнія воспринимали самыя разнородныя впечатлѣнія, зависѣвшія отъ внѣшнихъ событій, происходившихъ передъ ихъ глазами; они чувствовали себя счастливыми или несчастными, поработченными или свободными, сытыми или голодными; но весь запасъ опыта и знанія, собранный ихъ отцами и дѣдами, переходилъ къ этимъ подрастающимъ поколѣніямъ, вызывалъ дѣятельность ихъ мысли, формировалъ ихъ взглядъ на жизнь и обуславливалъ собою ихъ отношенія къ религіи, къ правительству, къ обществу, къ сословіямъ и къ отдѣльной чело-вѣческой личности. Въ эту внутреннюю исторію чело-вѣчества входили, какъ ингредиенты, всякаго рода внѣшнія событія; эти событія производили извѣстнаго рода впечатлѣніе; рядъ впечатлѣній вызывалъ идею; идея вырабатывалась, видоизмѣнялась, доходила до полной ясности выраженія и потомъ въ свою очередь порождала событія.

Напримѣръ, возьмемъ изобрѣтеніе пороха, сокрушившее аристократизмъ военнаго сословія. Первое сраженіе, въ которомъ новое оружіе показало бесполезность физической силы, тяжелаго вооруженія и даже *личной* храбрости, конечно, не опрокинуло преобладанія рыцарства. Рядъ такихъ сраженій породилъ типъ солдата и отодвинулъ типъ рыцаря въ область пропедагога; низшія сословія почувствовали свою численную силу и увидали, что передъ мушкетною пулею всѣ равны—и рыцарь, и оруженосецъ, и простой мужикъ. То обстоятельство, что низшее сословіе подняло голову, повело за собою неисчислимыя послѣдствія и измѣнило весь ходъ всемірной исторіи. Мы видимъ на этомъ отдѣльномъ примѣрѣ, что не фактъ, не случайное событіе дѣйствуетъ на измѣненіе чело-вѣческаго сознанія; на него дѣйствуетъ цѣлая совокупность фактовъ, на него дѣйствуетъ смыслъ и направленіе фактовъ. А откуда же берется смыслъ и направленіе фактовъ? Опять таки изъ того же сознанія. Стало быть, созна-

ніе видоизмѣняется само собою и зависитъ только отъ самого себя; другими словами, чело-вѣческая природа развивается совершенно самостоятельно, и на пути своего развитія постоянно, хотя иногда медленно, разрушаетъ всѣ препятствія.

Напримѣръ, мы видимъ, что по анатомическому и физиологическому сложенію всѣ люди индо-европейской расы равны между собою, какъ животныя одной породы; мы видимъ также, что образъ жизни, степень матеріальнаго обезпеченія, умственнаго развитія и личной независимости кладутъ между этими равными по природѣ людьми такія грани, которыя отдѣляютъ чело-вѣка какъ будто неразрушимыми. Всмотриваясь въ общее направленіе историческихъ событій, мы видимъ далѣе, что эти грани слабѣютъ и постепенно сглаживаются; стало быть, физическій законъ равенства между отдѣльными экземплярами одной породы постепенно подходитъ къ своему осуществленію во вседневной жизни. Но такого рода основные законы и существенныя свойства чело-вѣческой природы выясняются медленно; людямъ приходится переживать много горя и дѣлать много ошибокъ, чтобы доходить до пониманія отдѣльныхъ требованій своей природы. Всѣ осуществившіяся политическія системы и большая часть неосуществившихся соціальныхъ утопій—не что иное, какъ рядъ практическихъ или теоретическихъ ошибокъ, изъ которыхъ вытекло или могло вытечь для чело-вѣческой личности много дѣйствительнаго горя. Въ исторіи мы видимъ на первомъ планѣ постоянно неудавшіяся попытки создать что нибудь прочное, способное постоянно удовлетворять потребностямъ чело-вѣка. Эти попытки предпринимаются отдѣльными личностями; побужденія которыми, руководствуются эти личности, большею частью мелки, узки и своекорыстны; всякій замѣтный дѣятель строитъ себѣ какую-то хеопсову пирамиду и оплачиваетъ издержки постройки потомъ и кровью подвластныхъ людей; жизнь простаго чело-вѣка истрачивается на борьбу съ нуждою, съ притѣсненіями, съ монополіями и монополистами; какъ бы ни была велика вѣра этого незамѣтнаго страдалца въ возможность и въ неизбежность лучшаго будущаго, во всякомъ случаѣ эта вѣра не можетъ служить ему утѣшеніемъ и поддержкой; онъ знаетъ, что это лучшее будущее настанетъ для отдаленныхъ потомковъ, что онъ, страдалецъ, его не увидитъ, что чело-вѣчество со временемъ окончателно поумнѣетъ и устроитъ свое житье-бытье очень удобно, но что до тѣхъ поръ миллионы людей заплатятъ за историческое движеніе жизнью, здоровьемъ и силами.

До конца XVIII столѣтія во всемірной исторіи стоитъ на первомъ планѣ судьба государства, той внѣшней политической формы, которой видоизмѣненія часто не имѣютъ ничего общаго

сть народной жизнью. Жизнь народа идетъ въ тѣни; на нее никто не обращаетъ вниманія; великими людьми считаются полководцы, умѣвшіе залить кровью нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль, министры и дипломаты, умѣвшіе оттягать у сосѣдей нѣсколько селъ и городовъ, администраторы, выдумавшіе какой нибудь замысловатый налогъ, короли, говорившіе съ полнымъ основаніемъ: *l'état c'est moi*. Когда эти великіе люди давали себѣ трудъ бросить милостивый взоръ на жизнь простыхъ смертныхъ, тогда они обыкновенно находили, что все въ этой жизни нелѣпо, все не на своемъ мѣстѣ, все никуда не годится; они увѣряли себя въ томъ, что имъ предстоитъ задача все перестроить и усовершенствовать, и принимались за работу съ непрощеннымъ усердіемъ и съ полною увѣренностью въ успѣхъ. Однимъ декретомъ они измѣняли религію, другимъ декретомъ изгоняли взяточничество, третьимъ—выписывали изъ заграницы просвѣщеніе; великіе люди не ошибались въ томъ, что все было нелѣпо въ жизни простыхъ смертныхъ; ошибки ихъ начинались только тогда, когда они принимались отыскивать причины господствующей нелѣпости и пытались найти противъ нея лѣкарство; они не понимали того, что вся жизнь отдѣльнаго человѣка сдвлена и спутана въ своихъ проявленіяхъ въ угоду отвлеченнаго понятія государства, именно отъ того, что всякій отдѣльный человѣкъ бываетъ прежде всего чиновникомъ, солдатомъ, учителемъ, купцомъ, министромъ, а собственно человѣкомъ бываетъ только въ досужія минуты, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время. Этого великіе люди, постоянно состоявшіе на дѣйствительной службѣ, не понимали; имъ все казалось, что въ жизни простыхъ смертныхъ мало порядка, мало однообразія и систематичности; они все хотѣли нарядить въ тотъ форменный мундиръ, который былъ имъ по вкусу; Филиппъ II хотѣлъ превратить своихъ подданныхъ въ монашествующихъ католиковъ, Людовикъ XIV—въ блестящихъ камеръ-лакеевъ, а Петръ I—въ голландскихъ шкиперовъ.

Личныя наклонности и способности простыхъ смертныхъ, осыпаемыхъ неизреченными благодѣяніями, не могли приниматься въ соображеніе. Посудите сами: развѣ способенъ какой нибудь неотесанный болванъ изъ нидерландскихъ гезовъ или изъ овернскихъ крестьянъ, или изъ русскихъ мужиковъ разсуждать о томъ, что ему полезно, какой родъ занятій ему нравится, какая религія ему приходится по душѣ? Если эти неотесанные болваны осмѣливаются возражать противъ благодѣтельныхъ распоряженій великихъ людей, то они, конечно, дѣлаютъ это по грубому невѣжеству, по крайнему тупоумію или по злонамѣренному упорству; ихъ надо взрывать, ихъ надо обтесать, ихъ надо осчастливить во что бы то ни стало. За средствами дѣло

Сочиненія Д. И. Писарева.

не станеть; у Филиппа II на то есть инквизиція; у Людовика XIV—драгонады, Бастилія и *lettres de cachet*; у Петра I есть дубинка и кнутъ. И вотъ такими-то средствами пробавлялись, съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, всѣ великіе люди, осыпавшіе толпу простыхъ смертныхъ гудами своихъ благодѣяній и озарявшіе цѣлое столѣтіе блескомъ своего имени и своихъ подвиговъ. Только въ концѣ XVIII вѣка простые смертные заявили довольно громко, что имъ надоѣли какъ благодѣянія, такъ и педагогическія средства, при помощи которыхъ проводились въ ихъ жизнь эти великія и богатая милости. Со времени этого заявленія исторія европейскаго запада оживилась и получила новый характеръ; великіе люди сдѣлались поосторожнѣе въ замыслахъ и поразборчивѣе въ средствахъ, а простые смертные начали думать, что, чего добраго, можно жить и своимъ умомъ. Мы имѣемъ неосторожность думать, что эти простые смертные вовсе не такъ сильно ошибаются, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Намъ кажется, что жить своимъ умомъ по меньшей мѣрѣ пріятно, и потому тѣ періоды всемірной исторіи, во время которыхъ благодѣтели чловѣчества никому не позволяли жить своимъ умомъ, наводятъ на насъ тоску и досаду. Великіе люди, реформировавшіе жизнь простыхъ смертныхъ съ высоты своего умственнаго или какого либо другаго величія, по нашему крайнему разумѣнію, кажутся намъ всѣ въ равной мѣрѣ достойными неодобренія; одни изъ этихъ великихъ людей были очень умны, другіе—замѣчательно безтолковы, но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ ихъ родового сходства; они всѣ насилывали природу человѣка, они всѣ вели сѣванныхъ людей къ какой нибудь мечтательной цѣли, они всѣ играли людьми, какъ шашками; слѣдовательно, ни одинъ изъ нихъ не уважалъ чловѣческой личности, слѣдовательно, ни одинъ изъ нихъ не окажется невиннымъ передъ судомъ исторіи; всѣ поголовно могутъ быть названы врагами чловѣчества; но тамъ, гдѣ виноваты всѣ, тамъ никто не виноватъ въ отдѣльности; порокъ цѣлаго типа не можетъ быть поставленъ въ вину недѣлимому. Говоря о Петрѣ, мы лично противъ него не можемъ имѣть неприязни; но на всей дѣятельности Петра лежитъ та печать, которая тяготѣетъ надъ личностями и дѣятельностями Людовика XI, Филиппа II, кардинала Ришелье, Меттерниха и разныхъ другихъ господъ, несходныхъ между собою ни по размѣру способностей, ни по масштабу дѣятельности, ни по образу мыслей, но при всемъ томъ имѣвшихъ одинъ общій, вѣчный пароль—вражду противъ личной свободы и умственной инициативы отдѣльнаго чловѣка. Все, что сдѣлалъ Петръ, было плодомъ его личныхъ соображеній, все это вводилось и учреждалось помимо воли тѣхъ людей, для которыхъ это все, повидимому, предназначалось.

Какъ распоряжался Петръ на поприщѣ государственной администраціи, этого мы не будемъ разсматривать; въ этой области, какъ извѣстно, произволу его не было никакихъ границъ. Въ книгѣ г. Пекарскаго мы встрѣчаемся съ Петромъ, какъ съ просвѣтителемъ Россіи; мы, слѣдовательно, имѣемъ случай взглянуть на самую блестящую часть его исторической ореолы. Тутъ нѣтъ ни пытокъ, ни казней, ни ссылки, ни даже исторической дубинки; тутъ ведется списокъ и притомъ списокъ очень подробный безкровнымъ благодареніямъ, доставшимся нашему отечеству изъ рукъ великаго дѣятеля. Эти безкровныя благодаренія въ своемъ родѣ очень замѣчательны; въ совокупности своей они доказываютъ, что можно быть гениальнымъ человѣкомъ и въ то же время не имѣть самаго элементарнаго понятія о тѣхъ необходимыхъ условіяхъ, безъ которыхъ немыслима разумная человѣческая дѣятельность.

Весь рядъ отвлеченныхъ разсужденій, которыми до сихъ поръ была набита моя статья, клонился къ тому, чтобы опредѣлить наши отношенія къ личностямъ, подобнымъ Петру Великому. Я доказалъ или по крайней мѣрѣ старался доказать слѣдующія идеи:

1) Дѣятельность всѣхъ, такъ называемыхъ, великихъ людей была совершенно поверхностна и проходила мимо народной жизни, не шевелила и не пробуждала народнаго сознанія.

2) Дѣятельность великихъ людей была ограничена тѣмъ кругомъ идей, который былъ въ ихъ время достояніемъ общаго сознанія.

3) Дѣятельность великихъ людей не достигала своей цѣли, потому что претензіи этихъ господъ постоянно превышали ихъ силы.

Эти идеи примѣняются вполне къ дѣятельности Петра. Я беру теперь книгу г. Пекарскаго, извлекаю изъ нея нѣкоторые характерные факты и разсматриваю ихъ съ той точки зрѣнія, которая установлена предыдущими разсужденіями.

VI.

«Бывши въ Лейденѣ, пишетъ г. Пекарскій, Петръ не преминулъ посѣтить другую медицинскую знаменитость того времени, доктора Бергавена, и осматривалъ также анатомическій театръ. Сохранилось извѣстіе, что тамъ царь долго оставался передъ трупомъ, у котораго мускулы были раскрыты для насыщенія ихъ терпентиномъ. Петръ, замѣтивъ притомъ отвращеніе въ нѣкоторыхъ изъ своихъ русскихъ спутниковъ, заставлялъ ихъ разрывать мускулы трупа зубами» (стр. 10). Вотъ, видите ли, великому человѣку любопытно смотрѣть на обнаженные мускулы трупа, а простымъ смертнымъ этотъ видъ кажется неприятнымъ; надо же прочесть простыхъ смертныхъ, имѣющихъ дерзость находить не по вкусу то, что нра-

вится великому человѣку; вотъ великій человѣкъ заставляеть ихъ зубами разрывать мускулы трупа; должно сознаться, что это средство побѣждать неразумное отвращеніе настолько же изящно, насколько оно дѣйствительно. Навѣрное спутники Петра, испытавшіе на себѣ это отеческое вразумленіе, послѣ этого случая входили въ анатомическіе театры безъ малѣйшаго отвращенія и смотрѣли на трупы съ чувствомъ живой любознательности. Если бы даже случилось, что нѣкоторые изъ нихъ заразились отъ прикосновенія гнилыхъ соковъ къ нѣжнымъ тканямъ рта, то и это бѣда небольшая—тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ урокъ, данный остальнымъ присутствующимъ; они навѣрное поймутъ, что простому смертному нельзя имѣть собственного вкуса, что главная и единственная обязанность простого смертнаго смотрѣть въ глаза великому человѣку, отражать на своей физиономіи его настроеніе и съ надлежащимъ подобострастіемъ любоваться тѣми предметами, которые обратили на себя его благосклонное вниманіе. На анекдотѣ, приведенномъ въ книгѣ г. Пекарскаго, не стоило бы останавливаться, если бы въ этомъ анекдотѣ не выражались самымъ рельефнымъ образомъ типическія черты благодарительныхъ преобразованій великаго Петра. Кому были нужны эти преобразованія? Кто къ нимъ стремился? Чьи страданія облегчились ими? Чье благосостояніе увеличилось путемъ этихъ преобразованій? Если бы подобные вопросы могли дойти теперь до слуха Петра, они навѣрное показали бы ему совершенно непонятными, и навѣрное нашъ гордый самодержецъ не далъ бы себѣ труда отвѣчать на нихъ что бы то ни было. Мнѣ кажется, тѣ историкъ и публицисты, которые говорятъ, что всѣ преобразованія Петра клонились ко благу русскаго народа, повторяютъ фразу, лишнюю внутренняго содержанія, или, что то же, переносятъ на эпоху и на личность Петра такія понятія, которыя возникли гораздо позднѣе, и, кромѣ того, не въ той сферѣ, въ которой вращаются дѣятели, подобные Петру. Петръ формировалъ себѣ исполнителей, какъ въ былое время богатый помѣщикъ, отдавая въ ученіе дворовыхъ мальчиковъ, формировалъ себѣ полный штатъ поваровъ, сапожниковъ, портныхъ, столяровъ, кузнецовъ и шорниковъ. Только обширная и разносторонняя дѣятельность могла удовлетворять энергическую природу Петра; только громкая европейская извѣстность могла польстить его громадному честолюбію. Петру необходимо было постоянно надъ чѣмъ нибудь работать и постоянно чѣмъ нибудь обращать на себя вниманіе современниковъ; какъ человѣкъ умный, Петръ могъ удовлетворять этимъ потребностямъ своей природы, не дѣлая такихъ нелѣпыхъ эксцентричностей, въ какія пускались не только въ древности римскіе императоры, но даже въ

XVIII вѣкѣ разные нѣмецкіе князья и князьки, одержимые бѣсомъ тщеславія и надувавшіеся, какъ лягушки, въ подражаніе жирному волу, Людовику XIV. Благодаря своему замѣчательному уму, онъ, человѣкъ, не имѣвшій во всю свою жизнь никакой цѣли, кромѣ удовлетворенія крупнымъ прихотямъ своей крупной личности, успѣлъ прослыть великимъ патриотомъ, благодѣтелемъ своего народа и основателемъ русскаго просвѣщенія. Дѣйствительно, нельзя не отдать Петру Алексѣевичу полной дани уваженія; немногимъ удается такъ ловко подкупить въ свою пользу судъ исторіи.

Вывши въ Голландіи, Петръ далъ Яну Тессингу привилегію печатать и присылать въ Россію русскія книги. Въ грамотѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «и видя ему, Ивану Тессингу, къ себѣ нашу, царскаго величества премногую милость и жалованье въ печатаніи тѣхъ чертежей и книгъ, показать намъ, великому государю, нашему царскому величеству, службу свою и прилежное радѣніе, чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славлѣ нашему, великаго государя, нашего царскаго величества превысокому имени и всему нашему російскому царствію межъ европейскими монархи къ цвѣтушей, наивящей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженія бѣ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ въ славлѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было»... Неправда ли, господа читатели, надо быть самымъ злонамѣреннымъ человѣкомъ и неисправнымъ скептикомъ, чтобы по прочтеніи этого мѣста грамоты хоть на одну минуту усомниться въ чистотѣ и самоотверженіи того патриотизма, который одушевлялъ нашего вѣнценоснаго прогрессиста. Правда, сказано, что книги и чертежи должны быть напечатаны «къ славлѣ нашему, великаго государя, нашего царскаго величества превысокому имени» и «къ цвѣтушей, наивящей похвалѣ нашему царствію», но вслѣдъ за тѣмъ, словами «къ общенародной пользѣ и прибытку», выражена истинно трогательная заботливость о благосостояніи простыхъ смертныхъ. Та же трогательная заботливость проглядываетъ въ предостереженіи не печатать въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ никакого «пониженія». Петръ хотѣлъ воспитывать свой народъ и, подобно всѣмъ добродѣтельнымъ педагогамъ, понималъ, что есть много такихъ вещей, которыя дѣтямъ не по возрасту, которыя могутъ (говоря высокимъ слогомъ) нарушить первобытное спокойствіе ихъ мысли и осквернить дѣвственную чистоту ихъ розоваго міросозерцанія.

Трогательная заботливость Петра вполне оправдывается незрелостью его подданныхъ; вотъ что пишетъ о русскомъ народѣ одинъ изъ современниковъ нашего преобразователя: «При

томъ же москвитяне, какъ и вамъ это извѣстно, нисколько тѣмъ не интересуются; они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука!» Эти простые слова современника, смотрѣвшаго на предпріятіе Тессинга съ чисто коммерческой стороны, подтверждаютъ высказанную мною идею о томъ, что дѣятельность великихъ людей поверхностна и непрочна въ своихъ результатахъ; эти слова бросаютъ также яркую полосу свѣта на характеръ петровскихъ преобразованій; въ основѣ этихъ преобразованій лежитъ капризъ или, по меньшей мѣрѣ, доктрина; исполнительными средствами являются насиліе и принужденіе.

Много ли сдѣлала голландскія изданія для «общей народной пользы и прибытка»—положительно неизвѣстно, но «о славлѣ превысокому имени» и о «цвѣтушей похвалѣ царствію» радѣли всѣми силами своей изобрѣтательности какъ Тессингъ, такъ и его преемникъ, Копіевскій. Вотъ, напримѣръ, описаніе рѣки Москвы: «Она паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца російскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха». Далѣе: «здѣ удивитесь! приидите всѣ боящіяся, приидите и видите дѣла Вожія, яко Господь огради люди свои на востокъ отъ запада и отъ полуденныя страны тремя великими и славными рѣками; даде Господь Богъ и пастыря единого всѣмъ, возлюбленнаго помазанника своего, пресвѣтлѣйшаго и великаго государя, его же величество вознесе даже до небесе съ высокаго на высочайшій степень, паче всѣхъ царей земныхъ». По прочтеніи этого мѣста, намъ оставалось только пожалѣть, что книжныхъ дѣлъ мастеръ, Копіевскій, не писалъ стиховъ; нашъ великій Державинъ, думалъ я, который «истину царямъ съ улыбкой говорилъ», имѣлъ бы себѣ въ этомъ господинѣ достойнаго предшественника; теперь, продолжалъ я размышлять, Копіевскій можетъ только служить предтечею исторіографовъ: Карамзина, Устрялова и Рафаила Зотова, и... ну да всѣхъ не перечтешь. Но не успѣлъ я перевернуть двѣ страницы въ изслѣдованіи г. Пекарскаго (которое, сказать правду, читается очень медленно), какъ мнѣ пришлось взять назадъ свое опрометчивое сожалѣніе. Оказалось, что Копіевскій преуспѣлъ во всѣхъ отрасляхъ заказной литературы. Для «цвѣтушей и наивящей славы превысокаго имени» онъ вдохновилъ себя лирическимъ жаромъ и описалъ взятіе Азова «стихами поэтыцими», которые, вѣроятно, въ свое время приводили русскихъ читателей въ благоговѣнное недоумѣніе. Чтобы превознести побѣду русскихъ, привилегированный составитель книгъ воспѣваетъ сиде могущество побѣжденной Турціи:

Страшно было еже впасть азійскаго змія
Въ руцѣ, яко и сама европейская выя

Жестокія ярости его убояся;
 Сѣтовашу всѣ страны въ едину сходяся,
 Совѣтоваша купно, но не премогаша
 Злочестивыя силы зѣло превздоша.
 Нощная же луна ихъ нача помрачати
 И всю подсолнечную тьмою наполниати.
 Ново-мѣсячниковъ лунныхъ много сотвори
 Благочестіе, и любовь, вѣру разори
 Православную: въ мѣсто жъ ея, Махомета
 Невѣрїе приведе мрачная планета.

Вотъ какую поэзію Петръ угошалъ своихъ неразумныхъ подданныхъ, но подданные, по крайней тупости и загрубѣлости, не умѣли восхищаться «поэтыцкими» красотами. Выше мы видѣли образчикъ той науки, которую, по приказанію Петра, фабриковали въ Голландіи; наука эта, несмотря на очевидную свою привлекательность, также не принимала русскаго ума; еще выше мы видѣли, какимъ образомъ Петръ въ лейденскомъ анатомическомъ театрѣ развивалъ въ молодыхъ россіянахъ склонность къ реальному образованію; эти усилія Петра, несмотря на свою несомнѣнную энергичность, также оставались безуспѣшными; Петръ вездѣ встрѣчалъ скрытое равнодушіе или даже глубокое, загаенное отвращеніе къ «поэтыцкимъ стихамъ», къ наукѣ Копеевскаго и къ реальному образованію лейденскаго анатомическаго театра. Онъ имѣлъ дѣло съ варварами, и эти варвары безъ его просвѣщеннаго вліянія непременно погрязли бы въ тинѣ пороковъ и во мракѣ невѣжества; будь на мѣстѣ Петра другой дѣятель менѣе крупныхъ размѣровъ, онъ непременно махнулъ бы рукою на нелѣпныхъ варваровъ и предоставилъ бы этихъ неблагодарныхъ людей ихъ печальной участи.

Но Петръ былъ великодушенъ до конца; видя безуспѣшность своихъ собственныхъ усилій, онъ сталъ просить совѣтовъ у знающихъ людей; махнуть рукою на варваровъ онъ никакъ не рѣшался, несмотря на то, что варварамъ до смерти хотѣлось, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Петръ слышалъ, что есть въ Германіи нѣмецъ Лейбницъ, человѣкъ, котораго всѣ считаютъ чрезвычайно умнымъ и который знаетъ все, что доступно уму человѣческому; Петру захотѣлось посмотреть на этого диковиннаго человѣка; онъ повѣдался съ нимъ въ Торгау, произвелъ его въ тайные совѣтники, положилъ ему жалованіе въ 1000 рейхс-талеровъ и началъ совѣтоваться съ нимъ, какъ бы обтесать русскихъ варваровъ и посадить въ Россіи древо познанія. Лейбницъ былъ человѣкъ ловкій, придворный и политичный; философская система его была такъ устроена, что она должна была нравиться великимъ людямъ; и самъ онъ умѣлъ держать себя съ надлежащею пріятностью въ высокыхъ сферахъ; и манеры, и мягкія рѣчи, и напавленіе совѣтовъ—все показывало въ Лейбницѣ, что онъ человѣкъ бывалый, полированный, вполне достойный чина тайнаго совѣтника и

званія камергера или церемоніймейстера. Петру, умѣвшему угадывать истинное достоинство людей, это придворное свѣтило германскаго ученаго міра очень понравилось съ перваго взгляда. Вѣроятно онъ подумалъ про себя, что было бы очень пріятно завести у себя въ Петербургѣ своего доморощеннаго Лейбница, и неощняемые плоды истиннаго просвѣщенія, вѣроятно, въ эту минуту показались ему еще неощняннѣе. Если Петръ оцѣнилъ Лейбница, то Лейбницъ съ своей стороны, конечно, разгадалъ Петра съ первыхъ двухъ словъ. Онъ тотчасъ распозналъ слабую струну, обворожилъ вѣщеснаго собесѣдника картинами будущей русской цивилизаціи, которая ему, Петру, будетъ обязана своимъ происхожденіемъ, и въ нѣсколько свиданій совершенно упрочилъ за собою и пожалованный чиномъ, и положенное жалованье. Когда Петръ уѣхалъ въ Россію, тогда Лейбницъ сталъ писать къ нему письма; эти письма, которыя Лейбницъ, конечно, выдавалъ за плоды долговременныхъ и глубокихъ размышленій, наполнены совѣтами, какъ ввести въ Россію просвѣщеніе; Лейбницу было очень пріятно получать ежегодно по 1000 талеровъ, но, чтобы оставить за собою это жалованіе, надо было хоть для виду хлопотать о русской цивилизаціи; иначе Петръ, не любившій тунеядцевъ, могъ прекратить выдачу денегъ; и вотъ Лейбницъ напоминаетъ о своемъ существованіи и письмами своими показываетъ видъ, что онъ принимаетъ къ сердцу горькую участь русскихъ варваровъ, погибающихъ въ безднѣ невѣжества. Для спасенія несчастнаго народа онъ считаетъ нужнымъ произвести въ разныхъ мѣстахъ Россіи магнитныя наблюденія, розыскать, соединить ли американскій материкъ съ азиатскимъ, устроить сообщеніе съ Китаемъ и мѣняться съ нимъ не только товарами, но также знаніями и искусствами; собрать и сохранить памятники греческой церкви, составить словари языковъ инородцевъ; учредить девять правительственныхъ коллегій, «внутреннее устройство которыхъ похоже на механизмъ часовъ, гдѣ колеса взаимно другъ друга приводятъ въ движеніе»; наербовать за границею побольше ученыхъ; однихъ забрать въ Россію, другихъ оставить на мѣстѣ, чтобы они, получая жалованіе, сообщали извѣстія о томъ, что происходитъ въ ученоемъ мірѣ; построить кабинеты, лабораторіи и обсерваторіи, развести ботаническіе сады, бібліотеки и музеи и набить послѣдніе инструментами, моделями, медалями и древностями; учредить академіи, университеты и школы въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ и въ Астрахани.

Въ исторіи сношеній Петра съ Лейбницемъ всего удивительнѣе то, что умный человѣкъ, подобный Петру, поддавался такому наглому шарлатанству и платилъ деньги за такіе полезные совѣты. Этотъ странный фактъ можно объяснить

или тѣмъ, что для Петра общая идея просвѣщенія расплывалась въ какіе то привлекательныя, но совершенно неопредѣленные образы, или же тѣмъ, что онъ платилъ Лейбницу деньги и поддерживалъ съ нимъ сношенія просто изъ тщеславія, для пушей важности. Легко можетъ быть, что тутъ дѣйствовали въ одно и то же время обѣ причины; иначе я не умѣю себѣ объяснить, какимъ образомъ Петръ могъ принимать за чистую монету совѣты Лейбница—производить магнитныя наблюденія, вывозить изъ Китая знанія, собирать памятники и составлять словари для того, чтобы вызвать къ жизни или пробудить отъ усыпленія умственной силы русскаго народа. Ученый нѣмецъ очевидно хотѣлъ только удержать за собою жалованье, а гениальный преобразователь хотѣлъ только обставить самого себя на европейскій манеръ, хотѣлъ, чтобы у него было такъ, какъ у знатныхъ господъ бываетъ. Тамъ заведены академіи—и у насъ давай заводить академіи; тамъ музеи—и у насъ давай музеи; тамъ ученые—и у насъ пускай будутъ ученые; если нельзя найти ученыхъ въ Россіи, надо изъ за границы выписать; если ученымъ, выписаннымъ изъ за границы, нечѣмъ заниматься собственно въ Россіи, если ихъ сочиненія, напечатанныя на русскомъ языкѣ, не найдутъ себѣ ни покупателей, ни читателей—и это не бѣда. Пусть занимаются въ Петербургѣ тѣмъ же, чѣмъ занимались въ Берлинѣ или Марбургѣ, или Гейдельбергѣ, пусть печатаютъ свои сочиненія на французскомъ или на нѣмецкомъ, или на латинскомъ языкѣ, пусть печатаютъ хоть на санскритскомъ, дѣло не въ сочиненіяхъ и тѣмъ болѣе не во вліяніи этихъ сочиненій на русское общество,—дѣло именно въ томъ, что они будутъ жить въ Петербургѣ, состоятъ на русской службѣ и составляютъ изъ себя русскую академію,—дѣло не въ дѣйствіи, а въ декорачіяхъ. Вотъ чѣмъ Петръ отдавалъ дань своему тщеславному, мишурному вѣку; онъ былъ бережливъ въ своемъ образѣ жизни, онъ жилъ въ тѣсныхъ комнатахъ, носилъ потертое платье, пилъ простую анисовую водку и въ то же время заводилъ бесполезнѣйшую академію и платилъ шарлатану Лейбницу такое жалованье, на которое можно было шить десять роскошныхъ костюмовъ.

VII.

Нѣмцы, которыхъ Петръ старался залучить къ себѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ придворныя украшенія, понимали слабость преобразователя къ умственному блеску и, стараясь эксплуатировать эту страстишку, ломали неслыханныя цѣны. Агенты Петра долго ухаживали за Христіаномъ Вольфомъ, за тѣмъ самымъ, который, какъ извѣстно, былъ впоследствии учителемъ Ломоносова. Они все приглашали его въ Петербургъ, а

Вольфъ все отпѣкивался и, наконецъ, порадовалъ ихъ слѣдующимъ отвѣтомъ: онъ потребовалъ по 2000 рублей ежегоднаго жалованія, обѣщалъ прослужить въ Россіи пять лѣтъ и, по истеченіи этого срока, желалъ получить одновременно сумму въ 20.000 рублей. «Это немного, продолжалъ онъ, говоря объ этихъ условіяхъ въ письмѣ къ Блуменросту, если принять во вниманіе, что король Альфонсъ пожаловалъ еврею Газану за составленіе альфонсовыхъ астрономическихъ таблицъ, Александръ Великій—Аристотелю за сочиненіе *Historiae animalium* и покойный король Людовикъ Великій—Винцентію Вивіани, математику великаго герцога флорентійскаго, за восстановление утраченной книги изъ высшей геометріи. Не говоря объ огромныхъ суммахъ, полученныхъ Аристотелемъ отъ Александра Великаго, всѣмъ извѣстно, что еврей Газанъ имѣлъ отъ Альфонса 400 тысячъ дукатовъ, а Вивіани отъ Людовика Великаго такую сумму, на которую онъ выстроилъ во Флоренціи огромный палаццо, выгравированный при его геометрической книгѣ. Что же все сдѣланное этими людьми въ сравненіи съ осуществленіемъ исполнскаго замысла его императорскаго величества? Для того требуется мужъ опытный во всѣхъ философскихъ и математическихъ наукахъ. Въ бозѣ почившій прусскій король пожаловалъ Лейбницу гораздо болѣе, нежели сколько я требую, за то, что онъ заботился заочно о берлинской академіи». Исполнскій замыселъ его императорскаго величества, о которомъ говоритъ Вольфъ, состоялъ просто въ томъ, чтобы основать въ Петербургѣ академію. Вольфъ, очевидно, называетъ этотъ замыселъ исполнскимъ съ тою же цѣлью, съ какою онъ выписываетъ историческіе примѣры, замѣчательные со своей назидательности. Ему хочется выторговать себѣ выгодныя условія и потому онъ преувеличиваетъ трудность задачи, выставляетъ на видъ черты похвальной щедрости. Можно себѣ представить, во сколько обошлась бы намъ наша безцѣнная академія, если бы дѣйствительно за блескъ имени пришлось платить по 20.000 рублей. Къ счастью, должно сознаться, что умственное тщеславіе не вполне ослѣпляло Петра; онъ позволялъ себѣ платить по 1000 талеровъ Лейбницу ни за что, ни про что, но когда дѣло шло о такой суммѣ, какую требовалъ Вольфъ, тогда преобразователь нашъ становился внимательнѣе и недовѣрчивѣе. Блуменростъ не рѣшился даже съ разу доложить Петру о притязаніяхъ нѣмецкаго философа и отвѣчалъ Вольфу съ нѣкоторымъ отпѣнкомъ ироніи: «что касается до 20 тысячъ рублей, то если мы даже предположимъ, что нашъ всемілостивѣйшій монархъ превосходитъ Александра Великаго, Альфонса и Людовика Великаго въ великодушіи и любви къ искусствамъ и наукамъ, а ваше высочордіе, по своей учености и услугамъ, оказаннымъ уче-

ному міру вашими мудрыми сочиненіями, выше Аристотеля, Газана и Вивіани, все таки эта такая сумма, о которой императору слѣдуетъ представить съ осмотрительностью». Изъ этого письма Блуменроста мы видимъ, что Петру дѣйствительно очень хотѣлось прослыть великодушнымъ покровителемъ человѣческой мудрости, но, во первыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы эта мудрость стала къ нему въ зависимыя отношенія льстиваго кліента; во вторыхъ, какъ русскій человѣкъ, любящій выгадать и выторговать, онъ хотѣлъ нанять мудрецовъ подешевле. Петръ былъ плохой меценатъ; кромѣ того, онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что меценаты вообще вредятъ развитію науки, что честные дѣятели мысли бѣгутъ отъ ихъ покровительства и что продажные ученые окончательно развращаются подъ ихъ вліяніемъ.

Профессоръ анатоміи, Рюйшъ, сообщилъ Петру Великому открытый имъ способъ бальзамировать трупы, съ тѣмъ, чтобы Петръ хранилъ его въ тайнѣ.

«Однако, говоритъ г. Пекарскій, царь передалъ секретъ Лаврентію Блуменросту, тотъ Шумахеру, который, въ видахъ подслужиться лейбъ-медику Ригеру, рассказалъ ему о способѣ Рюйша. Ригеръ, покинувъ Россію, распустилъ его въ «Notitia rerum naturalium», въ статьѣ «Animal». Кажется, этотъ анекдотъ не требуетъ комментарія, и, кажется, истолковать это событіе въ пользу нашего преобразователя не сумѣютъ самые неисправимые его поклонники.

Бывши въ Копенгагенѣ, Петръ получилъ тамъ для своей кунсть-камеры половину окаменѣлаго хлѣба и деревянную обувь, которую носили лапландцы. «Взамѣнъ ихъ, царь просилъ хранить въ Копенгагенскомъ музеѣ рускіе лапти». Нельзя не улыбнуться этому ребяческому желанію великаго человѣка; ему захотѣлось русскими лаптями заявить въ одномъ изъ европейскихъ музеевъ о существованіи своего государства. Благодаря этому желанію, рускіе лапти попали на почетное мѣсто, среди разныхъ монстровъ и раритетовъ.

Вотъ выписка изъ указа о доставленіи въ кунсть-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр. «Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата; а именно: за человѣческую—по 10 руб., за скотскую и звѣриную — по 5, а за птичью—по 3 руб. за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую—по 100 руб., за скотскую и звѣриную по 15 руб., за птичью—по 7 руб. А если очень чудно, то дадутъ и болѣе; буде же съ малую оудною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся и для стыда не захотятъ

принести, и на такой способъ: чтобы тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны ихъ спрашивать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ». Великій преобразователь находилъ нужнымъ поощрять донощиковъ для того, чтобы наполнять кунсть-камеры монстрами и раритетами; должно сознаться, что здѣсь очень мелкая цѣль оправдывала очень некрасивыя средства; впрочемъ, навѣрное, найдутся у насъ такіе историкки, которые признаютъ это распоряженіе не только извинительнымъ, но даже полезнымъ, премудрымъ и необходимымъ. Таковъ былъ духъ времени, скажутъ они, таковъ характеръ народа! Вѣроятно, г. Щебальскій, открывшій, какъ извѣстно, ту великую психологическую истину, что доносъ въ характерѣ русскаго народа, основанъ свои наблюденія на документахъ, подобныхъ вышеприведенному указу. Вѣроятно, онъ принялъ распоряженіе Петра Алексѣевича за проявленіе русскаго народнаго характера; если это дѣйствительно такъ случилось, то можно себѣ представить, что сближеніе между великими дѣятелями и простыми смертными не всегда бываетъ выгодно и пріятно для послѣднихъ. Если бы мы судили обо всѣхъ испанцахъ по Филиппу II, обо всѣхъ итальянцахъ по Фердинанду Неаполитанскому, обо всѣхъ англичанахъ по Генриху VIII, то, вѣроятно, испанцы, итальянцы и англичане почувствовали бы себя глубоко и притомъ несправедливо оскорбленными. Указъ Петра произвелъ свое дѣйствіе; съ разныхъ концовъ Россіи потянулись въ Петербургъ живые и мертвые уроды; если бы за нравственное и умственное уродство опредѣлена была премія, тогда бы, вѣроятно, количество прибывающихъ субъектовъ было еще значительнѣе,—тогда, можетъ быть, пришлось бы содержать при кунсть-камерѣ и Никиту Зотова и Кесаря Ромодановскаго, и Шумахера, и даже самого Александра Давыловича Меншикова. Изъ денежныхъ отчетовъ кунсть-камеры отъ 1719 до 1723 годовъ видно, что при ней содержались живые монстры: Яковъ, Степанъ и Фома; на каждаго изъ нихъ выходило по рублю въ мѣсяцъ. Въ Законоспасской академіи, во время Ломоносова, отпускалось на каждаго ученика по алтыну въ день, слѣдовательно по 90 копеекъ въ мѣсяцъ. Живые монстры получали больше; слѣдовательно, при великомъ основателѣ просвѣщенія въ Россіи, живымъ уродамъ было удобнѣе жить на свѣтѣ, чѣмъ молодымъ студентамъ.

Радѣя о процвѣтаніи наукъ, искусствъ и уродовъ въ Россіи, Петръ Великій заботился также о томъ, чтобы просвѣщенная Европа восхищалась не только русскими лаптями, по-

ставленными въ Копенгагенѣ, но также учеными учреждениями, возникавшими въ юномъ Петербургѣ. Петръ держалъ въ жалованіи писателей, обязанныхъ прославлять распоряженія русскаго правительства. Главнымъ литературнымъ агентомъ Петра былъ баронъ Гюйссенъ. Нѣмецкій журналъ, *Euroäische Gama*, помѣщалъ на своихъ страницахъ благорасположенныя статьи, которыя, по словамъ г. Пекарскаго, «пріемами своими и стилемъ напоминаютъ *le Nord*, современный бельгійскій журналъ». Въ книгѣ г. Пекарскаго подробно разсказана полемика между Нейгебауэръ и Гюйссеномъ. Нейгебауэръ былъ наставникомъ Алексѣя Петровича, но не ужился въ Россіи и, уѣхавши за границу, издалъ брошюру, въ которой описалъ самымъ безпощаднымъ образомъ грязныя стороны новорожденной цивилизаціи. Гюйссенъ написалъ и издалъ опроверженіе; Нейгебауэръ отвѣчалъ новою брошюрою, и тѣмъ дѣло кончилось. Полемика эта касается нѣкоторыхъ любопытныхъ фактовъ и особенностей русскіхъ нравовъ.

Нейгебауэръ говоритъ въ своей брошюрѣ, что иностранцы, приглашаемые въ Россію, не находятъ въ этой странѣ ни одного изъ тѣхъ удобствъ, которыми ихъ стараются заманить. Имъ обѣщаютъ большое жалованье, и не платятъ денегъ; имъ обѣщаютъ чины и почетъ, — а на повѣрку выходитъ, что ихъ безчестятъ, бьютъ батогами, награждаютъ пощечинами, шипцрутенами и ударами кнута. Нейгебауэръ приводитъ множество примѣровъ. Вотъ нѣкоторые изъ наиболѣе типичныхъ:

«Маіора Кирхена царь въ Архангельскѣ, передъ полкомъ, въ присутствіи голландскихъ и англійскихъ купцовъ, также морскихъ офицеровъ, назвалъ е... м..., (*Hurren sohn*) и, плюнувъ ему въ глаза, выхватилъ у него шпагу и бросилъ къ ногамъ, назвалъ, говоря: «ты, е... м..., хочешь быть маіоромъ, а не стоишь быть мушкетеромъ». И это за то, что Кирхенъ, прослуживъ цѣлый годъ маіоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному русскому. Капитанъ Лудвигъ, прибывъ волонтеромъ къ осадѣ Нотебурга — а такимъ волонтерамъ царь обѣщалъ по 300 рублей и маіорскій чинъ — потерялъ потомъ маіорское жалованіе и 100 рублей и получилъ отъ царскаго величества собственноручную пощечину во время входа въ Москву за то, что онъ, для правильнѣйшаго расположенія орудій, положилъ въ одну яму дерево, которому царь хотѣлъ дать иное назначеніе. 1700 года, генералъ и посланникъ польскій, баронъ Ланге, былъ пожалованъ отъ царя собственноручно ударами и пр., и пр. за то, что онъ не позволялъ надъ собою шутить царскому любимцу, нѣкоему пирожнику (*Bäckerjungen*), по имени Александру Даниловичу Меншенкопфу (*Menschenkopff*). Полковникъ Штрасбергъ наказанъ воеводою города, дѣ онъ стоялъ въ гарнизонѣ, батогами един-

ственно потому, что не хотѣлъ дѣйствовать вопреки царскаго указа. Капитанъ Форбусъ былъ наказанъ шипцрутенами изъ шомполовъ, а передъ тѣмъ генералъ изъ русскіхъ, переломивъ собственноручно его шпагу и сказавъ: «теперь я хочу тебя ошельмовать», далъ ему пощечину».

Вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ Нейгебауэръ о батогахъ: «батогами называются небольшія жидкія палки длиною съ аршинъ. Ихъ берутъ служители въ руки и садятся на голову и ноги раздѣтаго человѣка и бьютъ его палками до тѣхъ поръ, пока двадцать или тридцать изъ нихъ не изломаются; потомъ наказываемаго переворачиваютъ и бьютъ по животу, наконецъ, по бедрамъ и икрамъ».

Большая часть обличеній Нейгебауэра грѣшить своею голословностью; въ каждомъ изъ нихъ есть что нибуль необъясненное и недосказанное: такъ, на примѣръ, въ разсказѣ о маіорѣ Кирхенѣ мы не видимъ, почему Петръ хотѣлъ передать его мѣсто русскому офицеру; не видимъ также, какимъ образомъ Кирхенъ отстаивалъ свои права; бранныя слова, произнесенныя при этомъ случаѣ царемъ, остаются голымъ фактомъ, не находящимся въ связи съ предшествующими событіями и не вытекающимъ ни изъ поведенія Кирхена, ни изъ положенія самого Петра. Разсказы о капитанѣ Лудвигѣ, о баронѣ Ланге, о полковникѣ Штрасбургѣ и о капитанѣ Форбусѣ точно также даютъ намъ одни голые, ничѣмъ необъясненные факты. Къ этой особенности обличительной брошюры Нейгебауэра было бы нетрудно придаться; но баронъ Гюйссенъ, принявшій на себя обязанность защищать честь русскаго правительства передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, заблагоразсудилъ не замѣтить этого недостатка обличительной брошюры; онъ, вѣроятно, боялся, чтобы Нейгебауэръ, задѣтый за живое обвиненіемъ въ голословности и бездоказательности, не привелъ въ подкрѣпленіе своихъ разсказовъ такіе факты и аргументы, которые зажали бы ротъ официальному адвокату Россіи. Въмѣсто того, чтобы требовать отъ Нейгебауэра доказательствъ и дальнѣйшихъ разъясненій, Гюйссенъ, въ своемъ возраженіи, просто старается покрѣпче обругать автора обличительной брошюры и превознести громкими похвалами тѣ важныя лица, которыя пострадали отъ язвительныхъ разсказовъ и замѣчаній памфлетиста. Отставная Меншикова, Гюйссенъ рѣшается даже придумать для него небывалую генеалогію; онъ утверждаетъ, что Меншиковъ происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи на Литвѣ и что отецъ его былъ оберъ-офицеромъ Семеновскаго полка. Потомъ онъ говоритъ, что римскій императоръ, въ уваженіе къ блестящимъ качествамъ Меншикова, по собственному побужденію, возвелъ его въ достоинство имперскаго князя. Конечно въ наше

время ни одинъ порядочный человѣкъ не поставитъ Меншикову въ вину его плебейское происхожденіе, но сочиненіе произвольной генеалогіи даетъ намъ возможность судить, какъ объ авторской честности Гюйсена, такъ и о высотѣ нравственныхъ требованій тѣхъ людей, по приказанію которыхъ этотъ паразитъ пу- скался въ литературную дѣятельность. Изъ отзывовъ Гюйсена о Меншиковѣ мы можемъ также составить себѣ понятіе о томъ, насколько можно довѣрять остальнымъ возраженіямъ этого нанятаго литератора противъ Нейгебауэра. Впрочемъ большая часть возраженій до такой степени слабы и нелѣпы сами по себѣ, что имъ нельзя было бы повѣрить даже въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли никакихъ данныхъ противъ литературной честности автора. Вотъ, на примѣръ, какимъ образомъ Гюйсень старается парализовать описаніе батоговъ, приведенное выше изъ брошюры Нейгебауэра. «Батоги, кнутъ и другія наказанія, пишетъ полемизирующій баронъ, такъ подробно и обстоятельно описаны имъ, что можно думать, что авторъ часто имѣлъ все это передъ глазами и увеселялъ свои нѣжныя чувства подобными спектаклями. По всей справедливости можно пожелать таковыхъ наказаній, какъ заслуженную награду, всѣмъ пасквильнтамъ, особенно же тѣмъ изъ нихъ, которые нападаютъ грубымъ образомъ на коронованныхъ особъ, на власть и честь ихъ вѣрныхъ министровъ, что сдѣлано въ настоящей постыдной брошюрѣ». Это мѣсто можетъ показаться очень остроумнымъ и игривымъ, но самыя пристрастныя читатели будутъ принуждены согласиться, что разсказъ Нейгебауэра о наказаніяхъ батогами остается непровернутымъ. Отрицать батоги не рѣшается самъ Гюйсень, рѣшившійся отрицать плебейское происхожденіе Меншикова; не рѣшается онъ, конечно, не изъ уваженія къ истинѣ, а вѣроятно потому, что отрицать батоги значило бы возставать противъ господствовавшихъ обычаевъ и учреждений; отрицать батоги значило бы находить ихъ примѣненіе предосудительнымъ; такого рода дерзкій образъ мыслей могъ не понравиться великому Петру; не желая рисковать своею благородною спиною, баронъ Гюйсень предпочелъ обойти вопросъ о дѣйствительномъ существованіи батоговъ въ Россіи и обрушиться всею тяжестью своего негодующаго остроумія на пасквильнтовъ; такой полемическій оборотъ былъ, конечно, удобнѣе и безопаснѣе. Я считаю бесполезнымъ долѣе останавливаться на полемикѣ Гюйсена съ Нейгебауэромъ; приведенные мною отрывки показываютъ ясно, какимъ образомъ Петръ пользовался содѣйствіемъ печатной гласности и насколько онъ былъ разборчивъ въ выборѣ орудій и средствъ.

VIII.

Личныя отношенія Петра къ несчастному Алексѣю Петровичу даютъ нѣкоторые матеріалы для оцѣнки общихъ воззрѣній царя на просвѣщеніе и на отношенія науки къ жизни. «Одною изъ важнѣйшихъ причинъ, говоритъ г. Пеккарскій, неудовольствія его на сына, царевича Алексѣя Петровича, было нерасположеніе послѣдняго къ военнымъ приемамъ и дисциплинѣ, что ясно высказано въ письмахъ царя при дѣлѣ объ осужденіи царевича» (стр. 122).

Въ *Europaische Fama*, въ официально хвалебной статьѣ о воспитаніи Алексѣя Петровича, встрѣчается слѣдующій пассажъ: «его царское величество старается, чтобы московскій принцъ, единственный сынъ его, шелъ по его стопамъ и могъ бы славу россійской монархіи вознести на ту степень, на которую достославный родитель намѣренъ поставить посредствомъ недавнихъ побѣдъ своихъ надъ турками, татарами и другими непріятелями. Царевичъ не только русскимъ, но и иностранцамъ извѣстенъ подъ именемъ пресвѣтлѣйшаго солдата» (стр. 137). Надо отдать справедливость составителю этой панегирической статьи; своею наивною похвалою онъ сильнѣе всякаго памфлетиста насолилъ Петру во мнѣніи мыслящаго потомства. Титулъ «пресвѣтлѣйшаго солдата», приданный Алексѣю Петровичу льстецами русскаго правительства, даетъ намъ самое рельефное понятіе о томъ, чего требовалъ Петръ отъ своего сына, и во имя чего онъ насиліемъ и наказаніями ломалъ естественныя наклонности молодого человѣка. Мистическія стремленія Алексѣя, его пристрастіе къ старинѣ, его юношескіе пороки—все объясняется военною форменностью воспитанія, все объясняется тѣмъ глубокимъ отвращеніемъ къ дисциплинѣ, которое развилъ въ немъ Петръ, старавшійся насильно приохотить сына къ ружейнымъ приемамъ и къ военному артикулу. Мы видѣли, какими средствами Петръ развивалъ въ молодыхъ русскихъ любовь къ анатоміи; вѣроятно, такія же средства были пущены въ ходъ для того, чтобы дѣйствительно превратить Алексѣя въ пресвѣтлѣйшаго солдата. Не знаю, превратились ли русскіе посѣтители лейденскаго анатомическаго театра въ ревностныхъ медиковъ, но достовѣрно извѣстно, къ чести Алексѣя, то, что его природа не подчинилась волѣ великаго родителя и разбилась въ неравной борьбѣ.

Въ той же статьѣ *Europaische Fama* встрѣчается слѣдующее любопытное мѣсто объ Алексѣѣ: «Его холерико-сангвиническій темпераментъ даетъ ему нужныя силы, и пресвѣтлѣйшій родитель съ строгою заботливостью запретилъ ослаблять или портить нѣжнымъ вос-

питаніемъ его юность: поэтому его сіятельство, князь Меншиковъ, согласно родительской волѣ, обходится съ нимъ безъ всякой излишней лести, и часто можно видѣть, что царевичъ за обѣдомъ встаетъ со своего мѣста и становится позади родительскаго кресла, чтобы тѣмъ выказать сыновнее почтеніе, а его величество всякій разъ ему приказываетъ садиться». Надо подивиться безтолковости тѣхъ людей, которыхъ русское правительство облекало въ званіе официальныхъ хвалителей. Скажите на милость, какое отношеніе имѣютъ заботы Петра объ укрѣпленіи силъ молодого Алексѣя къ той нелѣпой застольной комедіи, о которой Eugoraische Гапа рассказываетъ съ очевидными усилями найти ее похвальной! Если Алексѣй дѣйствительно становился за кресла Петра, то съ какой же стати публиковать объ этомъ въ газетахъ? Приведенный фактъ показываетъ намъ образчикъ той субординаціи, въ которой Петръ старался держать всѣхъ окружающихъ, начиная съ членовъ собственнаго семейства. Сохранивъ этотъ фактъ для потомства, панегиристы Петра оказали ему медвѣжью услугу; впрочемъ, иначе и быть не могло; панегиристы и продажные писатели всѣ таковы, потому что люди умные и даровитые, способные существовать честнымъ трудомъ мысли, не торгуютъ своимъ перомъ и не принимаютъ на себя унижительной обязанности хвалить и порицать противъ убѣжденія.

Инструкція, данная Толстому, при его отправленіи въ заграничное путешествіе въ 1697 году, показываетъ, что именно Петръ считалъ достойнымъ изученія и полезнымъ для молодыхъ русскихъ, отправляемыхъ въ погоню за просвѣщеніемъ. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ слѣдующіе параграфы или «статьи послѣдующія ученію»: 1) знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе; 2) владѣть судномъ, какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: парусы, веревки, а на каторгахъ и на иныхъ судахъ весла, и пр.; 3) сколько возможно искать того, чтобы быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать; однакожь видѣвшимъ и не видѣвшимъ бои отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствовавшие листы за руками ихъ и за печатями, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея; 4) ежели кто похочетъ вредъ получить милость бѣльшую, по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученію, научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ». Текстъ этой инструкціи показываетъ намъ ясно, что специально техническая сторона европейскаго образованія всего сильнѣе при-

влекала Петра; ему хотѣлось имѣть у себя дома хорошихъ кораблестроителей, хорошихъ моряковъ, солдатовъ, землемѣровъ, чертежниковъ и т. п. Умственное развитіе человѣка оставалось на самомъ заднемъ планѣ. Петръ инстинктивно понималъ, что развитые люди рѣдко бываютъ хорошими исполнителями чужой воли, и потому его административныя соображенія вовсе не требовали того, чтобы молодые русскіе путешественники вглядывались въ житебыть европейскіхъ народовъ и выносили изъ своихъ наблюденій матеріалы для критики своего домашняго порядка вещей. А между тѣмъ, нельзя зажимать глаза и уши молодымъ людямъ, отправляющимся за границу. Нельзя было требовать, чтобы они видѣли только чертежи, веревки, компасы, паруса и каторги.

Они видѣли много такого, что никогда не попалось бы имъ на глаза въ Россіи; они видѣли и разсуждали про себя, хотя многое изъ видѣннаго проходило передъ ихъ не приготовленнымъ пониманіемъ, не оставляя по себѣ никакого прочнаго впечатлѣнія. Находились такіе путешественники, которые на все смотрѣли съ невозмутимымъ безстрастіемъ; но за то были и такіе, которые выражали даже въ полуофициальныхъ своихъ замѣткахъ сочувствіе къ тѣмъ или другимъ явленіямъ иноземной жизни. Вотъ, напримѣръ, выписка изъ описанія путешествія графа Матвѣева: «Въ томъ государствѣ лучше всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ такъ зависть; къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанести обиду. Всякій изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилуваній не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствовавшей противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ, разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки его подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются, и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него».

Это говорится о Франціи временъ Людовика XIV; если эта страна до такой степени правилась Матвѣеву, то можно себѣ представить, что требованія были очень умѣренны, и что, посмотрѣвшись на петровскую Россію, можно было легко помириться со всякимъ

иннымъ порядкомъ вещей, какъ бы ни былъ самъ по себѣ некрасивъ и неудобенъ этотъ нной порядокъ. Можно также себѣ представить, что дѣятельность нашего преобразователя во многихъ отношеніяхъ потеряла бы свой характеръ размахистой произвольности, если бы симпатія Матвѣева нашли себѣ отголосокъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Если бы между молодыми людьми, посланными за границу для изученія разныхъ рукодѣлій, нашлось много умныхъ головъ, способныхъ понимать

различіе между своимъ и иноземнымъ, тогда, вѣроятно, Петру сдѣлалось бы вовсе не такъ легко помыкать силами, способностями, убѣжденіями и наклонностями своихъ подданныхъ. Сомнѣваюсь, чтобы Петръ почувствовалъ особенную радость, замѣчая это пробужденіе русской мысли. Но бѣдная русская мысль спала очень крѣпко, и ея отдѣльныя разрозненныя проявленія, растрачиваясь въ неравной, но не безплодной борьбѣ, глохли, какъ слабый стонъ, вырывающійся изъ наболѣвшей груди.

МЫСЛЯЩИЙ ПРОЛЕТАРИАТЪ.

I.

Въ нашей умственной жизни рѣзко выдѣляется отъ остальной массы то направленіе, въ которомъ заключается наша дѣйствительная сила и на которое со всѣхъ сторонъ сыпятся самыя ожесточенныя и самыя смѣшныя нападенія. Это направленіе поддерживается очень малочисленною группою людей, на которую, однако, несмотря на ея малочисленность, все молодое смотритъ съ полнымъ сочувствіемъ, а все дряхлѣющее съ самымъ комическимъ недовѣріемъ. Эта группа понемногу расширяется, обогащаясь молодыми дѣятелями; вліяніе этой группы на свѣжую часть общества уже теперь перевѣшиваетъ собою всѣ усилія публицистовъ, ученыхъ и другихъ литераторовъ, подверженныхъ въ большей или меньшей степени острымъ или хроническимъ страданіямъ свѣтобоязни; въ очень близкомъ будущемъ общественное мнѣніе будетъ совершенно на сторонѣ этихъ людей, которыхъ остальные двигатели русскаго прогресса постоянно стараются очернить разными обвиненіями и заклеить разными ругательными именами. Ихъ обвиняли въ невѣжество, въ деспотизмъ мысли, въ глумленіе надъ наукою, въ желаніе взорвать на воздухъ все русское общество вмѣстѣ съ русскою почвою; ихъ называли свистунами, нигилистами, мальчишками; для нихъ придумано слово «свистопляска»; они причислены къ «литературному казачеству», и имъ же приписаны сооруженіе «бомбы отрицанія» и «калмыцкіе набѣги на науку». Объ нихъ постоянно болѣютъ душою всѣ медоточивые дѣятели петербургской и московской прессы; ихъ то распекаютъ, то упрашиваютъ, то поднимаютъ на смѣхъ, то отрезаютъ отъ нихъ, то увѣщываютъ; но ко всѣмъ этимъ изъявленіямъ участія они остаются глубоко равнодушны. Худы ли, хороши ли ихъ убѣжденія, но они у нихъ есть, и они ими дорожатъ; когда можно, они

проводятъ ихъ въ общество; когда нельзя — они молчатъ; но лавировать и мѣнять флаги они не хотятъ, да и не умѣютъ. Доля ихъ кажется большинству незавидной, но они не могли бы по натурѣ своей перемѣнить ее. Изъ нихъ вышли люди, которымъ досталась слава геройскихъ страданій, неутомимой, ненасытной ненависти. Другимъ встрѣчались лишь тысячи мелкихъ враговъ, и въ борьбѣ съ препятствіями недостойными, презираемыми проходила ихъ дѣятельность, которая видѣла вдали для себя болѣе широкое поприще и была достойна его. Это тяжело, но имъ много помогаетъ переносить всѣ невзгоды то обстоятельство, что они увѣрены въ себѣ и любятъ живую, сознательную любовь свои идеалы. Ихъ не удивляютъ и тѣмъ болѣе не раздражаютъ комедіи съ переодѣваніями, разыгрываемыя нашими публицистами; въ глубину отечественной учености они не вѣрятъ; красотою отечественной беллетристики не восхищаются; къ однимъ проявленіямъ нашей умственной жизни они равнодушны; къ другимъ относятся съ самымъ спокойнымъ, глубоко сознательнымъ и совершенно безошаднымъ презрѣніемъ. Да и можетъ ли быть иначе, когда въ литературѣ, какъ и въ обществѣ, цѣлая пропасть отдѣляетъ ихъ отъ офиціозныхъ и пантенованныхъ наставниковъ массы? Въ литературѣ они стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ остальной толпы и не чувствуютъ ни надобности, ни желанія приблизиться къ ней или сойтись съ ея искусственными представителями на чемъ бы то ни было. Въ обществѣ они не боятся своего нынѣшняго одиночества. Они знаютъ, что истина съ ними, они знаютъ, что имъ слѣдуетъ покойною и твердою поступью идти впередъ по избранному пути и что рано или поздно за ними пойдутъ всѣ. Эти люди фанатики, но ихъ фанатизируетъ трезвая мысль, и ихъ увлекаетъ въ неизвѣстную даль будущаго очень опредѣленное и земное стремленіе доставить

всѣмъ людямъ вообще возможно большую долю простаго житейскаго счастья.

По мнѣнію Молчалиныхъ и Полоцевъ журналистики и общества, это очень глухие и дурные люди и къ наиболѣе глушымъ и дурнымъ изъ этихъ отверженныхъ людей давно уже единогласно причисленъ ими авторъ романа «Что дѣлать?». Но изъ всего, написаннаго имъ, всего хуже и всего глупѣе объявленъ именно этотъ романъ.

Дружный ропотъ негодованія пронесся во всей нашей журналистикѣ, когда романъ этотъ увидѣлъ свѣтъ. Заговорило все, что могло говорить, а на противоположной сторонѣ господствовало полное и глубокое молчаніе. Когда наконецъ черезъ годъ молчаніе это нарушилось, «вольные» критики и публицисты могли сказать, что полку ихъ прибыло. Цѣлый годъ истощалось ихъ остроуміе по поводу аллюминіевыхъ колоннъ, нейтральной комнаты, вѣчныхъ пѣсень Бѣлой Арапіи и проч. Наконецъ, истощившись въ послѣднемъ усиліи главы россійскихъ казеннокоштныхъ сатириковъ, оно смолкло окончательно, какъ будто романъ погребенъ на вѣки соединенными усиліями вольныхъ писателей.

И дѣйствительно немудрено, что таковъ былъ общій голосъ всѣхъ критиковъ отъ «Развлеченія» до «Современника». Никогда еще то направленіе, о которомъ я упомянулъ вначалѣ, не заявляло себя на русской почвѣ такъ рѣшительно и прямо, никогда еще не представлялось оно взорамъ всѣхъ ненавидящихъ и кланущихъ его такъ рельефно, такъ наглядно и ясно. Поэтому всѣхъ, кого кормить и грѣбеть рутина, романъ г. Чернышевскаго приводитъ въ неопisanную ярость. Они видятъ въ немъ и глумленіе надъ искусствомъ, и неуваженіе къ публикѣ, и безнравственность, и цинизмъ, и, пожалуй, даже зародыши всякихъ преступленій. И, конечно, они правы: романъ глумится надъ ихъ эстетикой, разрушаетъ ихъ нравственность, показываетъ лживость ихъ цѣломудрія, не скрываетъ своего презрѣнія къ своимъ судьямъ. Но все это не составляетъ и сотой доли прегрѣшеній романа; главное въ томъ, что онъ могъ сдѣлаться знаменемъ ненавистнаго имъ направленія, указать ему ближайшія цѣли и вокругъ нихъ и для нихъ собрать все живое и молодое.

Съ своей точки зрѣнія наставники наши были правы; но я слишкомъ уважаю своихъ читателей и слишкомъ уважаю самого себя, чтобы доказывать имъ, какъ безконечно позорно для нихъ это обстоятельство и какъ глубоко уронилъ ихъ романъ «Что дѣлать?» тою ненавистью и яростью, которая поднялась противъ него. Читатели мои, разумѣется, очень хорошо понимаютъ, что въ романѣ этомъ нѣтъ ничего ужаснаго. Въ немъ, напротивъ того, чувствуется вездѣ присутствіе самой горячей

любви къ человѣку; въ немъ собраны и подвергнуты анализу пробивающіеся проблески новыхъ и лучшихъ стремленій; въ немъ авторъ смотритъ въ даль съ тою сознательною полнотою страстной надежды, которой нѣтъ у нашихъ публицистовъ, романистовъ и всѣхъ прочихъ, какъ они еще тамъ называются, наставниковъ общества. Оставаясь вѣрнымъ всѣмъ особенностямъ своего критическаго таланта и проводя въ свой романъ всѣ свои теоретическія убѣжденія, г. Чернышевскій создалъ произведеніе въ высшей степени оригинальное и чрезвычайно замѣчательное. Достоинства и недостатки этого романа принадлежать ему одному; на остальные русскіе романы онъ похожъ только внѣшнею своею формою: онъ похожъ на нихъ тѣмъ, что сюжетъ его очень простъ и что въ немъ мало дѣйствующихъ лицъ. На этомъ и оканчивается всякое сходство. Романъ «Что дѣлать?» не принадлежитъ къ числу сырыхъ продуктовъ нашей умственной жизни. Онъ созданъ работою сильнаго ума; на немъ лежитъ печать глубокой мысли. Умѣя вглядываться въ явленія жизни, авторъ умѣетъ обобщать и осмысливать ихъ. Его неотразимая логика прямымъ путемъ ведетъ его отъ отдѣльныхъ явленій къ высшимъ теоретическимъ комбинаціямъ, которыя приводятъ въ отчаяніе жалкихъ рутинеровъ, не имѣющихъ другого возраженія, кромѣ бессмысленнаго слова: «*утопія*».

Всѣ симпатіи автора лежатъ безусловно на сторонѣ будущаго; симпатіи эти отдаются безраздѣльно тѣмъ задаткамъ будущаго, которые замѣчаются уже въ настоящемъ. Эти задатки зарыты до сихъ поръ подъ грудой общественныхъ обломковъ прошедшаго, а къ прошедшему авторъ, конечно, относится совершенно отрицательно. Какъ мыслитель, онъ понимаетъ и, слѣдовательно, прощаетъ всѣ его уклоненія отъ разумности; но, какъ дѣятель, какъ защитникъ идеи, стремящейся войти въ жизнь, онъ борется со всякимъ безобразіемъ и преслѣдуетъ ироніею и сарказмомъ все, что бременитъ землю и коптитъ небо.

II.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ живетъ въ Петербургѣ мелкій чиновникъ Розальскій. Жена этого чиновника, Марья Алексѣевна, хочетъ выдать свою дочь, Вѣру Павловну, за богатаго и глупаго жениха, а Вѣра Павловна, напротивъ того, тайкомъ отъ родителей выходитъ замужъ за медицинскаго студента Лопухова, который, чтобы жениться, оставляетъ академію за нѣсколько недѣль до окончанія курса. Живутъ Лопуховы четыре года мирно и счастливо, но Вѣра Павловна влюбляется въ друга своего мужа, медика Кирсапова, который также чувствуетъ къ ней сильную любовь. Чтобы не

мѣшать ихъ счастью, Лопуховъ официально застрѣливается, а на самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ изъ Россіи и проводитъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ. Потомъ онъ возвращается въ Петербургъ подъ именемъ американскаго гражданина Чарльза Бьюмонта, женится на очень хорошей молодой дѣвушкѣ и сходится самымъ дружескимъ образомъ съ Кирсановымъ и его женою, Вѣрою Павловною, которые, конечно, давно знали настоящее значеніе его самоубійства. Вотъ весь сюжетъ романа «Что дѣлать?» и ничего не было бы въ немъ особеннаго, если бы не дѣйствовали въ немъ новые люди, тѣ самые люди, которые кажутся проникательному читателю очень страшными, очень гнусными и очень безнравственными. «Проницательный читатель», надъ которымъ очень часто и очень сурово потѣшается г. Чернышевскій, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ простымъ и безхитрымъ читателемъ, котораго любятъ и уважаютъ каждый пишущій человѣкъ. Простой читатель беретъ книгу въ руки для того, чтобы пріятно провести время, или для того, чтобы чему нибудь научиться; а проникательный—для того, чтобы покуражиться надъ авторомъ и произвести его идеямъ инспекторскій смотръ. Простой читатель, встрѣтившій новую мысль, можетъ не согласиться съ нею, но можетъ и согласиться. Проницательный читатель всякую новую идею считаетъ за дерзость, потому что эта идея не принадлежитъ ему и не входитъ въ тотъ замкнутый кругъ возрѣній, который, по его мнѣнію, составляетъ единственное вмѣстилище всякой истины. У простаго читателя есть предрасудки самаго скромнаго свойства, въ родѣ того, напримѣръ, что понедѣльникъ—тяжелый день, или что не слѣдуетъ тринадцати человѣкамъ садиться за столъ. Эти предрасудки происходятъ отъ умственного неряшества; они не могутъ считаться неизлечимыми, и большею частью не мѣшаютъ простому читателю выслушивать безъ злобы мнѣнія умныхъ и развитыхъ людей. Предрасудки проникательнаго читателя отличаются, напротивъ того, книжнымъ характеромъ и теоретическимъ направленіемъ. Онъ все знаетъ, все предугадываетъ, обо всемъ судить готовыми афоризмами и всѣхъ остальныхъ людей считаетъ глупѣе себя. Мысль его протоптала себѣ извѣстныя дорожки, и только по этимъ дорожкамъ и двигается. Паншинъ (въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ») и Курнатовскій (въ «Наканунѣ») могутъ считаться превосходными представителями этого типа. Въ жизни дѣйствительной проникательные читатели всего чаще попадаютъ между тѣми людьми, для которыхъ умственный трудъ составляетъ профессию. Всякая посредственность, пошедшая по этому пути, неминуемо превращается въ проникательнаго читателя. Весь запасъ мыслей, сидѣвшихъ въ го-

ловѣ посредственности, очень быстро вытряхивается наружу, и тогда приходится повторяться, фразерствовать, переливать изъ пустого въ порожнее, глупѣть отъ этого пріятнаго занятія, и вслѣдствіе всего этого проникаться глубочайшею ненавистью ко всему, что размышляетъ самостоятельно. Большинство профессоровъ и журналистовъ всѣхъ націй принадлежатъ къ скучнѣйшему разряду проникательныхъ читателей. Всѣ эти господа могли бы быть очень милыми, простыми и неглупыми людьми, но ихъ изуродовало ремесло, точно также какъ ремесло уродуетъ портныхъ, сапожниковъ, гранильщиковъ. Они натерли себѣ на мозгу мозоли, и мозоли эти даютъ себя знать во всѣхъ сужденіяхъ и поступкахъ проникательныхъ читателей. Проницательный читатель скрежещетъ зубами, когда говорятъ о новыхъ людяхъ, а простому читателю скрежетать по этому случаю нѣтъ никакой надобности. Простой читатель улыбается добродушною улыбкою и говоритъ преспокойно: «ну, посмотримъ, посмотримъ, какіе это новые люди?». А вотъ и посмотри.

Надъ существованіемъ новыхъ людей прежде всѣхъ задумался въ нашей беллетристикѣ Тургеневъ. Инсаровъ былъ неудачною попыткою въ этомъ направленіи; Базаровъ явился очень яркимъ представителемъ новаго типа; но у Тургенева очевидно не хватило матеріаловъ для того, чтобы полнѣе обрисовать своего героя съ разныхъ сторонъ. Кромѣ того, Тургеневъ, по своимъ лѣтамъ и по нѣкоторымъ свойствамъ своего личнаго характера, не могъ вполне сочувствовать новому типу; въ его послѣдній романъ вкрались фальшивыя ноты, которыя вызвали со стороны «Современника» строгую и несправедливую рецензію г. Аптонвича. Эта рецензія была ошибкою, и лучшимъ ея опроверженіемъ является романъ г. Чернышевскаго, въ которомъ всѣ новые люди принадлежатъ къ базаровскому типу, хотя всѣ они обрисованы гораздо отчетливѣе и объяснены гораздо подробнѣе, чѣмъ обрисованъ и объясненъ герой послѣдняго тургеневскаго романа. Тургеневъ—чужой въ отношеніи къ людямъ новаго типа; онъ могъ наблюдать ихъ только издали, и отмѣчать только тѣ стороны, которыя обнаруживаютъ эти люди, приходя въ столкновеніе съ людьми совершенно другаго закала. Базаровъ является одинъ въ такомъ кругу, который вовсе не соотвѣтствуетъ его умственнымъ потребностямъ; Базарову не кого любить и уважать, и потому всякому читателю, а «проницательному» въ особенности, можетъ показаться, что Базаровъ не способенъ любить и уважать. Это послѣднее мнѣніе составляетъ совершенную неабытность; нѣтъ того человѣка, у котораго не было бы способности и потребности любить и уважать подобныхъ себѣ людей; ничто не даетъ намъ право думать, чтобы Тургеневъ

захотѣлъ извести на своего героя такую пустую небыллицу; онъ просто не зналъ, какъ держать себя Базаровы съ другими Базаровыми; не зналъ, какъ проявляются у такихъ людей чувства серьезной любви и сознательнаго уваженія; онъ чувствуетъ небывалость этого типа, и недоумѣваетъ передъ нимъ, да такъ и останавливается на этомъ недоумѣніи, всетаки потому, что не хватаетъ матеріаловъ. Если бы г. Чернышевскому пришлось изображать новыхъ людей, поставленныхъ въ положеніе Базарова, т. е. окруженныхъ всякимъ старьемъ и тряпьемъ, то его Лопуховъ, Кирсановъ, Рахметовъ стали бы держать себя почти совершенно такъ, какъ держитъ себя Базаровъ. Но г. Чернышевскому нѣтъ никакой надобности поступать такимъ образомъ. Онъ знаетъ не только то, какъ думаютъ и рассуждаютъ новые люди (это знаетъ и Тургеневъ, по журнальнымъ статьямъ, писаннымъ новыми людьми), но и то, какъ они чувствуютъ, какъ любятъ и уважаютъ другъ друга, какъ устраиваютъ свою семейную и вседневную жизнь и какъ горячо стремятся къ тому времени и къ тому порядку вещей, при которыхъ можно было бы любить всѣхъ людей и довѣрчиво протягивать руку каждому. Послѣ этого не трудно понять, почему Тургеневъ принужденъ былъ въ своемъ Базаровѣ остановиться на одной суровой сторонѣ отрицанія и почему, напротивъ того, подъ рукою г. Чернышевскаго новый типъ выросъ и выяснился до той опредѣленности и красоты, до которой онъ возвышается въ великолѣпныхъ фигурахъ Лопухова, Кирсанова и Рахметова.

Новые люди считаютъ трудъ абсолютно необходимымъ условіемъ человѣческой жизни, и этотъ взглядъ на трудъ составляетъ чуть ли не самое существенное различіе между старыми и новыми людьми. Повидимому, тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Кто же отказываетъ труду въ уваженіи? Кто же не признаетъ его важности и необходимости? Лордъ-канцлеръ Великобританіи, сидящій на шерстяномъ мѣшкѣ и получающій за это сидѣніе по нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, твердо убѣжденъ въ томъ, что онъ беретъ плату за трудъ и что онъ съ полнымъ основаніемъ можетъ сказать фабричному работнику: *My dear, мы съ тобою трудимся на пользу общества,—а трудъ святое дѣло.* И лордъ-канцлеръ это скажетъ, и графъ Дерби это скажетъ, потому что онъ тоже доставляетъ себѣ трудъ класть въ карманъ поземельную ренту, а между тѣмъ какіе же они новые люди? Они джентльмены очень старые и очень почтенные. Новые люди отдають полную справедливость тому и другому качеству, но сами никогда не согласятся уважать трудъ такъ, какъ уважаютъ его лордъ-канцлеръ и графъ Дерби; сами они никогда не согласятся зарабатывать такъ много, сидя на шерстяномъ мѣшкѣ или

на бархатной скамейкѣ палаты перовъ. Сами они не хотять питать издала платоническую нѣжность къ труду. Для нихъ трудъ дѣйствительно необходимъ, болѣе необходимъ, чѣмъ наслажденіе; для нихъ трудъ и наслажденіе сливаются въ одно общее понятіе, называющееся удовлетвореніемъ потребностей организма. Имъ необходима пища для утоленія голода, имъ необходимъ сонъ для возстановленія силъ, и имъ точно также необходимъ трудъ для сохраненія, подкрѣпленія и развиванія этихъ силъ, заключающихся въ мускулахъ и нервахъ. Безъ наслажденія они могутъ обходиться очень долго; безъ труда для нихъ немыслима жизнь. Отказаться отъ труда они могутъ только въ томъ случаѣ, когда ихъ разобьетъ параличъ, или когда ихъ посадятъ въ кѣтку, или вообще когда они тѣмъ или другимъ путемъ потеряютъ возможность распорядиться своими силами. Размышляя часто и серьезно о томъ, что дѣлается кругомъ, новые люди съ разныхъ сторонъ и разными путями приходятъ къ тому капитальному заключенію, что все зло, существующее въ человѣческихъ обществахъ, происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ бѣдности и отъ праздности; а эти двѣ причины берутъ свое начало изъ одного общаго источника, который можетъ быть названъ хаотическимъ состояніемъ труда. Трудъ и вознагражденіе находятся теперь между собою въ обратномъ отношеніи: чѣмъ больше труда, тѣмъ меньше вознагражденія; чѣмъ меньше труда, тѣмъ больше вознагражденія. Отъ этого на одномъ концѣ лѣстницы сидитъ праздность, а на другомъ бѣдность. И та, и другая порождаетъ свой рядъ общественныхъ золъ. Отъ праздности происходитъ умственная и физическая дряблость, стремленіе создавать себѣ искусственные интересы и увлекаться ими, потребность сильныхъ ощущений, преувеличенная раздражительность воображенія, развратъ отъ нечего дѣлать, посползновеніе помыкать другими людьми, мелкія и крупныя столкновенія въ семейной и общественной жизни, безконечные раздоры равныхъ съ равными, старшихъ съ младшими, младшихъ съ старшими, словомъ— весь безконечный рой огорченій и страданій, которыми люди угощаютъ другъ друга безъ малѣйшей надобности, и которыхъ существованіе можетъ быть объяснено только выразительною поговоркою: «съ жиру собаки бѣсятся». Отъ бѣдности идутъ страданія матеріальныя, и умственныя, и нравственныя, и какія угодно: тутъ и голодь, и холодъ, и невѣжество, изъ котораго хочется вырваться, и вынужденный развратъ, противъ котораго возмущается природа самыхъ заглубляхъ созданий, и горькое пьянство, котораго стыдится самъ пьяница, и вся ватага уголовныхъ преступленій, которыхъ нельзя было не совершить преступнику. На серединѣ лѣстницы произведенія бѣдности встрѣ-

чаются съ произведеніями праздности; тутъ меньше дикости, чѣмъ внизу, и меньше дряблости, чѣмъ вверху, но больше грязи, чѣмъ гдѣ бы то ни было; тутъ приходится ежиться, потому что хочется барствовать; приходится жилить пятачекъ у кухарки или дворника, потому что надо ѣхать на гулянье; держать дѣтей въ холодной дѣтской, потому что надо меблировать гостиную; ѣсть испорченную говядину, потому что надо шить шелковую мантилью. По всей лѣстницѣ сверху до низу господствуетъ ненависть къ труду и вѣчный антагонизмъ частныхъ интересовъ. Немудрено, что трудъ производитъ при такихъ условіяхъ мало продуктовъ; немудрено и то, что любовь къ ближнему встрѣчается только въ назидательныхъ книгахъ. Каждый разсуждаетъ такъ или почти такъ: если, говорить, я прямо потяну съ своего ближняго шубу, то меня за это не похвалятъ и посадятъ въ полицію; но если я подведу подъ шубу кляузы и оттягаю ее тихимъ манеромъ, то мнѣ будетъ двойная выгода: во первыхъ, не надо будетъ выработывать себѣ шубу, во вторыхъ, всякій будетъ считать меня за умнаго и обходительнаго человѣка. Не всѣмъ однако такое положеніе дѣлъ нравится; находятся отдѣльныя личности, которые говорятъ празднымъ людямъ: «вамъ скучно потому, что вы ничего не дѣлаете; а есть другіе люди, которые страдаютъ, потому что бѣдны. Подите разыскивайте этихъ людей, помогайте имъ, облегчайте ихъ страданія, входите въ ихъ нужды и вамъ будетъ не такъ скучно, и имъ не такъ тяжело жить на свѣтѣ». Это говорятъ хорошіе люди, но новые люди этимъ не удовлетворяются. «Филантропія, говорятъ новые люди, такая же прекрасная вещь, какъ тюрьма и всякія уголовныя и исправительныя наказанія. Въ настоящее время мудрено обойтись безъ того и другого, но настоящее время, подобно всѣмъ прошедшимъ временамъ, занимается только вѣчнымъ замечаніемъ и подчищаніемъ тѣхъ гадостей, которыя оно само вѣчно производитъ на свѣтѣ. Когда гадость произведена, ее конечно слѣдуетъ замести и подчистить, но не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ бы на будущее время прекратить такое невыгодное производство гадостей. Филантропія сама по себѣ оскорбительна для человѣческаго достоинства и заключаетъ въ себѣ глубокую несправедливость; она принуждаетъ одного человѣка зависѣть въ своемъ существованіи и благосостояніи отъ произвольнаго добродушія другого такого же человѣка; она создаетъ нищаго и благотворителя, и развращаетъ и того, и другого. Она не уничтожаетъ ни бѣдности, ни праздности; она не увеличиваетъ ни на одну копейку продукты производительнаго труда. Въ древнемъ Римѣ, подъ видомъ раздачъ дароваго хлѣба, а въ новѣйшихъ католическихъ государствахъ южной Европы подъ видомъ раздачъ даровыхъ порціи

супа у монастырскихъ воротъ, эта милая филантропія развратила въ конецъ массы здоровой черни. Не богадѣльня, а мастерская можетъ и должна обновить человѣчество. Здоровый человѣкъ, посаженный на необитаемый островъ, можетъ прокормить самого себя; силы человѣка увеличиваются въ сотни и тысячи разъ, когда онъ вступаетъ въ промышленную ассоціацію съ другими людьми. Поэтому здоровый человѣкъ, живущій въ цивилизованномъ обществѣ, можетъ и долженъ собственнымъ трудомъ прокормиться и одѣться, приобрести себѣ образованіе и воспитать своихъ дѣтей. Тутъ собственный трудъ не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ ингредиентомъ. Труду нѣтъ простора, трудъ плохо оплачивается, трудъ порабощается, и отъ этихъ причинъ происходитъ все существующее зло. Кто хочетъ бороться противъ зла, не для препровожденія времени, а для того, чтобы когда нибудь дѣйствительно побѣдить и искоренить его, тотъ долженъ работать надъ рѣшеніемъ вопроса: какъ сдѣлать трудъ производительнымъ для работника, и какъ уничтожить всѣ непріятныя и тяжелыя стороны современнаго труда? Трудъ есть единственный источникъ богатства; богатство, добываемое трудомъ, есть единственное лекарство противъ страданій бѣдности и противъ пороковъ праздности. Стало быть пѣлесообразная организація труда можетъ и должна привести за собою счастье человѣчества. Говорить, что такая организація невозможна, значитъ подражать тѣмъ дряблымъ старикамъ, которые считаютъ невозможнымъ все, до чего не додумались ихъ предшественники и современники. Складывать руки и вздыхать о несовершенствахъ всего земного, когда люди страдаютъ отъ собственныхъ глупостей, значитъ возводить эти глупости въ законы природы и обнаруживать лѣность и робость мысли, недостойныя человѣка свѣжаго, честнаго и одареннаго живымъ умомъ.

Такъ или почти такъ разсуждаютъ о высокихъ матеріяхъ новые люди: взглянувъ въ эти разсужденія каждый читатель, кромѣ «пропицательнаго», увидитъ, что въ нихъ нѣтъ ничего ужаснаго, и что въ нихъ, напротивъ того, много дѣльнаго. Искать обновленія въ трудѣ во всякомъ случаѣ гораздо раціональнѣе, чѣмъ видѣть альфу и омегу человѣческаго благополучія въ учрежденіи палаты депутатовъ или палаты пировъ. Самая лучшая палата можетъ только сберечь доходы страны, а хорошія мастерскія могутъ удесяттерить этотъ доходъ, удесяттерия, кромѣ того, сумму физическихъ и нравственныхъ силъ работниковъ и приготавливая, такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ большее увеличение богатства, образованности и всеобщаго благоденствія. Не глупо разсуждаютъ новые люди, а всего лучше то, что не въ разсужденіяхъ о высокихъ матеріяхъ проходитъ ихъ время.

Постоянно имѣя въ виду общую задачу всего человѣчества, они между тѣмъ уже разрѣшили ее въ приложеніи къ своей частной жизни. Имъ трудъ пріятенъ, и для нихъ онъ производителенъ; нѣтъ ни одного новаго человѣка, у котораго не было бы его любимаго труда, и этотъ трудъ для него не забава, а дѣйствительно цѣль и смыслъ всей жизни. Новый человѣкъ безъ своего любимаго труда такъ же не мыслимъ, какъ не мыслимъ трудъ безъ него. Прже люди заботились о своемъ положеніи въ обществѣ и прежде всего старались составить себѣ карьеру и состояніе, хотя бы пути, ведущіе къ тому и другому, внушали имъ глубочайшее отвращеніе. Для новаго человѣка необходимо прежде всего, чтобы трудъ былъ ему по душѣ и по силамъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ такого труда, онъ ищетъ его; нашель—и кончено дѣло: тогда онъ влюбляется въ него, работаетъ съ увлеченіемъ страсти, наслаждается всѣми радостями творчества и чувствуетъ, что онъ на бѣломъ свѣтѣ не лишній. И нѣтъ такого новаго человѣка, который не нашель бы себѣ любимаго дѣла, потому что вообще нѣтъ того здороваго человѣка, который не былъ бы на что нибудь способенъ. И когда всѣ работники на земномъ шарѣ будутъ любить свое дѣло, тогда всѣ будутъ новыми людьми, тогда не будетъ ни бѣдныхъ, ни праздныхъ, ни филантроповъ, тогда дѣйствительно потекутъ тѣ «молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ», которыми «проницательные читатели» такъ побѣдоносно поражаютъ негодныхъ мальчишекъ.—Это невозможно, рычигъ одинъ изъ проницательныхъ.—Конечно невозможно, но было время, когда и паровыя машины были совершенно невозможны. Что было, то прошло, а чему быть тому не миновать.

III.

Опираясь на свой любимый трудъ, выгодный для нихъ самихъ и полезный для другихъ, новые люди устраиваютъ свою жизнь такъ, что ихъ личные интересы ни въ чемъ не противорѣчатъ дѣйствительнымъ интересамъ общества. Это вовсе не трудно устроить. Стоитъ только полюбить полезный трудъ; и тогда все, что отвлекаетъ отъ этого труда, будетъ казаться неприятною помѣхою; чѣмъ больше вы будете предаваться вашему любимому полезному труду, тѣмъ лучше это будетъ для васъ, и тѣмъ лучше это будетъ для другихъ. Если вашъ трудъ обеспечиваетъ васъ и доставляетъ вамъ высокія наслажденія, то вамъ нѣтъ надобности обирать другихъ людей ни прямо, ни косвенно, ни посредствомъ воровства—мошенничества, ни посредствомъ такой эксплуатаціи, которая не признана уголовнымъ преступленіемъ. Когда вы трудитесь, то ваши интересы совпадаютъ съ интересами

всѣхъ остальныхъ трудящихся людей, вы сами—работникъ, и всѣ работники—ваши естественные друзья, а всѣ эксплуататоры ваши естественные враги, потому что они въ то же время враги всему человѣчеству, въ томъ числѣ и себѣ самимъ. Если бы всѣ люди трудились, то всѣ были бы богаты и счастливы; но если бы всѣ люди эксплуатировали своихъ ближнихъ, не трудясь совсѣмъ, тогда эксплуататоры поѣли бы другъ друга въ одну недѣлю и родъ человѣчскій исчезъ бы съ лица земли. Поэтому кто любитъ трудъ, тотъ, дѣйствуя въ свою пользу, дѣйствуетъ въ пользу всего человѣчества; кто любитъ трудъ, тотъ сознательно любитъ самого себя, тотъ въ самомъ себѣ любилъ бы всѣхъ остальныхъ людей, если бы только не было на свѣтѣ такихъ господъ, которые невольны или умыленно мѣшаютъ всякому полезному труду. Новые люди трудятся и желаютъ своему труду простора и развитія; въ этомъ желаніи, составляющемъ глубочайшую потребность ихъ организма, новые люди сходятся со всѣми милліонами всѣхъ трудящихся людей земного шара, всѣхъ, кто сознательно или безсознательно молить Бога и проситъ ближняго, чтобы не мѣшали ему трудиться и пользоваться плодами труда. Единство интересовъ порождаетъ сочувствіе, и новые люди горячо и сознательно сочувствуютъ всѣмъ дѣйствительнымъ потребностямъ всѣхъ людей. Каждая человѣческая страсть есть признакъ силы, ищущей себѣ приложения; смотря потому, какъ эта сила будетъ приложена къ дѣлу, данная страсть будетъ называться добродѣтельно или порокомъ и будетъ приносить людямъ пользу или вредъ, выгоду или убытокъ. Силы и страсти, приложенныя къ эксплуатаціи ближняго, должны умѣряться какими нибудь нравственными мотивами, потому что иначе онѣ подведутъ человѣка, путемъ порока, подъ уголовный судъ; но силы и страсти, направленныя на производительный трудъ, могутъ безвредно расти и развиваться до какихъ угодно размѣровъ. Люди, живущіе эксплуатаціею, должны остерегаться исключительнаго эгоизма, потому что такой эгоизмъ лишаетъ ихъ всякаго человѣческаго образа и превращаетъ ихъ въ цивилизованныхъ людоедовъ, которые гораздо отвратительнѣе людоедовъ-дикарей. Но люди новые, живущіе трудомъ и чувствующіе физиологическое отвращеніе къ самой гуманной и добродушной эксплуатаціи, могутъ безъ малѣйшей опасности быть эгоистами до послѣдней степени. Эгоизмъ эксплуататора идетъ въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ остальныхъ людей; обогатить себя—для эксплуататора значитъ отнять у другого; эксплуататоръ принужденъ любить себя въ ущербъ всему остальному міру; поэтому, если онъ добродушенъ и богобоязливъ, онъ старается любить себя умѣренно, такъ чтобы и себѣ не было обидно и другимъ *неслишкомъ больно*

но такую умѣренность выдержать очень трудно, то потому эксплуататоръ всегда пускаетъ или слишкомъ много эгоизма, такъ что начинаетъ пожирать другихъ, или слишкомъ мало, такъ что самъ становится жертвою чужого эгоистическаго аппетита. Такъ какъ на нашей прекрасной планетѣ господствуетъ повальная эксплуатация и въ семействѣ, и въ обществѣ, и въ международныхъ отношеніяхъ, то у насъ принято испускать вопли противъ эгоизма, называть эгоистами отъявленныхъ негодяевъ, и, наоборотъ, обвинять въ безнравственности такихъ людей, которые находятся только не на своемъ мѣстѣ. Новые люди держатся вдали отъ всякой эксплуатаціи, безъ малѣйшаго трепета и безъ всякаго вреда для себя и для другихъ погружаются въ глубочайшую пучину эгоизма, и не принимаютъ на себя ни одного пятна несправедливости, исключительно потому, что умѣютъ найти свое мѣсто и пристраститься къ своему дѣлу.

Если человѣкъ стараго закала занимается медицинской практикой, то его эгоизмъ выражается въ томъ, что онъ старается сдѣлать въ день, какъ можно больше визитовъ и пріобрѣсти, какъ можно больше зелененькихъ и синенькихъ бумажекъ; онъ эксплуатируетъ своихъ пациентовъ, выслушиваетъ ихъ невнимательно, прописываетъ рецепты наудачу, бываетъ у такихъ больныхъ, которые вовсе не больны, и дѣлаетъ все это исключительно по привязанности своей къ синенькимъ и зелененькимъ. Такой человѣкъ, конечно, долженъ иногда укрощать свой эгоизмъ и отъ времени до времени читать самому себѣ довольно убѣдительныя нравоченія. Новый человѣкъ занимается медициной не иначе, какъ по страстному влеченію; для него дорогъ каждый часъ, потому что каждый часъ посвящается любимому изученію; для него деньги составляютъ только средства, которыми онъ поддерживаетъ свою жизнь, чтобы имѣть возможность отдавать эту жизнь труду. Передъ постелью больного онъ является мыслителемъ, разрѣшающимъ научный вопросъ. Ему хочется не обобрать пациента, а вылечить его, потому что вылечить—значитъ разрѣшить задачу; пациенту также хочется, чтобы его не обобрали, а вылечили; такимъ образомъ интересы медика и интересы больного сливаются между собою, и эксплуатація не существуетъ; докторъ новаго закала можетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ предаваться своему эгоистическому влеченію, и ему за это скажутъ спасибо и пациенты, и ихъ родственники, и общественное мнѣніе всѣхъ согражданъ. И этому доктору незачѣмъ пугать себя идеею долга, потому что между долгомъ и свободнымъ влеченіемъ для него не существуетъ различія. А все отчего? Все оттого, что найденъ любимый трудъ, оттого, что человѣкъ попалъ на свое мѣсто. Это условіе необходимо.

Безъ него очень трудно, а, можетъ быть, и совсѣмъ невозможно быть честнымъ человѣкомъ вообще.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ жизни новыхъ людей не существуетъ разногласія между влеченіемъ и нравственнымъ долгомъ, между эгоизмомъ и человѣколюбіемъ; это очень важная особенность; это такая черта, которая позволяетъ имъ быть человѣколюбивыми и честными по тому непосредственно сильному влеченію природы, которое заставляетъ каждаго человѣка заботиться о своемъ самосохраненіи и объ удовлетвореніи физическихъ потребностей своего организма. Въ ихъ человѣколюбіи нѣтъ вынужденной искусственности; въ ихъ честности нѣтъ шепетливости мелочности; ихъ хорошія влеченія просты и здоровы, сильны и прекрасны, какъ непосредственныя произведенія богатой природы; да и сами они, эти новые люди, ничто иное, какъ первыя проявленія богатой человѣческой природы, отмывшей отъ себя часть той грязи, которая накопилась на ней во время вѣковыхъ историческихъ страданій. Если общественное мнѣніе не признаетъ въ этихъ людяхъ простыхъ, но честныхъ представителей своей породы, если оно видитъ въ нихъ что то особенное, что то страшное и зловѣщее, то это значить только, что это, такъ называемое, общественное мнѣніе потеряло всякое понятіе о человѣческомъ образѣ, забыло всѣ его примѣты, пугается при встрѣчѣ съ нимъ, какъ съ чѣмъ то незнакомымъ, и принимаетъ за настоящихъ людей ту странную породу двуногихъ, которую Джонатанъ Свифтъ выводитъ въ путешествіи Гулливера подъ именемъ Ягу (jagou), и которой глупость и злость такъ рельефно противоплагаются уму и великодушію мыслящихъ и говорящихъ лошадей. Трудясь для самихъ себя, увлекаясь и наслаждаясь процессомъ труда, новые люди трудятся на пользу человечества, потому что каждый производительный трудъ полезенъ для людей. Сначала новые люди приносятъ пользу и дѣлаютъ добро безсознательно, но потомъ самый процессъ приношенія пользы и дѣланія добра кладетъ начало нравственной связи между тѣмъ, кто приноситъ и дѣлаетъ, и тѣми, кому приносится и для кого дѣлается. Эта связь крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ работникъ новаго закала приноситъ больше пользы и дѣлаетъ больше добра. Это уже старая истина, что намъ свойственно любить тѣхъ, кому мы сдѣлали или дѣлаемъ добро, и эта старая истина на каждомъ шагу находитъ себѣ подтвержденіе. Гарибальди любятъ Италію сильнѣе, чѣмъ какойнибудь другой итальянецъ, и навѣрное теперь старикъ Гарибальди, износившій свою жизнь въ трудахъ и въ изгнаніи, раненый при Аспромонте итальянскою пулею, любитъ свою Италію еще сильнѣе, чѣмъ могъ любить ее лѣтъ тридцать тому назадъ пламенный юноша Гарибальди: тогда онъ любилъ въ ней только родину; теперь онъ,

кромѣ родины, любить въ ней всё свои подвиги, всё свои страданія, всю блестящую вереницу своихъ чистыхъ воспоминаній. Робертъ Оуэнъ, «святой старикъ», какъ называетъ его Лопуховъ у г. Чернышевскаго, всю свою жизнь трудился для людей, и, конечно, подѣ старость любовь его къ людямъ была еще шире, еще теплѣе и, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе обильна сознательнымъ прощеньемъ, чѣмъ была та же любовь въ первые дни его молодости. Для такихъ людей, какъ Оуэнъ и Гарибальди, не существуетъ старческой дряхлости; такіе люди будутъ новыми людьми для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но явленіе, которое мы замѣчаемъ въ ихъ жизни, составляетъ общую принадлежность всѣхъ дѣятелей или мыслителей, отдавшихъ свои силы любимому и полезному труду. Въ этихъ дѣятеляхъ и мыслителяхъ растетъ и крѣпнетъ любовь къ людямъ, по мѣрѣ того, какъ они втягиваются въ свой трудъ и проникаются сознаниемъ его полезности; они становятся постоянно лучше и чище; они постоянно молодѣютъ, вмѣсто того, чтобы дряхлѣть и пошлѣть; они процессомъ своего живого и разумнаго труда смываютъ съ себя ту грязь, которою облѣпили ихъ родители, которою обрызгала ихъ школа, которою постоянно брызжетъ на нихъ «тьма кромѣшная» окружающей жизни.

Люди прежняго времени были красивы и свѣжи въ умственномъ отношеніи только тогда, когда были молоды; проходило лѣтъ десять и вся эта красота и свѣжесть пропадала вмѣстѣ съ румянцемъ щекъ; являлась кропотливость и мелочность, копеечная расчетливость и куриная трусливость; пѣтушекъ превращался въ каллуна, блестящій студентъ дѣлался отъявленнымъ филистеромъ и «проницательнѣйшимъ» читателемъ. Все это было совершенно естественно, потому что прежніе молодые люди только ярились и горячились, только краснорѣчиво болтали и красиво разнѣживались; забава молодости должна была пройти вмѣстѣ съ молодостью, потому что она была забавою. Кто въ молодости не связалъ себя прочными связями съ великимъ и прекраснымъ дѣломъ или, по крайней мѣрѣ, съ простымъ, но честнымъ и полезнымъ трудомъ, тотъ можетъ считать свою молодость безслѣдно потерянною, какъ бы весело она ни прошла и сколько бы пріятныхъ воспоминаній она ни оставила. Заберите съ собою чувства молодости, послѣ не подымете, говоритъ Гоголь, и правду онъ говоритъ. А какъ ихъ заберешь съ собою, если не вложишь ихъ цѣлкомъ въ такое дѣло, на которое до послѣдней минуты твоей жизни будетъ откликаться каждая фибра твоего существа. Кому удалось это сдѣлать, о томъ нечего жалѣть, если даже молодость его прошла въ суровомъ трудѣ, вдали отъ дорогихъ и близкихъ людей, безъ наслажденій, безъ объятій любимой женщины. И дорогіе люди, и наслажденія, и

любимая женщина, все это, несомнѣнно, очень хорошія вещи, но самъ человѣкъ для самого себя дороже всего на свѣтѣ. Если цѣною труда и лишеній, цѣною потраченной молодости, цѣною потерянной любви онъ купилъ себѣ право глубоко и сознательно уважать самого себя, право унести съ собою на край свѣта и удержать за собою во всѣхъ испытаніяхъ неизмѣнную молодость и свѣжесть ума и чувства, то нельзя сказать, что онъ заплатилъ слишкомъ дорого. Онъ отдалъ кусокъ жизни, чтобы по человѣчески прожить всю жизнь; онъ лишился двухъ, трехъ радостей, но взаменъ ихъ получилъ высшее наслажденіе, которое служить украшеніемъ для жизни и поддержкою въ минуту агоніи; онъ получилъ право знать себѣ настоящую цѣну и видѣть, что цѣна эта не мала.

Вотъ эгоизмъ новыхъ людей, и этому эгоизму нѣтъ границъ; ему они дѣйствительно приносятъ въ жертву всѣхъ и все. Любятъ они себя до страсти, уважаютъ до благоговѣнія; но такъ какъ они даже въ отношеніи къ самимъ себѣ не могутъ быть слѣпыми и снисходительными, то имъ приходится держать ухо востро, чтобы удерживать за собою во всякую данную минуту свою любовь и свое уваженіе. Еще больше, чѣмъ своею любовью и своимъ уваженіемъ, они дорожатъ прямыми и откровенными отношеніями своего анализирующаго и контролирующаго «Я» къ тому «Я», которое дѣйствуетъ и распоряжается внѣшними условіями жизни. Если бы одно «Я» не могло смотрѣть смѣло и рѣшительно въ глаза другому «Я», если бы одно «Я» вздумало отвѣчать увертками и софизмами на запросы другого «Я», а другое «Я» въ это время осмѣлилось бы смотрѣть сквозь пальцы и удовлетворяться пустыми отговорками перваго, то вслѣдъ за этимъ позорнымъ сумбуромъ въ душѣ новаго человѣка забушевало бы такое отчаяніе и родилось бы такое конвульсивное отвращеніе къ своей опоганенной особикѣ, что онъ навѣрное наплевалъ бы себѣ въ глаза, и, потомъ, исказивши себя такимъ образомъ, кинулся бы головою впередъ въ самый глубокой омутъ. Новый человѣкъ знаетъ очень хорошо, какъ онъ неумолимъ и безжалостенъ къ самому себѣ; новый человѣкъ боится самого себя, больше чѣмъ кого бы то ни было; онъ сила—и горе ему, если когда нибудь его сила обратится противъ него самого. Если онъ сдѣлаетъ такую гадость, которая произведетъ въ немъ внутренней разладъ, то онъ знаетъ, что отъ этого разлада не будетъ другого лекарства, кромѣ самоубійства или сумасшествія. Мнѣ кажется, что такая потребность самоуваженія и такая боязнь собственнаго суда будетъ покрѣпче тѣхъ нравственныхъ перилъ, которыя отдѣляютъ людей стараго закала отъ разныхъ мерзостей, тѣхъ перилъ, черезъ которыя разная недѣлимая обою пола такъ свободно и изящно порхаютъ туда и обратно,—тѣхъ перилъ, за неимѣніемъ

которыхъ новымъ людямъ приходится выслушивать такія утомительныя наставленія со стороны «проницательныхъ читателей», владѣющихъ перомъ или одержимыхъ слабостью къ назидательному краснорѣчію. Новые люди всѣми преимуществами своего типа обязаны живительному вліянію любимого труда. Благодаря ему, они могутъ быть полнѣйшими эгоистами; чѣмъ глубже становится ихъ эгоизмъ, тѣмъ сильнѣе дѣлается ихъ любовь къ человѣчеству, тѣмъ невзмѣннѣе и прочнѣе держится въ новыхъ людяхъ ихъ молодость и свѣжесть, тѣмъ шире раскрываются умъ и чувство, тѣмъ болѣе они дорожатъ своимъ собственнымъ уваженіемъ, тѣмъ строже становится ихъ вѣрность самимъ себѣ, и, вслѣдствіе всего этого, тѣмъ ближе подходятъ они къ всестороннему развитію своихъ силъ и къ безбрежной полнотѣ своего счастья.

IV.

Люди, живущіе эксплуатаціе ближнихъ или присвоеніемъ чужого труда, находятся въ постоянной наступательной войнѣ со всѣмъ окружающимъ ихъ міромъ. Для войны необходимо оружіе, и такимъ оружіемъ оказываются умственные способности. Умъ эксплуататоровъ почти исключительно прилагается къ тому, чтобы перехитрить собесѣда или распутать его интриги. Нанести поражение ближнему, или отпарировать его ловкій ударъ—значитъ обнаружить силу своего оружія и свое умѣніе распоряжаться имъ, или, говоря языкомъ менѣе воинственнымъ и болѣе употребительнымъ, значить выказать тонкій умъ и обширную житейскую опытность. Умъ заостряется и закаляется для борьбы, но всѣмъ извѣстно по опыту, что чѣмъ лучше оружіе приспособлено къ военному дѣлу, тѣмъ менѣе оно пригодно для мирныхъ занятій. Студенты, при всемъ своемъ остроуміи, могли приурочить свои шаги только къ мѣшанію въ печкѣ, да еще къ варенію жженки, но и эти двѣ должности оружіе войны и символъ чести исполняегь довольно плохо. То же самое можно сказать и объ умѣ, воспитанномъ для междоусобныхъ распрей. Въ немъ развиваются очень сильно нѣкоторыя качества, совершенно ненужныя и даже положительно вредныя для успѣшнаго хода мирнаго мышленія. Мелкая проницательность, мелкая подозрительность, умѣніе и охота всматриваться очень внимательно въ такіе крошечные случаи всѣдневной жизни, которые вовсе не заслуживаютъ изученія, умѣніе и охота морочить себя и другихъ софизмами, шитыми на живую нитку, — вотъ тѣ свойства, которыми обыкновенно отличается умъ практическаго человѣка нашего времени. Умъ этотъ непремѣнно дѣлается близорукимъ, потому что практической человѣкъ постоянно смотритъ себѣ подъ ноги, чтобы не попасть въ какую нибудь западню. Мелкихъ неудачъ онъ остерегается очень тщатель-

но, и ему дѣйствительно часто случается избавляться отъ нихъ, благодаря своей мелочной осмотрительности, но за то надъ общимъ направленіемъ своей жизни практической человѣкъ теряетъ всякій контроль; онъ бредетъ потихоньку и все смотритъ себѣ подъ ноги, а потомъ вдругъ оглядывается кругомъ, и самъ не знаетъ, куда это его занесло. Обобщать факты онъ, благодаря типическимъ свойствамъ своего ума, рѣшительно не умѣетъ; отдавать себѣ отчетъ въ общемъ положеніи вещей и придавать своимъ поступкамъ какой нибудь общій смыслъ онъ также не въ состояніи; событія уносятъ его съ собою, и величайшая мудрость его состоитъ въ томъ, чтобы не противиться ихъ теченію, котораго онъ все таки не понимаетъ. Величайшими представителями этого типа практическихъ людей и эксплуататоровъ можно назвать Меттерниха и Талейрана: никто не скажетъ, чтобы у этихъ господъ не было природнаго ума, но всякій пойметъ также, что этотъ умъ долговременною дрессировкою, начавшеюся съ колыбели, былъ заостренъ и закаленъ для самаго односторонняго употребленія, именно для того, чтобы морочить людей софизмами, не поддаваясь софизмамъ противоположнаго лагеря. Вся тайна призрачнаго могущества Меттерниха и Талейрана заключается въ ихъ гибкости и безцвѣтности, въ ихъ полномъ равнодушіи къ своимъ собственнымъ софизмамъ и въ ихъ вседневной готовности переходить отъ одного софизма къ другому совершенно противоположному. Они не имѣли надъ событіями никакой власти и не оказывали на нихъ ни малѣйшаго вліянія, точно также какъ флюгеръ только указываетъ на перемѣну вѣтра, а не производитъ ея. Никакая буря не могла разбить Талейрана, потому что въ немъ нечего было разбивать, — не было никакого твердаго содержанія. Если же Меттерниха разбила революція 1848 года, то это обстоятельство слѣдуетъ приписать исключительно наивности добрыхъ нѣмцевъ: они приняли вывѣску принципа за самый принципъ; вывѣску сняли—они прокричали «в и в а т ь» и, конечно, остались въ дуракахъ. Умъ Меттерниха, Талейрана и всякихъ другихъ эксплуататоровъ, мелкихъ и крупныхъ, отличается крайнею односторонностью; онъ только на то и годится, чтобы поражать другихъ людей въ сраженіи, т. е., чтобы водить ихъ за носъ. Когда такіе господа руководствуются расчетами своего ума, то можно сказать заранѣе, что эти расчеты заставятъ ихъ сдѣлать какую нибудь гадость, потому что эти расчеты близоруки, а внутренія узкаго и близорукаго эгоизма, всегда подають поводъ къ самымъ возмутительнымъ несправедливостямъ.

Люди стараго закала знаютъ это очень хорошо, и потому они говорятъ, что умъ долженъ управлять нашими поступками, когда мы сталкиваемся съ посторонними людьми; когда же мы

входимъ въ свое семейство или вступаемъ въ сношенія со своими друзьями, то должны класть свое боевое оружіе въ ножны и дѣйствовать по внушенію чувства, чтобы не изранить и не надуть по неосторожности людей, которыхъ мы дѣйствительно и безкорыстно любимъ. У людей стараго закала голосъ чувства и голосъ разсудка находятся въ постоянномъ разладѣ, и потому они, во избѣжаніе дисгармоніи, всегда заставляютъ молчать одинъ изъ этихъ голосовъ, когда говорить другой. А изъ этого выходитъ естественное слѣдствіе, что въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ они почти всегда бываютъ жестоки и несправедливы, а въ своей домашней жизни—недѣлы и безтолковы. Здоровые люди не должны раздваивать своего существа; каждый предметъ, обращающій на себя ихъ вниманіе, долженъ разсматриваться съ разныхъ сторонъ; впечатлѣніе, которое этотъ предметъ производитъ на непосредственное чувство, такъ же важно, какъ то официальное впечатлѣніе, которое онъ оставляетъ по себѣ въ нашемъ анализирующемъ умѣ. Если существуетъ разногласіе между требованіями нашего чувства и сужденіемъ нашего ума, то эту разногласію надобно устранить, умъ и чувство надо примирить; но примираются они не тѣмъ, что мы скажемъ тому или другому—«молчать!»—а тѣмъ, что мы тщательно и спокойно сличимъ требованіе чувства съ сужденіемъ ума, дойдемъ скрытыхъ причинъ того и другого, и наконецъ, путемъ безпристрастнаго размышленія, дойдемъ до такого рѣшенія, которымъ одинаково удовлетворятся и умъ, и чувство. У людей, живущихъ присвоеніемъ, соглашеніе между умомъ и чувствомъ невозможно; ихъ чувство проявляется безпорядочными вспышками, которыя имѣютъ чисто фізіологическое основаніе, а умъ ихъ не признаетъ самыхъ элементарныхъ началъ справедливости, потому что справедливость, т. е. общая польза, находится въ вѣчномъ разладѣ съ мелкою, житейскою личною выгодною. Спрашивается: есть ли какая нибудь возможность помирить чувство, вытекающее изъ слабонервности и прекращающееся отъ приема лавровишневыхъ капель, съ расчетомъ, основаннымъ на рубляхъ и копейкахъ и неспособнымъ видѣть за рублями и копейками ни законовъ природы, ни страданій живого человѣка?—Конечно, на это нѣтъ никакой возможности и ни малѣйшей необходимости. По настоящему, надо было бы уничтожить и то и другое, т. е., и безтолковую чувствительность, и безтолковую скаредность; надо было бы возвратитъ изуродованному уму его первобытную способность къ широкому мышленію, обобщающему разрозненные факты и постигающему связь между причинами и слѣдствіями: надо было бы превратить людей стараго закала въ людей новыхъ; но такъ какъ подобное превращеніе совершенно невозможно, то надо махнуть на нихъ рукою: пускай ихъ

переходятъ отъ конторскихъ книгъ къ лавровишневымъ каплямъ, отъ страстныхъ объятій къ биржевой игрѣ и отъ благонамѣреннаго надувательства къ добродѣтельному умиленію передъ закатомъ солнца.

Если я такъ долго останавливался на ихъ умѣ и чувствѣ, то это даетъ мнѣ возможность очень коротко охарактеризовать соотвѣтствующія особенности ума и чувства новыхъ людей: у нихъ умъ и чувство находятся въ постоянной гармоніи, потому что ихъ умъ не превращенъ въ орудіе наступательной борьбы; ихъ умъ не употребляется на то, чтобы надувать другихъ людей, и поэтому они сами могутъ всегда и во всемъ довѣряться его приговорамъ; не привыкли мошенничать съ сосѣдями, ихъ умъ не мошенничаетъ и съ самимъ хозяиномъ. Зато новые люди дѣйствительно питаютъ къ уму своему самое безграничное довѣріе. Это надо понимать не въ томъ смыслѣ, будто каждый изъ нихъ считаетъ себя умнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Совсѣмъ нѣтъ. Каждый изъ нихъ думаетъ только, что каждый взрослый человѣкъ, одаренный самыми обыкновенными умственными способностями, можетъ обсудить свое положеніе и свои поступки гораздо лучше и отчетливѣе, чѣмъ обсудилъ бы ихъ за него со стороны величайшій изъ гениальныхъ мыслителей. Какъ бы ни было красиво и утѣшительно какое нибудь міросозерцаніе, сколько бы вѣковъ и народовъ не считали его за непреложную истину, какіе бы міровые гени не преклонялись передъ его убѣдительностью,—самый скромный изъ новыхъ людей приметъ его только въ томъ случаѣ, когда оно соотвѣтствуетъ потребностямъ и складу его личнаго ума. У cadaго новаго человѣка есть свой внутренній міръ, въ которомъ личный умъ господствуетъ съ неограниченнымъ самовластіемъ; въ этотъ міръ проникаетъ только то, что пропускаетъ личный умъ, и только то, что по самой природѣ своей можетъ признать надъ собою полное господство личнаго ума. Что не покоряется личному уму, о томъ новый человѣкъ говоритъ очень скромно: «этого я не понимаю», а что остается непонятнымъ, того новый человѣкъ не пускаетъ во внутренній міръ и тому онъ свидѣтельствуетъ издали свое глубочайшее почтеніе, если того требуютъ внѣшнія обстоятельства.

Когда ветхому человѣку приходится вести съ собственнымъ умомъ откровенныя бесѣды, то при этомъ высказываются довольно шекотливыя истины: «Вѣдь, я тебя, пріятель, знаю, говорить ветхій человѣкъ своему уму: вѣдь, ты подлецъ, какихъ мало. Вѣдь, если дать тебѣ волю, ты придумаешь такую кучу гадостей, что мнѣ самому противно сдѣлается, хоть я человѣкъ не брезгливый. Постой же, голубчикъ, я тебя вышколю». И затѣмъ начинается усовѣщиваніе ума и запугиваніе его посредствомъ разныхъ крайне

почтенныхъ понятій, которыми должны сдерживаться слишкомъ художественныя его стремленія. Для новаго человѣка также невозможно производить надъ своимъ умомъ такія продѣлки, какъ невозможно для всякаго человѣка вообще укусить свой собственный локоть. Во первыхъ, чѣмъ ты его запугаешь? А во вторыхъ, зачѣмъ запугивать? Нечѣмъ и не зачѣмъ. Новый человѣкъ вѣрить своему уму, и вѣрить только ему одному; онъ вводитъ свой умъ во всѣ обстоятельства своей жизни, во всѣ завѣтные уголки своего чувства, потому что нѣтъ той вещи и нѣтъ того чувства, которое его умъ могъ бы замарать или опошлить своимъ прикосновеніемъ. Когда ветхіе люди влюбляются, они выдаютъ своему уму безсрочный отпускъ и, благодаря его отсутствію, дѣлаютъ разныя глупости, которыя очень часто превращаются въ гадости вовсе не шуточного размѣра. Дѣвухку или женщину заставляютъ сдѣлать рѣшительный шагъ, а къ этому времени возвращается изъ своей отлучки разсудокъ—и ветхій человѣкъ, испугавшись послѣдствій своей невинной шутки, обращается въ расчетливое бѣгство и потомъ оправдывается тѣмъ, что онъ самъ себя не помнилъ, что былъ, какъ сумасшедшій. Ветхіе люди только и дѣлаютъ, что грѣшатъ и каются, и неизвѣстно, когда они бывають подлѣе: когда грѣшатъ или когда каются.

Новые люди не грѣшатъ и не каются; они всегда размышляютъ, и потому дѣлаютъ только ошибки въ расчетѣ, а потомъ исправляютъ эти ошибки и избѣгаютъ ихъ въ послѣдующихъ выкладкахъ. У новыхъ людей добро и истина, честность и знаніе, характеръ и умъ оказываютъ тождественными понятіями; чѣмъ умнѣе новый человѣкъ, тѣмъ онъ честнѣе, потому что тѣмъ меньше ошибокъ вкрадывается въ расчеты. У новаго человѣка нѣтъ причинъ для разлада между умомъ и чувствомъ, потому что умъ, направленный на любимый и полезный трудъ, всегда совѣтуетъ только то, что согласно съ личною выгодною, совпадающею съ истинными интересами человѣчества и, слѣдовательно, съ требованіями самой строгой справедливости и самаго щекотливаго нравственнаго чувства.

Основные особенности новаго типа, о которыхъ я говорилъ до сихъ поръ, могутъ быть сформулированы въ трехъ главныхъ положеніяхъ, находящихся въ самой тѣсной связи между собою.

I. Новые люди пристрастились къ общеплезному труду.

II. Личная польза новыхъ людей совпадаетъ съ общею пользою, и эгоизмъ ихъ вмѣщаетъ въ себя самую широкую любовь къ человѣчеству.

III. Умъ новыхъ людей находится въ самой полной гармоніи съ ихъ чувствомъ, потому что ни умъ, ни чувство ихъ не искажены хроническою враждою противъ остальныхъ людей.

А все это вмѣстѣ можетъ быть выражено еще короче: новыми людьми называются мыслящіе работники, любящіе свою работу. Значить, и злиться на нихъ не зачѣмъ.

V.

Обозначенныя мною особенности новаго типа представляютъ только самыя общіе контуры, внутри которыхъ открывается самый широкій просторъ всему безконечному разнообразію индивидуальныхъ стремленій, силъ и темпераментовъ человѣческой природы. Эти контуры тѣмъ и хороши, что они не урѣзываютъ ни одной оригинальной черты и не навязываютъ человѣку ни одного обязательнаго свойства. Въ этихъ контурахъ уживется и насладится полнымъ счастіемъ каждый человѣкъ, если только онъ не испорченъ до мозга костей произвольно придуманными аномаліями нашей неестественной жизни. Но такъ какъ эти контуры не могутъ дать читателю полнаго понятія о живыхъ человѣческихъ личностяхъ, принадлежащихъ къ новому типу, то я обращаюсь теперь къ роману г. Чернышевскаго и возьму изъ него тотъ эпизодъ, въ которомъ сосредоточивается главный его интересъ. Я постараюсь прослѣдить, какъ развивается въ Вѣрѣ Павловнѣ любовь къ другу ея мужа, Кирсанову, и какъ ведутъ себя въ этомъ случаѣ Лопуховъ, Кирсановъ и Вѣра Павловна.

Когда Вѣра Павловна тайкомъ отъ родителей вышла замужъ за Лопухова, то и мужъ и жена силою обстоятельствъ были принуждены работать пристально и усердно. Надо было спастись отъ нужды; онъ занимался переводами и уроками, она также давала уроки; оба трудились добросовѣстно и мало по малу ввели въ свою жизнь комфортъ и изящество. Когда имъ перестала угрожать нужда, Вѣра Павловна задумалась надъ устройствомъ такой швейной мастерской, въ которой былъ бы совершенно устраненъ элементъ эксплуатаціи работницъ. Задумалась и устроила. Много времени потребовалось на то, чтобы ознакомить работницъ съ новымъ порядкомъ, много нужно было осторожности и искусства, чтобы не озадачить ихъ новизною устройства и не оттолкнуть ихъ отъ небывалаго предпріятія; однако Вѣрѣ Павловнѣ удалось побѣдить всѣ эти трудности, и года черезъ два послѣ своего основанія мастерская доставляла всѣмъ швеямъ возможность имѣть просторную и здоровую общую квартиру, сытый и вкусный столъ, нѣкоторыя развлеченія и частицу свободнаго времени для умственныхъ занятій. Развитіе и окончательное усовершенствованіе мастерской описаны г. Чернышевскимъ очень ясно, подробно и съ тою сознательною любовью, которую подобныя учрежденія естественнымъ образомъ внушаютъ ему, какъ специалисту по части соціальной науки.

Въ практическомъ отношеніи это описаніе мастерской, дѣйствительно существующей или идеальной—все равно, составляетъ, можетъ быть, самое замѣчательное мѣсто во всемъ романѣ. Тутъ уже самые лютые ретрограды не сумѣютъ найти ничего мечтательнаго и утопическаго, а между тѣмъ, этою строною своею романъ «Что дѣлать?» можетъ произвести столько дѣятельнаго добра, сколько не произвели до сихъ поръ всѣ усилія нашихъ художниковъ и обличителей. Ввести плодотворную идею въ романъ и примѣнить ее именно къ такому дѣлу, которое доступно силамъ женщины,—мысль, какъ нельзя болѣе счастливая. Если бы эта мысль заглохла безъ свѣда, то пришлось бы изумиться умственной вялости нашего общества—съ одной стороны, и силѣ обстоятельствъ, задерживающихъ его развитіе—съ другой. Но, отдавая должную справедливость этимъ свойствамъ нашей жизни, нельзя не сказать однако, что совершенно безслѣдно мысль эта могла пройти только развѣ между крестинами. Поэтому не одно честное сердце отозвалось на нее, не одинъ свѣжій голосъ откликнулся на этотъ призывъ къ дѣятельности, обращенный къ нашимъ женщинамъ. Въ этомъ отношеніи г. Чернышевскій, разрушитель эстетики, оказался единственнымъ нашимъ беллетристомъ, художественное произведеніе котораго имѣло непосредственное вліяніе на наше общество, правда, на небольшую часть его, но за то на лучшую.

Главнѣйшія основанія въ устройствѣ мастерской Вѣры Павловны заключались въ томъ, что прибывъ дѣлалась поровну между всѣми работницами, и потомъ расходовалась самымъ экономическимъ и расчетливымъ образомъ: вмѣсто нѣсколькихъ маленькихъ квартиръ нанималась одна большая; вмѣсто того, чтобы покупать съѣстные припасы по мелочамъ, ихъ покупали оптомъ. Для личной жизни Вѣры Павловны устройство мастерской и прежніе труды по урокамъ важны въ томъ отношеніи, что они ограждаютъ ее въ глазахъ читателя отъ подозрѣнія въ умственной пустотѣ. Вѣра Павловна—женщина новаго типа; время ея наполнено полезнымъ и увлекательнымъ трудомъ; стало быть, если въ ней родится новое чувство, вытѣсняющее ея привязанность къ мужу, то это чувство выражаетъ собою дѣйствительную потребность ея природы, а не случайную прихоть празднаго ума и блуждающаго воображенія. Возможность этого новаго чувства обуславливается очень тонкимъ различіемъ, существующимъ между характерами Лопухова и его жены. Это различіе, разумеется, не производитъ между ними взаимнаго неудовольствія, но мѣшаетъ имъ доставить другъ другу полное семейное счастье, котораго оба они имѣютъ право требовать отъ жизни.

Гейне въ своей книгѣ о Берне различаетъ два главные типа людей: одни, страстно и

упорно сосредоточивающіе свои силы на одной обожаемой идеѣ, причисляются къ іудейскому типу; другіе, раскидывающіе свои силы во всѣ стороны и вездѣ отыскивающіе себѣ наслажденія, составляютъ типъ эллинскій. Гейне замѣчаетъ, что эти типы находятъ въ себѣ блестящее воплощеніе въ тѣхъ двухъ народахъ, которымъ они обязаны своими названиями, но что, несмотря на то, они часто перекрещиваются между собою, такъ что коренной іудей оказывается эллиномъ по характеру, а чистѣйшій эллинъ—іудеемъ. Гейне самого себя причисляетъ къ эллинскому типу, а своего строгаго критика Берне считаетъ чистымъ представителемъ типа іудейскаго. Оба типа встрѣчаются всего чаще въ смяченномъ и ослабленномъ видѣ, и очень рѣдко доходятъ до своего полного развитія.

Разбирая характеръ Лопухова и его жены, я могу сказать, что онъ былъ преимущественно іудей, а она склонялась къ эллинскому типу. Она любитъ цвѣты и картины, любитъ покушать сливокъ, понѣжиться въ теплой и мягкой постели, развлечься оперной музыкой; у него въ кабинетѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни картинъ; на стѣнѣ висятъ только ея портретъ и портретъ «святого старика», Роберта Оуэна; онъ много работаетъ, а веселится рѣдко, и воодушевляется только тогда, когда заходитъ рѣчь о его обожаемой идеѣ, о той идеѣ, съ которою связаны имена Оуэна, Фурье и немногихъ другихъ истинныхъ друзей человѣчества. Эти внѣшнія различія служатъ признаками болѣе глубокихъ внутреннихъ различій. Ей необходимо постоянное присутствіе любимаго человѣка, постоянно согревающее вліяніе его ласки и нѣжности, постоянное участіе его въ ея работахъ и въ ея забавахъ, въ ея серьезныхъ размышленіяхъ и въ ея полурѣбаческихъ шалостяхъ. Въ немъ, напротивъ того, нѣтъ потребности въ каждую данную минуту жить съ нею одною жизнью, участвовать въ каждой ея радости, дѣлить поровну каждое впечатлѣніе. Онъ всегда поможетъ ей въ минуту раздумья или огорченія; онъ подойдетъ къ ней, если она позоветъ его въ минуту веселья, но подойдетъ или по ея призыву, или потому, что безъ ея словъ угадаетъ ея желаніе; въ немъ самомъ нѣтъ внутренняго влеченія къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя любитъ она. Ему необходимо иногда уединиться и сосредоточиваться; онъ самъ говоритъ о себѣ, что отдыхаетъ только тогда, когда остается совершенно одинъ. Стало быть, въ семейной жизни Лопуховыхъ непремѣнно одинъ изъ супруговъ долженъ былъ въ угоду другому подавлять личную особенность своего характера. При такихъ условіяхъ полное счастье любви совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что такіе люди, какъ Лопуховы, превосходно понимаютъ условія настоящаго счастья и по высотѣ своей умствен-

ной организаци и своего развитія неизбежно оказываются очень требовательными въ отношеніи всѣхъ процессовъ психической жизни. Когда къ аккорду любви примѣшивается малѣйшій фальшивый звукъ, соответствующій едва замѣтному стѣсненію одной изъ любящихся личностей, тогда весь аккордъ оказывается диссонансомъ, и диссонансъ этотъ дѣлается тѣмъ томительнѣе и тяжелѣе, чѣмъ выше и тоньше организаци заинтересованныхъ лицъ. Когда умный и честный мужчина и умная и честная женщина стараются осчастливить другъ друга и не могутъ достигнуть этого, и видятъ бесплодность своихъ усилій, то оба становятся мучениками; чтобы выйти изъ этого страшно драматическаго положенія, имъ необходимо разстаться, какъ бы ни было велико ихъ взаимное уваженіе, и какъ бы ни была сильна связывающая ихъ дружба.

Только на четвертый годъ своего замужества Вѣра Павловна начинаетъ чувствовать, что какія то потребности ея душевной жизни остаются неудовлетворенными; это смутное чувство неудовлетворенія долго остается несознаннымъ, потому что жизнь Вѣры Павловны въ родительскомъ домѣ была очень тяжелой; вырвавшись, какъ она говоритъ, «изъ подвала», она рада была воздуху свободы, она была полна признательностью къ своему освободителю, несмотря на то, что и она, и освободитель ея совершенно справедливо считаютъ признательность унижительною чувствомъ, которое порабощаетъ одного человѣка и оскорбляетъ другого. Четыре года разумной и свободной жизни развернули богатія способности Вѣры Павловны, изгладили тяжелыя воспоминанія о подвалѣ и дали нашей героинѣ возможность относиться совершенно непринужденно, безъ всякой примѣси признательности къ личности освободителя, который, конечно, самъ былъ особенно радъ тому, что пропала низкая признательность и явилось совершенно свободное уваженіе. Но уваженіе и признательность Вѣры Павловны къ своему доброму и умному мужу такъ сильны, что она приходитъ въ совершенный ужасъ, когда въ голову ея закрадывается сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли она его любитъ, и дѣйствительно ли она съ нимъ счастлива.

«Вѣра Павловна просыпается съ этимъ восклицаніемъ, и быстрѣе, чѣмъ сонала она, что видѣла только сонъ, и что она проснулась, она уже вскочила, она бѣжитъ.

—Мой милый, обними меня, защити меня! Мнѣ снился страшный сонъ!—Она жметъ къ мужу.—Мой милый, ласкай меня, будь нѣженъ со мною, защити меня!

—Вѣрочка, что съ тобою?—Мужъ обнимаетъ ее.—Ты вся дрожишь.—Мужъ цѣлуетъ ее.—У тебя на щекахъ слезы, у тебя холодный потъ на лбу. Ты босая бѣжала по холодному полу,

моя милая; я цѣлую твои ножки, чтобы согрѣть ихъ.

—Да, ласкай меня, спаси меня! Мнѣ снился гадкій сонъ, мнѣ снилось, что я не люблю тебя.

—Милая моя, кого же ты любишь, какъ же меня? Нѣтъ, это пустой, смѣшной сонъ!

—Да, я люблю тебя, только ласкай меня, цѣлуй меня,—я тебя люблю, я тебя хочу любить.

Она крѣпко обнимаетъ мужа, вся жметъ къ нему и, успокоенная его ласками, тихо засыпаетъ, цѣлуя его.

Въ это утро Дмитрій Сергѣичъ (Лопуховъ) не идетъ звать жену пить чай: она здѣсь, прижавшись къ нему; она еще спитъ; онъ смотритъ на нее и думаетъ: «что это такое съ ней, чѣмъ она была испугана, откуда этотъ сонъ?»

Новые люди никогда ничего не требуютъ отъ другихъ; имъ самимъ необходима полная свобода чувствъ, мыслей и поступковъ, и потому они глубоко уважаютъ эту свободу въ другихъ. Они принимаютъ другъ отъ друга только то, что дается, не говорю добровольно,—этого мало, но съ радостью, съ полнымъ и живымъ наслажденіемъ. Понятіе жертвы и стѣсненія совершенно не имѣетъ мѣста въ ихъ міросозерпаніи. Они знаютъ, что человѣкъ счастливъ только тогда, когда его природа развивается въ полной своей оригинальности и неприкосновенности; поэтому они никогда не позволяютъ себѣ вторгаться въ чужую жизнь съ личными требованіями или съ навязчивымъ участіемъ. Вѣра Павловна въ приведенной сценѣ требуетъ отъ мужа ласки и нѣжности, и онъ, разумеется, съ радостью исполняетъ ея желаніе; но требуетъ или проситъ она только потому, что не помнитъ себя отъ испуга; въ нормальномъ положеніи она ничего не станетъ требовать; ей будетъ казаться, что мужъ ласкаетъ ее не по собственному влеченію, не для себя, а для нея, и когда появится эта мысль, тогда ей будетъ тяжело, и, наконецъ, невозможно принимать тѣ ласки, которыя составляютъ однако потребность ея любящей природы. Лопуховъ понимаетъ это и потому задумывается надъ ея сномъ и надъ происшедшею между ними сценою. Черезъ мѣсяцъ послѣ страшнаго сна происходитъ слѣдующая сцена, находящаяся въ прямой связи съ предыдущею.

—«Вѣрочка, милая моя, что ты задумчива?

Вѣра Павловна плачетъ и молчитъ.—Нѣтъ,—она утерла слезы,—нѣтъ не ласкай, мой милый! Довольно! Благодарю тебя!—И она такъ кротко и искренно смотритъ на него;—благодарю тебя, ты такъ добръ ко мнѣ.

—Добръ, Вѣрочка? Что это, какъ это?

—Добръ, мой милый; ты добрый».

Теперь уже никакія силы, никакія старанія

не могутъ возстановить нарушенной гармоніи любви. Когда женщина думаетъ, что мужчина ласкаетъ ее по своей добротѣ, вся ея законная гордость возмущается противъ этой обидной доброты, вся ея деликатность стремится оттолкнуть прочь эту жертву. Кто любитъ, тотъ непрѣменно хочетъ, чтобы любовь доставляла равныя наслажденія ему и другому. Гдѣ это условіе не соблюдено, тамъ мужчина и женщина могутъ быть друзьями, могутъ уважать другъ друга, но любви между ними не можетъ и не должно существовать, потому что любовь была бы порабощеніемъ для одного изъ нихъ и несчастіемъ для обоихъ. Черезъ два дня натянутость положенія становится еще замѣтнѣе.

«Мужъ сидитъ подлѣ нея, обнявъ ее...

«Да, это не то, во мнѣ нѣтъ того», думаетъ Лопуховъ.

«Какой онъ добрый, какая я неблагодарная!» думаетъ Вѣра Павловна.

Вотъ что они думаютъ.

Она говоритъ:—мой милый, иди къ себѣ, занимайся, или отдохни,—и хочетъ сказать, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, неунылымъ тономъ.

—Зачѣмъ же, Вѣрочка, ты гонишь меня? мнѣ и здѣсь хорошо,—и хочетъ, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, веселымъ тономъ.

—Нѣтъ, иди, мой милый. Ты довольно дѣлаешь для меня. Иди, отдохни. Онъ цѣлуетъ ее и она забываетъ свои мысли, и ей опять такъ сладко и легко дышать.

—Благодарю тебя, мой милый, говоритъ она».

То, что происходитъ между Лопуховымъ и его женою, не бросаетъ ни малѣйшей тѣни ни на него, ни на нее. Съ ихъ стороны не было даже ошибки въ выборѣ, потому что обстоятельства добраго стараго времени, окружавшія Вѣру Павловну въ родительскомъ домѣ, дѣлали всякій свободный выборъ, всякое колебаніе и даже всякое промедленіе совершенно невозможными. Ей надо было прежде всего вырваться изъ подвала; ему, какъ честному человѣку, надо было прежде всего высвободить ее изъ невыносимаго положенія. Если бы при такихъ условіяхъ, они стали внимательно изучать другъ друга, да изслѣдовать тончайшія особенности характеровъ, то ихъ надо было бы назвать старыми тряпками, вродѣ Рудина, а никакъ не свѣжими людьми новаго типа. Они видѣли другъ въ другѣ честныхъ и умныхъ людей, братьевъ по взгляду на жизнь; этого было совершенно достаточно для того, чтобы онъ смѣло протянулъ ей руку, и для того, чтобы она не задумываясь приняла предлагаемую опору. Этотъ образъ дѣйствій былъ совершенно согласенъ съ ихъ характерами, и онъ самъ по себѣ былъ безусловно хорошъ. Теперь изъ этого образа дѣйствія развиваются послѣдствія, одинаково тягостныя для Лопухова и для его жены. Вѣтхіе

люди не сумѣли бы справиться съ этими послѣдствіями; они стали бы обвинять и мучить другъ друга, когда ни тотъ, ни другой ни въ чемъ невиноваты; они стали бы дѣйствовать наперекоръ собственной своей природѣ, и, разумѣется, изъ этихъ неестественныхъ и неразумныхъ усилій не вышло бы ничего, кромѣ бесплоднаго страданія; они съ тупой покорностью склонили бы голову передъ такъ называемымъ рѣшеніемъ судьбы, между тѣмъ, какъ въ ихъ собственныхъ рукахъ находились бы всѣ средства завоевать себѣ полное и прочное счастье. Новые люди въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ совершенно иначе; они спокойно и внимательно осматриваютъ свое положеніе, убѣждаются, что оно дѣйствительно тяжело, стараются передѣлать не природу, а обстоятельства, и, благодаря своимъ разумнымъ усиліямъ, всегда находятъ себѣ счастливый выходъ изъ самыхъ серьезныхъ затрудненій. Цѣльность природы, гармонія между умомъ и чувствомъ и постоянное присутствіе духа должны непрѣменно преодолевать такія препятствія, передъ которыми вѣтхіе люди останавливаются въ недоумѣніи и приходять въ безвыходное отчаяніе.

VI.

Вѣра Павловна надѣется снова найти себѣ счастье и спокойствіе въ серьезной и заботливой любви своего мужа, но Лопуховъ, какъ человѣкъ болѣе опытный, понимаетъ, что надѣяться поздно. Ему тяжело отказываться отъ того, что онъ считалъ своимъ счастьемъ, но онъ не ребенокъ и не старается поймать луну руками. Онъ видитъ, что причины разлада лежатъ очень глубоко, въ самыхъ основахъ обоихъ характеровъ, и потому онъ старается не о томъ, чтобы кое какъ заглушить разладъ, а, напротивъ, о томъ, чтобы радикально исправить бѣду, хотя бы ему пришлось совершенно отказаться отъ своихъ отношеній къ любимой женщинѣ. Тутъ нѣтъ никакого сверхъестественнаго героизма. Тутъ только ясный и вѣрный расчетъ. Когда благоразумный человѣкъ раненъ и когда пуля засѣла въ его ранѣ, онъ не говоритъ доктору: «залечите мнѣ рану», а говоритъ напротивъ того: «Углубите и расширьте рану, чтобы можно было вынуть пулю». Когда рану изслѣдуютъ зондомъ, пациенту очень больно; но ему гораздо выгоднѣе перенести эту сильную боль, чѣмъ оставить въ своемъ тѣлѣ пулю и имѣть въ перспективѣ автоновъ огонь или чтонибудь въ этомъ родѣ. Лопуховъ ясно понимаетъ свое положеніе и потому постоянно дѣйствуетъ такъ, какъ люди неумѣющіе мыслить дѣйствуютъ только во время рѣдкихъ и случайныхъ припадковъ слѣбого героизма. Ему очень тяжело, но даже въ это тяжелое время ему приходится испытать минуты такого глубокаго наслажденія, о какомъ иной «проницательный

читатель» во всю свою жизнь не составит себѣ даже приблизительнаго понятія.

«Позволишь ли ты мнѣ (говоритъ онъ Вѣрѣ Павловнѣ) просить тебя, чтобы ты побольше рассказала мнѣ объ этомъ снѣ, который такъ напугалъ тебя?»

— Мой милый, теперь я не думала о немъ. И мнѣ такъ тяжело вспоминать его.

— Но, Вѣрочка, быть можетъ, мнѣ полезно будетъ знать его.

— Изволь, мой милый. Мнѣ снилось, что я скучаю отъ того, что не поѣхала въ оперу, что я думаю о ней, о Бозіо; ко мнѣ пришла какая то женщина, которую я сначала приняла за Бозіо и которая все пряталась отъ меня; она заставила меня читать мой дневникъ; тамъ было написано все только о томъ, какъ мы съ тобой любимъ другъ друга, а когда она дотрогивалась рукой до страницъ, на нихъ показывались новыя слова, говорившія, что я не люблю тебя.

— Прости меня, мой другъ, что я еще спрощу тебя: ты только видѣла во снѣ?»

— Милый мой, если бы не только, развѣ я не сказала бы тебѣ? Вѣдь, я это тогда же тебѣ сказала.

Это было сказано такъ нѣжно, такъ искренно, такъ просто, что Лопуховъ почувствовалъ въ груди волненіе теплоты и сладости, котораго всю жизнь не забудетъ тотъ, кому счастье дало испытать его. О, какъ жаль, что немногіе очень немногіе мужья могутъ знать это чувство! Всѣ радости счастливой любви ни что предъ нимъ, оно навсегда наполняетъ чистѣйшимъ довольствомъ, самою святою гордостью сердце человѣка.

Въ словахъ Вѣры Павловны, сказанныхъ съ нѣкоторою грустью, слышался упрекъ; но, вѣдь, смыслъ этого упрека былъ: «другъ мой, неужели ты не знаешь, что ты заслужилъ полное довѣріе мое? Жена должна скрывать отъ мужа тайныя движенія своего сердца: таковы уже тѣ отношенія, въ которыхъ они стоятъ другъ къ другу. Но ты, милый мой, держалъ себя такъ, что отъ тебя не нужно утаивать ничего, что мое сердце открыто передъ тобою, какъ передъ мною самою». Это великая заслуга въ мужѣ; эта великая награда покупается только высокимъ нравственнымъ достоинствомъ; и кто заслужилъ ее, тотъ въ правѣ считать себя человѣкомъ безукоризненнаго благородства, тотъ смѣло можетъ надѣяться, что совѣсть его чиста и всегда будетъ чиста, что мужество никогда ни въ чемъ не измѣнитъ ему, что во всѣхъ испытаніяхъ, всякихъ, какихъ бы то ни было, онъ останется спокоенъ и твердъ, что судьба почти не властна надъ міромъ его души, что съ той поры, какъ онъ заслужилъ эту великую честь, до послѣдней минуты жизни, какимъ бы ударамъ ни подвергался онъ, онъ будетъ счастливъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Мы теперь довольно знаемъ Лопухова,

чтобы видѣть, что онъ былъ человѣкъ не сентиментальный; но онъ былъ такъ тронутъ этими словами жены, что лицо его вспыхнуло.

— Вѣрочка, другъ мой, ты упрекнула меня, — его голосъ дрожалъ во второй разъ въ жизни и въ послѣдній разъ; въ первый разъ голосъ его дрожалъ отъ сомнѣнія въ своемъ предположеніи, что онъ отгадалъ, теперь дрожалъ отъ радости: ты упрекнула меня, но этотъ упрекъ мнѣ дороже всѣхъ словъ любви. Я оскорбилъ тебя своимъ вопросомъ; но какъ я счастливъ, что мой дурной вопросъ далъ мнѣ такой упрекъ. Посмотри, слезы на моихъ глазахъ, съ дѣтства первыя слезы въ моей жизни!

Онъ цѣлый вечеръ не сводилъ съ нея глазъ и ей ни разу не подумалось въ этотъ вечеръ, что онъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, чтобы быть нѣжнымъ, и этотъ вечеръ былъ однимъ изъ самыхъ радостныхъ въ ея жизни, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ».

Да, надо быть недюжиннымъ человѣкомъ, чтобы пріобрѣсти полную довѣренность другаго человѣка, и надо быть еще болѣе недюжиннымъ человѣкомъ, чтобы, убѣдившись въ существованіи этой довѣренности, такъ глубоко почувствовать ту святую радость, которую испыталъ Лопуховъ. Въ этой радости нѣтъ ничего своекорыстнаго. На ней Лопуховъ не основываетъ никакой практической надежды; послѣ разговора съ женою онъ серьезнѣе прежняго задумывается надъ ихъ общимъ положеніемъ и задаетъ себѣ не тотъ вопросъ: «любить ли она его или нѣтъ?» а тотъ: «изъ какого отношенія явилось въ ней предчувствіе, что она не любитъ его?» Психологическая задача, требующая отъ него разрѣшенія, нисколько не измѣняется въ его глазахъ вслѣдствіе того упрека Вѣры Павловны, который возбудилъ въ немъ чувство гордой и мужественной радости; стало быть, радость его основана исключительно на томъ обстоятельстве, что ему всего дороже достоинство собственной личности; а кому это достоинство такъ дорого, кто способенъ такъ сильно радоваться, когда это достоинство встрѣчаетъ себѣ справедливую оцѣнку со стороны любимыхъ и уважаемыхъ личностей, тотъ, разумѣется, пройдетъ спокойно и твердо черезъ всякія испытанія, потому что никакія испытанія не могутъ отнять или испортить у него то, чѣмъ онъ дѣйствительно дорожитъ больше всего на свѣтѣ. Когда пустой и слабый человѣкъ слышитъ лестный отзывъ на счетъ своихъ сомнительныхъ достоинствъ, онъ упивается своимъ тщеславіемъ, зазнается и совсѣмъ теряетъ свою крошечную способность относиться критически къ своимъ поступкамъ и къ своей особѣ. Напротивъ того, человѣкъ съ сильнымъ умомъ и съ твердою волею, получая себѣ заслуженную дань уваженія, испытываетъ глубокую и вмѣстѣ спокойную радость, которая удваиваетъ его

бдительность надъ собою, его внимательность къ чистотѣ своей личности и его непоколебимую рѣшимость идти впередъ по тому же неизмѣнному пути правильнаго расчета.

Въ психологическомъ отношеніи чрезвычайно вѣрно то обстоятельство, что Лопуховъ послѣ разговора съ Вѣрою Павловною еще разъ вдумывается въ ея положеніе и, наконецъ, отыскиваетъ изъ него выходъ. Радость освѣжила весь его организмъ и усилила дѣятельность его мысли; испытавъ эту радость, онъ и себя, и жену, и весь міръ любить сильнѣе, чѣмъ за минуту передъ тѣмъ; а когда вся душа человѣка потрясена приливомъ всеобъемлющей любви и переполнена чистѣйшимъ счастьемъ самоуваженія, въ его мысляхъ нѣтъ мѣста узкому своекорыстію; онъ разрѣшаетъ затрудненія быстро и безстрашно, потому что въ такія минуты онъ готовъ идти навстрѣчу всякимъ страданіямъ, лишь бы только эти страданія навсегда упрочили за нимъ право считать себя честнымъ человѣкомъ. Продумавъ часовъ до трехъ ночи, Лопуховъ убѣждается, что у жены его возникаетъ любовь къ Кирсанову; анализируя характеръ Кирсанова, Лопуховъ замѣчаетъ, что въ этомъ характерѣ есть свойства, которыя необходимы для Вѣры Павловны и которыхъ нѣтъ у него, Лопухова. Всмотриваясь въ поведеніе Кирсанова, Лопуховъ находитъ въ немъ такіе факты, которые заставляютъ его думать, что Кирсановъ давно уже любитъ Вѣру Павловну. Года три тому назадъ Кирсановъ, постоянно бывшій въ домѣ Лопуховыхъ, вдругъ отдалился отъ нихъ, прикрывая свое отступленіе какими то несостоятельными предлогами. Приглашенный недавно къ Лопухову по случаю болѣзни послѣдняго, онъ снова сблизился съ нимъ и съ его женою, но потомъ опять отшатнулся отъ ихъ дома. Сближая всѣ эти обстоятельства, Лопуховъ рѣшаетъ, что Кирсановъ любитъ его жену и держится вдали отъ нея, чтобы какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ или взглядомъ не нарушить спокойствіе женщины, пользующейся, по его мнѣнію, полнымъ семейнымъ счастьемъ. Передъ Лопуховымъ лежатъ теперь двѣ дороги. Во первыхъ, онъ можетъ оставаться въ положеніи строгаго нейтралитета. Кирсановъ не будетъ ихъ посѣщать; зарождающееся чувство Вѣры Павловны заглохнетъ во время его отсутствія, и семейная жизнь Лопуховыхъ пойдетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Во вторыхъ, онъ можетъ своимъ вмѣшательствомъ измѣнить ходъ событий. Онъ скажетъ Кирсанову, чтобы тотъ бывалъ у нихъ попрежнему, чувство Вѣры Павловны развоется, и жизнь ея наполнится радостями взаимной любви.

Проницательный читатель скажетъ, что пойти по второй дорогѣ можетъ только сумасбродъ, что это и глупо, и безнравственно, и чортъ

знаетъ на что похоже. Посудите сами, мужъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ человѣка, котораго прочитъ въ любовники къ своей женѣ. Хорошо мужъ, и хороша жена, и хорошо третье лицо!—Ну, когда ветхій человѣкъ или проницательный читатель облегчитъ свою переполненную грудь громкими возгласами и наговоритъ намъ значительное количество жалкихъ словъ, я возьму на себя смѣлость замѣтить, что прямая обязанность Лопухова состояла въ томъ, чтобы пойти по этой второй дорогѣ, и что, кромѣ того, на ту же самую дорогу указывалъ ему простой и ясный расчетъ. По расчету выходитъ такъ: Лопуховъ знаетъ, что самъ не можетъ составить счастье своей жены, стало быть, ихъ семейная жизнь будетъ тягостна для обоихъ, и, кромѣ того, рано или поздно можетъ случиться, что Вѣра Павловна съ горя влюбится въ такого человѣка, который будетъ во всѣхъ отношеніяхъ хуже Кирсанова. Если же она полюбитъ Кирсанова, то тягостное положеніе будетъ разрушено къ обоюдной выгодѣ Лопуховыхъ, которые оба должны желать его прекращенія. Конечно, было бы лучше, если бы Вѣра Павловна могла вполне удовлетвориться любовью своего мужа; но такъ какъ это, судя по даннымъ характера, невозможно, то объ этомъ нечего и толковать. Требования чести въ этомъ случаѣ формулируются такъ: человѣкъ не имѣетъ права отнимать счастье у другого человѣка ни своими поступками, ни словами, ни даже молчаніемъ. Если отъ нѣсколькихъ словъ одного зависить счастье другого, и если первый не произноситъ этихъ словъ, то онъ крадетъ чужое счастье и этимъ поступкомъ мараетъ свою личность. Если онъ станетъ говорить въ свое оправданіе, что онъ ничего не дѣлалъ, что онъ умывалъ руки, и оставался нейтральнымъ, то замараетъ себя еще сильнѣе, потому что такіе жалкіе софизмы каждому честному человѣку покажутся достойными презрѣнія. Лопуховъ могъ бы пойти по первой дорогѣ только въ томъ случаѣ, если бы надѣялся удержать за собою нѣжность своей жены; есть дѣйствительно такіе люди, которые надѣются до послѣдней минуты и поддерживаютъ въ себѣ эту надежду всякими правдами и неправдами, потому что у нихъ не достаетъ мужества взглянуть въ лицо непріятной дѣйствительности; вслѣдствіе этого дѣйствительность всегда захватываетъ ихъ врасплохъ, и событія играютъ ими, какъ пѣшками; если Лопуховъ не принадлежалъ къ породѣ этихъ слабудушныхъ оптимистовъ, то, мнѣ кажется, это дѣлаетъ честь тонкости его ума и силъ его характера. А если онъ не былъ оптимистомъ, то ему оставалось только ѣхать къ Кирсанову. Онъ ѣдетъ къ нему на второй день послѣ приведенной мною послѣдней сцены съ женою. Чтобы сдѣлать такой рѣшительный шагъ, даже очень крѣпкому человѣку

необходимо собрать всю свою энергію; энергія Лопухова была возбуждена до крайнихъ предѣловъ тою радостью, которую причинилъ ему ласковый упрекъ Вѣры Павловны; процессъ мысли былъ у него таковъ: когда мнѣ такъ безусловно довѣряютъ, надо дѣйствительно вполнѣ оправдывать это довѣріе; и вотъ, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обаятельнаго упрека, Лопуховъ начинаетъ дѣйствовать. Кирсановъ при первыхъ, совершенно невинныхъ словахъ своего друга вспыхиваетъ и обнаруживаетъ самое лютое негодование; но Лопуховъ не только не унимается, а напротивъ того, укрощаетъ яростнаго Кирсанова и заславляетъ его поступать такъ, какъ онъ, Лопуховъ, того хочетъ. Эта цѣль достигается, конечно, не посредствомъ аргументаціи, а посредствомъ слѣдующаго простаго и невиннаго предположенія: положимъ, говоритъ Лопуховъ, что существуетъ три человѣка,—предположеніе, не заключающее въ себѣ ничего невозможнаго;—предположимъ, что у одного изъ нихъ есть тайна, которую онъ желалъ бы скрыть и отъ второго, и въ особенности отъ третьяго; предположимъ, что второй угадываетъ эту тайну перваго и говоритъ ему: «дѣлай то, о чемъ я прошу тебя, или я открою твою тайну третьему. Какъ ты думаешь объ этомъ случаѣ?» На аргументы Кирсановъ не сдавался, но при этомъ предположеніи онъ кладетъ оружіе. — «Ты дурно поступаешь со мною, Дмитрій, говоритъ онъ. Я не могу не исполнить твоей просьбы. Но, въ свою очередь, я налагаю на тебя одно условіе. Я буду бывать у васъ; но если я отправлюсь изъ твоего дома не одинъ, то ты обязанъ сопровождать меня повсюду; и чтобы я не имѣлъ надобности звать тебя, слышишь? самъ ты безъ моего зова. Безъ тебя я никуда ни шагу—ни въ оперу, ни къ кому изъ знакомыхъ, никуда». Лопуховъ понимаетъ, что Кирсановъ хочетъ непременно сблизить его съ женою и свиданіе невольныхъ соперниковъ по любви кончается тѣмъ, что они въ первый разъ въ жизни обнимаются и цѣлуются.

VII.

Длинна моя статья, и много въ ней цитатъ, и свѣстно мнѣ утомлять читателя, а все таки я не рѣшалась рассказать конецъ взятаго мною эпизода въ короткихъ словахъ, и не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести еще нѣсколько выписокъ. Такой романъ, какъ «Что дѣлать?» составляетъ небывалое явленіе въ нашей литературѣ; поневолѣ приходится писать о немъ и критическую статью небывалыхъ размѣровъ. Какъ, напримѣръ, пересказалъ читателю ту сцену, въ которой Вѣра Павловна объявляетъ Лопухову, что любитъ Кирсанова? Какъ передать ту удивительную теплоту и нѣжность чувства, которую обнаруживаетъ при этомъ случаѣ суровый человѣкъ новаго типа, человѣкъ, закидан-

ный со всѣхъ сторонъ безмысленными обвиненіями въ черствости сердца и въ узкой разсудочности? Тутъ дѣло идетъ не о романѣ, даже не о г. Чернышевскомъ; тутъ надо отстоять отъ тупой или злонамѣренной клеветы тотъ тишъ людей, который одинъ можетъ освѣжить жалкую рутину нашей безмысленной жизни.

. . . проговорила: «Милый мой, я люблю его!» и зарыдала.

— Чтожъ такое, моя милая? Чѣмъ же тутъ огорчаться тебѣ?

— Я не хочу обижать тебя, мой милый, я хочу любить тебя.

— Постарайся, посмотри. Если можешь, прекрасно. Успокойся, дай идти времени, и увидишь, что можешь и чего не можешь. Вѣдь, ты ко мнѣ очень сильно расположена, какъ же ты можешь обидѣть меня?—Онъ гладилъ ея волосы, цѣловалъ ея голову, пожималъ ея руку. Она долго не могла остановиться отъ судорожныхъ рыданій, но постепенно успокоилась. А онъ уже давно былъ приготовленъ къ этому признанію, потому и принялъ его хладнокровно, а впрочемъ, вѣдь, ей не видно было его лица.

— Я не хочу съ нимъ видѣться, я скажу ему, чтобы онъ пересталъ бывать у насъ, говорила Вѣра Павловна.

— Какъ сама разсудишь, мой другъ, какъ лучше для тебя, такъ и сдѣлаешь. А когда ты успокоишься, мы посовѣтуемся. Вѣдь, мы съ тобою, что бы ни случилось, не можемъ не быть друзьями? Дай руку, пожми мою, видишь, какъ хорошо жмешь... Каждое изъ этихъ словъ говорилось послѣ долгаго промежутка, а промежутки были наполнены тѣмъ, что онъ гладилъ ея волосы, ласкалъ ее, какъ братъ огорченную сестру.—Помнишь, мой другъ, что ты мнѣ сказала, когда мы стали женихъ и невѣста? «Ты выпускаешь меня на волю».—Опять молчаніе и ласка.—Помнишь, какъ мы съ тобой говорили въ первый разъ, что значить любить человѣка? Это значить радоваться тому, что хорошо для него, имѣть удовольствіе въ томъ, чтобы дѣлать все, что нужно, чтобы ему было лучше, такъ?—Опять молчаніе и ласки.—Что тебѣ лучше, то и меня радуетъ. Но ты посмотришь, какъ тебѣ лучше. Зачѣмъ же огорчаться? Если съ тобою нѣтъ бѣды, какая бѣда можетъ быть со мною?»

Я не хочу оскорблять читателя; я не хочу доказывать ему, что выписанная мною сцена дышитъ жизнью и правдою и что каждый умный и честный человѣкъ, поставленный въ положеніе Лопухова, будетъ держать себя точно такимъ же образомъ; я не хочу доказывать ему, что въ этой сценѣ нѣтъ ни капли идеализаціи, и что нѣжность и мягкость чувства составляютъ естественную принадлежность неспорченной человѣческой природы. Все это читатель долженъ самъ передумать и перечувствовать при чтеніи превосходныхъ строкъ романа. А кто до этого

не додумается и не почувствуется, тому я объяснять не намѣренъ. Съ такимъ читателемъ разсуждать серьезно не слѣдуетъ. На той дорогѣ, по которой идетъ Лопуховъ, нѣтъ возможности остановиться или повернуть назадъ. Когда, при его содѣйствіи, развилось и созрѣло чувство Вѣры Павловны къ Кирсанову, ему, конечно, оставалось только содѣйствовать этому чувству до конца и устранять всѣ встрѣчающіяся препятствія. Этого требовала отъ него самая простая логика, выразившаяся въ извѣстной пословицѣ: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ». Пока онъ не брался за гужъ, пока онъ не вмѣшивался въ поступки Кирсанова, до тѣхъ поръ онъ могъ выбрать тотъ или другой образъ дѣйствій, и если бы онъ рѣшился оставаться нейтральнымъ вмѣсто того, чтобы поступать активно, то мы могли бы только порицать его за ошибочность расчета, но не имѣли бы права относиться съ презрѣніемъ къ его личности. Мы перемѣнили бы къ худшему наше мнѣніе объ умѣ Лопухова, но всѣ нравственныя достоинства, способныя ужиться съ дюжиннымъ умомъ, остались бы при немъ въ полной неприкосновенности. Послѣ разговора своего съ Кирсановымъ, Лопуховъ перешелъ черезъ Рубиконъ; онъ взялъ въ свои руки счастье двухъ людей, и если бы послѣ этого онъ оплошалъ въ какомъ нибудь отношеніи, то эта оплошность была бы грязною измѣною, позорнымъ банкротствомъ въ нравственномъ отношеніи. Можетъ быть, это банкротство было бы не злостное, а только неосторожное, но это не оправдывало бы Лопухова. Кто позволяетъ себѣ быть неосторожнымъ на чужой счетъ, тотъ не можетъ считать себя честнымъ человекомъ. Кто не испыталъ своихъ силъ, кто не можетъ на себя положиться, тотъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ судьбу другого лица.

Все это я говорю, чтобы доказать читателю, что въ образѣ дѣйствій Лопухова не было такихъ проявленій героизма, которыя возвышались бы надъ уровнемъ простой честности, обязательной для каждаго порядочнаго человека. Лопуховъ только развилъ въ своихъ поступкахъ тотъ рядъ послѣдствій, который совершенно логично и неизбежно вытекаетъ изъ его перваго рѣшенія, а логичность и послѣдовательность поступковъ составляетъ, конечно, прямую и неотразимую обязанность каждаго человека, способнаго распорядиться своимъ головнымъ мозгомъ. Я очень хорошо знаю, что большинство современныхъ людей, считающихъ себя вполне порядочными, противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагѣ въ словахъ и въ поступкахъ. Человекъ, избѣгающій слишкомъ явныя противорѣчія самому себѣ, провозглашающій въ настоящее время чуть-чуть не гениемъ по уму, и ужъ во всякомъ случаѣ героемъ по характеру. Но это доказываетъ только, что у современныхъ людей способность размышлять находится почти въ совершенномъ

бездѣйствіи. Головной мозгъ считается безполезнѣйшею частью человѣческаго тѣла. Онъ растетъ и развивается по неизмѣннымъ законамъ природы точно такъ, какъ растетъ и развивается на межѣ польня и чернобыльникъ; на него льютъ и кидаютъ всякія нечистоты; никто не обращаетъ вниманія на то, что ему вредно или полезно, и потому, конечно, онъ чахнетъ и искажается, такъ что здоровый и сильный мозгъ считается рѣдкимъ исключеніемъ и внушаетъ къ себѣ глубочайшее уваженіе. Хороша послѣдовательность! Сначала дѣло ведется такъ, какъ будто бы надо было нарочно извратить всѣ человѣческіе умы, а потомъ начинается благоговѣніе передъ тѣми немногими умами, которые по какому нибудь случаю не успѣли извратиться. До сихъ поръ люди всегда относились къ массѣ своей породы съ глубокимъ презрѣніемъ и всегда были расположены ползать на колѣнахъ передъ счастливыми исключеніями, которыя только потому были и остаются рѣдкими исключеніями, что масса не знала и не знаетъ себѣ цѣны и безразсудно пренебрегала и пренебрегаетъ своими естественными богатствами. Такіе люди, какъ Лопуховъ, въ настоящее время рѣдки, но такіе люди нисколько не выше обыкновеннаго человѣческаго роста. Каждый человекъ, не родившійся идиотомъ, можетъ развить въ себѣ мыслительную способность, можетъ укрѣпить ее полезнымъ трудомъ, можетъ возвыситься до правильнаго и яснаго пониманія своихъ отношеній къ людямъ, и когда это будетъ исполнено, поступки Лопухова будутъ казаться ему совершенно простыми и естественными, и онъ будетъ спрашивать съ искреннимъ недоумѣніемъ: да развѣ же можно было поступить иначе? Дѣйствительно, иначе поступить нельзя; кто въ положеніи Лопухова сдѣлаетъ меньше, чѣмъ сдѣлалъ Лопуховъ, тотъ перестанетъ быть честнымъ человекомъ, а удержать за собою достоинство честнаго человека не значитъ еще совершить геройскій подвигъ.

Когда Лопуховъ замѣтилъ, что Вѣра Павловна худѣетъ и блѣднѣетъ отъ напрасныхъ усилий преодолѣть свое чувство, онъ мягко и осторожно предложилъ ей отказаться отъ тяжелой борьбы; Вѣра Павловна разгнѣвалась на него за это предложеніе, но потомъ черезъ нѣсколько времени объявила ему, что борьба становится для нея дѣйствительно невыносимою; Лопуховъ почувствовалъ, что его присутствіе можетъ сдѣлаться мучительнымъ для Вѣры Павловны; онъ уѣхалъ на нѣсколько недѣль; на его мѣстѣ всякій порядочный человекъ поступилъ бы точно также, потому что порядочному человеку чрезвычайно неприятно мучить своимъ присутствіемъ кого бы то ни было. Возвратившись изъ своей непродолжительной отлучки, Лопуховъ увидѣлъ, что ему лучше было бы совсѣмъ не возвращаться; онъ понялъ—и по-

нять было вовсе не трудно—что его присутствіе и даже его существованіе ставятъ между Кирсановымъ и Вѣрою Павловною такую преграду, черезъ которую, конечно, перешагнуть не очень трудно, но которую гораздо пріятнѣе было бы совершенно устранить. Пока Лопуховъ передъ обществомъ и передъ закономъ сохраняетъ въ отношеніи къ Вѣрѣ Павловнѣ права мужа, до тѣхъ поръ Кирсановъ и Вѣра Павловна принуждены даже передъ ближайшими знакомыми играть нелѣпнѣйшую комедію, которая только утомляетъ актеровъ, не обманывая рѣшительно никого. Самому Лопухову также предстоитъ мало удовольствія. Въ этой нелѣпнѣйшей комедіи ему приходится играть неблагородную роль щита, подставного мужа и подставного отца. Самый узкій эгоистъ, въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается самыми отсталыми рутинерами,—самый узкій эгоистъ, говорю я, поставленный на мѣсто Лопухова, пожелалъ бы, ради своего личнаго комфорта, развязаться съ супружескими правами, потерявшими всякое фактическое значеніе. А развязаться можно или разводомъ, или смертью; но разводъ не возможенъ, потому что дѣло это затруднительно и хлопотливо, и сопряжено съ непріятною огласкою; стало быть, остается смерть, но, во первыхъ, всякому порядочному человѣку жизнь такъ дорога, что онъ рѣшится разбить ее только въ случаѣ самой крайней необходимости; во вторыхъ, самоубійство Лопухова было бы жестокимъ поступкомъ въ отношеніи къ Кирсанову и къ Вѣрѣ Павловнѣ; эта смерть отравила бы все ихъ счастье и оставалась бы для нихъ на всю жизнь кровавымъ упрекомъ. Конечно, они тутъ ни въ чемъ не были виноваты; но бываютъ такіа происшествія, которыя, поразивъ воображеніе людей, навсегда оставляютъ по себѣ болѣзненное воспоминаніе, похожее на упрекъ, и этого воспоминанія не вытравить потомъ самый острый анализъ. Очевидно, слѣдовательно, что Лопухову всего расчетливѣе было бы поступить какъ нибудь такъ, чтобы безъ ущерба для себя устранить препятствіе, которое личность его представляла счастью другихъ, и онъ рѣшился умереть въ глазахъ закона, ожить за границую подъ другимъ именемъ и объяснить потомъ Кирсанову и Вѣрѣ Павловнѣ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать его самоубійство.

Затруднительная задача разрѣшена, но разрѣшилъ ее не одинъ Лопуховъ; ему принадлежала главная роль, но эту роль было бы невозможно выдержать до конца, если бы Вѣра Павловна и Кирсановъ не были людьми новаго типа. Чувства, мысли и, слѣдовательно, поступки Лопухова были бы далеко не такъ просты, спокойны, послѣдовательны и человѣчны, если бы онъ не имѣлъ возможности во всякую данную минуту уважать свою жену и своего друга.

Если бы Вѣра Павловна не была безукоризненно честна въ отношеніи къ своему мужу, то у Лопухова не было бы постоянного и горячаго желанія купить для нея счастье, какою бы то ни было цѣною. Если бы Лопуховъ не былъ увѣренъ, что его жена полюбила Кирсанова серьезно и прочною любовью, то ему было бы невозможно и съ его стороны было бы неразумительно дѣйствовать съ такою энергіею. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ поднимать тревогу ради того, чтобы удовлетворить половому капризу взыбаломной женщины, у которой черезъ недѣлю можетъ явиться новый капризъ? Если бы Кирсановъ не заслуживалъ полного довѣрія, то со стороны Лопухова было бы нелѣпо и безсовѣстно бросить къ нему на шею свою жену. Если бы вообще эти три человѣка не были въ состояніи во всякую минуту смѣло глядѣть другъ другу въ глаза, довѣрчиво совѣтываться между собою о своемъ общемъ дѣлѣ и полюбовно разрѣшать это дѣло общими силами, то между ними непременно появились бы тѣ недоброжелательныя чувства, которыя называются въ общезитіи антипатіею, боязнью, подозрѣніемъ, ревностью, и которыя всѣ вытекаютъ изъ недостатка довѣрія и уваженія. Поэтому переложить исторію Лопухова на тѣ нравы, которыми удовлетворяется почти все наше современное общество, нѣтъ никакой возможности. Тотъ рядъ поступковъ, который былъ со стороны Лопухова совершенно логиченъ и необходимъ въ отношеніи къ такимъ людямъ, какъ Вѣра Павловна и Кирсановъ, становится нелѣпнымъ и смѣшнымъ, если мы на мѣсто Вѣры Павловны поставимъ пустую барыню съ чувствительнымъ сердцемъ, а на мѣсто Кирсанова, столь же пустого вздыхателя съ пламенными страстями. Лопуховъ не сталъ бы поступать нелѣпо и смѣшно. Онъ вовсе не похожъ на Донъ-Кихота и всегда сумѣетъ понять, что вѣтряная мельница—не исполинъ и что бараны—не рыцари. Новые люди только въ отношеніяхъ между собою разворачиваютъ всѣ силы своего характера и всѣ способности своего ума; съ людьми стараго типа они держатся постоянно въ оборонительномъ положеніи, потому что знаютъ, какъ всякій честный поступокъ въ испорченномъ обществѣ перетолковывается, искажается и превращается въ пошлость, ведущую за собою вредныя послѣдствія. Только въ чистой средѣ разворачиваются чистыя чувства и живыя идеи; давно уже было сказано, что не слѣдуетъ вливать вино новое въ мѣхи старые, и эта мысль также вѣрна теперь, какъ была вѣрна двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Весь образъ дѣйствій Лопухова, начиная съ его поѣздки къ Кирсанову и кончая его подложнымъ самоубійствомъ, находитъ себѣ блестящее оправданіе въ томъ полномъ и разумномъ счастіи, которое онъ создалъ для

Вѣры Павловны и для Кирсанова. Любовь, какъ понимаютъ ее люди новаго типа, стоитъ того, чтобы для ея удовлетворенія опрокидывались всякія препятствія.

— «Вѣрочка, говоритъ Кирсановъ своей женѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы:— что? хвалиться или не хвалиться мнѣ передъ тобою? Мы—одинъ человѣкъ; но это должно въ самомъ дѣлѣ отражаться и въ глазахъ. Моя мысль стала много сильнѣе. Когда я дѣлаю выводы изъ наблюденій—общій обзоръ фактовъ, я теперь въ часъ кончая то, падеъ чѣмъ прежде долженъ былъ думать нѣсколько часовъ. И я могу теперь обнимать мыслью гораздо больше фактовъ, чѣмъ прежде, и выводы у меня выходятъ и шире, и полнѣе. Если бы, Вѣрочка, во мнѣ былъ какойнибудь зародышъ геніальности, я съ этимъ чувствомъ сталъ бы великимъ геніемъ. Если бы отъ природы была во мнѣ сила создать чтонибудь маленькое повое въ наукѣ, я отъ этого чувства пріобрѣлъ бы силу пересоздать науку. Но я родился быть только черно-рабочимъ, темнымъ, мелкимъ труженикомъ, который разрабатываетъ мелкіе, частные вопросы. Такимъ я и былъ безъ тебя. Теперь ты знаешь, я уже не то: отъ меня начинаютъ ждать больше, думаютъ, что я переработаю цѣлую большую отрасль науки, все ученіе объ отправленіяхъ нервной системы. И я чувствую, что исполню это ожиданіе. Въ 24 года у человѣка шире и смѣлѣе новизна взглядовъ, чѣмъ въ 29 лѣтъ (потомъ говорится: въ 30 лѣтъ, 32 года и такъ далѣе); но тогда у меня не было этого въ такомъ размѣрѣ, какъ теперь. И я чувствую, что я все еще расту, когда безъ тебя я давно бы ужъ пересталъ расти. Да я ужъ и не росъ послѣдніе два-три года передъ тѣмъ, какъ мы стали жить вмѣстѣ. Ты возвратила мнѣ свѣжесть первой молодости, силу идти гораздо дальше того, на чемъ я остановился бы, на чемъ я уже и остановился было безъ тебя. А энергія работы, Вѣрочка, развѣ мало значить? Страстное возбужденіе силъ вносится и въ трудъ, когда вся жизнь такъ настроена. Ты знаешь, какъ дѣйствуетъ на энергію умственного труда кофе, стаканъ вина; то что даютъ они другимъ на часъ, за которымъ слѣдуетъ ослабленіе, соразмѣрное этому внѣшнему и мимолетному возбужденію, то имѣю я теперь постоянно въ себѣ,—мои нервы сами такъ настроены постоянно, сильно, живо».

Надо стоять на довольно высокой степени развитія не только для того, чтобы испытывать подобное чувство, а даже для того, чтобы понимать его возможность и вѣрить въ его дѣйствительное существованіе. Наша рутинная критика, конечно, не возвысится до этого пониманія. Обвиняя г. Чернышевскаго въ цинизмѣ, она, кромѣ того, обвиняетъ его въ идеализаціи и, такимъ образомъ, по свойственному ей остро-

умію, впадаетъ въ неразрѣшимое противорѣчіе. Если г. Чернышевскій—циникъ, и если цинизмъ ставится ему въ порокъ, то это значить, что онъ слишкомъ мрачно смотритъ на жизнь и оскорбляетъ такимъ взглядомъ человѣческое достоинство. Если же онъ повиненъ въ идеализаціи, значить, онъ слишкомъ свѣтло смотритъ на жизнь и не замѣчаетъ недостатковъ человѣка. Но нельзя же приписывать одному предмету два противоположныя свойства. Нельзя же обвинять писателя въ двухъ порокахъ, которые взаимно исключаютъ другъ друга. Чтонибудь одно: или циникъ, или идеализаторъ. А если онъ и циникъ, и идеализаторъ, то это значить, что онъ ни циникъ, ни идеализаторъ, а просто человѣкъ, глубоко уважающій человѣческую природу и превосходно понимающій неисчерпаемое богатство ея физическихъ и умственныхъ силъ. Когда этотъ человѣкъ говоритъ о томъ, что унижаетъ и искажаетъ человѣческую природу, онъ приходитъ въ негодованіе, и тогда его обвиняютъ въ цинизмѣ тѣ люди, которые слишкомъ близоруки и испорчены, чтобы замѣчать униженіе и искаженіе. Когда этотъ человѣкъ говоритъ о тѣхъ рѣдкихъ явленіяхъ, въ которыхъ выражается чистота и сила человѣческой природы, въ его голосѣ слышится радость и надежда, и тогда его обвиняютъ въ идеализаціи тѣ люди, которые, считая грязь за норму, видятъ въ нормальныхъ явленіяхъ созданія празднофантазіи. Что можно сказать этимъ обвинителямъ? Имъ можно сказать только, что они слѣпы и потому не понимаютъ ни того, что стоитъ въ уровень съ ними, ни того, что стоитъ выше ихъ.

Въ подтвержденіе моихъ словъ о, такъ называемомъ, цинизмѣ г. Чернышевскаго, я приведу здѣсь самое рѣзкое мѣсто его романа. «Сторешниковъ (первый женихъ Вѣры Павловны) уже нѣсколько недѣль занимался тѣмъ, что воображалъ себѣ Вѣрочку въ разныхъ позахъ, и хотѣлось ему, чтобы эти картины осуществились. Оказалось, что она не осуществитъ ихъ въ званіи любовницы,—ну, пусть осуществяетъ въ званіи жены; это все равно, главное дѣло не въ званіи, а позы, т. е. обладаніе. О, грязь! о, грязь! «обладать» —кто смѣетъ обладать человѣкомъ? Обладаютъ халатомъ, туфлями.—Пустяки: почти каждый изъ насъ, мужчинъ, обладаетъ кѣмънибудь изъ васъ, наши сестры; опять пустяки, какія вы намъ сестры?—вы наши лакейки! Иныя изъ васъ—многія—господствуютъ надъ нами,—это ничего: вѣдь, и многіе лакеи властвуютъ надъ своими барамы». Очень рѣзко, не правда ли? Но развѣ можетъ быть иначе? Человѣкъ, понимающій любовь Кирсанова, можетъ относиться мягко и снисходительно къ любовнымъ грезамъ Сторешникова только въ томъ случаѣ, если онъ допус-

тить предположеніе, что Кирсановъ и Сторешниковъ—животныя различныхъ породъ. А если онъ этого предположенія не допустить, то ему, разумѣется, будетъ обидно и досадно видѣть поруганіе человѣческой святости, которая точно также заключается въ Сторешниковѣ, какъ и въ Кирсановѣ. А если обличители г. Чернышевскаго скажутъ, что Кирсановыхъ совѣмъ не бываетъ, то мы скажемъ на это: поживемъ, увидимъ. Будущее покажетъ намъ, дѣйствительно ли существуетъ новый типъ, или его выдумали только въ пику солиднымъ людямъ негодные нигилисты.

VIII.

Лопуховъ, Кирсановъ и Вѣра Павловна, являющіеся въ романѣ «Что дѣлать?» главными представителями новаго типа, не дѣлаютъ ничего такого, что превышало бы обыкновенныя человѣческія силы. Они—люди обыкновенные, и такими людьми признаетъ ихъ самъ авторъ; это обстоятельство чрезвычайно важно и оно придаетъ всему роману особенно глубокое значеніе. Если бы авторъ показалъ намъ героевъ, одаренныхъ отъ природы колоссальными силами, и если бы даже повѣствовательный талантъ его заставилъ насъ повѣрить въ существованіе такихъ героевъ, то все-таки ихъ мысли, чувства и поступки не имѣли бы общечеловѣческаго интереса, и каждый читатель имѣлъ бы право сказать, что онъ не герой и что ему за рѣдкими исключениями нечего и гоняться. Человѣческая природа вообще осталась бы по прежнему подъ гнетомъ тѣхъ несправедливыхъ и нелѣпыхъ сочиненій, которыя набросала на нее вѣковая рутина прошедшаго, побѣдоносно отстаивающая свое существованіе и доказывающая свою законность въ настоящемъ. Конечно, этотъ гнетъ обвиненій и предрасудковъ не снять съ человѣческой природы романомъ г. Чернышевскаго; никакое литературное произведеніе, какъ бы оно ни было глубоко задумано, не можетъ выполнить такую задачу, которой разрѣшеніе связано съ радикальнымъ измѣненіемъ всѣхъ основныхъ условий жизни; но чрезвычайно важно уже то, что романъ «Что дѣлать?» является въ этомъ отношеніи блестящею попыткою; этимъ романомъ г. Чернышевскій говоритъ всѣмъ самодовольнымъ филистерамъ, что они клеветаютъ на человѣческую природу, что они свою искусственную заботность и ограниченность принимаютъ за нормальное явленіе, освященное естественными законами, что они ставятъ чрезвычайно низко уровень своихъ умственныхъ и нравственныхъ требованій, что они своимъ тупымъ или корыстнымъ самодовольствомъ наносятъ всему человѣчеству значительный вредъ и тяжелое оскорбленіе.

Указывая на Лопухова, Кирсанова и Вѣру

Павловну, г. Чернышевскій говоритъ всѣмъ своимъ читателямъ: вотъ какими могутъ быть обыкновенные люди, и такими они должны быть, если хотятъ найти въ жизни много счастья и наслажденія. Этимъ смысломъ проникнутъ весь его романъ, и доказательства, которыми онъ подкрѣпляетъ эту главную мысль, такъ неотразимо убѣдительно, что непременно должны подействовать на ту часть публики, которая вообще способна выслушивать и понимать какія нибудь доказательства. «Будущее, говоритъ г. Чернышевскій, свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: настолько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, насколько вы сумѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести». Это свѣтлое будущее, въ которое такъ горячо вѣрятъ лучшіе люди, придетъ не для однихъ героевъ, не для тѣхъ только исключительныхъ натуръ, которыя одарены колоссальными силами; это будущее сдѣлается настоящимъ именно тогда, когда всѣ обыкновенные люди дѣйствительно почувствуютъ себя людьми и дѣйствительно начнутъ уважать свое человѣческое достоинство. Кто старается пробудить уваженіе обыкновенныхъ людей къ ихъ природѣ, возвысить уровень ихъ требованій, возбудитъ въ нихъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и внушитъ имъ надежду на успѣхъ, тотъ посвящаетъ свои силы великому и прекрасному дѣлу разумной любви; въ такой дѣятельности выражается живое стремленіе къ будущему, потому что свѣтлое будущее можетъ быть достигнуто только тогда, когда много единичныхъ силъ будетъ потрачено на такую дѣятельность. Романъ г. Чернышевскаго дѣйствуетъ именно въ этомъ направленіи, между тѣмъ какъ вся остальная масса нашей беллетристики сама ходитъ ошупью и не дѣйствуетъ ни въ какомъ направленіи.

Желая убѣдительно доказать своимъ читателямъ, что Лопуховъ, Кирсановъ и Вѣра Павловна дѣйствительно люди обыкновенные, г. Чернышевскій выводитъ на сцену татаническую фигуру Рахметова, котораго онъ самъ признаетъ необыкновеннымъ и называетъ «особеннымъ человѣкомъ». Рахметовъ въ дѣйствіи романа не участвуетъ, да ему въ немъ нечего и дѣлать; такіе люди, какъ Рахметовъ, только тогда и тамъ бываютъ въ своей сферѣ и на своемъ мѣстѣ, когда и гдѣ они могутъ быть историческими дѣятелями; для нихъ тѣсна и мелка самая богатая индивидуальная жизнь; ихъ не удовлетворяетъ ни наука, ни семейное счастье; они любятъ всѣхъ людей, страдаютъ отъ каждой совершающейся несправедливости,

переживаютъ въ собственной душѣ великое горе миллионѣвъ и отдають на исцѣленіе этого горя все, что могутъ отдать. При извѣстныхъ условіяхъ развитія эти люди обращаются въ миссіонерѣвъ и отправляются проповѣдывать Евангеліе дикарямъ различныхъ частей свѣта. При другихъ условіяхъ они успѣвають убѣдиться, что въ образованнѣйшихъ странахъ Европы есть такіе дикари, которые глубиной своего невѣжества и тягостью своихъ страданій далеко превосходятъ готтентотѣвъ или папуасѣвъ. Тогда они остаются на родинѣ и работаютъ надъ тѣмъ, что ихъ окружаетъ. Какъ они работаютъ и что выходитъ изъ ихъ работы это объяснить довольно трудно, потому что работы ихъ начались очень недавно, всего лѣтъ пятьдесятъ или семьдесятъ тому назадъ, и потому что окончательный результатъ этихъ работъ, передающихся отъ одного поколѣнія дѣятелей къ другому, лежитъ еще далеко впереди. Видятъ они, что настоящее дурно, стараются, чтобы будущее было лучше, и прилагаютъ къ дѣлу тѣ средства, которыя находятся подъ руками. Ихъ не понимаютъ, имъ мѣшаютъ дѣлать добро и отъ этого ихъ мирная работа принимаетъ совершенно несвойственный ей характеръ ожесточенія и борьбы. Имъ чаще всего приходится брать въ руки школьную указку и объяснять взрослымъ дѣтямъ и цивилизованнымъ дикарямъ азбуку правильного пониманія самыхъ простыхъ вещей. Эти люди, способные по уму и характеру обдумывать и разрѣшать на практикѣ самыя сложныя задачи современной исторіи, обыкновенно бывають принуждены возиться съ самою мелкою черною работою въ теченіе всей своей жизни, и они не отворачиваются отъ черной работы, потому что главная потребность всего ихъ существа состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать что нибудь для облегченія человѣческаго горя. Нельзя сдѣлать все, такъ они будутъ дѣлать, что можно. На свое мѣсто, на которомъ они могли бы развернуть всѣ свои способности, эти люди попадаютъ чрезвычайно рѣдко и всегда какими нибудь эксцентрическими путями. Правильной карьеры эти люди не сдѣлали себѣ съ самаго сотворенія міра. Природа всегда отказываетъ имъ въ канцелярской смѣтливости и во всякихъ другихъ служебныхъ дарованіяхъ. Поэтому какой нибудь Робертъ Пиль могъ быть первымъ министромъ Англіи и прослыть благодѣтелемъ своего народа, а другой Робертъ, только не Пиль, а Оуэнъ, долженъ былъ непремѣнно во время всей своей жизни терпѣть притѣсненія отъ тупыхъ мѣщанъ, а подъ старость прослыть помѣшаннымъ. Поэтому графъ Кавуръ могъ считаться ангеломъ-хранителемъ Италіи и возбудить своей смертью нескончаемые вопли въ европейскихъ журналахъ, поющихъ въ голосъ Times'a, а Иосифъ Гарибальди непремѣнно долженъ былъ получить

сначала рапу при Аспромонте, а потомъ велѣдъ за раню, амнистію, которая была бы обиднѣ всякой раны, если бы прежде всего не была бы смѣшна до послѣдней степени. Гарибальди и Оуэнъ все таки выдвинулись изъ неизвѣстности и дѣятельность ихъ получила себѣ широкій просторъ; но первый изъ нихъ могъ выдвинуться потому, что для Италіи наступило время политическаго обновленія, а второй потому, что Англія при всѣхъ недостаткахъ своего общественнаго устройства, обезпечиваетъ за своими гражданами значительную свободу дѣйствій. На одного выдвинувагося Оуэна или Гарибальди приходится, навѣрное, по нѣсколько необыкновенныхъ людей, которымъ на всю жизнь суждено оставаться полезными чернорабочими въ дѣлѣ служенія человѣчеству.

Къ числу этихъ необыкновенныхъ людей, обреченныхъ на неизвѣстность, относится Рахметѣвъ. Въ то время, когда г. Чернышевскій вводитъ его на короткое время въ свой романъ, ему 22 года. Онъ потомокъ—стариннаго рода и сынъ богатаго помѣщика. Рахметѣвъ съ 16 лѣтъ былъ студентомъ и на половинѣ 17 года проникнулся тѣми идеями, которыя дали опредѣленное направленіе всѣмъ богатымъ силамъ его молодой и любящей природы. Кирсанѣвъ, познакомившись съ нимъ, отвѣчалъ на его тревожныя вопросы и указалъ ему на нѣкоторыя книги. «Жадно слушалъ онъ Кирсанова въ первый вечеръ, плакалъ, прерывалъ его слова восклицаніями проклятій тому, что должно погибнуть, благословеній тому, что должно жить. Потомъ началъ читать и читалъ, не отрываясь отъ книги, съ 11 часовъ утра четверга до 9 часовъ вечера воскресенія; первая двѣ ночи не спалъ такъ, на третью выпилъ восемь стаканѣвъ крѣпчайшаго кофе, до четвертой ночи не хватило силъ ни съ какимъ кофе, онъ повалился и проспалъ на полу часовъ 15». Черезъ годъ послѣ этого онъ оставилъ университетъ, поѣхалъ въ помѣстье, распорядился, побѣдивъ сопротивленіе опекуна, заслуживъ анафему отъ братьевъ и достигнувъ того, что мужья запретили его сестрамъ произносить его имя, потомъ скитался по Россіи разными манерами, и сухимъ путемъ, и водою, и пѣшкомъ, и на расшивахъ, и на косныхъ лодкахъ». Съ земли, оставшейся у него послѣ распоряженія по имѣнію, онъ получалъ 3000 р. дохода, но себѣ изъ этихъ денегъ бралъ только 400 рублей, а на остальные содержалъ семь человекъ стипендіатовъ, двоихъ въ казанскомъ университетѣ и пятерыхъ въ московскомъ. На половинѣ 17 года Рахметѣвъ началъ развивать въ себѣ физическую силу, занимался гимнастикой, возилъ воду, таскалъ дрова, рубилъ дрова, пилилъ лѣсъ, тесалъ камни, копалъ землю, ковалъ желѣзо, и при этомъ кормилъ себя почти исключительно полусырою говядиною. Нако-

нець, во время странствій своихъ по Россіи, онъ прошелъ бурлакомъ всю Волгу, отъ Дубровки до Рыбинска, и за свою непомянутую силу получилъ отъ своихъ товарищей по лямкѣ прозвище Никитушки Ломова, по имени одного силача, ходившаго по Волгѣ лѣтъ 20 тому назадъ и пользовавшагося между народомъ значительною извѣстностью. Свою пріобрѣтенную силу Рахметовъ поддерживалъ, не шадя ни труда, ни времени; «такъ нужно, говорилъ:— это даетъ уваженіе и любовь простыхъ людей, это полезно, можетъ пригодиться». Во всемъ своемъ образѣ жизни Рахметовъ соблюдалъ крайнюю умѣренность. «По цѣлымъ недѣлямъ у него не бывало во рту куска сахара, по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого фрукта, ни куска телятины, ни пулярки». Обѣдая въ гостяхъ, онъ съ удовольствіемъ ѣлъ нѣкоторыя блюда, которыхъ не позволялъ себѣ ѣсть дома, но были такія кушанья, отъ которыхъ онъ навсегда отказался. «Причина различія была основательна: «то, что ѣсть, хотя по временамъ, простой народъ, и я могу ѣсть при случаѣ. Того, что никогда не доступно простымъ людямъ, и я не долженъ ѣсть. Это нужно мнѣ для того, чтобы хотя нѣсколько чувствовать, насколько стѣснена ихъ жизнь сравнительно съ моею».—Онъ сказалъ себѣ: «я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь къ женщинѣ», и объяснялъ слѣдующимъ образомъ причину этого отрицанія: «такъ нужно». «Мы требуемъ для людей полного наслажденія жизнью, мы должны своею жизнью свидѣтельствовать, что мы требуемъ этого не для удовлетворенія своимъ личнымъ страстямъ, не для себя лично, а для человѣка вообще, что мы говоримъ только по принципу, а не по пристрастію, по убѣжденію, а не по личной надобности».

Это разсужденіе Рахметова въ логическомъ отношеніи никуда не годится. Если я доказываю, что людямъ необходимо полное наслажденіе жизнью, то мнѣ нѣтъ никакой надобности подрывать свои доказательства примѣромъ собственной жизни. Принимать самого себя за исключеніе и ставить себя выше человѣческихъ потребностей и внѣ общихъ фізіологическихъ законовъ во всякомъ случаѣ не рacionales. Проповѣдую противъ монашества, монахъ Лютеръ самъ женился на монашенкѣ, и его личный примѣръ былъ самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ его проповѣди. Вообще жизнь и ученіе человѣка должны всегда находиться въ возможно полномъ согласіи; аскетъ, проповѣдующій наслажденіе жизнью, въ своемъ родѣ явленіе такое же нелѣпое и безобразное, какимъ были средневѣковые папы, которые, пьянствуя, роскошничая и развратничая, проповѣдывали пость, нищету и истязаніе. Людямъ мѣшаютъ наслаждаться или собственные ихъ предрасудки, или внѣшнія обстоятельства. Чтобы побѣждать

предрасудки, надо дѣйствовать убѣжденіемъ и примѣромъ стало быть для борьбы съ предрасудками личный аскетизмъ Рахметова можетъ быть только вреднымъ. Внѣшнимъ же обстоятельствамъ, очевидно, нѣтъ никакого дѣла до личныхъ страстей и до привнцповъ Рахметова; было бы наивно думать, что внѣшнія обстоятельства проникнуты уваженіемъ къ личному безкорыстію проповѣдника и, убѣдившись въ собственной непригодности, стыдливо отойдутъ въ сторону. Внѣшнія обстоятельства, какъ слѣпыя, стихійныя силы, не поддаются ни на какія убѣжденія, какъ бы ни была высока и чиста личность убѣждающаго мыслителя. Впрочемъ, самый фактъ Рахметовскаго аскетизма нисколько не представляется мнѣ невозможнымъ или сомнительнымъ. Бываютъ природы, въ которыхъ любовь къ людямъ, сохраняя всю пылкость чувства принимаетъ непреклонность догмата, управляющаго всеми мыслями и поступками человѣка. Чѣмъ меньше силы такого человѣка могутъ быть приложены къ внѣшней плодотворной дѣятельности, тѣмъ больше эти силы обращаются внутрь, на самого дѣятеля, котораго они тиранятъ безъ малѣйшей пощады и безъ всякой пользы. У дѣятеля сердце обливается кровью отъ того, что онъ почти ничего не можетъ сдѣлать для облегченія общихъ страданій, и онъ на самого себя изливаетъ свою законную досаду. «А, говорить онъ себѣ, ты не можешь имъ помочь, не можешь? такъ вотъ же тебѣ! не помогаешь другимъ, такъ страдай же самъ вмѣстѣ съ ними, страдай больше ихъ!» И, дѣйствительно, наваливаетъ онъ на себя груды ненужныхъ тягостей и стѣсненій. Рахметовъ отказывается отъ какогонибудь кушанья, чтобы чувствовать, насколько жизнь простыхъ людей стѣснена сравнительно съ его жизнью. Но кто жъ этому повѣритъ? Какой человѣкъ, знающій Рахметова, можетъ подумать, что Рахметовъ когданибудь, во снѣ или на яву, забываетъ о нуждахъ и стѣсненіяхъ простыхъ людей? А если онъ никогда не забываетъ, то зачѣмъ же ему напоминать себѣ о нихъ ненужными лишеніями? Причина одна—общая такимъ натурамъ потребность взимать на себя грѣхи міра, бичевать и распинать себя за все людскія глупости и подлости.

Объяснить эту потребность я не умѣю, потому что ее испытываютъ и понимаютъ только исключительныя природы; но сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи этой потребности значило бы отрицать множество достовѣрнѣйшихъ историческихъ явленій. Въ общемъ движеніи событій бываютъ такія минуты, когда люди, подобные Рахметову, необходимы и незамѣнимы; минуты эти случаются рѣдко, и проходятъ быстро, такъ что ихъ надо ловить на лету, и ими надо пользоваться какъ можно полнѣе. Я говорю о тѣхъ минутахъ, когда массы, понявъ или, по крайней мѣрѣ, полюбивъ какуюнибудь идею,

воодушевляются ею до самозабвенія и за нее бывают готовы идти въ огонь и въ воду; эти минуты рѣдки, потому что массы вообще понимаютъ тугу и самыми ясными идеями проникаются чрезвычайно медленно; эти минуты коротки, потому что энтузіазмъ вообще испаряется скоро, какъ у отдѣльныхъ людей, такъ и у цѣлыхъ народовъ; только въ эти минуты массы способны сдѣлать что нибудь умное и хорошее; поэтому такими минутами надо пользоваться. Тѣ Рахметовы, которымъ удается увидеть на своемъ вѣку такую минуту, развертываютъ при этомъ всю сумму своихъ колоссальныхъ силъ; они несутъ впередъ знамя своей эпохи, и уже, конечно, никто не можетъ поднять это знамя такъ высоко и нести его такъ долго и такъ мужественно, такъ смѣло и такъ неотомимо, какъ тѣ люди, для которыхъ девизъ этого знамени давно замѣнили собою родныхъ и друзей, и всѣ личныя привязанности, и всѣ личныя радости человѣческой жизни. Въ эти минуты Рахметовы выпрямляются во весь ростъ, и этотъ колоссальный ростъ какъ разъ соотвѣтствуетъ величію событий; если бы въ эти минуты могли выступить изъ толпы десятки новыхъ Рахметовыхъ, то всѣ они нашли бы себѣ работу по силамъ; но ихъ вообще мало, и, по недостатку въ такихъ людяхъ, всѣ великія минуты въ исторіи человѣчества до сихъ поръ обманывали общія ожиданія, приводили за собою горькое разочарованіе и смѣнялись вѣковой апатіею. Въ обыкновенное время, когда господствуетъ невозмутимая рутинна, когда тянутся скучные и томительные длинные историческіе антракты, силами Рахметова нѣтъ приложения; эти силы даютъ и гнетутъ своихъ обладателей, и тѣ мелкія дѣла, къ которымъ онѣ прикладываются, только разжигаютъ въ этихъ людяхъ стремленіе къ полезной дѣятельности, не доставляя этому страстному стремленію ни малѣйшаго удовлетворенія. Вотъ чѣмъ занимается нашъ Рахметовъ: «гимнастика, работа для упражненія силы, чтеніе—были личными занятіями Рахметова; но, по его возвращеніи въ Петербургъ, они брали у него только четвертую долю его времени; остальное время онъ занимался чужими дѣлами, или ничѣмъ въ особенности. Постоянно соблюдая то же правило, какъ и въ чтеніи: не тратить времени надъ второстепенными дѣлами и съ второстепенными людьми, заниматься только капитальными, отъ которыхъ уже и безъ него измѣняются второстепенныя дѣла и руководимые люди». Эта дѣятельность была, можетъ быть, очень обширна и важна по своимъ результатамъ, но что она не удовлетворяла Рахметова, это всего убѣдительнѣе доказывается всей его системой ригоризма, которая придумана безъ малѣйшей необходимости. Отдѣльные случаи, въ которыхъ проявляется эго ригоризмъ, могли бы быть устроены безъ

малѣйшаго ущерба для его любимаго дѣла. Онъ встрѣчается съ молодою вдовою, которая влюбляется въ него; онъ также чувствуетъ къ ней симпатію; между ними происходитъ объясненіе, вызванное ею, въ которомъ онъ говоритъ: «я былъ съ вами откровеннѣе, чѣмъ съ другими; вы видите, что такіе люди, какъ я, не имѣютъ права связывать чью нибудь судьбу съ своею». —Да, это правда, сказала она, вы не можете жениться. Но пока вамъ придется бросить меня, до тѣхъ поръ любите меня.—«Нѣтъ, этого я не могу принять, сказалъ онъ:—я долженъ подавить въ себѣ любовь; любовь къ вамъ связала бы мнѣ руки, онѣ и такъ не скоро развяжутся у меня,—ужь связаны. Но развяжу. Я не долженъ любить.»

Это уже ни съ чѣмъ не сообразно или, вѣрнѣе, сообразно только съ непреодолимою потребностью самобичеванія; такіе историческіе дѣятели, которые каждый день рисковали головою, не отказывали себѣ въ любви и не находили, чтобы любовь въ какомъ нибудь отношеніи связывала имъ руки. Даже тѣ люди, которыхъ нашъ русский Тацитъ, Смарагдовъ, давно заклѣмилъ заслуженнымъ названіемъ чудовищъ и злодѣевъ, даже они (по свойственному мнѣ цѣломудрію я не называю ихъ по имени), даже они были люди женатыя, или, еще того лучше, имѣли невѣсты и мечтали объ идилліяхъ, которымъ, конечно, никогда не суждено было осуществиться. И руки у нихъ—ничего, не были связаны.

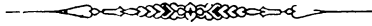
Потребность обижать себя доходитъ у Рахметова до того, что онъ буквально тиранитъ свое тѣло, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему надо испытать, какъ велика его способность переносить физическую боль. «Спина и бока всего бѣлая Рахметова (онъ былъ въ одномъ бѣлѣ) были облиты кровью. Подъ кроватью была кровь; войлокъ, на которомъ онъ спалъ, также въ крови; въ войлокѣ были натканы сотни мелкихъ гвоздей шляпками съ исподи, остриями вверхъ; они высывались изъ войлока чуть не на полъвершка; Рахметовъ лежалъ на нихъ всю ночь.—Что это такое, помилуйте, Рахметовъ? съ ужасомъ проговорилъ Кирсановъ.—«Проба. Нужно, неправдоподобно, конечно; однако же на всякій случай нужно. Вижу, могу». Ну, а если бы онъ увидѣлъ, что не можетъ, развѣ онъ перемѣнилъ бы что нибудь въ своемъ образѣ жизни, въ своей дѣятельности? Разумѣется, нѣтъ. Скорѣе умеръ бы, чѣмъ перемѣнилъ. Стало быть, какая же это проба? Очевидно, что всѣ подобныя выдумки происходятъ отъ избытка силъ, не находящихъ себѣ достаточно широкаго и полезнаго приложения.

Попытку г. Чернышевскаго представить читателямъ «особеннаго человѣка» можно назвать очень удачною. До него брался за это дѣло одинъ Тургеневъ, но и то совершенно безуспѣшно. Тургеневъ хотѣлъ изъ Инсарова сдѣ-

латъ человѣка страстно преданнаго великой идеѣ; но Инсаровъ, какъ извѣстно, остался какою то блѣдною выдумкою. Инсаровъ является героемъ романа; Рахметовъ даже не можетъ быть названъ дѣйствующимъ лицомъ, и, несмотря на то, Инсаровъ остается для насъ совершенно неосязательнымъ, между тѣмъ какъ Рахметовъ совершенно понятенъ, даже по тѣмъ немногимъ выпискамъ, которыя приведены въ моей статьѣ. Правда, мы не видимъ, что именно дѣлаетъ Рахметовъ, какъ не видѣли того, что дѣлаетъ Инсаровъ, но за то мы вполне понимаемъ, что за человѣкъ Рахметовъ, а рассматривая Инсарова, мы только до нѣкоторой степени можемъ догадаться о томъ, каковы были намѣренія и желанія автора. Я говорю это совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы сравнивать Тургенева съ г. Чернышевскимъ и отдавать преимущество тому или другому изъ нихъ. Я хочу только выра-

зить ту мысль, что никакой художественный талантъ не можетъ пополнить недостатка матеріаловъ; г. Тургеневъ не видалъ въ нашей жизни ни одного живого явленія, соотвѣтствующаго тѣмъ идеямъ, изъ которыхъ построена фигура Инсарова; г. Чернышевскій видѣлъ, напротивъ того, много такихъ явленій, которыя очень вразумительно говорятъ о существованіи новаго типа и о дѣятельности особенныхъ людей, подобныхъ Рахметову. Если бы этихъ явленій не было, то фигура Рахметова была бы очень блѣдна, какъ фигура Инсарова. А если эти явленія дѣйствительно существуютъ, то, можетъ быть, свѣтлое будущее совсѣмъ не такъ неизмѣримо далеко отъ насъ, какъ мы привыкли думать. Гдѣ являются Рахметовы, тамъ они разливаютъ вокругъ себя свѣтлыя идеи и пробуждаютъ живыя надежды.

Наши усыпители.

I.

Мы переживаемъ мудреное и тяжелое время. У насъ зарождаются противуположныя партіи, и это зарожденіе—процессъ совершенно естественный, законный и необходимый,—при нашей неопытности, при нашемъ полномъ неумѣнн жить и думать собственнымъ умомъ, кажется намъ началомъ ужасной общественной болѣзни. Добродушные и недалъновидные люди недоумѣваютъ, унываютъ и приходятъ въ отчаяніе. Вотъ тебѣ и прогрессъ, толкуютъ они, вотъ тебѣ и развитіе, вотъ тебѣ и просвѣщеніе. Просвѣтились до того, что знать друга друга не хотятъ. Сынъ сторонится отъ отца, какъ отъ взяточника и низкопоклонника. Дочь говоритъ матери, что не намѣрена стѣснять себя ея предрасудками. Подчиненный желаетъ имѣть и заявлять въ присутствіи начальника самостоятельныя убѣжденія. Ученикъ осмѣливается требовать, чтобы учитель уважалъ его человеческое достоинство. Общественныя связи разрываются, субординація исчезаетъ, нравственность гибнетъ, а литераторы, которые должны вразумлять и усовѣщевать заблуждающихся соотечественниковъ, проводятъ время въ гибельныхъ раздорахъ и ни въ чемъ не могутъ между собою согласиться. Куда же мы идемъ? И чѣмъ все это можетъ кончиться? Кто объяснить намъ, наконецъ, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно, какъ надо думать, чувствовать и жить, чтобы уподобиться цивилизованнымъ народамъ и удивить Европу красотою и безобидностью нашего постепенно-прогрессивнаго развитія?

Добродушные и недалъновидные люди, изливающие такимъ образомъ свое уныніе, составляютъ во всякомъ обществѣ огромное большинство. Когда эти люди затвердятъ и начнутъ напѣвать какую нибудь самую нехитрую пѣсенку, тогда эта пѣсенка слышится на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ клубахъ и ресторанахъ, во всѣхъ гостиницахъ и, пожалуй даже, съ нѣкоторыми варьянтами, во всѣхъ переднихъ. Эта пѣсенка, обыкновенно самая глупая

и самая ничтожная, становится лозунгомъ и боевымъ крикомъ всѣхъ, а всѣ—это такая сила, которая увлекаетъ за собою не однихъ Репетиловыхъ. Чтобы сопротивляться голосу всѣхъ, чтобы уцѣлѣть невредимымъ среди какой нибудь умственной эпидеміи, надо быть очень твердымъ и очень глубоко убѣжденнымъ человекомъ. Понятно поэтому, какую великую и неодолимую силу доставляетъ поголовное уныніе добродушныхъ и недалъновидныхъ людей тѣмъ умствующимъ субъектамъ, которые, по своей интеллектуальной неповоротливости и трусливости, стараются затормозить всякое серьезное движеніе мысли, и которые, въ то же время, по своему тщеславію, стремятся приобрести себѣ, своими гасильническими подвигами, репутацію истинныхъ патриотовъ.

Понятно, что эти философствующіе и политиканствующіе гасильники пускаютъ въ ходъ всѣ свои усилія, чтобы поддержать это поголовное уныніе и довести его до меланхолической мономаніи. И старанія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ, потому что задача, за которую они принимаются, не представляетъ никакихъ трудностей. Имъ, этимъ гасильникамъ, приходится катить камень подъ гору, туда, куда его тянетъ собственная тяжесть, значить, гасильникамъ остается только слегка придерживать и направлять его, чтобы онъ не сбился куда нибудь въ сторону.

Дѣло легкое, пріятное, общающее своему виновику десятки лавровыхъ вѣнковъ и поздравительныхъ телеграммъ, и требующее отъ него только достаточной дозы тупоумія и безстыдства. Если награды такъ обильны и лестны, а требованія такъ ничтожны и удобоисполнимы, то возможно ли сомнѣваться въ томъ, что дѣло гасильничества будетъ доведено до конца съ полнымъ успѣхомъ, отъ котораго переполнятся восторгомъ всѣ невинныя сердца алчущихъ и жаждущихъ спокойнаго умственнаго сна?

Быть гасильникомъ всегда пріятно и легко. Положеніе гасильника въ высшей степени прочно и почетно во всякомъ обществѣ и при

всякихъ условіяхъ. Впрочемъ, я считаю удобнымъ замѣнить слово *гасильникъ* словомъ *усыпитель*. Это послѣднее слово не такъ избито, и, по моему мнѣнію, гораздо болѣе выразительно. Итакъ, быть усыпителемъ приятно и легко.

Почему?

По той весьма простой причинѣ, что люди любятъ спать и всегда готовы превозносить того милаго человѣка, который помогаетъ имъ предаваться этому сладчайшему занятію, которое, даже съ нравственной точки зрѣнія, очень похвально, какъ предохранительное средство противъ грѣховъ. Кто больше спитъ, тотъ, меньше грѣшитъ, а кто помогаетъ спать, тотъ слѣдовательно, уменьшаетъ количество человѣческихъ беззаконій.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не любить усыпителей?

Умъ нашъ отъ природы расположенъ къ неподвижности. Намъ приятно думать, что мы обладаемъ полнымъ знаніемъ истины, намъ приятно успокаиваться на томъ складѣ идей, къ которому мы привыкли, намъ приятно ласкать себя тою увѣренностью, что наше міросозерцаніе, не стоившее намъ ни малѣйшаго личнаго труда, доставшееся намъ по наслѣдству, или приобрѣтенное въ раннемъ дѣтствѣ отъ старой няньки,—составляетъ для насъ такую надежную крѣпость, которую не могутъ разбить никакія вражескія возраженія, и въ которую не могутъ пробраться никакія лукавыя сомнѣнія. И вдругъ мы встрѣчаемъ на жизненномъ пути двухъ странниковъ, очень похожихъ другъ на друга, и оба эти странника вступающіе съ нами въ разговоръ, сначала о прекрасной погодѣ, потомъ о красотахъ даннаго мѣстоположенія, и, наконецъ, о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, о природѣ, о человѣкѣ, о жизни, объ обществѣ. Мы, конечно, выкладываемъ передъ обоими странниками весь запасъ сокровищъ, подаренныхъ намъ старою нянькою. Эти сокровища производятъ на странниковъ весьма различное впечатлѣніе.

Одинъ изъ нихъ, изъ себя невзрачный, съ дерзкимъ взглядомъ и съ насмѣшливою улыбкою на блѣдныхъ губахъ, говоритъ спокойно и презрительно: знаю я эти сокровища. Мнѣ были подарены точно такія же золотыя горы. Вамъ они достались отъ Феклы, мнѣ — отъ Матрены. Сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Это—пыль и соръ, которые незамѣтнымъ и нечувствительнымъ образомъ забираются къ вамъ въ глаза, и мѣшаютъ вамъ ясно видѣть окружающіе предметы. Вы почти совсѣмъ слѣпы, вы не имѣете ни о чемъ правильнаго понятія, поэтому вы воображаете себѣ, что вы богаты, что вы счастливы, что вы честны, что вы умѣете размышлять собственнымъ умомъ, что

вы сохраняете въ полной неприкосновенности ваше человѣческое достоинство. Бросьте ваши мнимыя сокровища, промойте себѣ глаза у источника чистой истины, и вы увидите съ ужасомъ, до какой степени вы нищи, убоги и мелки во всѣхъ отношеніяхъ.

Другой странникъ очень похожъ на Чичикова. Такой же степенный, кругленькій, гладенькій и благообразный. Выслушавъ рѣчь перваго путника, онъ обращается къ вамъ съ выраженіемъ самаго искренняго и глубокаго участія.

— О, прекрасный и невинный юноша,—говоритъ онъ самымъ мягкимъ и ласковымъ тономъ,—не слушайте ядовитыхъ совѣтовъ этого суетнаго и злобнаго интригана. Эти совѣты повлекутъ васъ въ бездну, или, по меньшей мѣрѣ, въ ближайшее полицейское управленіе, гдѣ вы, навѣрное, будете подвергнуты сначала строгому допросу, а потомъ—соотвѣтствующему взысканію. Коварный соблазнитель говорилъ вамъ, что вы нищи, убоги и жалки во всѣхъ отношеніяхъ. Это наглая ложь. Въ немъ говорила низкая зависть. Испорченный своими преступными помыслами, онъ не можетъ воротить себѣ безмятежную невинность своей ранней молодости. Поэтому онъ желаетъ отнимать эту невинность у всѣхъ молодыхъ людей, съ которыми онъ встрѣчается на жизненномъ пути. Но вы ему не вѣрьте. Ваши сокровища чище и драгоцѣннѣе всякаго золота. Вы дѣйствительно богаты, счастливы и честны. Вашъ умъ работаетъ совершенно самостоятельно. Ваше человѣческое достоинство находится въ полной безопасности. Передъ вами лежитъ широкій путь, усѣянный цвѣтами и ведущій къ высшимъ ступенкамъ земного блаженства. Умѣйте только беречь и цѣнить тѣ великія истины, которыми васъ наградила ваша почтенная, ваша достойная, ваша доблестная Фекла. Идите смѣло по широкому пути, не задумывайтесь надъ мудреными вопросами жизни, будьте увѣрены, что все рѣшено безъ васъ, и рѣшено совершенно удовлетворительно, улыбайтесь простодушно и довѣрчиво всему, что попадется вамъ на глаза,—и вы пройдете все ваше земное поприще такъ счастливо и такъ почетно, что вы будете въ состояніи ставить себя въ примѣръ вашимъ дѣтямъ и внукамъ.

Теперь неужгодно ли вамъ сравнить рѣчи обоихъ путниковъ.

Одинъ говоритъ вамъ дерзости, называетъ васъ слѣпымъ, нищимъ, убогимъ, жалкимъ, осмѣиваетъ вашу Феклу, которая носила васъ на рукахъ и рассказывала вамъ прекрасныя сказки, посылаетъ васъ къ какому то источнику знанія, велитъ вамъ промыть глаза и, за всѣ эти непривычныя для васъ труды, обѣщаетъ вамъ въ будущемъ только то, что вы увидите ясно наготу вашего безобразія. Другой, на-

противъ того, говорить вамъ самыя милыя любезности, одобряетъ всё ваши понятія, ставить Феклу на пьедесталъ, выше всякихъ Сократовъ и Аристотелей, требуетъ отъ васъ, чтобы вы слѣдовали постоянно всёму вашимъ любимымъ умственнымъ привычкамъ, и общается вамъ впереди все то, что можетъ веселить сердце благоуженнаго человѣка.

Кто же изъ двухъ имѣетъ больше шансовъ произвести на васъ благопріятное впечатлѣніе и убѣдить васъ своею проповѣдью? Я думаю, что на этотъ счетъ едва ли можетъ существовать какое нибудь сомнѣніе. Первый подѣйствуетъ только на тѣхъ людей, которые любить истину больше всего на свѣтѣ, или же на тѣхъ, которыхъ жизнь держала въ ежовыхъ рукавицахъ съ самаго дня ихъ рожденія. Второй потянетъ за собою всю остальную толпу, — огромное большинство.

Пламенная и безкорыстная любовь къ истинѣ составляетъ исключительное достоинство очень немногихъ избранныхъ и богато одаренныхъ личностей. Любить истину и переносить ея ослѣпительное сіяніе можетъ только тотъ человѣкъ, для котораго святая и великія умственные наслажденія стоятъ выше всёхъ остальныхъ житейскихъ радостей. Такой человѣкъ размышляетъ не только для того, чтобы рѣшить такъ или иначе практическую задачу и приобрести себѣ тѣ или другія удобства, а для того, чтобы процессомъ мышленія удовлетворить одну изъ самыхъ настоятельныхъ своихъ органическихъ потребностей. Онъ размышляетъ по тому же самсѣу произвольному влеченію, которое заставляетъ его выпить стаканъ воды или съѣсть кусокъ хлѣба. Онъ пьетъ потому, что чувствуетъ жажду, онъ ѣстъ потому, что чувствуетъ голодъ; онъ думаетъ потому, что чувствуетъ у себя въ мозгу накопленіе силы, которому надо дать выходъ. У кого потребность размышлять такъ сильна, что ее можно поставить рядомъ съ самыми важными органическими потребностями, — тотъ относится къ качеству своего мышленія съ такою же невольною строгостью, съ какою каждый изъ насъ относится къ качеству своей пищи или своего питья. Каждый изъ насъ съелъ бы для себя настоящимъ мученіемъ, если бы его заставили пить постоянно вонючую воду или ѣсть постоянно испорченную пищу. Мученіе тутъ состоитъ преимущественно не въ томъ, что мы боимся за наше здоровье, а въ томъ, что мы постоянно испытываемъ непріятное ощущеніе. Такъ точно и человѣкъ, одержимый потребностью размышлять, не можетъ терпѣть въ своемъ мышленіи никакой фальши, никакихъ искажающихъ стѣсненій, никакой посторонней регламентации; и это отвращеніе ко всему, что задерживаетъ свободное развитіе мысли, происходитъ вовсе не отъ той боязни, что изъ

софизмовъ родятся ложные и вредные поступки, а просто потому, что оскопленная и сдавленная мысль такъ же непосредственно противна всякому мыслителю, какъ вонючая вода или гнилая пища противны всякому здоровому человѣческому организму.

Тотъ человѣкъ, которому безконечно дорогъ самый процессъ мышленія, ищетъ истины во что бы то ни стало, помимо всякихъ практическихъ соображеній, какъ бы ни были эти соображенія важны и уважительны.

Если этотъ человѣкъ задаетъ себѣ какой нибудь вопросъ, то онъ старается получить на него точный, правильный и вѣрный отвѣтъ, и, удивившись въ томъ, что полученный отвѣтъ соединяетъ въ себѣ эти качества, нашъ добросовѣстный мыслитель принимаетъ его за истину, хотя бы отъ этого отвѣта перевернулись вверхъ дномъ всё его прежнія понятія.

Истина можетъ оказаться очень неутѣшительною; она можетъ разбить множество прелестнѣйшихъ фантазій; она можетъ привести самого мыслителя въ смущеніе и въ ужасъ. Открытіе такой печальной истины можетъ стоить мыслителю многихъ мучительныхъ безсонныхъ ночей. Но нѣтъ нужды. Истина есть истина, и, встрѣтившись съ нею лицомъ къ лицу, мыслитель, достойный этого имени, признаетъ ее безпрекословно, и не позволяетъ себѣ ни подъ какимъ видомъ замаскировывать ея строгія черты различными робкими умолчаніями или мошенническими искаженіями.

Человѣкъ, воодушевленный такою страстною и неустрашимою любовью къ истинѣ, какова бы она ни была, задумается очень серьезно и глубоко, когда увидитъ, что умственные сокровища, унаслѣдованныя имъ отъ Феклы, подвергаются однимъ изъ его собесѣдниковъ самому беспощадному осужденію. Что за чудеса! скажетъ онъ себѣ. Стало быть, есть возможность сомнѣваться въ томъ, что я считалъ стоящимъ неизмѣримо выше всякаго сомнѣнія. Стало быть, существуетъ такая точка зрѣнія, о которой я до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Надо осмотрѣть эту точку зрѣнія. Я, конечно, увѣренъ въ томъ, что она ошибочна, потому что, въ самомъ дѣлѣ, не могла же Фекла ошибаться, и не могли же, вмѣстѣ съ нею, ошибаться и папаша и мамаша, и дяденька и тетенька, и всё мои гувернеры и гувернантки. Но надо все таки узнать, какъ и почему возможна такая ошибочная точка зрѣнія, откуда взялось это странное заблужденіе, чѣмъ оно укрѣпилось и какими доказательствами оно поддерживается въ настоящую минуту.

Юный любитель истины начинаетъ разспрашивать, читать, вдумываться, и наконецъ, проходитъ, разумѣется, къ тому убѣжденію, что Фекла, при всёхъ своихъ превосходныхъ ка-

чествахъ, была очень посредственною мыслительницею.

Но толпа не придетъ къ этому заключенію, потому что толпа твердитъ стихи своего любимаго поэта:

Тѣмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Истина сама по себѣ не имѣетъ въ глазахъ толпы никакой цѣны, и тотъ чудакъ, который вздумаетъ возвѣщать толпѣ истины, противорѣчащія ея привычнымъ понятіямъ, нарушающія ея умственный комфортъ, разбивающія ея иллюзіи, и налагающія на нее обязанность встревожиться и задуматься, — можетъ смѣло рассчитывать на всѣ тѣ мелкія, но чувствительныя непріятности, преслѣдованія, подозрѣнія и оскорбленія, которыя, въ наше филантропическое время, замѣняютъ собою мученичскій вѣнецъ.

II.

Тѣ люди, для которыхъ жизнь была въ дѣтствѣ суровою мачихою, могутъ также, вмѣстѣ съ безкорыстными искателями истины, увлечься идеями смѣлаго отрицателя. Кому тяжело и больно жить на свѣтѣ, тому трудно воспитать въ себѣ особенно сильную любовь къ тѣмъ понятіямъ, на которыхъ построенъ и которыми держится угнетающій его порядокъ вещей. Измученный и озлобленный человѣкъ привыкъ съ дѣтства считать нѣкоторыя положенія за неопровержимыя истины, но эта привычка образовалась въ немъ только потому, что онъ ни разу не слышалъ ни одного противуположнаго мнѣнія. Эта привычка имѣетъ чисто пассивный характеръ. Въ ней нѣтъ дѣятельной любви, и человѣкъ, при первой возможности, поспѣшно и съ радостью отрывается отъ этой привычки, которая не связывается въ его умѣ ни съ какими свѣтлыми и пріятными воспоминаніями. Мрачное и печальное дѣтство, наполненное лишеніями и незаслуженными оскорбленіями, всего чаще достается на долю тѣмъ людямъ, которые принадлежатъ къ низшимъ и бѣднѣйшимъ классамъ общества. Въ этихъ классахъ общества идеи отрицателей нашли бы себѣ, конечно, самый восторженный пріемъ, но именно въ эти классы общества серьезная мысль до сихъ поръ никогда не заглядывала; во первыхъ потому, что людямъ, ежедневно отбивающимся отъ голодной смерти самымъ напряженнымъ трудомъ, некогда заниматься размышленіями, какъ бы ни были эти размышленія серьезны и полезны; во вторыхъ потому, что умственный сонъ низшихъ классовъ охраняется во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ многими сотнями бодительныхъ аргусовъ.

Но вездѣ, гдѣ, такъ или иначе, по тому или по другому случаю, происходитъ соприкоснове-

ніе между бѣдностью, съ одной стороны, и серьезною мыслью, съ другой, — тамъ тотчасъ же идеи отрицанія находятъ себѣ многочисленныхъ адептовъ и распространителей.

Такъ, напримѣръ, было замѣчено не разъ, что въ нашихъ духовныхъ училищахъ сформировались самые крупные и яркіе представители отрицательнаго направленія, которое и до сихъ поръ воспринимается съ особенною жадностью воспитанниками этихъ же самыхъ училищъ. Наши гасильники или усыпители старались объяснить этотъ, очень печальный для нихъ фактъ, различными недостатками господствующей педагогической системы. Система, дѣйствительно, плоха, и я нисколько не намѣренъ ее отстаивать. Но нельзя не замѣтить, что никакія педагогическія усовершенствованія не поворотятъ міръ назадъ къ до-коперниковской и до-галилеевской философіи, и не затушаютъ также того вопіющаго противорѣчія, которое существуетъ между остатками этой философіи и непоколебимыми естественно-научными истинами. Что же касается до водворенія отрицательныхъ идей въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя, по самой сущности своей, совершенно враждебны этимъ идеямъ, — то оно объясняется не какими нибудь несовершенствами въ программѣ или въ распредѣленіи занятій, а просто тѣмъ чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ, что въ этихъ именно заведеніяхъ крайняя бѣдность встрѣчается съ умственною дѣятельностью.

Бурсаки очень бѣдны, бѣднѣе всѣхъ другихъ обучающихся въ Россіи юношей, и при этомъ они, однако же, имѣютъ возможность и желаніе читать серьезныя книги. Этого совершенно достаточно, чтобы приготовить самое полное торжество отрицательныхъ идей во всѣхъ духовныхъ училищахъ.

Дѣло въ томъ, что отрицательнымъ идеямъ, и только имъ однѣмъ, безраздѣльно принадлежитъ будущее. Въ настоящее время, большинство образованныхъ классовъ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, враждебно этимъ идеямъ. Но это ровно ничего не значитъ. Напротивъ того, именно это обстоятельство и даетъ намъ возможность замѣтить, какъ неотразимо сильны отрицательныя идеи, и какъ ничтоженъ тотъ грязный хаосъ, который долго можетъ задерживать своимъ присутствіемъ умственное развитіе человѣчества, но который никогда не можетъ одержать окончательную побѣду, потому что никогда не можетъ произвести изъ себя ничего прочнаго, ничего живого, ничего способнаго развиваться и совершенствоваться. Большинство враждебно отрицательнымъ идеямъ. Это вѣрно. Но что же это значитъ? Это значитъ только, что большинство подкуплено въ пользу status quo, котораго оно не можетъ находить ни справедливымъ, ни разумнымъ, и

котораго оно не можетъ защищать, не впадая ежеминутно въ грубѣйшія внутреннія противорѣчія, не прибѣгая ежеминутно къ самымъ неправдоподобнымъ выдумкамъ, и не доходя на каждомъ шагу до самыхъ вопіющихъ абсурдовъ.

Большинство превозноситъ своихъ усыпителей. Не мудрено. Еще бы не превозносить тѣхъ услужливыхъ людей, которые изъ году въ годъ, и съ утра до вечера, тратятъ всѣ силы своего ума на то, чтобы заглушить въ насъ тѣ невольныя угрызения совѣсти, съ которыми мы сами, какъ люди простые и не хитрые, не умѣемъ справляться.

Стразбургскіе пироги, конечно, очень вкусны; шампанское, бургондское, рейнвейнъ и хересъ веселятъ сердце человѣка; абонированная ложа въ бель-этажѣ итальянской оперы доставляетъ бочки эстетическаго наслажденія; карета на лежащихъ рессорахъ, запряженная парой великолѣпныхъ сѣрыхъ жеребцовъ, превращаетъ каждую дѣловую поѣздку въ пріятнѣйшую прогулку; но хорошая консервативная газета, издаваемая искуснымъ усыпителемъ, пріятнѣе и драгоцѣннѣе каждаго изъ этихъ земныхъ благъ, взятыхъ отдѣльно; или, точнѣе, хорошая консервативная газета придаетъ всѣмъ этимъ земнымъ благамъ тотъ утонченнѣйшій вкусъ и высшій ароматъ, которые удваиваютъ, а можетъ быть, даже и утроиваютъ ихъ дѣйствіе. Хорошая консервативная газета одухотворяетъ всѣ эти блага. Фактъ возводится ею въ священное право, и обладатель земныхъ благъ узнаетъ изъ нея каждое утро, за чашкою цвѣточнаго чая или моккскаго кофе, что онъ—нѣкое маленькое божество, на алтарь котораго простые и темные люди обязаны, нравственно обязаны, нести со всѣхъ концовъ свѣта превосходнѣйшія произведенія природы и великолѣпнѣйшіе продукты человѣческой промышленности.

На обладателя земныхъ благъ можетъ иногда напасть тяжелое раздумье. На что я, въ самомъ дѣлѣ, годенъ, что я дѣлаю? Другіе кругомъ меня трудятся, суетятся, волнуются, выбиваются изъ силъ, терпятъ лишнія, страдаютъ и борются, а я только и дѣлаю, что ѣмъ, пью, сплю и заплываю жиромъ. Кому я приношу пользу? Кому нужно мое глупое существованіе?

Противъ такого раздумья не помогаютъ ни стразбургскіе пироги, ни шампанское, ни опера, но хорошая консервативная газета въ пять минутъ можетъ разогнать мрачныя тучи этихъ лукавыхъ помышлений. Помилуй, другъ мой, говорить такая газета задумавшемуся обладателю земныхъ благъ. Какъ могъ ты, хоть на одну минуту, допустить въ свою свѣтлую голову странную мысль о томъ, будто ты бесполезенъ. Ты одинъ изъ самыхъ твердыхъ стол-

бовъ общественнаго зданія. Каждый, повидному, ничтожнѣйшій актъ твоей жизни составляетъ благодѣяніе. Вся твоя жизнь есть одно постоянное служеніе обществу. Вотъ, напримеръ, другъ мой, ты достаешь изъ кармана платокъ. Ты думаешь, можетъ быть, что это, въ самомъ дѣлѣ, только носовой платокъ, бездушная и бессмысленная тряпка. Нѣтъ, другъ мой, это маленькій памятникъ твоей невольной заботливости о благосостояніи твоихъ младшихъ братьевъ. Платокъ этотъ вытканъ ткачемъ, подрубленъ и замѣченъ швеею, вымытъ и выглаженъ прачкою. Теперь подумай только, въ какихъ бы дуракахъ остались всѣ эти бѣдные люди, если бы тебя не было на свѣтѣ, или если бы ты, бывши на свѣтѣ, былъ такъ черствъ сердцемъ и такъ суровъ въ своихъ привычкахъ, что сморкался бы въ собственную руку, а не въ батистовый платокъ. Но, слава Создателю, ты существуешь, ты такъ великодушенъ, такъ мягкосердеченъ, такъ возвышенно уменъ, и такъ утонченно цивилизованъ, что понимаешь вполне, насколько батистовый платокъ удобнѣе собственной руки. Ты покупаешь себѣ дюжину платковъ, и довольство разливается тихими ручьями въ скромныя хижинныя и мансарды честныхъ тружениковъ. Ткачъ садится за свой простой, но здоровый обѣдъ, и говоритъ растроганнымъ голосомъ, возводя къ небу свои глаза, наполненные слезами благодарности: пошла, Господи, многія лѣта добрымъ господамъ, что сморкаются въ батистовые платки. Швея пріобрѣтаетъ себѣ простые, но прочные башмаки, и, обливая ихъ радостными слезами, шепчетъ прерывающимся голосомъ: дай, Господи, здоровья тому барину, что отдавалъ мнѣ подрубать и мѣтить платки. Ты недавно говорилъ, мой другъ, что ты заплываешь жиромъ. О, не смущайся и не тяготись этимъ обстоятельствомъ. Это не простой жиръ. Это награда за твои заслуги. Это такой жиръ, которымъ ты имѣешь полное право гордиться. Это—результатъ тѣхъ теплыхъ молитвъ, которыя несутся къ престолу Создателя изъ всѣхъ хижинъ честныхъ тружениковъ, питающихся твоими благодѣяніями. Я вижу, другъ мой, что ты совершенно убѣжденъ моими доказательстами, взволнованъ и растроганъ: слезы льются изъ глазъ твоихъ, носъ твой переполняется жидкостью, и ты поспѣшно хватаешься за маленькій памятникъ твоей заботливости о благосостояніи младшихъ братьевъ. Ты сморкаешься, да, ты сморкаешься, но понимаешь ли ты высокое значеніе этого поступка? Этимъ поступкомъ ты спѣшишь на помощь къ бѣдной прачкѣ, которая въ настоящую минуту нуждается въ лекарствахъ для своего больного ребенка. Еще пять, шесть такихъ же великодушныхъ поступковъ, и твой платокъ отправится въ грязное бѣлье, и привлечетъ на

тебя новыя рѣки благословеній, и новыя слою благодатнаго жира, вымоленнаго для тебя твоими трудолюбивыми protegés.

Но все это, другъ мой, только одна сторона твоей общепользной и доблестной дѣятельности. Ты еще болѣе великъ и прекрасенъ, если посмотреть на тебя съ политической точки зрѣнія. Тутъ ты изображаешь собою охранительный элементъ нашего общества. Тутъ ты служишь лучшимъ представителемъ нашей нравственной самостоятельности. Подкупить тебя нельзя, потому что ты богатъ. Запугать тебя тоже нельзя, потому что съ человѣкомъ, сморкающимся въ батистовыя платки, принято обращаться вѣжливо. Ты сегодня пообѣдалъ хорошо, и желаешь завтра пообѣдать также хорошо, слѣдовательно ты консерваторъ. Но, съ другой стороны, ты согласенъ пообѣдать завтра еще лучше, чѣмъ сегодня, слѣдовательно, ты также и прогрессистъ. Вся твоя политика исчерпывается этимъ желаніемъ и этимъ согласіемъ. Твоя политика проста и ясна, какъ все великое. Ты совмѣщаешь въ высшемъ и всеобъемлющемъ синтезѣ все хорошее и разумное, что когда нибудь было произведено на свѣтѣ какими бы то ни было политическими школами. И здѣсь, другъ мой, я опять долженъ возвратиться къ твоему благодатному жиру, на который ты жаловался съ такою странною неосновательностью. Этотъ жиръ, даже и съ политической точки зрѣнія, имѣетъ высокое и спасительное значеніе. Этотъ жиръ придаетъ тебѣ ту солидность, ту медленность, ту драгоценную неповоротливость, вслѣдствіе которой ты дѣлаешься самымъ надежнымъ хранителемъ традицій, привычекъ и установившихся отношеній; твой жиръ мѣшаетъ тебѣ увлекаться новыми идеями и модными бреднями. Нашъ государственный корабль, нагруженный цѣлыми тоннами такого же благодатнаго жира, плыветъ, по милости этого спасительнаго балласта, съ подобающею медленностью и съ привычною величественностью вмѣсто того, чтобы летѣть на всѣхъ парусахъ, подвергаясь опасности наскочить на подводные камни. Итакъ, другъ мой, знай это развѣ навсегда: всякій разъ, какъ ты кладешь въ рогъ кусокъ вкусной и питательной пищи, способной превратиться въ частицу жира,—ты оказываешь отечеству малую, но существенно важную услугу. Я повторяю тебѣ, что ты можешь созерцать свой жиръ съ законною гордостью. Если ты когда нибудь разжирѣешь до того, что задохнешься, то всѣ мы, твои друзья, всѣ мы, искренніе патріоты, всѣ мы, благоразумные прогрессисты, поставимъ на твоей могилѣ великолѣпный памятникъ, и будемъ говорить о тебѣ со слезами умиленія: онъ умеръ за отечество!

Спрашиваю я васъ теперь, какой цвѣточный чай или какой мокасскій кофе можетъ, по сво-

ему вкусу и по своему аромату, выдержать сравненіе съ хорошею консервативною газетою, изъ которой обладатель всѣхъ земныхъ благъ вычитываетъ каждый день столь возвышенныя и утѣшительныя соображенія.

III.

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

Этими бессмертными стихами Крылова объясняются многіе блистательнѣйшіе и скандальнѣйшіе успѣхи. Этими же самыми стихами объясняется такъ же успѣхъ нашихъ усыпителей, успѣхъ очень блистательный и въ высокой степени скандальный.

Дѣло усыпителя состоитъ въ томъ, чтобы постоянно прискивать красивыя названія и искусныя оправданія для всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ слабостей читающаго общества. Раболѣпство, низкопоклонство, суевѣріе, тупоуміе, самодурство, корыстолюбіе, безхарактерность, двоедушіе, все, что, въ пробуждающемся обществѣ, бываетъ принуждено прятаться и ступиваться, снова реабилитируется и возводится на пьедесталъ неусыпными стараніями ловкаго усыпителя. Читатели видятъ, что ихъ подлость и ихъ глупость могутъ смѣло поднять голову и ходить по улицамъ, требуя себѣ отъ встрѣчныхъ и поперечныхъ сочувствія и уваженія. Сначала читатели не смѣютъ вѣрить такому избытку блаженства. Они все еще боятся, что за панегирикомъ скрывается злая и убійственная сатира. Они все еще не могутъ себѣ представить, что есть возможность хвалить въ нихъ то, что они сами признаютъ въ себѣ однимъ изъ многихъ проявленій человѣческой слабости. Но, между тѣмъ, панегирикъ все продолжается, сатира ни откуда изъ за него не выглядываетъ, читатели, наконецъ, успокоиваются и убѣждаются въ томъ, что всѣмъ ихъ любимымъ пошlostямъ дѣйствительно воскурятся фиміамъ; тогда начинается общее неудержимое ликованіе; всѣ кукушки даннаго общества выскакиваютъ изъ своихъ пригоновъ, и начинаютъ славословить пѣтуха, зная очень хорошо, что, чѣмъ выше онѣ вознесутъ эту почтенную птицу, тѣмъ больше силы и вѣса онѣ придадутъ его пѣснямъ, прославляющимъ всевозможныя кукушечьи качества, привычки, хватки, низости и мерзости. Значитъ, вознося пѣтуха, кукушки возвеличиваютъ самихъ себя. А кто же откажется говорить самому себѣ любезности и комплименты, если это можетъ быть сдѣлано косвеннымъ образомъ и подъ благодиднымъ предлогомъ.

Итакъ, усыпители и читатели носятъ другъ друга на рукахъ и плаваютъ въ морѣ блаженнаго самообожанія. Наконецъ, въ разгарѣ

своего торжества, они чувствуют непобѣдимое желаніе призвать къ себѣ на помощь поэзію, чтобы она увѣковѣчила ихъ прекрасныя черты, сдѣлавши ихъ предметомъ эпоса. Ноздревы, Чичиковы и Собакевичи, найдя себѣ такого публициста, который оправдалъ и превознесъ всѣ ихъ поползновенія, ищутъ себѣ также и такихъ художниковъ, которые, сохраняя имъ всѣ ихъ типическія особенности, превратили бы ихъ въ милыхъ, интересныхъ и очаровательныхъ героевъ романа. Мы побѣдители, мы триумфаторы, мы вожди общества, — говоритъ раздуваясь грязь, проникшаяся вдругъ чувствомъ собственного достоинства. Эй, поэты, воспойте насъ, да воспойте такъ, чтобы всякій сразу понималъ, что мы — первые красавцы и величайшіе герои во всемъ подлунномъ мірѣ. За деньгами мы не постоимъ.

Поэтамъ свойственно воспѣвать триумфаторовъ и получать за то подачку съ ихъ богатаго стола. Многимъ поэтамъ было бы особенно пріятно превратить торжествующую грязь въ очаровательныхъ героевъ. Поступая такимъ образомъ, многие поэты оказали бы очень важную услугу собственнымъ особамъ, носящимъ въ себѣ весьма достаточное количество той же величающейся грязи. Стало быть, въ побудительныхъ причинахъ для начала эпическихъ пѣснопѣній не могло быть недостатка. Охотниковъ тоже оказалось по этой части довольно. И однако же всѣ старанія не только остались безуспѣшными, но даже всѣ до одного повернулись противъ интересовъ торжествующей грязи. Всѣ романы, написанные для прославленія грязи и для посярмленія ея противниковъ, доказали, наперекоръ всѣмъ усиліямъ ихъ авторовъ, что грязь рѣшительно ни на что не годится, и что сила, мужество, честность, умъ, любовь къ идеѣ составляютъ исключительную и безраздѣльную собственность тѣхъ противниковъ, которыхъ авторы желали опозорить, оклеветать и стереть съ лица земли. Къ этому результату пришли и «Взбаломученное море», и «Марево», и «Некуда». Образы и характеры сказали какъ разъ противное тому, что хотѣли сказать авторы.

Кто оказывается самымъ чистымъ и самымъ свѣтлымъ характеромъ въ «Взбаломученномъ морѣ»? — Валеріанъ Сабакѣвъ.

А въ «Маревѣ»? — Инна Горобецъ.

А въ «Некуда»? — Лиза Бахарева.

То есть именно самые непримиримые, самые страстные противники той ноздревщины и чичиковщины, которую господа тенденціозные романисты старались реабилитировать и взгромоздить на пьедесталъ.

Такъ какъ тенденціозные романы пишутся всегда по рецепту, то въ нихъ тотчасъ можно замѣтить, что нѣкоторыя фигуры вдвинуты въ картину для симметріи, для того, чтобы отгѣ-

нить какое нибудь лицо, дѣйствительно важное и имѣющее самостоятельное значеніе.

Во всѣхъ трехъ тенденціозныхъ романахъ, украсившихъ собою въ недавнее время нашу изящную словесность, — рядомъ съ энергическими фигурами бойцовъ, навлекающихъ на себя неудовольствіе авторовъ, поставлены, ради бѣльшей поучительности, фигуры молодыхъ, но благовравныхъ особъ, на которыхъ авторы смотрятъ съ одобрительною улыбкою.

Валеріанъ Сабакѣвъ отгѣняется Варегинимъ.

Инна Горобецъ — молодую и прекрасную дѣвицею Мальвиною Францевною, фамилію которой я теперь не могу припомнить.

Лиза Бахарева — своею пріятельницею, Евгеніею Гловацкою.

Все благоволеніе авторовъ покоится на этихъ поучительныхъ особахъ. И между тѣмъ, при всемъ своемъ благоволеніи, авторы не могутъ изъ нихъ рѣшительно ничего сдѣлать.

Все это — образы безъ лицъ, воплощенныя нравоченія, кроткія и улыбающіяся безцвѣтности, похожія до чрезвычайности на Здравосудовъ и Стародумовъ старыхъ комедій.

Все это такія фигуры, которыя могутъ обманывать читателя и прикидываться живыми только до тѣхъ поръ, пока онѣ остаются въ тѣни, на самомъ заднемъ планѣ романа, находясь въ совершенномъ бездѣйствіи, произнося благоразумныя рѣчи и выдѣлывая кроткія гримасы.

Попробуйте выдвинуть эти фигуры на первый планъ, попробуйте сдѣлать ихъ центромъ романа, заставьте ихъ самихъ чувствовать и дѣйствовать, вмѣсто того, чтобы выражать благоразумныя сужденія о чужихъ страстяхъ и поступкахъ, — и тогда картонъ и проволока, изъ которыхъ составлены эти поучительныя особы, въ одну минуту обнаружатъ свою безжизненность и неповоротливость.

Почему же, однако, все это сложилось такимъ образомъ? Почему господамъ авторамъ тенденціозныхъ романовъ пришлось поневолѣ воплощать въ яркихъ и привлекательныхъ образахъ только тѣ враждебныя идеи, которыми они старались нанести смертельный ударъ? И почему, съ другой стороны, имъ не удалось соорудить ни одного живого лица изъ тѣхъ матеріаловъ, которымъ они желали засвидѣтельствовать свое глубочайшее уваженіе и свою неизмѣнную преданность.

Дѣло въ томъ, что вообще, на всякой важной идеѣ несравненно легче построить довольно сносное отвлеченное разсужденіе, чѣмъ живой и занимательный разсказъ.

Для разсужденія вы можете выбирать именно только тѣ стороны предмета, которые не противорѣчатъ вашей ложной идеѣ. Вы можете ограничиться очень незначительнымъ числомъ фактовъ; вы можете оставить безъ вниманія

все то, что не подходит под вашу узкую теорию; вы можете перетолковать, сообразно с вашими видами, значение тѣхъ фактовъ, которые вы сами подобрали и сгруппировали; вы можете указать между этими фактами такую связь, которая вовсе не существуетъ между ними въ дѣйствительности. Всѣ эти фокусы сойдутъ вамъ съ рукъ самымъ благополучнымъ образомъ, если только вы обладаете достаточной дозой самоувѣренности и діалектической ловкости. Умышленные пропуски, натяжки, ложная группировка и ложное освѣщеніе фактовъ— все это будетъ замѣчено только тѣми немногими людьми, которые сами изучили предметъ вашего разсужденія. Такихъ людей во всякомъ обществѣ найдется очень немного, и ваша шарлатанская работа адресуется вовсе не къ нимъ, а къ довѣрчивой и совершенно беззащитной массѣ читателей. Эта масса будетъ любоваться красотами вашего языка, и благоговѣть передъ вашею нахальною самоувѣренностью, которую она будетъ принимать за несомнѣнное доказательство вашей неисчерпаемой учености и безукоризненной добросовѣстности. Положимъ, что знагоки дѣла не будутъ молчать. Они начнутъ развѣивать вашу работу и раскритикуютъ ее такъ, что въ ней не останется ни одного живого мѣста. Вамъ и тутъ еще нѣтъ достаточнаго основанія считать свое дѣло окончательно проиграннымъ. Во первыхъ, критика опасна для васъ только въ томъ случаѣ, если она написана также общедоступно и увлекательно, какъ ваше шарлатанское разсужденіе. Очень серьезная и величественно скучная критика останется непрочитанною, хотя бы въ ней заключались несмѣтные сокровища знанія, мудрости, основательности и добросовѣстности. Во вторыхъ, какая бы то ни была критика можетъ убить васъ окончательно только въ глазахъ тѣхъ людей, которые имѣютъ достаточное понятіе о вашемъ предметѣ, и которые, вслѣдствіе этого, должны презирать васъ съ самаго начала, послѣ самаго перваго знакомства съ вашимъ литературнымъ фокусничествомъ. Что же касается до обманутихъ вами профановъ, то они увидятъ только, что вы говорите одно, а критикъ вашъ—совсѣмъ другое. Кто изъ васъ говорить правду, и кто лжетъ,—этого профаны опредѣлить не могутъ, потому что для этого необходимы знанія, которыхъ у нихъ не имѣется. На самую убійственную критику вы можете отвѣчать новыми софизмами, новымъ подтасованіемъ фактовъ, новымъ извращеніемъ мыслей, и побѣда можетъ остаться на вашей сторонѣ, если только, во все время ожесточенной борьбы, ваша самоувѣренность и ваша діалектическая развязность не покиннутъ васъ ни на минуту.

Всѣми этими выгодами и преимуществами

вы пользуетесь въ томъ случаѣ, если вы стараетесь отуманивать вашихъ читателей отвлеченными разсужденіями.

Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ, когда вы дѣлаете попытку облечь вашу возлюбленную ложь въ живые образы. Тогда оказывается одно изъ двухъ: или эти образы приводятъ васъ въ отчаяніе и обличаютъ васъ во лжи своею безнадежною и неизлечимою деревянностью, надъ которою смѣются или зѣваютъ всѣ ваши читатели, отъ мала до велика; или же эти образы оживаютъ подъ вашимъ перомъ, но оживаютъ не на радость вамъ и вашей ложной идѣи. Они оживаютъ за тѣмъ, чтобы взбунтоваться противъ васъ, возвеличить то, что вы хотѣли оплевать, и оплевать то, что вы хотѣли возвеличить. Когда вы предлагаете публикѣ романъ или повѣсть, тогда вашимъ критикомъ является каждый изъ вашихъ читателей, каждый человекъ, надѣленный отъ природы самымъ простымъ здравымъ смысломъ, и успѣвшій приобрести себѣ самое обыкновенное знаніе жизни. Въ отношеніи къ романамъ и повѣстямъ нѣтъ и не можетъ быть профановъ. Каждый читатель можетъ понять или, по крайней мѣрѣ, почувствовать, что натурально, и что не натурально, что правдоподобно и что неправдоподобно, что занимательно и что скучно. Въ отвлеченномъ разсужденіи вы могли доказывать, сколько вамъ угодно, что душевныя свойства, украшающія Чичикова и Молчалина, необходимы для процвѣтанія, для благоденствія, даже для существованія Россіи. Вы могли объяснять очень пространно и краснорѣчиво, какими педагогическими приемами слѣдуетъ возвращать эти спасительныя качества въ молодомъ поколѣніи. Публика могла слушать ваши рѣчи съ благоговѣніемъ, потому что, съ одной стороны, эти рѣчи были пересыпаны патриотическими словами; съ другой стороны, они гладили по шерсти чичиковскіе и молчалинскіе инстинкты, сидящіе въ душѣ очень многихъ читателей; а съ третьей стороны, эти читатели были совершенно не приготовлены къ какому бы то ни было размышленіямъ о судьбахъ Россіи и объ умственныхъ потребностяхъ молодого поколѣнія. Значитъ, передъ этими читателями можно было съ полнымъ успѣхомъ выкладывать на столъ всѣ тѣ инструменты, при содѣйствіи которыхъ предполагалось приготовить изъ нашихъ юношей Чичиковыхъ и Молчалиныхъ. Читатели только любовались этими инструментами и выражали пламенное желаніе, чтобы они были разосланы въ достаточномъ количествѣ во всѣ губернскіе города нашего отечества.

Но вы вздумали собрать свойства ваши чичиковскія и молчалинскія свойства въ одинъ образъ, вы пожелали, чтобы публика смотрѣла на этотъ образъ съ любовью и съ уваже-

ніемъ,—и тутъ вы провалились жестоко. Ваша послушная, ваша довѣрчивая, ваша безотвѣтная публика откровенно засмѣялась, или стыдливо отвернулась прочь, вмѣсто того, чтобы согласна съ вашимъ требованіемъ, восхищаться, любить и уважать.

Что жъ съ этимъ дѣлать? Чичиковъ и Молчалинъ совсѣмъ не для того существуютъ на свѣтѣ, чтобы возбуждать въ своихъ ближнихъ восторги, любовь и уваженіе. Чичиковъ и Молчалинъ, какъ люди далеко не глупые, сами знаютъ это, какъ нельзя лучше, и уже давно помирились съ этимъ обстоятельствомъ, тѣмъ болѣе, что восторгъ, любовь и уваженіе не могутъ быть занесены ни въ одну изъ двухъ интересныхъ для этихъ господъ рубрикъ, ни въ рубрику движимаго, ни въ рубрику недвижимаго имущества.

Чичиковъ и Молчалинъ преуспѣваютъ, живутъ въ свое удовольствіе, откладываютъ копеечки на черный день, и, въ то же время, обдѣлываютъ свои дѣла такъ искусно и такъ осторожно, что черные дни никогда не являются. Но Чичиковъ и Молчалинъ, по своей благоразумной скромности, вовсе не желаютъ обращать на себя, съ какой бы то ни было стороны, и по какому бы то ни было случаю, вниманіе своихъ современниковъ и согражданъ. Чичиковъ и Молчалинъ любятъ оставаться въ тѣни и въ неизвѣстности, потому что ихъ мелкія предпріятія требуютъ для своего процвѣтанія мрака и тишины.

Предложите любому Чичикову и Молчалину влѣзть на пьедесталъ и сдѣлать себя центромъ романа, то есть обратить на себя вниманіе публики и рассказать ей, съ какой угодно точки зрѣнія, полную и подробную повѣсть всѣхъ его чичиковскихъ и молчалинскихъ дѣйствій, чувствъ и помышленій,—и вы увидите, что вашъ Чичиковъ или Молчалинъ съ ужасомъ и съ ожесточеніемъ начнетъ отмахиваться обѣими руками отъ вашего предложенія, какъ отъ самой оскорбительной и опасной для него затѣи.

Чичиковъ и Молчалинъ понимаютъ очень хорошо, что они мелки, низки и ничтожны, и что взгромоздить ихъ на пьедесталъ значить, нечаянно или умышленно, предать ихъ общему посмѣянію. Чичиковъ и Молчалинъ знаютъ, что, когда ихъ поставятъ на видное мѣсто, и освѣтятъ со всѣхъ сторонъ яркимъ свѣтомъ психологическаго анализа,—тогда надъ ихъ мелкими и мизерными фигурками засмѣются съ безпощаднымъ злорадствомъ ихъ же собственные двойники, тѣ Чичиковы и Молчалины, которымъ удалось остаться въ тѣни. Чичиковъ и Молчалинъ чувствуютъ, что никакія натяжки, никакія поэтическія вольности и идеализаціи не могутъ превратить ихъ въ красавцевъ. Поэтому Чичиковъ и Молчалинъ просятъ поэтовъ только

объ одномъ: оставьте насъ въ покоѣ, забудьте о нашемъ существованіи, не вытаскивайте на свѣтъ и не прославляйте нашихъ скромныхъ подвиговъ.

Но поэты, разогрѣтые своею любовью къ солидности, увлеченные общими порывами филистерскаго восторга, одержимые, кромѣ того, неизлечимою наивностью, желаютъ непременно содѣйствовать съ своей стороны посрамленію и истребленію такъ называемыхъ нигилистовъ. Мы покажемъ міру, кричатъ безтолковые поэты, что наша солидность и благонамѣренность имѣютъ также своихъ героевъ. Мы покажемъ, что наше филистерство выработало изъ себя такой типъ, къ которому можно и должно относиться съ сочувствіемъ.

И затѣмъ, несчастнаго Павла Ивановича Чичикова подхватываютъ на руки и несутъ на пьедесталъ, несмотря на его отчаянное сопротивленіе.

Очутившись на пьедесталѣ, Павелъ Ивановичъ, разумѣется, не знаетъ, куда дѣвать глаза, и готовъ провалиться сквозь землю, и сами поэты замѣчаютъ, наконецъ, слишкомъ поздно, что они сдѣлали большую глупость, которой могутъ отъ души порадоваться ихъ противники.

Неужели же, однако, спросить читатель, тотъ типъ солидныхъ молодыхъ дѣятелей, который хотѣли воспѣть въ послѣднее время наши романисты, имѣетъ дѣйствительное сходство съ Чичиковымъ и съ Молчалинымъ?

На это я отвѣчу, что все въ природѣ развивается, совершенствуется и благообразивается, но что внимательный наблюдатель можетъ и долженъ узнавать своихъ старыхъ знакомыхъ, несмотря на ихъ новые костюмы, манеры и разговоры. Чичиковымъ бываетъ часто такой человѣкъ, который не только не торгуетъ мертвыми душами, но даже не позволяетъ себѣ ни одной, сколько нибудь двусмысленной, спекуляціи. Молчалинъ остается Молчалинымъ даже тогда, когда онъ съ почти тельною твердостью представляетъ своему начальнику основательныя возраженія.

Настоящая сущность чичиковщины и молчалинства состоитъ въ отсутствіи такихъ убѣжденій, которыя выработаны самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ, которыя управляютъ всею жизнью человѣка, и отъ которыхъ человѣкъ не можетъ отречься, если бы даже, въ минуту тяжелаго страданія за любимую идею, ему пришла въ голову эта фантазія.

Молчалинымъ и Чичиковымъ слѣдуетъ признавать каждаго человѣка, у котораго нѣтъ въ жизни никакой другой цѣли, кромѣ пріобрѣтенія и упрочиванія личнаго довольства и комфорта.

Если понимать чичиковщину и молчалинство въ такомъ широкомъ смыслѣ, то надо будетъ

признаться, что всё образованная общества переполнены болѣе или менѣе яркими представителями этихъ двухъ типовъ.

При этомъ не забудьте также заглянуть и въ зеркало, для очистки собственной совѣсти.

Большинство сытыхъ, одѣтыхъ и грамотныхъ людей проникнуто консервативною солидностью и отстаиваетъ тѣ понятія и тѣ отношенія, среди которыхъ ему приходится жить.

Почему оно ихъ отстаиваетъ? Потому ли, что оно ихъ любитъ? Потому ли, что оно убѣждено въ ихъ вѣрности и въ ихъ справедливости? Потому ли, что оно находитъ ихъ полезными для общаго благосостоянія?

Ничуть не бывало. Консервативныя тенденціи большинства объясняются тремя главными причинами, которыя дѣйствуютъ или порознь, или всё вмѣстѣ.

Во первыхъ, сытая, одѣтая и грамотная толпа отстаиваетъ то, что даетъ ей доходъ. Развѣ это не чичиковщина?

Во вторыхъ, та же толпа соображаетъ очень основательно, что преклоняться передъ существующимъ фактомъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ гоняться за неосуществленными идеями. А это развѣ не молчалинство?

Въ третьихъ, та же толпа повинуетъ силѣ привычки, и считаетъ хорошимъ то, къ чему она присмотрѣлась. Въ этой третьей причинѣ проглядываютъ очевидно умственные свойства помѣщицы Коробочки.

Итакъ, Чичиковъ, Молчалинъ и Коробочка,— вотъ тѣ ингредиенты, изъ которыхъ романисты, вдохновленные «Московскими Вѣдомостями», старались построить героя, долженствующаго побѣдить и уничтожить Базарова и Рахметова.

Статья о Шедо-Ферроти ¹⁾.

Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себѣ вовсе не заслуживаетъ вниманія, но изъ за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедро платою поддерживаетъ въ немъ и патриотическій жаръ, и литературный талантъ. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, какъ маневръ нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умѣе самого Шедо-Ферроти, но, что дѣлать, мы покуда отъ нихъ зависимъ, мы съ ними боремся, стало быть, надо же взглянуть въ глаза нашимъ естественнымъ притѣснителямъ и врагамъ.

Обскурантовъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣтъ того квартального надзирателя, нѣтъ того цензора, нѣтъ того академика, нѣтъ даже того великаго князя, который не считалъ бы себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ мирнаго прогресса. Считая себя либераломъ, какъ то неловко сажать людей подъ арестъ или высылать ихъ въ дальнія губерніи за печатно выраженное мнѣніе или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоитъ изъ либераловъ, начинаетъ это чувствовать . . . . . совѣстно ссылатъ Михайлова и Павлова; сослать то онъ ихъ сослалъ, но, Боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Студенту Лебедеву проломили голову, но правительству тутъ же сдѣлалось такъ прискорбно, что оно напечатало въ газетахъ объясненіе: такъ и такъ, дескать, это случилось по нечаянности, ножнами жандармской сабли. Словомъ, наше либеральное правительство уважаетъ общественное мнѣніе и для своихъ мирно-прогрессивныхъ дѣлъ пускаетъ въ ходъ благородныя средства, какъ то: печатную гласность. Валувъ и Никитенко сооружаютъ газету съ либеральнымъ правленіемъ, а при этомъ и продолжаютъ, все таки, преслѣдовать честную журналистику доносами и цензурными тисками. Публицистъ III Отдѣленія, баронъ Фирксъ, Шедо-Ферроти тожь, по порученію русскаго правительства, пишетъ и печатаетъ въ Берлинѣ брошюры безъ цензуры; великодушное правительство смотритъ сквозь пальцы на ввозъ этого заказаннаго, но

официально запрещеннаго товара; его продаютъ открыто въ книжныхъ лавкахъ; не давая своего официального разрѣшенія, правительство упрочиваетъ за книжкою заманчивость запретнаго плода; допуская и поощряя изъ подъ руки продажу книжки, правительство обнаруживаетъ свое великодушіе. О, какъ все это тонко, остроумно и политично. А между тѣмъ журналамъ не позволялось разбирать книжонку; Шедо-Ферроти, какъ въ прошлую осень Борисъ Чичеринъ, объявляются личностями священными и неприкосновенными. Горбатаго одна могила исправить; наши умѣренные либералы ни при какихъ условіяхъ не сумѣютъ быть честными людьми; наше правительство никогда не отучится отъ николаевскихъ замашекъ. У него есть особенный талантъ оподдѣлять всякую идею, какъ бы ни была эта идея благородна и сама по себѣ чиста.

Напримѣръ, всѣ порядочные люди имѣютъ привычку на печатное обвиненіе отвѣчать также печатно и защищаться, такимъ образомъ, тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ противникъ. Наше правительство захотѣло доказать, что оно тоже порядочный человѣкъ. Находя, что Герценъ несправедливо обвинилъ его, наше правительство высылаетъ своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведеніе Шедо-Ферроти впущено въ Россію, а сочиненія Герцена остаются запрещенными. Публика видитъ, что Герцена отдѣлываютъ, а того она не видитъ, за что его отдѣлываютъ. Конечно, и «Полярная Звѣзда», и «Колоколъ», и «Голоса изъ Россіи», и грозное «Подъ Судъ» извѣстны нашей публикѣ, но, вѣдь, всѣ эти вещи провозятся и читаются вопреки волѣ правительства; стало быть, если оцѣнивать только намѣренія правительства, то надо будетъ убѣдиться въ томъ, что оно хочетъ чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять въ свою очередь. Чернить человѣка, котораго сочиненія строжайше запрещены! Подло, глупо и бесполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герценѣ, правительство, очевидно,

¹⁾ Эта статья была найдена въ рукописи при обыскѣ у студента С.-Петербургскаго университета П. Д. Баллада 15 іюня 1862 и повлекла за собою арестъ Д. И. Писарева 2 іюля, а затѣмъ и присужденіе его Правительствующимъ Сенатомъ 2 іюня 1864 г. къ заключенію въ крѣпость на 2 года и 8 мѣсяцевъ. Статья воспроизводится, какъ она напечатана въ книгѣ М. Лемке „Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго“, съ тѣми пропусками, которые сдѣланы въ этой книгѣ. Прим. Издателя.

хочетъ продиктовать обществу мнѣнія на будущее время. Это видно по тому, что мнѣнія противоположнымы мысленкамъ Шедо-Ферроти, не допускаются въ печати. Правительство сражается двумя оружіями: печатною пропагандою и грубымъ насиліемъ, а у общества отнимается и то единственное средство, которымъ оно могло и хотѣло бы воспользоваться. Обществу остается или либеральничать съ разрѣшенія цензуры, или идти путемъ тайной пропаганды, тѣмъ путемъ, который повелъ на каторгу Михайлова и Обручева. Хорошо, мы и на это согласны; это все отзовется въ день суда, того суда, который, вѣроятно, случится гораздо пораньше второго пришествія Христова.

Изъ чтенія брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отрадное впечатлѣніе. Намъ порадовало то, что при всей своей щедрости правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Приятно видѣть, что правительство не умѣетъ выбирать себѣ умныхъ палачей, сыщиковъ, доносчиковъ и клеветниковъ; еще приятнѣе думать, что правительству не изъ чего выбирать, потому что въ рядахъ его приверженцевъ остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что неспособно по человѣчески мыслить и чувствовать.

Брошюра Шедо-Ферроти имѣетъ двѣ цѣли: 1) доказать, что петербургское правительство не имѣетъ ни надобности, ни желанія убить Герцена, 2) осмѣять и обругать при семъ удобномъ случаѣ Герцена, какъ пустого самохвала и какъ загордившагося выскочку.

Чтобы доказать первое положеніе, Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ вовсе не опасенъ для русскаго правительства и что, слѣдовательно, даже III Отдѣленіе не рѣшится убить его. Процессъ доказательствъ идетъ такъ: убиваютъ только такихъ людей, отъ смерти которыхъ можетъ переимѣниться весь существующій порядокъ вещей въ одномъ или въ нѣсколькихъ государствахъ; если Герценъ, получая подметныя письма о намѣреніяхъ русскаго правительства, вѣрить этимъ письмамъ, тогда онъ считаетъ себя особою европейской важности и, слѣдовательно, обнаруживаетъ глупое тщеславіе; если же онъ, не вѣря этимъ письмамъ, поднимаетъ гвалтъ, тогда онъ пустой и вздорный крикунъ. Весь этотъ процессъ доказательствъ рассыпается, какъ карточный домикъ. Во-первыхъ, правительства ежегодно убиваютъ нѣсколько такихъ людей, которые могли бы оставаться въ живыхъ, вовсе не нарушая существующаго порядка. Дезертиръ, котораго запарываютъ шпицрутенами, вовсе не особа европейской важности. Вакунинъ, котораго захватили обманомъ, Михайловъ, Обручевъ, поручикъ Александровъ вовсе не особы европейской важности, а между тѣмъ правительство заживо хо-

ронить ихъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ. Правительство вовсе не такъ дорожитъ жизнью отдѣльнаго человѣка, чтобъ казнить и миловать съ строгимъ разборомъ. Вѣдь, турецкій султанъ и персидскій шахъ вѣшаютъ зря, какъ вздумается, а, кажется, въ наше время только учебники географіи проводятъ различіе между деспотическимъ правленіемъ и правленіемъ монархическимъ неограниченнымъ. На основаніи какого закона повѣшено пять декабристовъ? А если правительство казнить по своему произволу, то отчего же оно не можетъ, по тому же произволу, подослать убійцу? Гдѣ разнича между казною безъ суда и убійствомъ изъ за угла? Въ наше время каждый неограниченный монархъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ держаться только непрерывнымъ рядомъ . . . . .

Чтобы подданные его не знали о своихъ естественныхъ человѣческихъ правахъ, надо держать ихъ въ невѣжествѣ—вотъ вамъ преступленіе противъ человѣческой мысли; чтобы случайно просвѣтившіеся подданные не нарушили субординаціи, надо дѣйствовать насиліемъ—вотъ еще преступленіе; чтобъ имѣть въ рукахъ орудіе власти—войско, надо систематически уродовать и забивать нѣсколько тысячъ молодыхъ, сильныхъ, способныхъ людей—опять преступленіе. Идя по этой дорогѣ преступленій, нельзя отступать отъ убійства. Посмотрите на Александра II; въ его личномъ характерѣ нѣтъ ни подлости, ни злости, а сколько . . . . . лежитъ уже на его совѣсти. Кровь поляковъ, кровь мученика Антона Петрова, загубленная жизнь Михайлова, Обручева и другихъ, нелѣзное рѣшеніе крестьянскаго вопроса, исторіи со студентами,—на что ни погляди, вездѣ или грубое преступленіе или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко дѣлаются злодѣями . . . . . на которое никогда не рѣшился бы Александръ II, какъ частный человѣкъ, будетъ непремѣнно совершено имъ, какъ самодержцемъ всея Россіи. Тутъ мѣсто портить человѣка, а не человѣкъ мѣсто. Если бы наше правительство потихоньку отравило Герцена на тотъ свѣтъ, то, вѣроятно, въ этомъ не нашли бы ничего удивительнаго тѣ люди, которые знаютъ, что дѣлалось въ Варшавѣ и Казанской губерніи. Но допустимъ даже, что наше правительство не намѣревалось убить Герцена; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы III Отдѣленіе не могло написать къ нему нѣсколько писемъ, наполненныхъ глупыми угрозами и площадною бранью; судя по себѣ, Бруты и Кассии нашей тайной полиціи могли надѣяться, что Герцена можно запугать; чтобы разомъ покончить всѣ эти нелѣпыя продѣлки, Герценъ написалъ и напечаталъ письмо къ представителю русскаго правительства. Этимъ письмомъ онъ заявилъ публично, что если бы за угрозами по-

слѣдовали дѣйствія, то вся тяжесть подозрѣнія упала бы на Александра П. Агенты, подсылавшіе къ Герцену письма, должны были увидѣть, что Герценъ ихъ угрозы не боится. Слѣдовательно, имъ осталось или дѣйствовать, или замолчать. Дѣйствовать они не рѣшились—духу не хватило; замолчать тоже не хотѣлось; вѣдь, они думаютъ, что правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово; вотъ они и выдумали пустить противъ Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо-Ферроти и сочинителями подметныхъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію; не даромъ же Шедо-Ферроти на двухъ языкахъ отстаиваетъ передъ Россією и передъ Европою нравственную чистоту Ш Отдѣленія. Свой своему поневолѣ другъ.

Шедо-Ферроти плохо защитилъ правительство; онъ ничѣмъ не доказалъ, что оно не могло имѣть намѣренія извести Герцена или, по крайней мѣрѣ, запугать его угрозами. Усилія его оклеветать и оплевать Герцена еще болѣе неудачны. Шедо-Ферроти, этотъ умственный пигмей, этотъ продажный памфлетистъ, силится доказать, что Герценъ самъ деспотъ, что онъ равняетъ себя съ коронованными особами, что онъ только изъ личнаго властолюбія враждуетъ съ теперешнимъ русскимъ правительствомъ. Доказательства очень забавны. Герценъ деспотъ потому, что не согласился напечатать въ «Колоколѣ» отвѣтъ Шедо-Ферроти на письмо Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. Да какой же порядочный редакторъ журнала пустить къ себѣ Шедо-Ферроти съ его остроуміемъ, съ его казеннымъ либерализмомъ и съ его пристрастіемъ къ Ш Отдѣленію. Герценъ не думаетъ запрещать писать кому бы то ни было, но и не думаетъ также открывать въ «Колоколѣ» богадѣлю для нравственныхъ уродовъ и умственныхъ паралитиковъ, подобныхъ Шедо-Ферроти. Павегиристъ Ш Отдѣленія требуетъ, чтобы его статьямъ было отведено мѣсто въ «Колоколѣ»; въ случаѣ отказа онъ грозитъ Герцену, что будетъ издавать свои произведенія отдѣльно съ надписью: «запрещено пензурою «Колокола». Вотъ испугалъ то! Да всѣ статьи Булгарина, Аскоченскаго, Рафаила Зотова, Скярятина, Модеста Корфа и многихъ другихъ достойныхъ представителей русской вимундирной мысли запрещены пензурою здраваго смысла. Приступая къ изданію своего журнала, Герценъ вовсе не хотѣлъ сдѣлать изъ него клоаку всякихъ нечистотъ и нечѣстей. Эпиграфомъ къ «Полярной Звѣздѣ» онъ взялъ стихъ Пушкина: «Да здравствуетъ разумъ». Этотъ эпиграфъ прямо и рѣшительно отвергаетъ всякое ханжество, всякое раболѣпство мысли, всякое преклошеніе передъ грубымъ насиліемъ и передъ нечѣпымъ фактомъ. «Да здравствуетъ разумъ» и да падутъ во имя разума дряхлый деспотизмъ, дряхлая религія, дряхлыя стропила современной

официальной нравственности! Всякія попытки мирить разумъ съ нечѣпностью, всякое требованіе уступокъ со стороны нравственности противорѣчатъ основной идеѣ дѣятельности Герцена. Если бы даже Шедо-Ферроти былъ просто честный простачекъ, вѣрующій въ возможность помирить стремленія къ лучшему съ существованіемъ нашего средневѣкового правительства, то и тогда Герценъ, какъ человѣкъ искренно и честно служащій своей идеѣ, не могъ бы помѣстить въ «Колоколѣ» его старушечью болтовню. Но теперь, когда всѣ знаютъ, что онъ наемный агентъ Ш Отдѣленія, теперь его претензіи печатать свои литературные доносы въ «Колоколѣ» кажутся намъ въ то же время смѣшными и возмутительными по своей безпримѣрной наглости.

Шедо-Ферроти упрекаетъ Герцена въ томъ, что тотъ будто бы сравниваетъ себя съ коронованными особами. Въ этомъ упрекѣ выражается какъ нравственная низость, такъ и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разнища между простымъ человѣкомъ . . . . .

. . . . . Но посмотримъ, на чемъ же Шедо-Ферроти основываетъ свое обвиненіе? «Вы убѣждены»,—пишетъ онъ Герцену, — «что вы не только либераль, но и социалистъ-республиканецъ, врагъ монархическому началу, а поминутно у васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами. Въ письмѣ къ барону Бруннову, сказавъ, что вы не допускаете мысли, чтобы императоръ Александръ вооружилъ противъ васъ спадасиновъ, вы присовокупляете: «я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ». Въ томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разосланныхъ за моря и горы den Dolch im Gewande, и цитируя стихи Шиллера, вы опять сравниваете себя съ царствующимъ липомъ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Наконецъ; самое оглавленіе (заглавіе) статей «Колокола», извѣщающихъ всю Европу о грозящей вамъ опасности: «Бруты и Кассіи Ш Отдѣленія»—содержитъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. Брутъ и Кассій были убійцами Юлія Кесаря».

Шедо-Ферроти, какъ умственный пигмей и какъ сыщикъ Ш Отдѣленія, вполне выражается въ этой тирадѣ. Онъ не можетъ, не умѣетъ опровергать Герцена въ его идеяхъ; поэтому

онъ придирается къ случайнымъ выраженіямъ и выводитъ изъ нихъ невѣроятныя по своей нелѣпости заключенія; эта придиричвость къ словамъ составляетъ постоянное свойство мелкихъ умовъ; кромѣ того, она замѣчается особенно часто въ полицейскихъ чиновникахъ, допрашивающихъ подозрительныя личности и желающихъ изъ усердія къ начальству сбить допрашиваемую особу съ толку и запутать ее въ мелкихъ недоговоркахъ и противорѣчіяхъ. Вступая въ полемику съ Герценомъ, Шедо-Ферроти не могъ и не умѣлъ отстать отъ своихъ полицейскихъ замашекъ. Адвокатъ III Отдѣленія остался вѣренъ какъ интересамъ, такъ и преданіямъ своего кліента.

Вся остальная часть брошюры состоитъ изъ голословныхъ сравненій между Шедо-Ферроти и Герценомъ. Шедо-Ферроти считаетъ себя истиннымъ либераломъ, разумнымъ прогрессистомъ, а Герцена признаетъ вреднымъ демагогомъ, сбивающимъ съ толку русское юношество и желающимъ возбудить въ Россіи возстаніе для того, чтобы возвратиться самому въ Россію и сдѣлаться диктаторомъ. Шедо-Ферроти, какъ адвокатъ III Отдѣленія, старается увѣрить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намѣреніями, и что отъ него должны исходить для великой, малой и бѣдой Россіи всевозможныя блага, матеріальныя и духовныя, вещественныя и невещественныя. Шедо-Ферроти, конечно, не предвидитъ возможности переворота или, по крайней мѣрѣ, старается увѣрить всѣхъ, что, 1-хъ, такой переворотъ невозможенъ и что, 2-хъ, онъ во всякомъ случаѣ повергнетъ Россію въ бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всѣмъ порядочнымъ людямъ отвращеніе и презрѣніе къ его личности и дѣятельности. Низверженіе . . . . .

и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла.

Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы долше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать. . . . . и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчекъ и забросать грязью ихъ смердяшіе трупы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕССЪ

по 2-й части

„СОЧИНЕНІЙ Д. И. ПИСАРЕВА“.

15-го іюня 1868 г. въ уголовномъ департаментѣ С.-Петербургской Судебной Палаты разсматривалось, подъ предѣлительствомъ сенатора Я. Я. Чемадурова, при членахъ Н. Н. Медвѣдевѣ и А. Н. Маркевичѣ, прокурорѣ Н. О. Тизенгаузенѣ и секретарѣ Орестовѣ, дѣло по обвиненію отставнаго поручика Павленкова въ нарушеніи постановленій о печати при изданіи имъ второй части «Сочиненій Д. И. Писарева».

По введеніи подсудимаго въ залу суда, былъ прочитанъ составленный противъ него обвинительный актъ. Вотъ его содержаніе:

Въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ представлена была 2-го іюня 1866 г. отпечатанная въ типографіи А. Головачева, безъ цензуры, въ числѣ 3.000 экземпляровъ, *часть вторая* сочиненій Д. И. Писарева, изданіе Ф. Павленкова.

По разсмотрѣніи этой книги, признавъ, что она по содержанію двухъ, заключающихся въ ней статей, не можетъ быть допущена къ обращенію въ публикѣ, и вслѣдствіе сего сдѣлавъ распоряженіе, чрезъ С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера, о арестованіи оной, на основаніи ст. 14 отд. III *В с о ч а й ш е* утвержденаго 6 апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, С.-Петербургскій цензурный комитетъ 7 іюля 1866 года отнесся къ Прокурору С.-Петербургскаго Окружнаго Суда о начатіи судебнаго преслѣдованія противъ издателя означенной книги Флорентія Ѳеодорова Павленкова, изложивъ въ сообщеніи своемъ слѣдующее:

Разсмотрѣвъ вторую часть означеннаго изданія, комитетъ нашелъ, что въ первыхъ двухъ статьяхъ этой книги: «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль» заключаются мысли, вредныя по ихъ направленію и цѣли и противныя существующимъ узаконеніямъ по дѣламъ печати, именно:

а) Въ статьѣ «Русскій Донъ-Кихотъ» и въ особености на страницахъ 3, 4, 7—10, 16, 19 и 20, авторъ, говоря о литературной дѣятельности Кирѣвскаго, осмѣиваетъ православно-христіанскія вѣрованія этого писателя, составившія, какъ извѣстно, основаніе всѣхъ его философскихъ разсужденій, и проводитъ мысль, что вѣрованія эти были плодомъ предразсудковъ и наивно-ребяческихъ понятій, навѣянныхъ маленькими и нянюшками, называетъ ихъ московскою сантименталь-

ностью, непогрѣшимыми убѣжденіями убогихъ старушекъ Бѣлокаменной, мистическими инстинктами, зародышемъ того разложенія, которое погубило и извратило умственныя силы Кирѣвскаго; авторъ глумится, какъ надъ невѣжествомъ и московскою мудростью—надъ мыслями Кирѣвскаго о недостаточности чистаго разума, о необходимости искать другихъ источниковъ познания и очистить дорогу къ храму живой мудрости; надъ его убѣжденіемъ, что философія, исторія и политика нуждаются, для своего оживленія, въ религіозныхъ основахъ. Выписавъ изъ сочиненій Кирѣвскаго то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что просвѣщеніе въ Россіи должно основываться на истинахъ святой православной вѣры и что образованный классъ нашъ долженъ обратиться къ чистымъ источникамъ этой вѣры и къ разуму Св. Отцовъ церкви, авторъ сопровождаетъ эту выписку словами: «мнѣ нечего прибавлять къ этимъ словамъ: они сами говорятъ за себя».

б) Въ статьѣ «Бѣдная русская мысль» авторъ (въ особености на стр. 29, отъ словъ «наши современныя литературныя партіи») перетолковываетъ и извращаетъ по-своему ту мысль, что личная воля народныхъ властителей и другихъ политическихъ дѣятелей всегда оказывается, въ своихъ результатахъ, слабѣе естественнаго хода народной жизни и окончательно побѣждается сей послѣдней. Еслибъ развитіе этой мысли имѣло у автора характеръ серьезнаго философско-историческаго разсужденія, то оно, по мнѣнію цензурнаго комитета, не заключало бы въ себѣ ничего вреднаго; но авторъ, какъ заключаетъ комитетъ, дѣлаетъ эту мысль только предлогомъ и прикрытіемъ для пропаганды крайнихъ политическихъ мнѣній, враждебныхъ не только существующей у насъ формѣ правленія, но и вообще спокойному и нормальному состоянію общества. По изложенію автора, политическія власти представляются только какъ сила реакціонная, угнетательная и стѣсняющая естественное развитіе народной жизни, или по крайней мѣрѣ какъ начало, несмысленно мудрящее надъ народной жизнью, вертящее ея по своему и навязывающее народу свою неспрошенную опеку; народъ же или общество выставляются какъ элементъ гонимый, протестующій, борющійся съ гонителями и нако-

нецъ поборающій ихъ личную волю (29—34). По мнѣнію автора, въ націи развитой и цивилизованной, личная дѣятельность правителей не имѣетъ почти никакого значенія, а всѣ успѣхи гражданской жизни совершаются или естественнымъ ея теченіемъ—смѣною поколѣній, или же крупными переворотами. Авторъ самыми черными красками, хотя и иносказательно, рисуетъ характеръ неограниченнаго правленія и многозначительнымъ тономъ напоминаетъ читателю примѣры Карла I и Іакова II англійскихъ и Карла X и Людовика-Филиппа французскихъ; не видить въ Россіи ни прежде, ни послѣ Петра Великаго никакого историческаго движенія жизни (исключая реформы 19 февраля 1861 г.); о личности же и дѣяніяхъ Петра Великаго относится въ самомъ презрительномъ тонѣ; издѣвается надъ патриотизмомъ и консервативными чувствами прежнихъ нашихъ писателей, восхваляетъ на смѣшку, презрѣніе и желчь, которыми проникнута нынѣшняя литература наша, и только въ этихъ ея качествахъ видитъ надежду будущаго. Умаливъ, на сколько могъ, значеніе властителей въ жизни государствъ, даже такихъ властителей, какъ Петръ Великій, авторъ прибавляетъ: «Жизнь тѣхъ 70 милліоновъ, которые называются общимъ именемъ русскаго народа, вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ, если бы напримѣръ Шакловитому удалось убить молодого Петра». Въ этой же статьѣ есть выраженіе, оправдывающее свободныя отношенія двухъ половъ.

Независимо отъ вреднаго содержанія означенныхъ двухъ статей, комитетъ въ настоящемъ случаѣ принялъ также въ основаніе своихъ сужденій слѣдующія обстоятельства: 1) что упоминаемая двѣ статьи и окончаніе второй изъ нихъ, не вошедшее нынѣ во вторую часть сочиненій Писарева, были напечатаны въ первый разъ въ февральской, апрѣльской и майской книжкахъ журнала «Русское Слово» за 1862 годъ, т. е. именно въ тѣхъ номерахъ, за которыми непосредственно послѣдовало приостановленіе изданія этого журнала на восемь мѣсяцевъ, и что эти двѣ статьи были въ означенныхъ книжкахъ наиболѣе вредными по направленію; 2) что изданными въ послѣдствіи узаконеніями, именно Высочайше утвержденнымъ 6-го апрѣля 1865 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, точнѣе прежняго опредѣлены преступленія и проступки по дѣламъ печати, а равно и степень отвѣтственности за оныя авторомъ и издателями; 3) что Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ 28-го мая 1866 года министру внутреннихъ дѣлъ предсѣдателемъ комитета министровъ, прекращено вовсе изданіе журнала «Русское Слово», въ которомъ Писаревъ былъ главнымъ и самымъ плодовитымъ сотрудникомъ, за доказанное издаваніе вредное направленіе. Въ виду этихъ обстоятельствъ комитетъ полагалъ, что дозволить вторичный выпускъ въ свѣтъ упомянутыхъ двухъ статей—значило бы допустить, въ явное нарушеніе Высочайшей воли, распространять въ публикѣ наиболѣе вредныя и возбудительныя статьи изъ запрещеннаго журнала.

По всѣмъ означеннымъ соображеніямъ комитетъ пришелъ къ заключенію: 1) что статья «Русскій Донъ-Кихотъ», подъ формой литературной критики заключающая въ себѣ осмѣяніе нравственно-религіозныхъ вѣрованій и отрицаніе необходимости религіозныхъ основъ въ просвѣщеніи и нравственности, составляетъ законо-нарушеніе, предусмотренное въ ст. 1001 Улож. о наказ., издан. 1866 года, и 2) что статья «Бѣдная русская мысль», заключающая въ себѣ иносказательное порицаніе существующей у насъ формы правленія,

дѣлая вообще враждебное сопоставленіе монархической власти съ народомъ и стараясь представить первую началомъ бесполезнымъ и даже вреднымъ въ народной жизни, составляетъ, какъ по прямому своему смыслу, такъ и по вытекающимъ изъ нея категорическимъ заключеніямъ, законо-нарушеніе, предвидѣнное въ ст. 1035 того же Уложенія.

На основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, 545 ст. уст. угол. судопр. и 3 ст. Высочайше утвержденаго 12 декабря 1866 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, отставной поручикъ Флорентій Федоровъ Павленковъ, по упомянутымъ обвиненіямъ предается суду С.-Петербургской судебной палаты.

Обвинительный актъ былъ составленъ прокуроромъ С.-Петербургской судебной палаты Тизенгаузенемъ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ, предложенныхъ предсѣдателемъ Павленкову, который себя виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи не призналъ, предсѣдатель предложилъ прокурору изложить обвинительную рѣчь.

Прокуроръ Тизенгаузенъ. — Издатель сочиненій Писарева, подсудимый Флорентій Павленковъ, подвергнутъ, по требованію С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, судебному преслѣдованію по поводу двухъ, помѣщенныхъ имъ въ своемъ изданіи, статей: 1) «Русскій Донъ-Кихотъ» и 2) «Бѣдная русская мысль».

Не повторяя подробностей обвиненія, которое изложено въ обвинительномъ актѣ, мы считаемъ лишь нужнымъ, во-первыхъ, указать на главныя черты содержанія этихъ статей—черты, которыми опредѣляется общій ихъ характеръ, признанный со стороны цензурнаго комитета заслуживающимъ осужденія и, во-вторыхъ, изложить нѣкоторыя соображенія относительно одного довода, который приводимъ былъ подсудимымъ при предварительномъ сдѣствіи и который, безъ сомнѣнія, будетъ представляемъ имъ и здѣсь на судѣ въ свое оправданіе, а именно—того довода, что статьи Писарева: «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль», какъ дозволенные предпріятельной цензурой, при печатаніи ихъ въ 1862 году въ журналѣ «Русское Слово», не могутъ уже быть преслѣдуемы судебнымъ порядкомъ въ настоящее время.

Итакъ сперва скажемъ объ общемъ характерѣ этихъ статей.

Статью «Русскій Донъ-Кихотъ» составляють разсужденія объ изданныхъ въ Москвѣ въ 1861 г. сочиненіяхъ Кирѣевскаго—разсужденія, имѣющія цѣлью—говоря словами автора статьи—«объяснить личность Кирѣевскаго, какъ любопытный психологическій фактъ».

Казалось бы, что заключенная въ такіе предѣлы статья Писарева о сочиненіяхъ Кирѣевскаго и не могла вмѣщать въ себѣ ничего противозаконнаго. Авторъ находитъ, что «Кирѣевскаго слѣдуетъ причислить»—какъ онъ говоритъ—«къ самымъ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ»; что «изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ»—выражаясь словами критика—«покоробить самаго невзыскательнаго читателя»; что «Кирѣевскій былъ плохой мыслитель», «боялся мысли», «хотѣлъ обновить разумъ на пути его развитія»; что «его умъ никогда не дошелъ до самоосвобожденія»; что «Кирѣевскій—русскій Донъ-Кихотъ».

Какъ ни строго такой приговоръ критика надъ писателемъ, но за эту строгость онъ не можетъ отвѣтствовать предъ судомъ закона. И въ самомъ дѣлѣ, почему отказывать критику въ правѣ имѣть именно такое, а не иное мнѣніе о достоинствахъ

того или другого писателя? Почему же и Писареву не думать так о сочиненіях покойнаго Кирѣвскаго? А если онъ именно такъ, а не иначе думаетъ о дѣятельности этого писателя, то почему же не выразитъ этихъ мнѣній въ печати? Въ этомъ правѣ ему невозможно отказать, точно также, какъ нельзя отрицать и права всякаго другого критика произнести подобное же сужденіе о сочиненіяхъ самого Писарева.

Но этотъ критикъ, въ своихъ сужденіяхъ о направленіи литературной дѣятельности покойнаго Кирѣвскаго, пошелъ нѣсколько далѣе законныхъ предѣловъ свободы слова, когда сталъ объяснять, какую именно сторону этой дѣятельности находить онъ достойной произнесеннаго имъ строгого приговора.

Этого приговора заслуживаетъ, по его мнѣнію, «православно-славянское» направленіе Кирѣвскаго, какъ говорится на 16 стр. разбираемой статьи, съ особеннымъ указаніемъ на слово *православное*, напечатанное курсивомъ: тѣхъ христіанскія вѣрованія и религіозныя убѣжденія покойнаго Кирѣвскаго, которыя выразились въ этомъ «православно-славянскомъ», какъ говоритъ критикъ, направленіи его литературной дѣятельности, въ насмѣлку называются въ статьѣ Писарева «допотопными идеями», «московскими убѣжденіями, казавшимися Кирѣвскому непогрѣшимыми, которыя раздѣляли съ нимъ всѣ убогія старушки Бѣлокаменной» и которыя были «втолкованы ему съ дѣтства маменькой да нянюшкой». Приводя въ своей статьѣ цитаты изъ нѣкоторыхъ сочиненій Кирѣвскаго, критикъ между прочимъ слѣдующее разсужденіе этого писателя называетъ «замысловатымъ міросозерцаніемъ».

«Корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его святой православной церкви. Потому на этомъ только основаніи и ни на какомъ другомъ должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который неисключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни и которому слѣдовательно въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе—вырабатывать мысленно общественное самознаніе,—когда этотъ классъ, до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односторонности европейскаго просвѣщенія, когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ, когда съ разумной жадной полной правды онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней родинной жизни Россіи».

А въ другомъ мѣстѣ, говоря о понятіяхъ Кирѣвскаго, съ которыми онъ свыкъся съ дѣтства, и называя ихъ «допотопными идеями», авторъ статьи приводитъ въ примѣръ слѣдующую, относимую имъ къ такимъ «допотопнымъ идеямъ», мысль покойнаго Кирѣвскаго, выраженную въ письмѣ его къ Кошелеву:

«Мы, пишеть онъ къ Кошелеву, мечтая о жизни, — возвратимъ права истинной религіи, изищное согласіемъ съ нравственностью, возбудивъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотой слога».

Изъ этихъ указаній видно, что сущность разбираемой статьи Писарева, общій ея характеръ, представляются не въ критическомъ разборѣ со-

чиненій Кирѣвскаго, но въ насмѣшливомъ осужденіи православно-христіанскихъ воззрѣній этого писателя.

Во второй изъ разбираемыхъ статей—«Бѣдная русская мысль»,—авторъ излагаетъ свои воззрѣнія на значеніе въ исторіи чловѣческихъ обществъ личной воли народныхъ правителей и другихъ политическихъ дѣятелей. Онъ отрицаетъ вліяніе этой воли отдѣльныхъ людей и разныхъ, какъ онъ говоритъ, гениевъ, мудрецовъ и великихъ историческихъ дѣятелей на предусматриваемыя или предусматриваемыя ими событія. По его мнѣнію, всѣ ихъ усилія, стремленія, соображенія никогда не приводили къ тѣмъ послѣдствіямъ, какихъ желалъ самъ дѣятель, но единичная ихъ мысль и единичная воля тогули и исчезала, какъ убѣжденъ Писаревъ, «въ общихъ проявленіяхъ великой народной мысли, великой народной воли». Самъ же всѣ эти великіе дѣятели, по его понятіямъ, суть не что иное, какъ «мудрители надъ жизнью»; «всякій изъ нихъ» — говоритъ онъ—«какъ болѣе или менѣе крупный Петръ Ивановичъ Бобчинскій, хотѣлъ заявить о себѣ почтеннѣйшей публикѣ и часто заявлялъ такой же оригинальной штукой, посредствомъ которой Геростратъ вошелъ во всемірную исторію». Таково взгляды Писарева вообще на историческихъ дѣятелей, изъ числа которыхъ онъ приводитъ и нѣкоторыя имена, какъ то: Александра Македонскаго, Наполеона I, Филиппа II испанскаго, Фердинанда II, императора германскаго.

Путемъ какихъ ученыхъ историческихъ изслѣдованій дошелъ Писаревъ до такихъ воззрѣній—изъ статьи его не видно,—да и нѣтъ надобности допытываться. Это—воззрѣнія, какъ и всякія нынѣ, съ которыми можно соглашаться, если они кому-нибудь покажутся глубокомысленными, и не соглашаться, если кто-либо найдетъ ихъ недостаточно основательными.

Но, предлагая эти мнѣнія всѣмъ, кто пожелаетъ усвоить ихъ себѣ, авторъ связываетъ съ ними такія сужденія, выраженіе конхъ въ печати, въ томъ видѣ, какъ они изложены въ разбираемой статьѣ, не можетъ почитаться дозволеннымъ. Это—сужденія его о личности и дѣятельности покойнаго императора Петра I.

Исходя отъ той точки зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на всѣхъ вообще историческихъ дѣятелей, только «коверкавшихъ» — по его выраженію — «на свой ладъ живую дѣятельность», «ломавшихъ жизнь по своей прихоти или по своимъ болѣе или менѣе мудрымъ соображеніямъ», «продѣлавшихъ надъ жизнью народа тѣ или другіе фокусы», — авторъ разбираемой статьи прилагаетъ эту же оцѣнку и къ дѣятельности императора Петра I и выражаетъ мнѣніе, что она вовсе не такъ плодотворна историческими послѣдствіями, какъ это кажется ея хвалителямъ и порицателямъ. Дѣятельность эта—говоря словами автора—представляетъ собой только «остроумныя затѣи Петра Алексѣевича»; «жизнь же русскаго народа—говоритъ онъ далѣе—вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отравленіяхъ, если бы Шакловитому удалось убить молодого Петра».

Вотъ къ какому заключенію сводятся всѣ разсужденія о значеніи историческихъ дѣятелей, излагаемая въ статьѣ «Бѣдная русская мысль».

Итакъ, осмѣяніе православно-христіанскаго образа мыслей одного изъ нашихъ отечественныхъ писателей, порицаніе литературной его дѣятельности за его православно-славянское направленіе, и сужденія, путемъ конхъ оправдываются гнусное политическое преступленіе—вотъ темы, развиваемыя въ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію двухъ статьяхъ.

И гдѣ все это проповѣдуется?—Въ славянской державѣ, въ христіанской странѣ, исповѣдующей православіе, какъ первенствующую и господствующую вѣру, верховный защитникъ и хранитель догматовъ коей—императоръ; въ государствѣ, управляемомъ на твердыхъ началахъ монархической власти, столь чтимой народомъ!

И въ этой то странѣ провозглашается, что православныя вѣрованія не что иное, какъ замисловатое міросозерцаніе, допотопныя идеи, сказки нянюшки, и что преступное покушеніе злодѣя, которое было направлено противъ одного изъ монарховъ Россіи, если бы оно удалось, вовсе не измѣнило бы отправленій жизни русскаго народа!

Спрашиваемъ: пристойно ли оглашеніе такихъ сужденій въ печати? Дозволительно ли свободу печатнаго слова простирать до такихъ предѣловъ? Отвѣтомъ на эти вопросы будетъ приговоръ суда, какой состоится по настоящему дѣлу. Мы же, съ своей стороны, выразимъ, не обинуясь, что распространеніе въ нашей странѣ, путемъ печати, такихъ возрѣній, какія излагаются въ упомянутыхъ статьяхъ, признаемъ дѣломъ по меньшей мѣрѣ непристойнымъ и потому—противнымъ закону.

Свобода печатнаго слова, какъ и всякая иная законная и разумно понимаемая свобода, должна прежде всего основываться на уваженіи свободы другихъ, на уваженіи чужого мнѣнія, убѣжденія, вѣрованія, на твердомъ сознаніи лежащей на каждомъ обязанности—не говорить и не дѣлать ничего, что могло бы оскорбить другого. Но, спрашиваемъ, не должно ли глубоко оскорбиться религиозное чувство каждого изъ православныхъ вѣрующихъ, коль скоро вѣрованія ихъ будутъ подвергаемы публичному осмѣянію въ печати, будутъ называемы «замисловатымъ міросозерцаніемъ», «допотопными идеями», «толками нянюшекъ и убогихъ старушекъ». Не оскорбится ли столь же сильно нравственное и гражданское чувство каждого изъ вѣроподданныхъ, когда въ печати будутъ проповѣдываться такія идеи, что столь гнусное дѣло, какъ преступное покушеніе Шахловитаго, если бы оно удалось, не оказало бы никакого вліянія на судьбы народа. Не оскорбляется ли это чувство гражданина и тѣмъ презрительнымъ тономъ, какимъ въ статьѣ Писарева говорится о дѣяніяхъ одного изъ не столь отдаленныхъ предковъ царствующаго монарха, о дѣяніяхъ Великаго Петра, которыхъ авторъ называетъ «затѣями Петра Алексѣевича»?

Но какое же именно преступленіе во всемъ этомъ заключается,—гдѣ та статья уголовного кодекса, которой оно предусмотрено, которой были бы воспрещены такія сужденія въ печати?

Разсматриваемыя статьи Писарева слишкомъ несерьезны для того, чтобы искать въ нихъ матеріала для обвиненія въ какомъ либо преступленіи. Преступленіе всегда предполагаетъ существованіе злого умысла, вліяніе злой воли. Но сочиненія, подобныя этимъ двумъ статьямъ, при первомъ же знакомствѣ съ ихъ легкимъ содержаніемъ, засвидѣтельствуютъ сами о себѣ, сколь мало можно относить появленіе ихъ къ злему умыслу или къ злой волѣ, или же, если и была эта воля, то сколь бессильно она выразилась. Въ подобныхъ сочиненіяхъ видны не преступныя умыслы, но какая то странная торопливость поскорѣе высказать въ печати все, что только думаетъ авторъ о различныхъ предметахъ—торопливость, подъ вліяніемъ которой въ настоящемъ случаѣ было забыто то приличіе, какое требуется отъ публичнаго слова, ибо нельзя предавать публичной печати все то, что человѣкъ думаетъ,

точно также, какъ непристойно въ публичномъ мѣстѣ говорить и дѣлать многое изъ того, что каждый безпрепятственно говорить и дѣлаетъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ.

Итакъ, въ напечатаніи означенныхъ статей мы видимъ явное нарушеніе общественной благопристойности; находимъ, что эти статьи противны закону, потому что, какъ мы уже доказывали, онѣ непристойны по нѣкоторымъ содержащимся въ нихъ сужденіямъ, оскорбляющимъ религиозное чувство вѣрующаго и нравственное чувство гражданина.

Закономъ воспрещается всякая вообще публичная неблагопристойность, хотя всѣхъ видовъ, въ какихъ только можетъ выразиться неблагопристойность, законъ, разумѣется, не предусматриваетъ и не въ состояніи предусмотрѣть. Такъ и въ отношеніи печати законъ возбраняетъ, подъ угрозою опредѣленнаго взысканія, сочиненія, вообще противныя благопристойности. Законъ этотъ изображенъ въ 1001 ст. Улож. о нак. Подъ дѣйствіе этого закона мы и подводимъ напечатаніе упомянутыхъ двухъ статей изъ сочиненій Писарева. На основаніи того же закона подлежитъ осужденію, согласно съ заключеніемъ цензурнаго комитета, и то указанное комитетомъ мѣсто въ статьѣ «Бѣдная русская мысль», въ которомъ авторъ оправдываетъ свободныя отношенія двухъ половъ.

За симъ предстоить намъ обсудить тотъ приводимый обвиняемымъ доводъ, что онъ не можетъ подлежать отвѣтственности передъ судомъ за напечатаніе нынѣ двухъ разсматриваемыхъ статей Писарева, такъ какъ онѣ въ 1862 году были напечатаны въ журналѣ «Русское Слово» съ разрѣшенія предварительной цензуры.

Это оправданіе подсудимаго мы должны признать совершенно незаслуживающимъ уваженія, такъ какъ оно, прежде всего, заключаетъ въ самомъ себѣ внутреннее противорѣчіе, пронтекающее отъ того, что приводимый доводъ ставить во взаимную между собою связь такіе предметы, которые ничего общаго не представляютъ, ни въ какихъ между собою отношеніяхъ не состоятъ и одинъ отъ другого, по самой идеѣ своей, существенно отличны.

И въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ, есть ли чтонибудь общее между напечатаніемъ статей Писарева въ журналѣ «Русское Слово» въ 1862 году, и напечатаніемъ ихъ въ 1866 году въ отдѣльномъ изданіи подсудимаго Павлинкова?—Находятся ли эти два явленія въ какихъ либо взаимныхъ одно къ другому отношеніяхъ?

Между ними ничего нѣтъ общаго—въ нихъ все различно:

Во-первыхъ, различно время: въ «Русскомъ Словѣ» статьи Писарева напечатаны въ 1862 г.,—въ изданіи Павлинкова онѣ напечатаны въ 1866 году.

Во-вторыхъ, различны отвѣтственные лица и изданія: въ 1862 г. статьи напечатаны въ «Русскомъ Словѣ», издававшемся граф. Кушелевымъ-Безбородко; въ 1866 г. онѣ помѣщены въ отдѣльномъ изданіи, принадлежащемъ подсудимому Павлинкову.

Въ-третьихъ, различны законодательства: въ 1862 году въ дѣлахъ печати дѣйствовала только предварительная цензура, правилами коей были приложены и къ статьямъ Писарева, помѣщеннымъ въ «Русскомъ Словѣ»; въ 1866 г. изданіе Павлинкова напечатано безъ предварительной цензуры, на основаніи новаго, дѣйствовавшаго уже тогда закона 6 апрѣля 1865 г., устанавлиющаго цензуру карательную, которая дѣйствуетъ путемъ судебного преслѣдованія.

Во-четвертыхъ, наконецъ, различны и самыя цензурныя инстанціи: въ 1862 г. печатаніе статей Писарева разрѣшила единоличная власть цензора; въ 1866 году статьи тѣ, въ изданіи Павленкова, задержаны и подвергнуты судебному разсмотрѣнію по опредѣленію коллегіальнаго учрежденія—цензурнаго комитета.

Итакъ, что общаго между двумя явленіями, изъ коихъ позднѣйшее усиливается оправдать тѣмъ, которое ему предшествовало?

Это общее, можетъ быть скажутъ намъ, есть самыя статьи, о которыхъ идетъ рѣчь. Да, дѣйствительно, статьи тѣ же самыя, какія были напечатаны въ 1862 г. съ разрѣшенія предварительной цензуры. Но это обстоятельство—весьма дурное оружіе для защиты свободы печати и, какъ мы сейчасъ постараемся объяснить, обращается противъ этой свободы: обвиняемый желаетъ, въ настоящемъ случаѣ, пользоваться въ одно и то же время льготами обычныхъ цензуръ—и карательной и превентивной: печатаетъ свое изданіе безъ предварительной цензуры, пользуясь закономъ 6 апрѣля 1865 г., а между тѣмъ, когда примѣняюцца къ нему невыгодныя стороны этого закона, становить себя подъ защиту прежней предварительной цензуры, которая для него, обвиняемаго, въ настоящее время уже не существуетъ. Противорѣчіе явное. Такое смѣшанное примѣненіе двухъ совершенно различныхъ законодательствъ къ одному и тому же дѣлу невозможно. Это немислимо, ибо, если допустить такое смѣшеніе, то, въ силу послѣдовательности (такъ какъ прежде всего надо быть послѣдовательнымъ), мы придемъ къ выводамъ, можно сказать, чудовищнымъ, и именно: защищеніе себя прежними рѣшеніями предварительной цензуры, когда обвиняемый преслѣдуется на основаніи правилъ цензуры карательной, сводится на то, чтобы за прежними рѣшеніями предварительной цензуры признавать обязательную силу и на то время, въ которое она уже не дѣйствуетъ, т. е. установить такой порядокъ, чтобы нынѣшніе цензурные комитеты, дѣйствующіе на основаніи закона 6 апрѣля, разрѣшали къ выпуску въ свѣтъ все, что было когда либо прежде дозволено предварительною цензурой, — и, съ другой стороны, слѣдуя тому же началу, *заарестовывали бы всякія печатныя изданія, въ коихъ появляется что либо такое, что въ прежнее время какой нибудь цензоръ не допустилъ въ печать*. Но возможно ли послѣднее, возможно ли допустить, чтобы нынѣшній цензурный комитетъ возбудилъ какое либо судебное преслѣдованіе и заарестовалъ книгу на томъ только основаніи, что напечатанное сочиненіе не было дозволено цензоромъ къ печати когда либо прежде, лѣтъ 10 или болѣе тому назадъ, при представленіи рукописи на предварительную цензуру. Не былъ ли бы такой порядокъ стѣсненіемъ свободы печати? Очевидно, что это немислимо. Но если невозможно нынѣ, *при дѣйствіи цензуры карательной*, признавать законную силу за прежними *запретительными* рѣшеніями превентивной цензуры, то точно такъ же нельзя въ настоящее время опираться и на ея *дозволительныя* разрѣшенія, относящіяся къ тому времени, когда законъ 6 апрѣля еще не существовалъ.

Въ этомъ то и заключается, какъ мы упомянули въ началѣ, то внутреннее противорѣчіе, которое мы видимъ въ разбираемомъ доводѣ, коимъ подсудимый отклоняетъ отъ себя отвѣтственность, ссылаясь на цензорское разрѣшеніе 1862 г., не отославшееся ни до него, ни до его изданія 1866 г.

Относительно этого довода присовокупимъ еще

одно соображеніе, касающееся до существа обвиненія: напечатаніе разсматриваемыхъ двухъ статей Писарева признается нарушеніемъ общественнаго благочинія, и судебное преслѣдованіе возбуждено противъ того, кто въ этомъ нарушеніи обвиняется, въ настоящемъ случаѣ—противъ отставнаго поручика Павленкова. Но неужели можетъ судъ признать этого обвиняемаго неподлежащимъ отвѣтственности потому только, что другому лицу, въ другое время, за 4 года предъ симъ, когда дѣйствовали другіе законы, было поучено это же самое закононарушеніе. Полагаемъ, что такое умозаключеніе было бы совершенно неправильно. Закононарушеніе, почему либо оставшееся безнаказаннымъ для одного, не можетъ служить основаніемъ къ требованію такой же безнаказанности для другого, тѣмъ болѣе когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, нарушеніе это подлежить дѣйствию совершенно другихъ законовъ, не существовавшихъ въ то время, къ которому относится приводимый прецедентъ. Доводъ, приводимый подсудимымъ въ свое оправданіе, могъ бы имѣть силу, если бы настоящее судебное преслѣдованіе касалось тѣхъ лицъ и того изданія, до которыхъ относилось указываемое цензорское разрѣшеніе 1862 г. Тѣ, дѣйствительно, могли бы оправдываться этимъ разрѣшеніемъ, если бы ихъ начали преслѣдовать теперь передъ судомъ, по закону 6 апрѣля, за напечатаніе въ 1862 году статей Писарева въ «Русскомъ Словѣ»; они могли бы возражать, что разрѣшеніе то было для нихъ *законнымъ* разрѣшеніемъ, и что законъ 6 апрѣля не можетъ быть примѣняемъ къ нимъ въ его обратной силѣ. — Но подсудимый Павленковъ не можетъ приводить это возраженіе, ибо цензорское разрѣшеніе 1862 года было дано не ему, касалось не до его изданія и съ закономъ 6 апрѣля, на основаніи котораго онъ преслѣдуется, никакого соотношенія не имѣетъ.

Полагаемъ, что всѣ изложенныя нами соображенія достаточно выяснили вопросъ въ томъ смыслѣ, что отвѣтственность подсудимаго Павленкова по настоящему дѣлу не можетъ быть поставлена ни въ какую зависимость отъ того разрѣшенія предварительной цензуры, которое въ 1862 году было дано на помѣщеніе въ «Русскомъ Словѣ» двухъ статей Писарева за напечатаніе коихъ, въ отдѣльномъ изданіи въ 1866 году, обвиняемый Павленковъ преданъ суду.

И потому мы полагаемъ: 1) отставнаго поручика Павленкова признать по настоящему дѣлу виновнымъ въ напечатаніи, во II томѣ издаваемыхъ имъ сочиненій Писарева, двухъ статей этого писателя, явно противныхъ благопристойности; 2) подвергнуть за сіе подсудимаго Павленкова, на основаніи приведенной въ заключеніи Ц. К. 1001 ст. Улож. о нак., денежному взысканію въ 300 рублей, замѣнивъ оное, въ случаѣ его несостоятельности, временнымъ арестомъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ; и 3) статьи: «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль», уничтожить на основ. 1045 ст. Улож. о нак., дозволить остальную часть заарестованнаго II тома сочиненій Писарева выпустить въ свѣтъ.

Послѣ обвинительной рѣчи прокурора подсудимый Павленковъ произнесъ свою защитительную рѣчь.

Павленковъ. Г. прокуроръ сказалъ, что нужно прежде всего быть послѣдовательнымъ, между тѣмъ все его обвиненіе есть не что иное, какъ одно длинное сплошное противорѣчіе съ прежней практикой прокурорскаго надзора. Если не ошибаюсь, прокурорская власть имѣетъ дѣльное наблюденіе за охраненіемъ закона, т. е. за пра-

вильнымъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе *единообразнымъ* его примѣненіемъ. Но...

Предсѣдатель. Я васъ прошу воздержаться отъ обсуждения прокурорскихъ обязанностей. Говорите только то, что можетъ послужить къ вашему оправданію.

Павленковъ. Въ обсужденіи дѣйствій и обязанностей прокуратуры я не вхожу. Я заявляю только о противорѣчій. Мнѣ кажется, что если г. Тизенгаузенъ можетъ говорить о *моемъ* будто бы противорѣчій, то и я не могу быть лишена права говорить о *его* противорѣчій.

Предсѣдатель. Вы этимъ себѣ не поможете. Говорите непосредственно о дѣлѣ.

Павленковъ. Я не могу не указать на противорѣчія прокурорской практики. Доказательствомъ такого противорѣчія — мой настоящій процессъ. Какъ ни странно и ни голословно съ перваго взгляда высказываемое мною положеніе, но голословность его перейдетъ въ полное доказательство, если припомнить нашъ первый литературный процессъ. На этомъ процессѣ, происходившемъ по поводу книги «Всякіе», состоявшей изъ очерковъ, на половину цензурованныхъ, а на половину напечатанныхъ безъ цензуры, прокурорскій надзоръ окружного суда, начиная свою обвинительную рѣчь, прямо и категорически заявилъ, что онъ раскрываетъ доставленную ему комитетомъ книгу на двѣ части, изъ которыхъ первая, какъ цензурованная, *не можетъ подлежать преслѣдованію*, что эта часть посвящена предварительнымъ разрѣшеніемъ и потому не должна быть предметомъ ответственности для автора. Итакъ, передъ окружнымъ судомъ говорится одно, передъ судебной палатой совершенно другое. Замѣчательнѣе всего, что оба говоряшія лица — юристы, оба — прокуроры и оба ссылаются въ своихъ діаметрально противоположныхъ взглядахъ на одинъ и тотъ же указъ 6-го апрѣля.

Всякую статью, прошедшую черезъ цензуру, можно сравнить съ болѣе или менѣе богатою золотой розсыпью, побывавшей въ рукахъ жадныхъ промышленниковъ и купцовъ. Изъ ихъ рукъ уже не выскользнетъ ни одна крупинка благородного металла — въ томъ порукой ихъ алчность, вооруженная всевозможными средствами для своего удовлетворенія. Поэтому было бы или высшей степенью непониманія дѣла, или крайней наивностью стремиться къ открытію золота въ обработанныхъ ими пескахъ. Но не то же ли самое представляетъ собою настоящій процессъ? Стараться выжать сокъ изъ лимона, побывавшаго подъ гидравлическимъ прессомъ — по меньшей мѣрѣ бесполезно, это просто значитъ не жалѣть своихъ рукъ.

О невозможности преслѣдовать книги, прошедшія цензуру, до изданія законовъ 1866 года, я буду говорить подробнѣе въ концѣ. Здѣсь же я хотѣлъ только намѣтить противорѣчіе. Перехожу къ опроверженію обвиненій г. прокурора. Приступая къ защитѣ «Русскаго Донъ-Кихота» и «Вѣдной русской мысли», я долженъ замѣтить, что обѣ эти статьи представлены какъ въ актѣ, такъ и обвинительную рѣчь прокурора въ превратномъ видѣ.

Возстановленіе ихъ истиннаго смысла я считаю въ настоящемъ случаѣ *особенно* важнымъ. Изъ своего личнаго опыта я не вынесъ убѣжденія, что цензурный комитетъ не затруднился бы при новыхъ изданіяхъ преслѣдовать Некрасова, Добролюбова и др. Въ виду такихъ обстоятельствъ я имѣю полное основаніе принимать свой процессъ за первый цензурный камень, направленный въ дорогую для всѣхъ печать начала настоящаго царствованія. Если позволительны на судѣ образ-

ныя представленія, то, мнѣ кажется, можно безъ натяжекъ сказать, что дерево этой печати, несмотря на то, что оно выросло на корнѣ самыхъ строгихъ — даже пожалуй драконовскихъ — законовъ, тѣмъ не менѣе обладаетъ множествомъ такихъ плодовъ, отъ которыхъ никто не захочетъ отказываться, — отказаться отъ которыхъ можно только заставить или грубою силой, или утонченнымъ принужденіемъ, что, по моему, все равно. Но первый успѣхъ есть залогъ дальнѣйшихъ. Вотъ почему допустить создать изъ настоящаго процесса благоприятный для цензурнаго комитета прецедентъ значило бы то же самое, что помогать маляру въ его первой попыткѣ загрюнтовать сѣрой краской картинную галерею.

Надѣясь не столько на свои ничтожныя силы, сколько на очевидную правоту дѣла, я думаю, что мнѣ удастся, несмотря на всѣмъ извѣстную талантливость г. Тизенгаузена, не допустить до созданія такого прецедента.

Въ своемъ возраженіи на обвиненіе г. прокурора я буду держать того же порядка, который былъ принятъ г. Тизенгаузеномъ. Такимъ образомъ я прежде всего обращу вниманіе судей на статью о Кирѣевскомъ, затѣмъ на «Вѣдную русскую мысль» и, наконецъ, на тѣ постороннія соображенія, которыя онъ прибавляетъ къ обвиненію.

Трудно представить себѣ что нибудь болѣе голословное, чѣмъ только что произнесенное обвиненіе по поводу «Русскаго Донъ-Кихота». Снаружи оно какъ будто и обставлено фактами, подтверждено цитатами; но если подойти къ нему ближе, если разсмотрѣть его внимательнѣе, то оно представляетъ собою одно изъ двухъ: или крайнее смѣшеніе понятій о самыхъ разнохарактерныхъ вещахъ — смѣшеніе, переходящее всякія границы, или же то... для чего я затрудняюсь найти выраженіе. Г. прокуроръ говоритъ, что въ этой статьѣ нарушены правила благопристойности. Но то, что онъ сводитъ къ этому обвиненію, совсѣмъ не подходитъ подъ это понятіе. Поэтому оставляя въ сторонѣ *благопристойность*, я обращу вниманіе на самую сущность обвиненія, охарактеризованную этимъ эпитетомъ. Ядро этого обвиненія, послужившее исходнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ заключеній г. Тизенгаузена, заключается въ томъ, будто авторъ, говоря о литературной дѣятельности Кирѣевского, осмѣиваетъ православно-христіанскія вѣрованія этого писателя, составляющія, какъ извѣстно, основаніе всѣхъ его философскихъ разсужденій. *Авторъ осмѣиваетъ...* Но гдѣ г. прокуроръ нашелъ осмѣяніе? Послѣ такого заключенія я могу предположить, что г. Тизенгаузенъ плохо читалъ статью Писарева. На первой же...

Прокуроръ (къ предсѣдателю). Я бы желалъ, ваше превосходительство, чтобы подсудимый не употреблялъ выраженій, несогласныхъ съ уваженіемъ къ прокурорскому надзору. Кромѣ того, моя фамилія здѣсь не должна упоминаться. Я дѣйствую не отъ своего лица, а какъ представитель обвинительной власти.

Предсѣдатель. Подсудимый, будьте осторожнѣе въ употребляемыхъ вами выраженіяхъ.

Павленковъ. Я съ удовольствіемъ буду говорить вмѣсто «г. Тизенгаузенъ» — «г. прокуроръ». Продолжаю опроверженіе. Я сказалъ, что въ статьѣ «Русскій Донъ-Кихотъ» нѣтъ и тѣни осмѣянія. Писаревъ именно съ того и начинается, что изъясняетъ свое удивленіе, какъ можно глумиться надъ такими людьми, какъ славянофилы вообще, и Кирѣевскій въ особенности. Онъ выражаетъ даже досаду на рецензента «Современника» за то, что тотъ въ своей статьѣ «Москов-

ское Словенство» позволяет себя насмѣшливо относиться къ этому направленію. Г. прокуроръ увѣряетъ, что, по мнѣнію Писарева, отъ статей Кирѣвскаго покоробить самага невзыскательнаго читателя, что онъ отличаются такой пахучестью, которая отшибетъ отъ нихъ всякаго; но вотъ то мѣсто, изъ котораго онъ извлекъ свое заключеніе. Въ этомъ мѣстѣ Писаревъ говоритъ совершенно обратное. Строки эти слѣдующія:

«Если бѣ подойти къ сочиненіямъ И. В. Кирѣвскаго такъ, какъ подошелъ къ нимъ критикъ «Современника», то съ нимъ порѣшится было бы очень не трудно. Причислить его къ самымъ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ вовсе не мудрено; за цитатами дѣло не станетъ; изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ покоробить самага невзыскательнаго читателя; ну, стало быть и толковать нечего; привелъ подлюжкины самыхъ пахучихъ выписокъ, поглумился надъ каждой въ отдѣльности и надъ всѣми въ совокупности, поспорилъ для виду съ авторомъ, давая ему чувствовать все превосходство своей логики и своихъ воззрѣній, завершилъ рецензію общимъ прогрессивнымъ заключеніемъ, и дѣло готово—статья идетъ въ типографію».

Ясно, что Писаревъ здѣсь не только не нападаетъ на пахучесть Кирѣвскаго, а востаетъ противъ такихъ недобросовѣстныхъ, по его мнѣнію, пріемовъ. Онъ говоритъ этимъ мѣстомъ, что коробить или не коробить отъ чтенія Кирѣвскаго—это вещь посторонняя, что не въ этомъ дѣло, что на подобную вещь не стоить обращать вниманія, что во всемъ этомъ дѣлѣ есть вещи болѣе важныя, которыя не слѣдуетъ упускать изъ виду. Я не думаю, чтобъ такое начало можно было принять за приглашеніе къ насмѣшкѣ. Прокуроръ не хотѣлъ также замѣтить, что Писаревъ, несмотря на радикальное различіе въ мировоззрѣніяхъ съ Кирѣвскимъ, относится къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Онъ въ разныхъ мѣстахъ своей статьи называетъ его человѣкомъ *неглупымъ, даровитымъ*. въ высшей степени *добросовѣтнымъ*, а понятно, что такъ нельзя относиться къ человѣку, надъ которымъ насмѣхаться. Всего этого не хотѣлъ замѣтить г. прокуроръ. Нужно также согласиться, что смѣхъ есть литературное оружіе; но кто же беретъ за оружіе, не предполагаая бороться. Между тѣмъ Писаревъ прямо говоритъ на стр. 2, что «боротся съ нимъ» (т. е. съ Кирѣвскимъ) не зачѣмъ, потому что дѣятельность его принадлежитъ прошедшему», а главное, что онъ и безъ того забытъ, «несмотрѣ на то, что послѣдняя его статья была написана всего лѣтъ семь тому назадъ». Трудно все это согласить съ обвиненіемъ въ насмѣшкѣ. Но еще труднѣе понять, какимъ образомъ Писаревъ могъ осмѣивать православно-христіанскія вѣрованія Кирѣвскаго. Сколько мнѣ извѣстно, Писаревъ никогда и нигдѣ—ни въ этой, ни въ другихъ своихъ статьяхъ—не считалъ нужнымъ касаться чьихъ бы то ни было вѣрованій. Это слишкомъ индивидуальный міръ. Кромѣ того вѣрованія немалымы безъ догматовъ. Но въ такомъ случаѣ пусть г. прокуроръ укажетъ, какіе догматы отвергаются Писаревымъ въ «Русскомъ Донъ-Кихотѣ». Если онъ это сдѣлаетъ,—я тотчасъ же откажусь отъ защиты и признаю себя виновнымъ. Такимъ образомъ я предоставляю ему легкую возможность выиграть настоящей процессъ. Къ сожалѣнію, сдѣлать этого невозможно: Писаревъ опирается *мнѣнія* Кирѣвскаго, а не *вѣрованія* его. Разница большая! Не думаетъ ли г. прокуроръ, что выраженія, пересыпанныя словами:

святой, церковь, молитвы и т. п. уже по тому самому стоять вѣдъ всякаго оспариванія и что прикасаться къ нимъ—значить то же, что осмѣивать вѣрованія? Но тогда мы пришли бы къ весьма странному выводу. Многие помнятъ, что одинъ ораторъ въ одномъ публичномъ заведеніи сдѣлалъ такое восклицаніе: «Молимъ Бога, чтобъ съ его святою помощью скорѣе выступили благотворныя охранительныя силы на подобающую имъ высоту» *). Предположимъ, что въ какой нибудь газетѣ оратора этого осмѣяли бы за это выраженіе. Неужели же нашелся бы такой человѣкъ, который могъ обвинить редакцію въ издѣвательствѣ надъ вѣрованіями оратора, тогда какъ она смѣялась бы надъ однимъ только неумѣнымъ этого господина говорить рѣчи? Очень можетъ быть, что г. прокуроръ мысленно указываетъ мнѣ на ту тираду Кирѣвскаго (по крайней мѣрѣ онъ читалъ ее передъ палатой), которая начинается словами: «Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея святой православной церкви...» и послѣ которой Писаревъ говоритъ: «Мнѣ нечего прибавлять къ этимъ словамъ». Я еще возвращусь къ этой тирадѣ въ концѣ защиты: но здѣсь не могу не замѣтить, что это прочитанное г. прокуроромъ мѣсто болѣе всего смахиваетъ на обыденныя разсужденія, пересыпанныя фразами: *молимъ Бога, Его святая помощь* и т. п. Если вы видите корень цивилизаціи въ церкви, то почему же я въ свою очередь не могу съ той же безопасностью видѣть этотъ корень въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ? Если бѣ взглядъ на источники знанія и просвѣщенія не съ духовной точки зрѣнія, а со свѣтской, могъ считаться осмѣяніемъ вѣрованій, то во что бы тогда превратились споры о томъ, кому слѣдуетъ поручить народное образованіе—церкви или земству? Возможно ли было бы тогда, не подвергаясь опасности, отвергать полезность супрематіи духовенства въ такомъ важномъ дѣлѣ? Практика доказываетъ, что это возможно. На основаніи всего сказаннаго я еще разъ повторяю, что осмѣяніе вѣрованій безъ осмѣянія догматовъ такъ же невозможно, какъ оскорбленіе безъ оскорбляемаго.

Далѣе г. прокуроръ говоритъ, что православно-христіанскія вѣрованія составляли, какъ извѣстно, основаніе всѣхъ философскихъ разсужденій Кирѣвскаго.

Кто избираетъ своей спеціальностью обвиненіе, отъ того можно требовать не голословія, а фактовъ. Но какъ похоже на факты это прокурорское «какъ извѣстно!». Мнѣ кажется, что суду извѣстно только то, что доказано. Какъ частнымъ лицамъ, судьямъ можетъ быть многое извѣстно, но такая извѣстность остается при нихъ и никогда не переходитъ вмѣстѣ съ ними за порогъ этой залы. Каткова въ Москвѣ всѣ знаютъ, всѣ знаютъ его имя, отчество, званіе, профессию, но тѣмъ не менѣе, призваннаго къ суду, его, также какъ и меня, спросили бы и объ имени, и о чинѣ, и о занятіяхъ, потому что извѣстность частная и судебная—двѣ вещи совершенно различныя. Странно, что г. прокуроръ не привелъ для подтвержденія своего мнѣнія ни одной цитаты изъ «Сочиненій Кирѣвскаго», а ограничился только тѣми отрывками, которые приведены въ статьѣ Писарева. Я предлагаю ему въ отвѣтъ на мое возраженіе подкрѣпить свое «*какъ извѣстно*» указаніями на болѣе характеристическія мѣста изъ Кирѣвскаго. Книга со мной.

Предсѣдатель. Вы не имѣете права ничего

*) Изъ рѣчи Н. О. Тизенгаузена.

предлагать прокурору. Если онъ найдетъ нужнымъ, онъ самъ безъ вашихъ предложеній сдѣлать необходимыя указанія. Обращайтесь ко мнѣ, а не къ прокурору.

Павленковъ. Возвращаясь къ защитѣ. Я разобралъ составныя части *сущи* прокурорскаго обвиненія по статьѣ «Русскій Донъ-Кихотъ». Признаюсь, что общій смыслъ его для меня непонятенъ. Писаревъ не отрицаетъ никакихъ догматовъ и, слѣдовательно, смѣяться надъ вѣрованіями не могъ. Поэтому допущу, въ видѣ предположенія, что г. прокуроръ хотѣлъ обвинить Писарева не въ «осмѣяніи христіанскихъ *вѣрованій* Кирѣвскаго, составлявшихъ, какъ извѣстно, основаніе всѣхъ его философскихъ разсужденій», а наоборотъ въ «осмѣяніи философскихъ *разсужденій* Кирѣвскаго, основаніемъ для которыхъ послужили, какъ извѣстно, православно-христіанскія вѣрованія». Но даже и въ этомъ послѣднемъ видѣ обвиненіе не приобѣщаетъ состоятельности. Очень часто на дурномъ основаніи могутъ быть сооружены весьма хорошія прочныя строенія, и наоборотъ, на самыхъ прочныхъ основаніяхъ—возвзваться куча хлама. Петербургъ стоитъ на болотѣ, а Москва на твердой землѣ. Неужели же поэтому нужно отдавать ей предпочтеніе? Неужели она, несмотря на свое твердое основаніе, не грязна, не вонюча, не крива и не горбата? И наконецъ съ какихъ это поръ разрушать постройку—значитъ то же самое, что разрушать фундаментъ? Неужели, разрушая навозную кучу, воздвигнутую на непреступной скалѣ, и сбрасывая навозъ въ подоющую ему помойную яму, я могу быть обвиненъ въ разрушеніи скалы. Это воззрѣніе болѣе чѣмъ оригинально.

Вы видите, гг. судьи, какъ произвольно и голословно ядро обвиненія прокурора по статьѣ «Русскій Донъ-Кихотъ». Я не буду слѣдить шагъ за шагомъ за его обвинительной рѣчью: это было бы бесполезно послѣ разбора главной сущности ея. Впрочемъ, не могу не обратить вниманія на то, что г. прокуроръ, по всей вѣроятности для усиленія обвиненія, собираетъ изъ разныхъ мѣстъ статьи всѣ прилагательныя и существительныя, употребленныя авторомъ по различнымъ поводамъ, и представляетъ ихъ суду въ одномъ букетѣ. Но, съ одной стороны, такой приемъ совершенно несогласенъ съ правдой. Изъ самаго слабаго вина я могу помощью концентрированія и дистилляціи добыть самый крѣпкій спиртъ, но буду ли я правъ, выдавая добытый спиртъ за первоначальное вино? Съ другой стороны, я не думаю, чтобы пятикратное или шестикратное произнесеніе какого нибудь слова, считаемаго неблагопрістойнымъ, представляло болѣшую вину, чѣмъ однократное. Всѣ эти перечисленія «убогихъ старушекъ Бѣлокаменной», «допотопныхъ идей», «мистическихъ истинниковъ», «зародышей разложенія» и прочихъ пугающихъ г. прокурора выраженій—есть не что иное, какъ варіаціи на одинъ и тотъ же мотивъ. Вообще я долженъ замѣтить, что г. прокуроръ старался тщательно выставить всѣ мнѣнія Писарева о Кирѣвскомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почему то не сказалъ ни слова о тѣхъ матеріалахъ, изъ которыхъ должно было составиться такое, а не иное воззрѣніе Писарева на этого писателя. Повторяю, что во всемъ своемъ обвиненіи г. прокуроръ не привелъ ни одной цитаты изъ подлинныхъ сочиненій Кирѣвскаго. Мало того, онъ даже не объяснилъ настоящаго смысла статьи Писарева, той задачи, которую поставилъ себѣ достигъ въ «Русскомъ Донъ-Кихотѣ». Судебная Палата въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Су-

ворина выразила мнѣніе, что, принимая въ соображеніе однѣ отдѣльныя выписки изъ сочиненія, можно упустить изъ виду преступность дѣла, даже въ такихъ случаяхъ, когда преслѣдуемая книга безусловно принадлежитъ къ подлежащимъ уничтоженію. Если это справедливо, то будетъ еще справедливѣе обратное: изъ самой нравственной книги можно такъ сдѣлать выдержки и такъ ихъ сгруппировать, что она покажется непрерывнымъ рядомъ преступленій. Мнѣ самому удалось видѣть рядъ такихъ выписокъ изъ евангелія.

Предсѣдатель. Не отклоняйтесь отъ дѣла.

Павленковъ. Такъ какъ я уже сказалъ, что г. прокуроръ невѣрно понялъ статью Писарева «Русскій Донъ-Кихотъ», то я считаю необходимымъ представить суду краткое ея изложеніе. Чтобы избѣгнуть нареканія въ голословности, я буду пользоваться при этомъ не только статьёй Писарева, но и самыми «Сочиненіями Кирѣвскаго» и матеріалами для его биографіи. Такимъ образомъ, возстановляя истинный смыслъ статьи, я вмѣстѣ съ тѣмъ буду ее какъ бы повѣрять съ ея первоначальными источниками.

Основная задача статьи Писарева «Русскій Донъ-Кихотъ», мнѣ кажется, должна формулироваться такъ:

Нельзя не сознаться, что источникъ славянофильства самъ по себѣ достоинъ уваженія. Вообще говоря, славянофилы были люди умные, честные и не безъ характера. Поэтому, къ какому бы результату они ни пришли, хотя бы къ самымъ уродливымъ, ничѣмъ неотличающимся отъ доктрины «Маяка», во всякомъ случаѣ это явленіе русской жизни достойно не гаснѣнства, а внимательнаго разсмотрѣнія. Интересно прослѣдить, какимъ образомъ отъ попытки къ самобытности можно было придти къ идеалу полнѣйшаго оскотленія русскаго ума и русской мысли. Взглянувши на славянофильство съ такой, чисто психологической стороны, Писаревъ беретъ одного изъ его лучшихъ представителей, Кирѣвскаго, и показываетъ на немъ, какимъ образомъ наши борцы постепенно, незамѣтно для самихъ себя, превращаются въ Донъ-Кихотовъ. Отсюда и самое заглавіе статьи.

Можно ли, задавшись такой цѣлью, быть сколько нибудь близкимъ къ насмѣшкѣ?

Вдумываясь въ поставленный вопросъ, Писаревъ даетъ въ своей статьѣ характеристику Кирѣвскаго и въ краткомъ очеркѣ рисуетъ развитіе его литературной дѣятельности. Кирѣвскій былъ одной изъ тѣхъ честныхъ натуръ, которые въ продолженіе всего своего земного поприща томятся потребностью служить дѣлу и жизни. Къ сожалѣнію, онъ жилъ въ очень тяжелое время, когда никакое служеніе, кромѣ officialнаго, не было возможно. Но совсѣмъ не того искала его честная натура. Борясь противъ частностей, онъ скоро увидѣлъ, что несовершенства окружающей жизни слишкомъ велики, чтобы такая борьба могла быть дѣйствительна. Сильныя природы въ этихъ случаяхъ разбиваются на куски, слабыя поворачиваютъ назадъ, но все таки двигаются, хотя и по противоположному направленію. Кирѣвскій пошелъ по дорогѣ этихъ послѣднихъ. Убѣдившись въ невозможности самостоятельной дѣятельности, онъ весь перешелъ въ міръ мечты, какъ задержанное движеніе всецѣло переходитъ въ теплоту. Онъ составилъ около себя тѣсный кружокъ, вполнѣ ему симпатизировавшій и сочувственно относившійся къ нему. Такимъ образомъ міръ мечтаній, которымъ онъ жилъ, который, такъ сказать, поддерживалъ его нравственное существованіе, очень скоро обра-

тился для него какъ бы въ чистую и полную дѣйствительность.

Въ такомъ настроеніи онъ отправляется за границу. Тамъ онъ встрѣчается уже не съ воображаемой, а съ реальной жизнью. Но онъ уже къ ней слѣпъ. Какъ мечтающій философъ-идеалистъ, онъ привыкъ уже видѣть весь смыслъ жизни, не во внѣшнемъ мірѣ, а во внутреннемъ. Умозрительная философія, отрѣшенная отъ жизни, принимается имъ за полное выраженіе западно-европейской цивилизаціи. Онъ не хочетъ замѣтить, что явленіе это есть болѣзненное, что развитіе умозрительной философіи обязано было гнету живыхъ силъ, стремившихся къ дѣятельности и находившихъ себѣ исхода. Понятно, что такая, можно сказать, *патологическая* философія не могла воздвигнуть себѣ прочнаго алтара на западѣ, тамъ, гдѣ все стремилось къ обновленію бытовыхъ формъ. При такихъ обстоятельствахъ она представляла собою социальную роскошь. Вотъ причина холодности къ ней многихъ. Но Кирѣевскій не усмотрѣлъ этой причины и объяснилъ эту холодность сознаніемъ западно-европейскаго общества въ неудовлетворительности чистаго разума. «Западная философія», пишетъ онъ, «находится теперь въ томъ положеніи, что ни далѣе по своему пути она уже идти не можетъ, ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи». Но безъ философіи, думаетъ Кирѣевскій, нѣтъ цивилизаціи, и вотъ онъ пишетъ:

«Жизнь западнаго европейца лишена своего существеннаго смысла: непроникнутая никакимъ общимъ сильнымъ убѣжденіемъ, она не можетъ быть ни украшена высокой надеждой, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ... Такимъ образомъ онъ принужденъ или довольствоваться состояніемъ полускотовскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ расчетовъ, или опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума».

Замѣтивъ на западѣ нѣкоторую усталость, которая всегда естественно является за всякимъ значительнымъ напряженіемъ силъ, онъ принялъ ее за разочарованіе, даже за разложеніе—и, не видя разочарованій въ средѣ своего кружка, отрѣшеннаго отъ жизни, онъ мысленно начинаетъ чувствовать превосходство своего роднаго Арбата надъ Европой, и восторженно восклицаетъ:

«Вообще все русское имѣетъ то общее со всѣмъ огромнымъ, что его осмотрѣть можно только издали... Нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ народа плоче, бездушнѣе и тупѣе нѣмцевъ. И нашъ русскій народъ, который теперь, можетъ быть, одинъ въ Европѣ способенъ къ восторгу, называютъ непросвѣщеннымъ».

Такимъ образомъ онъ незамѣтно для самого себя уже на пути къ идеализированію всего русскаго. Но въ то же время Кирѣевскій не можетъ не видѣть, что наше настоящее мрачно, а будущее неизвѣстно. Остается прошедшее. И вотъ онъ влюбляется въ это прошедшее, ухватывается за него, какъ утопающій хватается за соломенку, клянетъ западъ и реформы Петра, прозрѣваетъ въ старинной Руси такія качества, какія ей даже и не снились, и начинаетъ смотрѣть на нашъ народъ такъ же, какъ простонародье смотритъ на обезьяну, которая, по его мнѣнію, все умѣетъ, все знаетъ, все понимаетъ, только не хочетъ этого показывать и скрываетъ отъ людей свои таланты. Наконецъ, Кирѣевскій заговаривается даже до того, что отрицаетъ возможность существованія Европы безъ Россіи. Возвращаясь къ сочиненному имъ самимъ во-

просу о неудовлетворительности чистаго разума и его опасности, Кирѣевскій устремляетъ свои взоры на древнюю Русь, какъ на сосудъ, изъ котораго Европа можетъ почерпнуть живую воду для исцѣленія своихъ недуговъ. Въ древней Руси онъ видитъ господство вѣрованій, поглощающихъ дремлющій умъ, принимаетъ это поглощеніе за *цѣльность* русскаго духа, и на эту тему начинаетъ варипровать акафистъ Россіи. Нужно сознаться, что мѣсто это одно изъ тѣхъ, къ которымъ Писаревъ относится не скажу съ насмѣшкой—это будетъ неправда—а съ снисходительнымъ недоумѣніемъ, съ добродушной улыбкой. Я, впрочемъ, его не буду читать, оно извѣстно судьямъ. Съ моей стороны достаточно будетъ сказать, что Кирѣевскій приводитъ 23 причины, по которымъ слѣдуетъ предпочесть Россію Европѣ. Эта тирада помѣщена на 17 и 18 стр. 2-й части «сочиненій Писарева». Можетъ быть, найдутся люди, патриотизмъ которыхъ и будетъ польщенъ этимъ панегирикомъ, но всякій обыкновенный читатель, смотрящій на вещи не черезъ патристическую призму, а прямо, безъ посредства какихъ либо преломляющихъ срединъ, скажетъ, что подобный наборъ бездоказательныхъ восклицаній есть не что иное, какъ всѣмъ извѣстная Гоголевская тройка.

Г. прокуроръ можетъ сказать, что Кирѣевскій выводилъ цѣльность русскаго духа изъ исповѣдаемаго нами православія, и что, слѣдовательно, относясь къ его мнѣнію объ этомъ предметѣ съ снисходительной улыбкой, онъ этой улыбкой награждаетъ самое православіе. Но такой выводъ былъ бы большимъ недоразумѣніемъ. Авторъ отвергаетъ самую цѣльность сочиненную Кирѣевскимъ. Онъ не признаетъ народовъ однодольныхъ и двусѣмядольныхъ. А отсюда прямо слѣдуетъ, что Писаревъ ни на волосъ не касается православія.

Мнѣ кажется, что та цѣлость, которая вездѣ мерещится Кирѣевскому и давить его, какъ комаръ, есть не что иное, какъ извѣстнаго рода недоразвитіе. Какъ въ цвѣточной почкѣ, до полнаго развитія цвѣтка, сливаются въ одно цѣлое его чашечка, лепестки, тычинки и плодникъ, такъ точно въ молодомъ обществѣ рѣзко выдающіяся качества народовъ зрѣлыхъ, не успѣвши специализироваться,—находятся въ зачаточномъ состояніи и, повидимому, какъ бы слиты нераздѣльно; но эта нераздѣльность, эта *цѣльность*, какъ выражается Кирѣевскій, только кажущаяся; она есть только первая фаза развитія. Настанетъ время, и непреложные законы роста и организаціи возьмутъ свое. Вотъ въ какомъ смыслѣ улыбается Писаревъ, вотъ въ какомъ смыслѣ онъ относится къ мнѣніямъ Кирѣевскаго о цѣльности съ снисходительнымъ изумленіемъ.

Исчисливъ всѣ добродѣтели древне-русскаго человѣка и снабдивъ его такими богатствами, какими не обладалъ еще ни одинъ народъ, Кирѣевскій увидѣлъ, что съ такой тяжелой ношей русскій человѣкъ могъ бы раздавить весь міръ, лишь одной своей тяжестью, и что у всякаго читателя долженъ непременно родиться вопросъ: почему же русскій народъ не опередилъ Европу, почему же Россія, имѣя столько залоговъ, не стала во главѣ умственнаго движенія всего человѣчества? Какъ человѣкъ честный, Кирѣевскій не уклоняется отъ отвѣта. Но что это за отвѣтъ! Я предлагаю его преимущественно вниманію г. прокурора.

Предсѣдатель. Я повторяю вамъ, что вы ничего не можете предлагать прокурору. Прокуроръ самъ знаетъ, на что ему обратитъ вниманіе. Продолжайте.

Павленковъ. Я хотѣлъ указать на отвѣтъ Кирѣвскаго. Вотъ его отвѣтъ:

«Это произошло по высшей волѣ Провидѣнія. Провидѣнію видимо угодно было остановить дальнѣйшій ходъ умственнаго развитія Россіи, спасая ее, можетъ быть, отъ вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ея удѣломъ, еслибъ ея разсудочное образованіе началось прежде, чѣмъ Европа докончила кругъ своего умственнаго развитія».

Я уже не говорю про внутреннюю нелѣпость этого отвѣта, по которому слѣдуетъ, что мы должны ждать для своей умственной зари полнаго заката европейскаго солнца, и что нашей цивилизаціи поставлена такого рода дилемма: если она началась, то европейское умственное развитіе кончилось и разлагается, если же Европа продолжаетъ развиваться, то мы должны коснѣть. Я не говорю обо всемъ этомъ. Но посмотрите, какая подкладка у всего этого отвѣта. Россіи *предопредѣлено* подождать... Россіи *предопредѣлена* лучшая будущность, чѣмъ Европа... Позволяя себѣ спросить, неужели понятіе о предопредѣленіи есть понятіе христіанское, а не фаталистическое, и неужели Писаревъ, читая эти строчки, не имѣетъ права назвать такіа *нехристіанскія* воззрѣнія Кирѣвскаго — непогрѣшимыми убѣжденіями убогихъ старушекъ Бѣлокаменной, допотопными идеями и другими одинаково справедливыми эпитетами, такъ ужасающими г. прокурора? Неужели, наконецъ, нельзя назвать мистикомъ человѣка, признающагося въ томъ, что онъ ходитъ по соборамъ слушать евангелія, предварительно *загадавши*? Пусть мнѣ докажутъ, что слушаніе евангелія въ видѣ игры въ лотерею не есть чистѣйшій мистицизмъ, а вполне согласно съ православно-христіанскими вѣрованіями!

На этомъ я бы желалъ покончить съ «Рускимъ Донъ-Кихотомъ», если бѣ не былъ увѣренъ, что г. прокуроръ можетъ меня заподозрить въ желаніи обойти нѣкоторыя мѣста его обвиненія, выраженнаго частью въ рѣчи, частью въ актѣ. Такъ онъ могъ бы сказать, что я ничего не отвѣчалъ на его обвиненіе въ глумленіи Писарева надъ мыслями Кирѣвскаго о недостаточности чистаго разума, о необходимости искать новыхъ источниковъ познанаія, или иначе—надъ его убѣжденіями, что философія, исторія и политика нуждаются для своего оживленія въ религиозныхъ основахъ. Замѣчу на это, что Писаревъ прежде всего несогласенъ съ первой посылкой Кирѣвскаго, т. е. съ его мнѣніемъ о недостаточности чистаго разума. Но кто затрогиваетъ первую посылку, тотъ же затрогиваетъ остальныхъ. Если мнѣ говорятъ, что соха не подѣ силу лошади и что необходимо для лучшей распашки земли, для оживленія ея производительности, обратиться къ новой рабочей силѣ—къ воламъ, и если я отвѣчу на это: «не судите о моихъ лошадаяхъ по своимъ», то я нисколько не глумлюсь надъ волами, а только выражаю увѣренность въ своей рабочей силѣ. Неужели точно такъ же надѣяться на силу разума и признавать его достаточность для развитія философіи, политики и исторіи—значитъ осмѣивать православно-христіанскія вѣрованія? Но тогда невозможенъ никакой споръ безъ оскорбленія этой святыни. Наконецъ, мнѣнія Кирѣвскаго, защищаемаго г. прокуроромъ, сами по себѣ страдаютъ неосновательностью. Въ самомъ дѣлѣ, какими качествами должно отличаться *оживляющее* начало? Прежде всего оно должно быть *ново*. Но религія стара какъ мѣръ, а христіанству около 2.000 лѣтъ. Съ другой стороны, *исторія* ни въ какомъ случаѣ не можетъ

быть оживлена, хотя бы уже потому, почему не можетъ быть оживлено кладбище. Если бѣ вопросъ шелъ не объ исторіи, а объ исторической жизни, тогда бы было дѣло другого рода. Но въ такомъ случаѣ я повторилъ бы то, что сказано было мною вообще обо оживленіи. Въ заключеніе Кирѣвскій указываетъ на религію, какъ на новый источникъ *познанаія*. Это болѣе чѣмъ странно. Мнѣ кажется, что вѣра и разумъ слишкомъ различныя области, чтобы первая могла замѣнить второй. Какъ ни дорогъ и ни цѣненъ алмазный порошокъ, но изъ него нельзя свить грубой пеньковой веревки. Изъ цѣлой горы золота невозможно получить одной микроскопической крупинки желѣза. Мы можемъ уважать религію, преклоняться передъ нею, но именно въ силу этого самаго уваженія мы не должны призывать ее на неприсущее ей дѣло: источникомъ *познанаія* она быть не можетъ, а *новымъ* тѣмъ болѣе. Это имѣетъ право говорить всякій, безъ риска прослыть еретикомъ, безъ опасенія быть обвиненнымъ членами суда.

Наконецъ, обращаюсь къ послѣдней обвинительной читатѣ г. прокурора, которая начинается словами: «Но корень образованности Россіи еще живеть въ ея святой православной церкви» и т. д. Я не буду читать этого мѣста, оно уже было прочитано моимъ обвинителемъ. Г. прокуроръ негодуетъ на то, что Писаревъ не желаетъ ничего прибавлять къ этимъ словамъ и называетъ ихъ достаточно говорящими сами за себя. Но въ какомъ смыслѣ онъ такъ къ этому относится—г. прокуроръ не поясняетъ. Я долженъ замѣтить, что слова Писарева относятся, главнымъ образомъ, не къ первой фразѣ читатѣ, а къ послѣдующимъ. Чтобы понять это, стоитъ только дать себѣ отчетъ, что требуетъ Кирѣвскій. Первое условіе действительности его рецепта—это признать односторонность и несостоятельность западно-европейской цивилизаціи, отказаться отъ нея, покончить съ ней. Но кто же на это согласится? Мнѣ кажется, само правительство первое представило бы тормазъ осуществленію такихъ попытокъ, если бѣ онѣ перешли изъ области разстроенной фантазіи славянофиловъ въ дѣло. Совсѣмъ не тому удивляется Писаревъ, что Кирѣвскій опирается на православіе, а тому, что для него, помню православія, не существуетъ религіи,—тому, что онъ говоритъ: «Теперь, кажется, настоящая пора для Россіи сказать свое слово въ философіи, и показать имъ, *еретикамъ*, что истина науки—только въ истинѣ православія». Итакъ, всѣ, кромѣ насъ—еретики, и нѣтъ никакой истины, кромѣ православно-русской. Это ли христіанство, это ли не чистѣйшій фанатизмъ? Но Кирѣвскій не останавливается и на этомъ. Онъ пишетъ: «Направленіе философіи зависить въ первомъ началѣ своемъ отъ того понятія, какое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ». Неужели послѣ такихъ словъ можно что нибудь прибавлять, неужели мнѣніе Писарева, что слова эти говорятъ сами за себя, несправедливо? Положимъ, что понятіе о Троицѣ вещь весьма святая, но говорить, что отъ этого зависить развитіе всѣхъ философій земного шара—это значитъ быть не христіаниномъ, а религиознымъ фанатикомъ, значитъ не поддерживать православіе, а оказывать ему медвѣжью услугу, значитъ обвинять православіе въ чудовищномъ деспотизмѣ—въ томъ, что оно хотѣло поглотить философію, что она у насъ немислима, что мы можемъ имѣть лишь одну теологію. Слывать же теологію съ философіей и ставить послѣднюю не только въ зависимость, но даже въ продуктъ первой—значитъ догово-

рится до того, послѣ чего, какъ выразился Писаревъ, нечего прибавлять. Гдѣ же тутъ вина со стороны Писарева?

Итакъ, вотъ тѣ причины, вотъ тѣ основанія, которыя послужили Писареву матеріаломъ для произнесения надъ возрѣвнѣмъ Кирѣвскаго своего приговора. Въ его лицѣ онъ сдѣлалъ приговоръ и надъ всѣми славянофилами. Смыслъ его статьи, мнѣ кажется, таковъ: «Господа, перестраивать нашу жизнь въ ея коренныхъ началахъ, безъ помощи опыта западныхъ сосѣдей, еще не настало время. Славянофилы сдѣлали было къ этому попытку, но неминуемо должны были зайти въ такую труппу, изъ которой нѣтъ выхода. Дѣло въ томъ, что наши умственные и нравственные Инсаровы невозможны до тѣхъ поръ, пока вся Россія не покроется, какъ сѣтью, живыми Маркинсонами *), и только на томъ черноземѣ, который произойдетъ отъ ихъ разложенья, могутъ вырости эти гиганты. Не забывайте же этого». Вотъ смыслъ «Русскаго Донъ-Кихота». Что же тутъ нарушающаго благопристойность и благочиніе, о которомъ заявилъ г. прокуроръ? Неужели сказать: «господа! подождите, взглянитесь въ окружающее, изучите его, взвѣсьте свои силы и не тратьтесь на подниманіе голыми руками Александровской колонны, а поучитесь сначала механикѣ»—неужели такая мысль сколько нибудь анти-религіозна, неужели въ такой мысли можетъ сколько нибудь слышаться насмѣшливая нота?

Теперь я нахожу возможнымъ перейти къ слѣдующей статьѣ, а именно къ «Бѣдной русской мысли».

Обращаясь къ опроверженію мнѣнія, выраженаго г. прокуроромъ о статьѣ Писарева «Бѣдная русская мысль», я не могу не замѣтить той странности, къ которой приводитъ совокупное обвиненіе этой статьи на ряду съ «Русскимъ Донъ-Кихотомъ». Въ самомъ дѣлѣ, сначала г. прокуроръ защищаетъ возрѣвнѣ Кирѣвскаго, направленные противъ Петра и его реформъ, а потомъ, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, переходитъ къ защитѣ Петра и его реформъ. Для юриста это можетъ быть и понятно, меня же это поражаетъ, какъ всякое рѣзкое противорѣчіе. Но что дѣлать, въ виду необходимости приходится подчиниться самому противорѣчію и даже представить себѣ, что его нѣтъ.

Основная идея «Бѣдной русской мысли» понята г. прокуроромъ совершенно вѣрно. Но на этомъ, конечно, и кончается все мое съ нимъ согласіе. Дѣйствительно, Писаревъ этой статьѣй хотѣлъ сказать, что личная воля одного человѣка, какъ бы великъ онъ ни былъ, какимъ бы гениемъ онъ ни обладалъ—ничто въ сравненіи съ требованіями жизни цѣлаго народа, и что одинъ мудрецъ не въ состояніи переумудрить десятки милліоновъ. Но кто не знаетъ, что мысль эта далеко не нова, что она извѣстна всѣмъ и каждому, что она повторяется на всѣ лады и въ жизни, и въ литературѣ? То, что высказано Писаревымъ, въ гораздо болѣе рѣзкой и неумолимой формѣ можно встрѣтить на каждой страницѣ Бокля, Дрэпера и др. Но я оставлю въ сторонѣ другихъ, даже не трону Дрэпера. Для меня достаточно одного Бокля. Я преимущественно останавливаюсь на немъ потому, что этотъ писатель прошелъ, что называется—сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы нашей болѣе чѣмъ строгой предварительной цензуры, той цензуры, которая самими законодателями косвенно названа въ указѣ 6-го апрѣля *тяжелолою* и обре-

менительною для печати. Бокль подъ этой цензурой выдержалъ четыре изданія: два изданія Тиблена и два изданія Буйницкаго. Кажется, въ цензурномъ отношеніи авторитетъ достаточно убѣдительный. И что же! Тамъ мы встрѣтимъ буквально то же самое, что такъ поразило г. прокурора въ «Бѣдной русской мысли». Бокль не только отрицаетъ прочное вліяніе единицъ на массы—онъ отрицаетъ *всякое* вмѣшательство правителей въ жизнь народа и вездѣ, безусловно, считаетъ его вредомъ. Для подтвержденія этого даже не нужно дѣлать никакихъ цитатъ, достаточно пробѣжать заглавія нѣкоторыхъ рубрикъ. Вотъ, напримѣръ, рубрики 5-ой главы I-го тома: 1) вмѣшательство политиковъ въ торговлю нанесло ей вредъ; 2) законодательство породило контрабанду; 3) законодательство усилило лицемеріе и т. д., наконецъ 6-я рубрика: «въ Англии было меньше вмѣшательства правителей, чѣмъ въ другихъ странахъ, и потому благосостояніе ея значительнѣе». Бокль отрицаетъ *всякую* инициативу великихъ людей. Онъ говоритъ, что ихъ инициатива только кажущаяся. Все полезное сдѣлано не ими, а, такъ сказать, около нихъ: «ни одно политическое событіе—говоритъ онъ—ни одна прочная реформа—законодательная или исполнительная—не были задуманы правителями страны. Первыми внушителями такихъ реформъ постоянно были смѣлые и талантливые мыслители, которые отыскиваютъ злоупотребленіе, указываютъ на него и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ средства къ его исправленію... Реформаторы нашего времени плывутъ по теченію. Они способствуютъ торжеству того, чему не могутъ долѣе сопротивляться», потому что, какъ бы поясняетъ Бокль черезъ нѣсколько страницъ: «чего одно поколѣніе проситъ какъ милости, слѣдующее потребуетъ, какъ права».

Я бы могъ привести бездушно цитаты изъ этого автора объ отношеніи *личнаго* мудренія различныхъ великихъ людей къ строю народной жизни и о полномъ безсиліи перваго надъ послѣднимъ. Но это бы значило только совершенно напрасно утомлять судей. Книга, о которой я говорю, слишкомъ памятна публикѣ. Впрочемъ самъ г. прокуроръ говоритъ въ обвинительномъ актѣ, что идеи, высказанныя Писаревымъ, сами по себѣ нисколько не предосудительны, но что предосудительность ихъ происходитъ лишь оттого, что онѣ перетолкованы авторомъ и извращены имъ по своему. Къ сожалѣнію, это утвержденіе остается фразой. Оно не подтверждено ни однимъ доказательствомъ. Мнѣнія Бокля наша цензура не считаетъ извращеніемъ чего либо—она одобрила ихъ *четыре раза*. Но пусть сравнятъ ихъ съ мнѣніями Писарева и покажутъ, чѣмъ послѣднія искажаютъ первыя, чѣмъ они отличаются отъ мнѣній автора «Исторіи цивилизаціи въ Англии».

Въ обвинительномъ актѣ, заключающемъ подробности обвиненія, настолько извѣстныя палатѣ, что прокуроръ, не желая утомлять судей, счелъ лишнимъ *повторять* ихъ вторично въ своей рѣчи, приведено одно странное основаніе, а именно прокуроръ заявилъ, что преслѣдованіе не было бы начато, если бы развитіе высказанной авторомъ мысли имѣло характеръ философскаго разсужденія. Не говоря уже о неосновательности такой претензіи, онъ не объяснилъ, какой смыслъ на его языкѣ имѣетъ понятіе *философскаго разсужденія*. Прежде всего нужно спросить, въ какой степени умѣстно требовать отъ каждой журнальной статьи, чтобы она была философскимъ трактатомъ, т. е. захватывала всякій вопросъ во всей его глубинѣ и всесто-

*) Типъ безпояскаго человѣка, выведенный въ романѣ Д. Гирса: «Старая и юная Россія».

ронности. Понятно, что тогда журналъ не былъ бы журналомъ. Журналъ не книга. Онъ разбрасать въ одно время весьма много вопросовъ. Если сегодня въ немъ помѣщена статья о какомъ нибудь предметѣ, разсматриваемомъ съ данной стороны, то при разборѣ того же предмета въ послѣдующихъ книжкахъ объ этой сторонѣ необходимо говорить уже мимоходомъ, главное же вниманіе должно быть обращено на стороны, незатронутыя прежде. «Бѣдная русская мысль» какъ разъ представляеть такой случай. Въ самомъ дѣлѣ, книга Бокля была разобрана въ предыдущихъ №№ «Русскаго Слова», положенія его цитировались чуть не въ каждой журнальной книжкѣ, затѣмъ дѣятельность Петра тоже была оценена въ журналѣ. Такимъ образомъ задача Писарева состояла въ обсужденіи значенія Петра съ боклевской точки зрѣнія. Неужели же ему нужно было при этомъ опять перебирать все введеніе къ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи?»

Наконецъ, какъ оценить философичность книги? Гдѣ для этого мѣрка? Не во избилъ ли объемъ? Но тогда многія брошюры, философичность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, оказались бы не философскими. Если же принять за основаніе философичности внутреннія качества сочиненія, то едва ли не будетъ еще хуже, потому что тогда для прокуроровъ откроется такое обширное поле произвола, на которомъ невозможно никакая борьба: философія можетъ пониматься имъ слишкомъ различно, настолько различно, сколько заключается степеней между строгимъ и научнымъ взглядомъ и фразой вродѣ того, что «человѣкъ зафилософствовался». Основанія при этомъ всегда будутъ слишкомъ шатки; по большей части невозможно указать границы гдѣ рядъ авторскихъ разсужденій начинается *приобрѣтаетъ* характеръ философичности и гдѣ онъ начинаетъ *утрачивать* его. Тутъ понадобятся свѣдующіе люди. Наконецъ, на какомъ законѣ основалъ прокуроръ свое предположеніе о возможности создать новый критерій преступности идеи, выводя этотъ критерій изъ характера ея развитія, изъ того—философски она изложена или нѣтъ? Такого закона не существуетъ и не можетъ существовать. Что нибудь одно изъ двухъ: или идея предосудительна, и тогда она сохраняетъ свою предосудительность и въ простомъ, и въ мудрономъ изложеніи, или же она не предосудительна, и тогда, какъ бы она ни была изложена, ее преслѣдовать нельзя. Доктрины Штрауса и Фейербаха весьма извѣстны; не думаю также, чтобы можно было отвергать философичность хоть бы *Vie de Jesus*, но я увѣренъ, что, при существованіи духовной цензуры, книга эта не могла бы быть у насъ допущена даже и тогда, если бы философичность ея удесятерилась.

Говоря откровенно, все дѣло здѣсь совсѣмъ не въ недостаткѣ философичности. Совсѣмъ не въ этомъ вина Писарева. Единственный грѣхъ, который можетъ быть ему поставленъ на видъ въ этой статьѣ, это то, что онъ здѣсь, какъ и вездѣ, ясенъ и понятенъ до чрезвычайности. Но кто не знаетъ, что у насъ извѣстныя сферы всегда относились къ общедоступности съ недо-вѣрjemъ и боязнью. Эта боязнь унаслѣдована нами еще отъ временъ предшествовавшаго царствованія. Такъ, наприимѣръ, въ 1834 году на сообщеніе Уварова о томъ, что къ нему поступаетъ много прошеній объ изданіи общедоступныхъ дешевыхъ книгъ и журналовъ, и на вопросъ его, полезно ли распространять подобную литературу, Главное Управленіе цензуры отвѣтило, что это не только бесполезно, но даже

вредно. Съ той же цѣлью въ 1850 году князь Ширинскій-Шихматовъ требовалъ, чтобы простонародныя книги печатались славянскимъ шрифтомъ. Я привожу это затѣмъ, чтобы показать, что мое предположеніе не произвольное, что оно основано на фактахъ. Я могъ бы еще привести въ подтвержденіе одинъ циркуляръ бывшаго министра Валуева—циркуляръ, послужившій основаніемъ къ преслѣдованію многихъ книгъ; но я удержусь отъ этого, полагая, что боязнь понятности не сообщится членамъ палаты: свѣтобоязнь страдаютъ только люди извѣстныхъ специальностей.

Г. прокуроръ говоритъ, что та мысль, по поводу которой мнѣ приходится возражать ему, служить Писареву только предлогомъ и прикрытіемъ для другихъ цѣлей, а именно для умаленія значенія государственныхъ правителей. Но прикрытіе всегда ведетъ къ противорѣчію. Противорѣчіе это можетъ быть искусно спрятано, замаскировано, но оно всегда существуетъ, и его всегда можно открыть при желаніи и умѣніи. Тотъ, наприимѣръ, кто, печатно возставаая противъ свободы слова, проситъ на судъ своего оправданія во имя его свободы, тотъ, конечно, только прикрывается знаменемъ свободы. Человѣкъ, отрицающій бракъ какъ будто по принципу и бросающій женщину въ то время, когда къ его извѣстнымъ *правамъ* прибавляются *обязанности* отца, также прикрывается принципами. Здѣсь опять противорѣчіе. И такъ всегда. Но гдѣ же противорѣчіе у Писарева? Не составляетъ ли вся его статья прямой логической выводъ изъ той мысли, которая признана прокуроромъ незаключающей въ себѣ ничего вреднаго—мысли, съ которой можно, «смотря по вкусу, соглашаться или не соглашаться?»

Такъ какъ прокуроръ не доказалъ, чтобы Писаревъ прикрывался непредосудительною мыслью для предосудительныхъ цѣлей, то такое мнѣніе г. прокурора слѣдуетъ считать за его субъективное впечатлѣніе, которое могло только родиться отъ, такъ называемаго, междустрочнаго чтенія. Но я долженъ замѣтить, что чтеніе между строкъ положительно запрещается цензурнымъ уставомъ: между строками можно прочесть все, что угодно.

Далѣе г. прокуроръ увѣряетъ, будто Писаревъ отзывался о власти всѣхъ вообще правителей, какъ о силѣ реакціонной, способной на одно только несмысленное мудренье надъ массою. Это совершенно не вѣрно. Авторъ совсѣмъ не намѣревался выставить всѣхъ правителей поголовно знаменными друзьями реакціи. Напротивъ, онъ говоритъ, что «рѣшительно ни одинъ человекъ, имѣвшій вліяніе на устройство нашего быта, не дѣлалъ намъ умышеннаго зла, всякій хотѣлъ сдѣлать получше, всякій мудрилъ надъ жизнью». Я думаю, что это нисколько не походитъ на то, что угодно было усмотрѣть г. прокурору въ мысляхъ Писарева. Какъ оказывается, прокурорское «мудренье» и авторское имѣютъ совершенно различныя смыслы. Г. прокуроръ желаетъ показать, что подъ *мудренемъ* авторъ подразумѣваетъ отъявленный произволъ, деспотическую ломку, между тѣмъ какъ Писаревъ говоритъ о мудреняхъ съ добрыми намѣреніями и такимъ образомъ относится къ происходящему отсюда злу, какъ къ злу непроизвольному, т. е. такому, которое не подлежитъ вмѣненію. Если бы Писаревъ говорилъ, что правители могутъ приносить одинъ только вредъ, что вся ихъ дѣятельность сводится на гнетъ, тогда было бы другое дѣло. Но Писаревъ относится къ исторической роли правителей совершенно иначе. Онъ говоритъ, что *если* ихъ

цѣли и намѣренія расходятся съ потребностями страны, *если* они дѣйствуютъ, не изучивъ этихъ потребностей, не справляясь съ ними, а руководствуются въ своихъ мѣропріятіяхъ только своею личной логикой, то всё ихъ проекты и созданія, какъ бы хорошо они ни были обдуманы, никогда не привьются къ народной жизни, никогда не составятъ съ ней одного органическаго цѣлаго, а будутъ приклеены къ ней механически; что при *такихъ* обстоятельствахъ они никогда не достигнутъ желаемыхъ ими результатовъ, что, напротивъ, результаты всегда получатся обратные ихъ ожиданія. Писаревъ настойчиво утверждаетъ, что въ сущности правители, *какъ отдѣльныя единицы*, не могутъ принести народу ни вреда, ни пользы. То и другое будетъ слишкомъ скоропреходяще. Но понятно, что такъ можно смотрѣть только съ громаднаго отдаленія: возвышенія и углубленія только тогда могутъ сливаться съ поверхностью, когда наблюдающій ихъ зритель слишкомъ высоко поднялся надъ этой поверхностью. Такая высота и обуславливаетъ собою философскій взглядъ. Между тѣмъ г. прокурору было угодно отвергнуть всякую тѣнь философскаго характера «Бѣдной русской мысли».

Повторю, идеи, послужившія основаніемъ «Бѣдной русской мысли», встрѣчаются теперь чуть не въ каждой книгѣ. Возьмемъ, на примѣръ, «Войну и Миръ» Толстого. Тамъ, въ IV томѣ, просто на просто говорится, что «великіе люди составляютъ собою не болѣе какъ ярлыки, дающіе названіе событіямъ», «Царь есть рабъ исторіи» и т. п. Нужно *понимать* смыслъ подобныхъ взглядовъ на роль историческихъ дѣятелей. Неужели тотъ, кто признаетъ землю круглою, можетъ быть обвиненъ въ отрицаніи Гималаевъ, Альповъ, Пириневъ и другихъ горныхъ хребтовъ? Миѣ кажется, что такое признаніе не ведетъ къ отрицанію не только Гималаевъ, но даже семи московскихъ холмовъ; оно только показываетъ, что величина всѣхъ этихъ волдырей слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ массой земнаго шара, чтобъ можно было думать объ ихъ существованіи при опредѣленіи формы нашей планеты. Въ строгомъ смыслѣ центр тяжести земли измѣняется отъ простого подниманія и опусканія руки, съ переменною-же этого центра должно измѣняться положеніе оси, полюсовъ, экватора и т. д. Но кто же можетъ говорить серьезно о такихъ измѣненіяхъ? Въ такомъ же *философскомъ* смыслѣ говорится и о личной исторической дѣятельности всякой отдѣльной единицы.

По смыслу прочитанныхъ выписокъ, обвинительному акту и нѣкоторымъ мѣстамъ рѣчи, обвиненіе прокурора сводится къ тому, что будто бы Писаревъ набрасываетъ *иносказательно* тѣнь на существующую у насъ форму правленія, что считается прокуроромъ «по меньшей мѣрѣ непристойнымъ». Но конецъ его по этому поводу обвиненія противорѣчитъ и не согласуется съ началомъ.

Такъ, въ подтвержденіе неприязненнаго отношенія Писарева къ существующей у насъ формѣ правленія, г. прокуроръ въ обвинительномъ актѣ указываетъ на примѣры, представленные авторомъ въ лицѣ Карла I и Якова II английскихъ, и Карла X и Людовика-Филиппа французскихъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти четыре государя не были неограниченными монархами. Всѣ они были правители конституціонные. Но такъ какъ въ доказательство ядовитости стрихнина нельзя указывать на примѣры отравленія меркуріальными пилюлями, то ясно, что смыслъ этихъ примѣровъ совершенно другой. Я не виноватъ, что г. прокуроръ невѣрно понялъ ихъ истинный смыслъ. Об-

яснять его считаю лишнимъ. Съ моей стороны достаточно того, что я показалъ ложность силлогизма.

Что же касается до *иносказанія*, то я позволю себѣ усомниться въ справедливости такого приѣма. Этимъ способомъ можно заподозрить все, что угодно. Допустивъ законность иносказанія, можно провести параллель между самыми различными вещами, можно, на примѣръ, доказать, что «Ревизоръ» Гоголя не «Ревизоръ», а иносказательное изображеніе страшнаго суда. Чиновники—это совратившіеся съ истиннаго пути христане, Хлестаковъ—антихристъ, жандармъ—труба втораго прішествія...

Предсѣдатель. Не отклоняйтесь въ сторону. **Павленковъ.** Я хотѣлъ только нагляднѣе показать, къ чему можно придти путемъ иносказанія.

Писареву еще ставится въ вину то, что онъ не видитъ въ Россіи никакого историческаго движенія жизни, за исключеніемъ реформы 19-го февраля. Я не знаю, обвиненіе это или полемика. Миѣ кажется, на этотъ счетъ не запрещается никому имѣть свое мнѣніе. Вонъ Тургеневъ—тотъ въ своемъ «Дымѣ» не признаетъ даже 19-го февраля: у него все дымъ:—и земство, и гласный судъ, и крестьянская реформа. Между тѣмъ его никто еще не звалъ за это въ судъ и, вѣроятно, не позовутъ.

Что касается до того, что будто бы Писаревъ отзывался о Петрѣ презрительно—по моему же только какъ о простомъ смертномъ—то я жалью, что прокуроръ, какъ видно, не знаетъ о существованіи комитета, бывшаго въ 60 году и состоявшаго изъ министровъ юстиціи, просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и шефа жандармовъ. Комитетъ этотъ положилъ не допускать къ печати неосновательныхъ и неприличныхъ отзывовъ и извѣстій о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ лицъ царствующаго дома по смерти Петра. Рѣшеніе этого комитета было высочайше утверждено. Какъ широко пользуется литература этимъ разрѣшеніемъ, можетъ служить образчикомъ слѣдующій отзывъ Погодина объ Иванѣ IV, напечатанный въ его газетѣ «Русскій»:

«Что есть въ немъ высокаго, благороднаго, прозорливаго, государственнаго? Злодѣй, звѣрь, говорунъ-начетчикъ съ подъяескимъ умомъ,—и только. Надо же вѣдь, чтобъ такое существо, потерявшее даже образъ человѣчскій, не только высокой ликъ царскій, нашло себѣ представителей!... Обозрѣвая несчастное царствование, надо только удивляться этому великому, необыкновенному, ангельскому терпѣнію русскаго народа (не исключая и бояръ), который двадцать пять лѣтъ сносилъ мучителя, видѣлъ въ немъ наказаніе Божіе за грѣхи свои, и молился объ немъ столько же, сколько о себѣ, и долго, долго, чуть-ли не до послѣдняго времени служилъ панхиды по царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Вотъ, вотъ чѣмъ украшается, сияетъ русская исторія, сравнительно съ западною!»

Ничего подобнаго нельзя встрѣтить у Писарева.

Никакого «презрительнаго тона» въ «Бѣдной русской мысли» нѣтъ. Напротивъ, Писаревъ во многихъ мѣстахъ своей статьи относится къ Петру съ большимъ уваженіемъ. Такъ, на одной изъ страницъ, онъ прямо говоритъ, что Петръ былъ бы вездѣ выдающейся личностью: былъ ли бы онъ ученымъ, писателемъ или простымъ рабочимъ,—онъ всюду бы заявилъ себя, всюду бы стоялъ цѣлою головою выше окружающихъ его лицъ. Не думаю, чтобъ это сколько-нибудь походило на презрѣніе. Писаревъ даже отчасти опра-

вдвываетъ его историческую дѣятельность. Онъ сознается, что въ 18-мъ столѣтіи сынъ Алексѣя и не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ Петръ.

Но г. прокуроръ не останавливается на презрѣніи, онъ идетъ *гораздо далѣе*: Онъ увѣряетъ, что Писаревъ, говоря о покушеніи на жизнь Петра, *оправдываетъ* «гнусныя политическія убійства». На самомъ дѣлѣ Писаревъ въ своей статьѣ «Бѣдная русская мысль» высказываетъ лишь мнѣніе о томъ, что жизнь русскаго народа нисколько не измѣнилась бы въ своихъ существенныхъ отправленияхъ, еслибъ Шакловитому удалосъ убить Петра. Можно ли изъ этого вывести одобреніе покушенія? Это такъ странно, такъ странно, что я считаю лишнимъ отвѣчать на подобное обвиненіе. Если бы въ какомъ нибудь переулкѣ совершилось убійство, а я бы сказалъ, что по случаю этого убійства никакъ не можетъ случиться свѣтопреставленія,—неужели этими словами я одобрялъ бы сдѣланное убійство? Что же касается до того, что въ этихъ словахъ слышится желаніе Писарева умалить значеніе Петра, то я это не такъ иное, какъ недорозумѣніе г. прокурора. Относительная величина зависить не отъ размѣровъ измѣряемаго предмета, а отъ размѣровъ мѣрки. Еслибъ длину стола, за которымъ сидятъ судьи, смѣрить миллиметромъ, то она выразилась бы безконечно большимъ числомъ; но если тотъ же самый столъ смѣрить нѣмецкой географической милей, то эта длина представилась бы безконечно малой величиной. Понятно однако, что самый столъ отъ этого не сдѣлается короче ни на волосъ. Или представимъ себѣ, что въ то время, какъ у меня въ сундукѣ лежало 25 аршинъ матеріи, длина аршина увеличена въ 100 разъ противъ прежняго. Неужели же, если бы я, узнавши, что у меня теперь вмѣсто 25 аршинъ всего только одна четверть, подаю жалобу въ судъ о пропажѣ матеріи, то жалоба моя не была бы по меньшей мѣрѣ странной? Но не тоже ли самое обвиненіе прокурора въ умаленіи значенія Петра? Тутъ дѣло не въ формѣ моихъ сравненій (форма—дѣло второстепенное), но согласитесь, что сущность одна и та же. Сущность въ томъ, что г. прокуроръ увеличеніе авторской марки принимаетъ за уменьшеніе разбираемыхъ предметовъ. Виновать ли Писаревъ, что г. прокуроръ въ своихъ воззрѣніяхъ на міровыя событія стоитъ на ряду съ тѣми историками, которые приписываютъ измѣненія въ судьбахъ Европы послѣ Ватерлооскаго разгрома—низкимъ передковымъ колесамъ французской артиллеріи, а потерю французами Бородинскаго сраженія—каммердинеру, не подавшему Наполеону непромокаемыхъ сапоговъ?

Кромѣ всего этого, г. прокуроръ усматриваетъ въ статьѣ «Бѣдная русская мысль» еще нѣсколько винъ. Такъ, онъ жалуется суду, что, по мнѣнію Писарева, «всѣ успѣхи гражданской жизни совершаются или естественнымъ ея теченіемъ, или же крупными переворотами». Я смѣю думать, что если даже назначить 100-тысячную премію, то и тогда никто не укажетъ ничего средняго между этими двумя путями, точно такъ, какъ никто не въ состояніи назвать двѣ такія однородныя величины, которыя не были бы одно изъ двухъ—равны между собою или одна больше другой. Далѣе г. прокуроръ доводитъ до свѣдѣнія судей, что Писаревъ смѣется надъ консервативными чувствами прежнихъ писателей. Я не понимаю этого обвиненія: еслибъ онъ смотрѣлъ на палату не какъ на судебную коллегію, а какъ на извѣстную политическую партію, напримѣръ, какъ на партію «Вѣсти», какъ на друзей Скарятина, то подобное донесеніе имѣло бы *практи-*

ческую серьезность, но я не думаю, чтобы онъ согласился такъ взглянуть на находящихся здѣсь судей. Поэтому я считаю лишнимъ отвѣчать на консервативное соболѣзнованіе прокурора.

Наконецъ, еще одно послѣднее обвиненіе, обвиненіе въ присутствіи выраженной, «оправдывающихъ свободныя отношенія половъ». Какъ-то странно видѣть такое обвиненіе на ряду съ обвиненіемъ въ иносказательномъ отрицаніи пользы властей и оправданіи «гнусныхъ политическихъ убійствъ». Это, можетъ быть.—на случай, если не посчастливится въ болѣе серьезныхъ обвиненіяхъ. Я удивляюсь только, какъ можно было найти въ указанныхъ прокуроромъ строкахъ то, что онъ выдаетъ за существенный ихъ смыслъ. Вотъ это мѣсто:

«Кто изъ насъ не знаетъ, напримѣръ, что ревность—цепуха, что чувство свободно, что полюбить и разлюбить не отъ насъ зависитъ, и что женщина не виновата, если измѣняетъ вамъ и отдается другому? Кто изъ насъ не ратовалъ словомъ и перомъ за свободу женщины? А пусть случится этому бойцу испытать въ своей любви огорченіе, пусть его разлюбитъ женщина, къ которой онъ глубоко привязанъ! Что же выйдетъ? Неужели вы думаете, что онъ утѣшитъ себя своими теоретическими доводами и успокоится въ своей безукоризненно-гуманной философіи? Нѣтъ, помилуйте! Этотъ вопобѣдимый диалектикъ, этотъ вдохновенный философъ ползѣтъ на стѣны и надѣлаетъ такихъ глупостей, на которыя, можетъ быть, не рѣшился бы самый дюжинный смертный».

Ясно, что смыслъ прочитаннаго мной какъ разъ обратный тому, который усмотрѣлъ въ этихъ строкахъ г. прокуроръ. Писаревъ, напротивъ, какъ бы признаетъ мнѣніе о свободѣ отношенія половъ расходящимися съ практикой, онъ допускаетъ ихъ возможность лишь въ области теоріи и совершенную несостоятельность при первомъ прикосновеніи съ реальной жизнью. Если въ чемъ нибудь можно обвинять Писарева, читая приведенныя строки, такъ это развѣ въ совершенно обратномъ—въ томъ, что онъ недостаточно сильно вѣритъ въ нераздѣльность идеи съ дѣломъ. Статья эта привадляетъ къ тому времени, когда онъ еще начиналъ свою литературную карьеру. Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій болѣе позднѣйшаго періода онъ относится къ этому вопросу иначе: но здѣсь, какъ будто нарочно, онъ, противорѣча сомому себѣ, отнимаетъ обвинительную пицу отъ прокурора.

Вотъ все, что я желалъ привести въ защиту «Русскаго Донъ-Кихота» и «Бѣдной русской мысли»; теперь я перейду къ постороннимъ соображеніямъ г. прокурора. Но прежде чѣмъ это сдѣлать, я позволю себѣ обратиться къ нему, черезъ предсѣдателя, съ однимъ вопросомъ...

Предсѣдатель. Вы не имѣете права дѣлать прокурору какіе-либо вопросы.

Павленковъ. Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ обращенія къ нему. Но мнѣ все-таки необходимо знать, какъ слѣдуетъ смотрѣть на разницу между концомъ рѣчи прокурора и обвинительнымъ актомъ. Въ актѣ, между прочимъ, указывается, какъ на обстоятельство, усиливающее вредность статей,—на приостановку «Русскаго Слова» въ 62 году, будто бы, за тѣ нумера, въ которыхъ онъ были помѣщены, и на запрещеніе этого журнала въ 66 году. Между тѣмъ въ рѣчи объ этомъ не говорится ни слова. Считать ли мнѣ, что прокуроръ не желаетъ поддерживать двухъ первыхъ доводовъ? Наконецъ, въ актѣ я обвиняю по 1001 и 1035 ст. Уложения, а въ рѣчи только по одной 1001 ст. Могу ли я ничего не говорить о 1035 ст.?

Предсѣдатель. Оба упомянутыя вами довода есть только *мнѣніе* цензурнаго комитета. Вы слышали, что васъ обвиняютъ только по 1001 ст.

Павленковъ. Развивая свои постороннія соображенія объ отношеніи указа 6-го апрѣля къ цензурному уставу и моей неминусеюй отвѣтственности, г. прокуроръ сказалъ, что онъ отвѣчаетъ на мои доводы, будто бы приведенные мной во время предварительнаго слѣдствія. Но я не дѣлалъ на этотъ счетъ *никакихъ* заявленій (*предсѣдатель беретъ дѣло*) и не знаю, почему онъ приписываетъ ихъ мнѣ? Поэтому я не буду отвѣчать ему на подробности, тѣмъ болѣе, что ихъ трудно понять; по крайней мѣрѣ я, признаюсь, ихъ не понялъ. Однако общій смыслъ этихъ соображеній, кажется, таковъ, что, на основаніи указа 6-го апрѣля, возможна отвѣтственность за то, за что прежде она была невозможна, потому что въ этомъ указѣ подробно и опредѣленно прежняго изложены преступленія и проступки печатнаго слова. Это, впрочемъ, уже извѣстный мнѣ доводъ цензурнаго комитета. Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ указѣ 6-го апрѣля и объ его неудобопримѣнимости къ книгамъ, разъ уже разрѣшеннымъ предварительной цензурой.

Прежде всего мнѣ кажется, что указъ 6-го апрѣля изданъ для произведеній печати, минующихъ предварительную цензуру: въ немъ опредѣлена отвѣтственность авторовъ, редакторовъ, издателей, типографщиковъ и книгопродавцевъ. Но отвѣтственность за книги, одобренныя цензурой, лежитъ на цензорахъ. Статьи «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль» были *одобренны цензурой*, поэтому къ нимъ непримѣнимъ на судѣ указъ 6-го апрѣля, особенно при существованіи 178 статьи Цензурнаго Устава. Кромѣ формальной невозможности такой отвѣтственности, я еще укажу на невозможность логическую. Когда авторъ представляетъ свою рукопись въ цензуру и беретъ ее обратно со множествомъ различныхъ помярокъ, тогда его статья въ строгомъ смыслѣ теряетъ свой первоначальный характеръ. Послѣ цензурныхъ сокращеній писатель говоритъ уже не то, что хотѣлъ сказать, или не совсѣмъ то. Но развѣ возможна отвѣтственность за то, чего не хочешь сказать и что выпло, такъ сказать, само собой? Во вторыхъ, указъ 6-го апрѣля изданъ, какъ говоритъ самъ законодатель, «для *облегченія* отечественной печати». Отсюда прямо слѣдуетъ, что прежняя цензура была *тяжела* для печати. Теперь спрашивается, если рукопись разрѣшается и одобряется даже тяжелой, обременительной цензурой, то какъ же можно ее преслѣдовать посредствомъ указа, написаннаго для облегченія? Въдѣ, подобное преслѣдованіе провозглашаетъ начало, совершенно обратное мысли законодателя; такое преслѣдованіе какъ бы говоритъ: «прежде печать была слишкомъ распушена, нужно подобрать ей возжи». Что указъ 6 апрѣля окончательнъ и на вѣчныя времена застраховываетъ отъ судебного преслѣдованія всѣ произведенія печати, вышедшія въ цензурный періодъ нашей литературы—это прямо слѣдуетъ изъ 7-й статьи 3-го отдѣла Высочайше утверждённаго 6 апрѣля 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, гдѣ говорится, что срокъ для возбужденія судебного преслѣдованія по нарушеніямъ постановленій о печати полагается годовой со дня нарушенія. Указъ этотъ вошелъ въ силу 1-го сентября 1865 г. Значитъ, при самомъ его введеніи все напечатанное по 1-е сентября 1864 г. уже выходило изъ сферы преслѣдованія при всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ. Скажутъ, что это правило

существуетъ только для безцензурныхъ изданій. Но это будетъ несправедливо. Въ самомъ дѣлѣ, если безцензурныя изданія, изданія ускользнувшія отъ цензурныхъ помярокъ, нельзя преслѣдовать послѣ годичнаго срока со дня ихъ выхода, то изданія, побывавшія въ комитетѣ, изданія со всѣхъ сторонъ имъ рассмотрѣнныя, обсужденныя, доложенныя и т. д., тѣмъ болѣе не могутъ, безъ нарушения здраваго смысла, подвергаться суду въ продолженіе болѣе длиннаго срока. Мнѣ кажется, что если необходимо установить неравные сроки для возбужденія преслѣдованія, то относительная продолжительность ихъ должна быть какъ разъ обратная, т. е. для безцензурныхъ книгъ болѣе значительная, чѣмъ для книгъ, когда либо цензурованныхъ, если только послѣднія можно преслѣдовать. Между тѣмъ настоящій процессъ какъ бы устанавливаетъ совершенно противоположное начало—начало, въ силу котораго безцензурныя книги преслѣдуются годъ, а цензурованныя—вѣчно. Цензурный комитетъ самъ чувствовалъ эту неловкость и потому прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ такому толкованію указа 6-го апрѣля, которое я считаю крайне неосновательнымъ. Это толкованіе, по моему мнѣнію, возможно только для него; прокуроръ же, специальность котораго состоитъ въ вѣдѣніи законовъ, не долженъ былъ его поддерживать и опираться на него. Но изъ его объясненій видно, что онъ также стоитъ за возможность отвѣчать по указу 6-го апрѣля при невозможности отвѣта по цензурному уставу, слѣдовательно также соглашается, что указъ 6-го апрѣля опредѣлительнѣе (въ смыслѣ строгости) прежнихъ узаконеній. Я считаю необходимымъ сказать, что если ставится вопросъ объ опредѣленности, то для того чтобы онъ вышелъ изъ области фразъ, необходимо показать, съ одной стороны, ту неопредѣленность въ старыхъ узаконеніяхъ, которая въ 62 году давала возможность легальному появленію преслѣдуемыхъ теперь статей, и съ другой—ту точность новыхъ, которая *теперь* прямо бьетъ по этимъ статьямъ и превращаетъ ихъ въ закононарушеніе. Короче, я предлагаю г. прокурору прибѣгнуть къ одному изъ первыхъ четырехъ правилъ. Пусть онъ вычтетъ изъ полныхъ узаконеній неполныя, и дополненіе первыхъ, полученное въ остаткѣ, покажетъ суду. Тогда мы увидимъ, имѣла ли въ виду эта опредѣленность что нибудь похожее на статьи въ родѣ «Русскаго Донъ-Кихота» и «Бѣдной русской мысли». Въ противномъ случаѣ доводъ объ опредѣленности и неопредѣленности останется голословнымъ. Къ сожалѣнію, исполнить мою просьбу невозможно по той простой причинѣ, что г. прокуроръ самымъ подвѣніемъ преслѣдуемыхъ статей по 1001 ст. Улож. о наказ. уже доказалъ противное, т. е. математическую точность прежнихъ узаконеній о печати, по крайней мѣрѣ относительно «Русскаго Донъ-Кихота» и «Бѣдной русской мысли». Въ самомъ дѣлѣ, статья, предусматривающая преступленіе, взводимое на меня г. прокуроромъ, существовала и въ уложеніи 1857 г. съ той лишь разницей, что тамъ она стоитъ подъ № 1356. Но гдѣ же тогда неопредѣленность постановленій, дѣйствовавшихъ до указа 6-го апрѣля, или, можетъ быть, номеръ 1001 опредѣленнѣе 1356-го?.. Но тогда пусть г. прокуроръ объяснить мнѣ эту кабалстику.

☞ Вотъ къ какому несообразности можетъ привести преслѣдованіе цензурованныхъ книгъ. Но понятно, что если обвиненіе въ нарушеніи той или другой статьи закона приводитъ къ несообразности, то значитъ, что его не существуетъ. Поэтому я утверждаю, что если мной сдѣлано

какое либо правонарушение, то это—законнарушение, предусмотренное ст. 1712 Улож. о наказ. (*Председатель беретъ за Уложение.*) Къ сожалѣнію, для обвиненія по этой статьѣ нужно быть въ одно и то же время прокуроромъ и законодателемъ, что, очевидно, невозможно.

Но если я напечатаніемъ преслѣдуемыхъ статей не сдѣлалъ *никакого* законнарушенія, то какъ объяснить себѣ заарестованіе 2-й части «Сочиненій Писарева» до выхода въ свѣтъ, которое по указу 6-го апрѣля производится только въ самыхъ крайнихъ и серьезныхъ случаяхъ? По всей вѣроятности, большая часть конфискацій произошла потому, что господинъ Щербининъ, бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, палачъ въ 1866 году распубликованный въ газетахъ циркуляръ, въ которомъ предписалъ цензурнымъ комитетамъ «относительно изданій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры, безоглагательно приостанавливать и подвергать судебному преслѣдованію *всякія* нарушенія законовъ о печати». Цензурной комитетъ такъ и дѣйствовалъ, несмотря на то, что приостанавливать книги до выхода въ свѣтъ дозволяется указомъ 6-го апрѣля не за *всякія* нарушенія законовъ. Строго говоря, онъ не былъ виноватъ, если различныя указанія и циркуляръ, данный ему для руководства, радикально расходились по этому предмету съ указомъ. Сочиненія Писарева дѣйствительно, можетъ быть, погрѣшаютъ противъ 1712 ст. Улож. о наказ. и это съ моей стороны не фраза, такъ какъ я подъ этой статьѣ подразумеваю секретныя инструкціи цензорамъ. Но *секретныя* канцелярскія указанія никогда не должны являться на *главный* судъ. При конфискованіи 2-й части «Сочиненій Д. И. Писарева» все дѣло состояло совсѣмъ не въ законнарушеніяхъ. Послѣ всѣмъ извѣстныхъ событій, цензурный комитетъ такъ засуетился, что сталъ въ суетахъ обращать свои преслѣдованія не столько на идеи, сколько на знамена этихъ идей, на извѣстныя имена. Но понятно, что съ именемъ Писарева соединено много воспоминаній. Поэтому возобновленіе его статей могло показаться комитету отступленіемъ отъ рескрипта. Что въ то время преслѣдовалось *имя* Писарева—это доказывается, между прочимъ, запрещеніемъ публикаціи о его сочиненіяхъ. Цензура просто хотѣла заставить меня прекратить начатое мной изданіе, какъ заставила Зварева съечь до суда изданныя этимъ книгопродавцемъ сочиненія М. Л. Михайлова. Къ сожалѣнію, со мной это ей не удалось: всѣ части «Сочиненій Д. И. Писарева» отпечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ предполагалось, несмотря на то, что два тома, 2-й и 6-й, были конфискованы до выхода въ свѣтъ. Повторяю, на самомъ дѣлѣ въ 2-й части «Сочиненій Писарева» нѣтъ ничего предосудительнаго. Если бѣ она вышла позже, то ее бы не конфисковали; а если бы преслѣдуемая теперь статья была подписана не Писаревымъ, а кѣмъ нибудь другимъ, то онъ проли бы даже и въ 1866 году. Я знаю, мнѣ могутъ возразить, что это не идетъ къ дѣлу, что все это—одни мои ни на чемъ не основанныя предположенія, которыхъ нельзя подтвердить доказательствами и которыхъ, слѣдовательно, будутъ оставлены судомъ безъ вниманія. Но въ томъ то и дѣло, что за моими словами стоитъ неопровержимый фактъ. Будучи вполне увѣренъ, что въ статьяхъ «Вѣдная русская мысль» и «Русскій Донъ-Кихоть» преслѣдуются не идеи, а вывѣска надъ ними имени Писарева, я, по полученіи обвинительнаго акта, отправился въ Москву, по извѣстному палатѣ дѣлу, а главное съ

цѣлью, переѣхавъ заглавіе преслѣдуемыхъ статей и имя автора, отпечатать ихъ тамъ вторично не только безъ всякихъ измѣненій, но даже съ прибавленіемъ второй половины «Вѣдной русской мысли», которая не вошла въ мое конфискованное изданіе. Я зналъ, что у насъ относятся съ недоверіемъ къ общедоступности, и потому сложилъ себѣ выставить на оберткѣ крупную цѣну; я зналъ, что у насъ обращается вниманіе на число печатаемыхъ экземпляровъ, и потому положилъ себѣ оговориться въ предвѣдомленіи, что книжка эта печатается въ незначительномъ количествѣ. Принявъ всѣ эти чисто *внѣшнія* предосторожности, я могъ рассчитывать на полный успѣхъ. Ожиданія мои оправдались какъ нельзя лучше. Книжка прошла. Я ее сюда принесъ. Вотъ четыре экземпляра. Такимъ образомъ палата можетъ видѣть, какъ послѣдовательно наше цензурное вѣдомство. Одну и ту же книгу, на основаніи одного и того же указа, оно считаетъ возможнымъ и справедливымъ безпрепятственно допускать къ обращенію и преслѣдовать съ предварительной конфискаціей, т. е. мирить двѣ такія крайнія противоположности, какъ полнѣйшая безвредность и выходящая изъ ряда преступности. Вы видите также, гг. судьи, въ какое странное положеніе вы поставили бы свое рѣшеніе, если бѣ обвинили меня согласно мнѣнію прокурора. Тѣ же самыя статьи, послѣ ихъ осужденія, послѣ приговора объ уничтоженіи, могли бы свободно обращаться въ публикѣ черезъ посредство московскихъ книжныхъ магазиновъ. Ваши рѣшенія не всеобщі, палата не кассационный департаментъ Сената, ея приговоры не дѣйствительны для московскаго судебного округа, гдѣ статьи эти допущены своей мѣстной цензурой. Вотъ какая изъ всего этого процесса является цѣль несообразностей. Найти тотъ или другой изъ нея выходъ, конечно, зависитъ отъ суда. По моему же мнѣнію, выходъ этотъ можетъ быть только одинъ—это оправдать меня.

Прокуроръ противъ защитительной рѣчи Павленкова не возражалъ.

Когда были поставлены *вопросы*, Павленковъ, на основаніи ст. 763 Уст. угол. судопр., просилъ ввести новый вопросъ и поставить его прежде всѣхъ остальныхъ, а именно: вопросъ о томъ, можетъ ли, при существованіи указа 6-го апрѣля, считаться законнарушеніемъ воспроизведеніе книги, напечатанной съ оригинала, разрѣшеннаго предварительной цензурой? Въ случаѣ, если бы судъ не согласился на постановку этого вопроса, Павленковъ заявилъ желаніе, чтобы въ первомъ вопросѣ было оговорено о состоявшемся прежде цензурномъ разрѣшеніи на напечатаніе преслѣдуемыхъ статей. Члены палаты согласились съ послѣднимъ его заявленіемъ, и вопросы въ своей окончательной формѣ были поставлены слѣдующіе:

1) Виновенъ ли Павленковъ въ напечатаніи двухъ статей, заключающихъ въ себѣ неурискойныя сужденія и разрѣшенныхъ въ 1862 г. предварительной цензурой; 2) если виновенъ, то какому подлежитъ за то наказанію, и 3) должно ли уничтожить самыя статьи?

ПРИГОВОРЪ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.

1868 года, іюня 5-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, с.-петербургская судебная палата, по уголовному департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, подъ предѣлательствомъ старшаго предсѣдателя, сенатора Я. И.

Чемадурова, въ составѣ членовъ: А. Н. Марквича и Н. Н. Медвѣдева, при секретарѣ Д. С. Орестовѣ, въ присутствіи прокурора судебной палаты П. О. Тизенгаузена, слушала дѣло объ оставшемъ поручикѣ Флорентинѣ Ѳеодоровѣ Павленковѣ, обвиняемомъ въ нарушеніи постановленій о печати. Въ іюнь мѣсяцѣ 1866 года, въ с.-петербургскій цензурный комитетъ представлена была отпечатанная безъ предварительной цензуры вторая часть сочиненій Д. И. Писарева, изданія Флорентин Павленкова. По разсмотрѣніи этой книги, цензурный комитетъ нашелъ, что въ первыхъ двухъ статьяхъ оной: «Русскій Донъ-Кихоть» и «Бѣдная русская мысль» заключаются мысли вредныя по ихъ направленію и цѣли, а потому, сдѣлавъ распоряженіе объ арестованіи отпечатанныхъ въ числѣ 3000 экземпляровъ означенной книги, отнесся къ прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда о преданіи издателя книги Павленкова суду, обвиняя его въ напечатаніи такихъ двухъ статей, изъ коихъ первая—«Русскій Донъ-Кихоть», заключающая въ себѣ осмѣяніе нравственно-религіозныхъ вѣрваній и отрицаніе необходимости религіозныхъ основъ въ просвѣщеніи и нравственности, составляетъ закононарушеніе, предусмотрѣнное въ 1001 ст. Улож.; и вторая — «Бѣдная русская мысль», въ коей сѣтъ выраженіе, оправдывающее свободныя отношенія двухъ половъ, заключающая въ себѣ, сверхъ того, иносказательное порицаніе существующей у насъ формы правленія, дѣлая враждебное сопоставленіе монархической власти съ народомъ и стараясь представить первую началомъ бесполезнымъ и даже вреднымъ въ народной жизни, составляетъ закононарушеніе, предвидѣнное въ статьѣ 1035 Улож. Вслѣдствіе сего, прокуроръ судебной палаты, составивъ о Павленковѣ обвинительный актъ, въ коемъ прописалъ изложенные выше выводы цензурнаго комитета, предложилъ оный на разсмотрѣніе палаты. Въ публичномъ засѣданіи судебной палаты по сему дѣлу, прокуроръ палаты, въ обвинительной своей рѣчи, не указывая болѣе нарушенія Павленковымъ правилъ, предусмотрѣнныхъ 1035 ст. Уложения, объяснилъ, что, по мнѣнію его, поименованныя статьи въ книгѣ, изданной Павленковымъ, заключаютъ въ себѣ: первая—оскорбительное для чувства вѣрующаго осмѣяніе православно-христіанскаго образа мыслей и православно-славянскаго направленія одного изъ отечественныхъ писателей, а вторая—сужденія, путемъ коихъ умалывается значеніе гнуснаго политическаго преступленія, и презрительный тонъ, какимъ говорится о дѣяніяхъ Великаго Петра; что объ эти статьи слишкомъ несерьезны для того, чтобы искать въ нихъ матеріала для обвиненія въ преступленіи; что преступленіе, предполагающее всегда существованіе злого умысла, не можетъ крыться въ сочиненіяхъ столь легкаго содержания; что въ подобныхъ сочиненіяхъ видны не преступные умыслы, но странная торопливость высказать поскорѣе въ печати все, что думаетъ авторъ о разныхъ предметахъ, торопливостяхъ, подъ влияніемъ которой авторъ разсматриваемыхъ сочиненій забылъ то приличіе, какое требуется отъ публичнаго слова; что такимъ образомъ напечатаніе этихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ неприличныя сужденія, оскорбляющія религіозное чувство вѣрующаго и нравственное чувство гражданина, составляетъ явное нарушеніе общественной благопристойности, воспрещенное 1001 ст. Улож., подѣ дѣйствіе коей подводится и указанное цензурнымъ комитетомъ мѣсто въ статьѣ «Бѣдная русская мысль», въ которомъ авторъ оправдываетъ свободныя отно-

шенія двухъ половъ. При этомъ, какъ и въ обвинительномъ актѣ, прокуроръ указалъ тѣ мѣста и выраженія статей Писарева, на коихъ основаны вышеизложенныя обвиненія.—Оставляя безъ разсмотрѣнія первоначально взведенныя на Павленкова обвиненія, какъ неподдерживаемыя въ судебномъ засѣданіи обвинительной властью, и приступая къ обсужденію сего дѣла по отношенію къ указанной въ обвиненіи 1001 ст. Улож., судебная палата усматриваетъ, что означенная статья подвергается взысканію того, кто тайно отъ цензуры будетъ печатать или инымъ образомъ издавать въ какомъ бы то ни было видѣ, или же распространять подлежащія цензурѣ сочиненія, явно противныя благопристойности.—Такимъ образомъ, для признанія какого либо издателя книги виновнымъ въ нарушеніи постановленій, указанныхъ въ 1001 ст. Улож., нужно, во первыхъ, чтобы издаваемая имъ книга содержала въ себѣ что либо явно противное благопристойности, и, во вторыхъ, чтобы книга эта была тайно отъ цензуры отпечатана и распространяема. Изъ этого видно, что 1001 ст. можетъ относиться къ такого рода сочиненіямъ, которыя, подлежа предварительной цензурѣ, не будутъ въ оную представлены, а, напротивъ, тайно отъ нея напечатаны и распространены. Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію дѣйствій Павленкова, при изданіи имъ разсматриваемой нынѣ книги, оказывается, что книга эта, по объему своему, могла быть и была напечатана безъ предварительной цензуры, что затѣмъ, по отпечатаніи, она представлена была въ узаконенномъ порядкѣ въ цензурный комитетъ, и тайно отъ цензуры распространяема Павленковымъ не была. Призывая посему, что въ дѣйствіяхъ Павленкова не было одного изъ существенныхъ признаковъ проступка, предусмотрѣннаго 1001 ст. Улож., а именно тайнаго отъ цензуры распространенія сочиненія, что посему за одно не тайное отъ цензуры напечатаніе безъ распространенія книги, если бы въ ней и заключалось что либо явно противное благопристойности, Павленковъ не могъ бы подвергнуться личному, указанному въ 1001 ст. взысканію, и переходя къ разсмотрѣнію самого содержанія тѣхъ двухъ статей книги, которыя послужили поводомъ къ преслѣдованію издателя оной передъ судомъ, такъ какъ при существованіи въ нихъ чего либо воспрещеннаго 1001 ст. Улож., онѣ, на основаніи этой статьи закона, должны были уничтожены, палата находитъ: 1) что статья «Русскій Донъ-Кихоть» составляетъ критическій обзоръ сочиненій И. В. Кирѣевскаго и разсужденія о личности этого писателя.—Не соглашаясь съ воззрѣніями Кирѣевскаго и съ его направленіемъ, Писаревъ называетъ Кирѣевскаго «мрачнымъ и вреднымъ обскурантомъ», называетъ «допотопными» выработавшіяся съ дѣтства у Кирѣевскаго идеи, его направленіе «православно-славянскимъ», а убѣжденія—«москвовскими», которыя «раздѣляли съ нимъ всѣ старушки бѣлокаменныя», которыя «были втолкованы ему съ дѣтства маменькой да нянюшкой». Эти выраженія, вызванныя у Писарева чтеніемъ сочиненій Кирѣевскаго, не составляютъ, по мнѣнію палаты, ничего противозаконнаго. Они касаются единственно Кирѣевскаго и его личнаго направленія; нельзя придавать выраженіямъ этимъ смысла болѣе обширнаго, чѣмъ придавалъ имъ самъ авторъ, и потому затронуть, а тѣмъ менѣе оскорбить, чувства всякаго православно-вѣрующаго они не могутъ; наконецъ, и по формѣ своей эти выраженія не переходятъ границъ благопристойности. Въ статьѣ «Бѣдная русская мысль» Писаревъ, выражая свой взглядъ на значеніе личной воли

правителей и политических дѣятелей въ историческомъ развитіи народовъ, находить, между прочимъ, что дѣятельность Петра Великаго не была вовсе такъ плодотворна историческими послѣдствіями, какъ это кажется его восторженнымъ поклонникамъ и ожесточеннымъ врагамъ, что она представляетъ собой только «остроумныя затѣи Петра Алексѣевича» и что если бы «Шакловитому удалось убить молодого Петра», то «жизнь русскаго народа вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ». Это послѣднее выраженіе, употребленное Писаревымъ въ подкрѣпленіе мнѣнія своего, какъ о дѣятельности Петра I и о вліяніи его на историческое развитіе Россіи, такъ и о вліяніи вообще единоличныхъ политическихъ дѣятелей, не заключаетъ ничего воспрещеннаго закономъ. Дѣлать же изъ этого выводъ, что Писаревъ старается этимъ умалить гнусность политическаго преступленія Шакловитаго, палата не считаетъ себя въ правѣ, ибо выводъ такой не оправдывается общимъ смысломъ статьи Писарева, въ которой онъ о дѣйствіи Шакловитаго вовсе и не разсуждаетъ. Эта статья, являющаяся предметомъ разсужденія о дѣятеляхъ, имена которыхъ принадлежатъ исторіи и о дѣятельности коихъ не воспрещено писать, не заключаетъ въ себѣ, ни по содержанію, ни по способу выраженій, ничего такого, что могло бы оскорбить чувство гражданина и быть признаваемо неблагопріистойнымъ. Вообще, при чтеніи этихъ двухъ статей Писарева, составляющихъ не что иное, какъ коротенькія журнальныя статьи, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ прокурора, что онѣ лишены всякаго серьезнаго значенія, и искать въ нихъ какого либо преступнаго умысла не слѣдуетъ. Что касается, наконецъ, обвиненія въ оправданіи Писаревымъ въ послѣдней изъ разсматриваемыхъ статей его теоріи свободныхъ отношеній двухъ половъ, то объ этомъ предметѣ сказано имъ на страницѣ 32 вскользь только нѣсколько словъ, въ коихъ онъ самъ отчасти опровергаетъ основательность этой, какъ онъ называетъ, «безукоризненно гуманной философіи». Вслѣдствіе всего изложеннаго, судебная палата приходитъ къ заключенію: 1) что въ статьяхъ Писарева: «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль», нѣтъ ничего противозаконнаго и, какъ по содержанію своему, такъ и по способу изложенія, онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго благопріистости и воспрещеннаго 1001 ст. Улож. Этотъ выводъ палаты подкрѣпляется и тѣмъ: а) что 1001 ст. Улож. изд. 1866 г. существовала и въ Уложеніи 1857 г. (ст. 1356), что, при существованіи этой статьи закона, сочиненія явно неблагопріистыя, не могли бы быть допущены къ распространенію въ публикѣ печатно, а между тѣмъ обѣ означенныя статьи Писарева были пропущены въ началѣ 1862 г. цензурой, напечатаны въ журналѣ «Русское Слово» и находятся донынѣ въ обращеніи въ публикѣ, и б) что хотя въ томъ же 1862 г. и было прекращено на нѣкоторое время изданіе журнала «Русское Слово», но изъ произведеннаго по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія не видно, чтобы основаніемъ къ такой мѣрѣ послужили именно означенныя двѣ статьи Писарева; 2) что при печатаніи Павленковымъ 2-й части сочиненій Писарева не было нарушено правило, предусмотрѣнное 1001 ст. Улож. Посему, и принимая во вниманіе, что высочайшее повелѣніе о прекращеніи вовсе изданія журнала «Русское Слово», состоявшееся въ 1866 г., не относится къ статьямъ, напечатаннымъ въ этомъ журналѣ еще въ 1862 г., судебная палата *опредѣляетъ*: отставнаго поручика Флорентія Федорова Павленкова, 28 лѣтъ,

на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. угол. суд., признать оправданнымъ, а арестъ, наложенный с.-петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ на напечатанную Павленковымъ 2-ю часть сочиненій Д. И. Писарева снять.

На помѣщенный здѣсь оправдательный приговоръ судебной палаты (согласный съ мнѣніемъ московскаго цензурнаго комитета 1868 г. и с.-петербургскаго комитета 1862 г.), прокуроръ ел. г. Тизенгаузенъ, подавъ въ уголовный кассационный департаментъ сената апелляціонный протестъ, въ которомъ объясняетъ, что въ статьѣ «Бѣдная русская мысль» содержитъ вообще неприличное по изложенію своему и неуважительное сужденіе о личности и дѣятельности покойнаго императора Петра I, о дѣяніяхъ котораго выражены отзывъ, что они представляютъ собой только «остроумныя затѣи Петра Алексѣевича», и излагается мнѣніе, что жизнь русскаго народа «вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ», если бы «Шакловитому удалось убить молодого Петра», каковымъ сужденіемъ умалывается значеніе преступнаго покушенія на убійство одного изъ монарховъ Россіи. Упомянутыя сужденія, если и не обнаружилы со стороны издателя злого умысла, который поступку его сообщалъ бы значеніе преступленія.—представляются, во всякомъ случаѣ, непристойными въ печати, какъ оскорбляющими нравственное чувство вѣрноподданнаго гражданина страны, управляемой на твердыхъ началахъ монархической власти. Почему напечатаніе означенной статьи, содержащей въ себѣ такія сужденія, должно быть признано нарушеніемъ общественной благопріистости и подлежать дѣйствію закона, изобразеннаго въ 1001 ст. Улож. о наказ., воспрепятствующей, подъ угрозой опредѣленнаго взысканія, изданію всякихъ вообще сочиненій, противныхъ благопріистости. Столь же непристойнымъ и подлежащимъ дѣйствію того же закона представляется и то указанное цензурнымъ комитетомъ мѣсто въ этой статьѣ, въ которомъ оправдываются свободныя отношенія двухъ половъ. Разрѣшеніе этой статьи предварительной цензурой къ напечатанію въ 1862 г. въ журналѣ «Русское Слово», на что ссылается подсудимый, не представляетъ оправданія для него, такъ какъ разрѣшеніе, данное въ 1862 г., когда дѣйствовали правила предварительной цензуры, не можетъ быть примѣнимо къ изданію, вышедшему въ 1866 г., когда дѣйствовалъ уже новый законъ 6-го апрѣля 1865 г., установившій цензуру карательную; разрѣшеніе, данное при существованіи прежняго закона единоличной властью цензора, не можетъ сохранять обязательную силу для цензурнаго комитета—учрежденія коллегіальнаго, и притомъ тогда, когда прежній законъ уже отмѣненъ; разрѣшеніе цензора, данное графу Кушелеву-Безбородко, издававшему журналъ «Русское Слово» въ 1862 году, не относится и не относится до Флорентія Павленкова, издававшего упомянутую статью въ 1866 году; подсудимый Павленковъ, обвиняемый нынѣ по поводу напечатанія той статьи въ нарушеніи законовъ общественного благочинія, не можетъ быть оправданъ на томъ только основаніи, что то же самое закононарушеніе поущено было другому лицу, въ другое время; примѣненіе къ одному и тому же дѣлу двухъ различныхъ законодательствъ, изъ которыхъ одно нынѣ уже не дѣйствуетъ, невозможно, какъ потому, что отмѣненный законъ вообще не примѣнимъ къ событіямъ, послѣдовавшимъ позднѣе его отмѣны, такъ и потому, что въ дѣлахъ печати допущеніе такого смѣшаннаго

примѣненія двухъ различныхъ законодательствъ привело бы къ невозможному выводу, а именно: надлежало бы признать тогда, что дѣйствующіе на основаніи закона 6-го апрѣля цензурные комитеты, ссылаясь на обязательную для нихъ силу всѣхъ рѣшеній прежней предварительной цензуры, и потому, разрѣшая къ выпуску въ свѣтъ все, что было когда либо той цензурой дозволено, должны съ другой стороны и преслѣдовать безусловно всѣ изданія, печатаемые нынѣ, въ которыхъ заключалось бы что либо изъ запрещеннаго въ прежнее время предварительной цензурой.

За симъ прокуроръ объясняетъ, что приводимыя въ рѣшеніи палаты основанія опровергаются еще слѣдующими соображеніями. Ни изъ разума, говоритъ прокуроръ, ни изъ буквального смысла 1001 ст. Улож. не слѣдуетъ, чтобы законъ этотъ могъ быть примѣняемъ, какъ заключаетъ палата, лишь къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя, подлежа предварительной цензурѣ, будутъ тайно отъ нея напечатаны и распространены. Законъ этотъ, по точному его смыслу, воспрещаетъ, подъ страхомъ наказанія, какъ тайно отъ цензуры печатать, такъ и *инымъ образомъ издавать, въ какомъ бы ни было видѣ*, подлежащія цензурному разсмотрѣнію сочиненія, противныя благопристойности. Посему не представляется основанія ограничивать примѣненія этого закона исключительно тѣми сочиненіями, которыя подлежатъ предварительной цензурѣ: во первыхъ, такое ограниченіе не выражено въ самой статьѣ закона, ибо въ ней упоминается не исключительно о предварительной цензурѣ, но вообще о *цензурномъ разсмотрѣніи*, которое имѣетъ мѣсто и при дѣйствіи цензуры карательной; во вторыхъ, 1001 ст. Улож. о наказ., соответствующая статьѣ 1356 по изданію 1857 года, оставлена безъ измѣненія и послѣ изданія закона 6-го апрѣля 1865 года, изъ коего въ Улож. изд. 1866 г. включены всѣ статьи, опредѣляющія за нарушение постановленія о печати наказанія, на основаніи правилъ цензуры карательной, слѣдовательно, существуя въ Улож. совмѣстно съ сими послѣдними правилами, приводимая 1001 ст. не можетъ не относиться и къ тѣмъ нарушеніямъ постановленій о печати, кои преслѣдуются путемъ цензуры карательной. Наконецъ, въ третьихъ, по самому значенію своему и по той цѣли, которую законъ этотъ имѣетъ, онъ не можетъ быть понимаемъ въ томъ, тѣсномъ смыслѣ, какой данъ ему приговоромъ палаты, ибо невозможно допустить, чтобы законъ, возбраня *тайное* печатаніе неблагопрістойныхъ сочиненій, оставлялъ безнаказаннымъ *открытое* печатаніе и распространеніе ихъ. Кромѣ того, подобное предположеніе было бы не согласно съ 12—14 ст. Высоч. утвер. 6 апрѣля 1865 г. мнѣнія госуд. совѣта, ибо, отвергая наказуемость въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдуемое судебнымъ порядкомъ неблагопрістойное сочиненіе распространено не тайно отъ цензуры, надлежало бы допустить, что судебное преслѣдованіе со стороны цензурныхъ комитетовъ должно *всегда* бы соединяемо съ наложеніемъ предварительнаго ареста на такого рода сочиненія, тогда какъ на основаніи приведенныхъ 1214 статьи закона 6-го апрѣля, возбужденіе судебного преслѣдованія *не всегда* сопровождается этой мѣрой, принимаемой лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Приводимое въ приговорѣ палаты указаніе на то, что не тайное отъ цензуры напечатаніе упоминаемой статьи Писарева не было соединено въ настоящемъ случаѣ съ распространеніемъ книги, не можетъ вести къ тому заключенію, что подсудимый долженъ, какъ полагаютъ палата, быть освобожденъ отъ личной отвѣтственности

вслѣдствіе этого обстоятельства. Такое заключеніе палаты представляется неправильнымъ прежде всего потому, что, принявъ оное, надлежало бы допустить, что авторъ или издатель подобнаго рода сочиненій, напечатавшій оное въ объемѣ не менѣе 10-ти листовъ и подвергнутый судебному преслѣдованію на основаніи установленныхъ закономъ 6-го апрѣля правилъ карательной цензуры, никогда не можетъ быть приговоренъ къ личному наказанію, какъ бы противузаконно ни было содержаніе книги, ибо возбужденіе судебного преслѣдованія въ дѣлахъ этого рода всегда сопровождается одно изъ двухъ: или дозволеніе отъ цензурнаго комитета выпустить преслѣдуемое сочиненіе въ свѣтъ, когда не признается необходимымъ предварительное заарестованіе онаго, слѣдовательно распространить оное съ вѣдома цензуры, или же наложеніе до судебного приговора ареста на изданіе; въ первомъ случаѣ обвиняемый, согласно съ изложенными въ приговорѣ палаты соображеніями, не могъ бы подлежать наказанію, вслѣдствіе того, что сочиненіе распространено не тайно отъ цензуры, а въ послѣднемъ—онъ освобожденъ бы отъ наказанія на томъ основаніи, что распространеніе сочиненія вовсе не послѣдовало. Очевидно, что законъ не можетъ быть подтверждаемъ такому толкованію, которое лишало бы оный смысла. Независимо отъ сего признаніе подсудимаго неподлежащимъ взысканію на томъ основаніи, что напечатанное сочиненіе не было допущено къ распространенію, противорѣчитъ рѣшенію палаты 20-го декабря 1866 года по дѣлу Суворина, судившагося за напечатаніе сочиненія «Всякіе». Это сочиненіе также не было допущено къ распространенію, но подсудимый тѣмъ не менѣе приговоренъ былъ къ наказанію; предварительное же заарестованіе этой книги принято было палатой лишь за основаніемъ къ тому, чтобы въ дѣйствіяхъ подсудимаго признанъ не воплѣтъ совершившееся противузаконное дѣяніе, а только покушеніе на оное. Наконецъ, приводимый доводъ не можетъ служить основаніемъ къ оправданію подсудимаго Павленкова еще потому, что въ настоящемъ случаѣ распространеніе сочиненій, за напечатаніе коихъ онъ былъ преданъ суду, имѣло мѣсто, такъ какъ Павленковъ, какъ онъ самъ заявилъ на судѣ (что внесено въ протоколъ судебного засѣданія), обѣ преслѣдуемыя статьи Писарева, «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдную русскую мысль», выпустилъ въ свѣтъ въ Москвѣ отдѣльной брошюрой, измѣнивъ названіе статей и утаивъ отъ московскаго цензурнаго комитета, что статьи эти уже заарестованы и подвергнуты судебному преслѣдованію спб. цензурнымъ комитетомъ.

Что касается до заключенія палаты о самомъ содержаніи упомянутой статьи Писарева, которая, какъ выражено въ приговорѣ палаты, не заключаетъ въ себѣ ничего противузаконнаго и противнаго благопристойности, то таковое заключеніе не можетъ быть признано правильнымъ въ виду тѣхъ доводовъ обвиненія, которые указывали, что непристойная сторона рассматриваемой статьи состоитъ не въ общихъ сужденіяхъ автора о значеніи государственной дѣятельности Петра I, но въ тѣхъ нѣкоторыхъ, приведенныхъ въ обвиненіи мѣстахъ, въ которыхъ выражены неприличные для оглашенія въ печати отзывы о лицѣ и дѣятельности одного изъ монарховъ Россіи. Неприличіе это, явствующее изъ самыхъ словъ и смысла выраженныхъ, въ коихъ тѣ отзывы изложены, не можетъ быть извиняемо тѣмъ, что такіа сужденія вызваны разсужденіями о вліаніи Петра I на историческое развитіе Россіи, и что означенная статья Писарева была пропущена

предварительной цензурой въ 1862 г. Выраженіе мысли, что убійствѣ монарха не имѣеть вліянія на отправленія жизни русскаго народа, если въ настоящемъ случаѣ не имѣеть характера преступленія, по ничтожности разсматриваемой статьи, то во всякомъ случаѣ должно быть признано дѣломъ непристойнымъ, независимо отъ того, соединяется ли обнаруженіе этой непристойности съ сужденіями о какомъ либо отдѣльномъ лицѣ, или нѣтъ. Равнымъ образомъ и непристойность того сужденія, въ которомъ оправдываются свободныя отношенія двухъ половъ, не можетъ быть извиняема тѣмъ, что объ этомъ сказано авторомъ только нѣсколько словъ; а заключеніе палаты, что самъ авторъ отчасти опровергаетъ основательность этого сужденія, представляется несогласнымъ съ настоящимъ смысломъ приводимаго мѣста изъ статьи «Бѣдная русская мысль», въ которомъ авторъ, прямо высказывая, что женщина не виновата, если измѣняетъ и отдается другому, и называя эту мысль безукоризненно-гуманной философией, осуждаетъ слабость тѣхъ людей, которые не имѣютъ достаточной нравственной силы, чтобъ такую философію примѣнить къ дѣлу. Что же касается до ссылки на цензурное разрѣшеніе 1862 г., то выраженные противъ сего обвинительной властью доводы оставлены вовсе безъ возраженія, какъ со стороны обвиняемаго, такъ и со стороны судебной палаты. По этимъ основаніямъ прокуроръ находитъ приговоръ палаты несогласнымъ съ существомъ дѣла, съ точнымъ смысломъ 1001 ст. Улож. о наказ. и съ закономъ 6-го апрѣля, и полагаетъ, что Павленковъ долженъ быть признанъ подлежащимъ одному изъ взысканій, опредѣленныхъ приведенной статьей Уложенія, а именно денежному взысканію 300 руб., и кромѣ того должна быть уничтожена статья на основаніи 1045 ст. Улож. о наказ.

Г. оберъ-прокуроръ Ковалевскій, не соглашаясь вполнѣ съ только что изложенными здѣсь взглядами г. Тизенгаузена, нашелъ возможнымъ поддерживать преслѣдованіе 2-й части «Сочиненій Д. И. Писарева» только по отношенію къ одной «Бѣдной русской мысли» или, вѣрнѣе, къ первой (т. е. меньшей) ея половинѣ, помѣщенной издателемъ въ упомянутой книжкѣ. Что же касается до статьи «Русскій Донъ-Кихотъ», то онъ, не видя въ ней никакого матеріала для обвиненія, вошелъ въ министерство юстиціи съ представленіемъ о прекращеніи преслѣдованія по этой статьѣ, на что и послѣдовало разрѣшеніе г. министра юстиціи, графа Палена.

Въ такомъ сокращенномъ видѣ дѣло поступило на разсмотрѣніе Сената, въ публичномъ засѣданіи 14 мая 1869 года. Подсудимый Павленковъ, содержащійся въ крѣпости, сталъ на этотъ разъ подъ юридическую защиту предсѣдателя С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ К. К. Арсеньева.

Судоговореніе началось докладомъ сенатора Н. И. Стояновскаго, который прочелъ передъ судомъ: 1) обвинительный актъ, предававшій Павленкова суду С.-Петербургской судебной палаты; 2) оправдательное рѣшеніе судебной палаты; 3) апелляціонный протестъ на это рѣшеніе, поданный прокуроромъ Тизенгаузенемъ, и наконецъ 4) всѣ мѣста „Бѣдной русской мысли“, инкриминируемая обвинительной властью. Излагать здѣсь этотъ докладъ было бы лишнимъ, такъ какъ съ первыми тремя документами читатель уже ознакомился изъ предыдущихъ страницъ; послѣднее же вошло дѣлкомъ въ приговоръ сената, который помѣщенъ ниже.

По выслушаніи доклада, предсѣдательствующій

сенаторъ В. А. Арцимовичъ далъ слово состязующимся сторонамъ.

Оберъ-прокуроръ М. Е. Ковалевскій. Состоявшійся въ судебной палатѣ приговоръ объ издателѣ сочиненій Писарева г. Павленковѣ подлежитъ разсмотрѣнію Сената въ предѣлахъ апелляціоннаго отзыва, принесеннаго прокуроромъ палаты; а именно правительствующему Сенату подлежитъ разрѣшить: дѣйствительно ли въ статьѣ „Бѣдная русская мысль“, подвергнутой преслѣдованію, не заключается ничего неблагопристойнаго, ничего такого, что нарушало бы законъ изображенный въ 1001 ст. Ул. о нак.? Но предварительно разсмотрѣнія содержанія этой статьи, я остановлюсь на тѣхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ въ смыслѣ противномъ заключенію, данному прокуроромъ судебной палаты, послужило отчасти поводомъ къ освобожденію палатой г. Павленкова отъ всякой отвѣтственности. Первый изъ этихъ вопросовъ касается до примѣненія 1001 ст. Ул. къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя могутъ быть напечатаны безъ разрѣшенія предварительной цензуры. По мнѣнію палаты, статья эта можетъ относиться лишь къ такимъ сочиненіямъ, которыя, подлежа предварительной цензурѣ, будутъ тайно отъ нея напечатаны или издаваемы. Буквальный смыслъ 1001 ст. не подаетъ никакого повода къ недоразумѣнію. Статья эта положительно говоритъ только о сочиненіяхъ, подлежащихъ предварительной цензурѣ, тайно отъ нея печатаемыхъ и распространяемыхъ, и нельзя не признать, что, дѣйствительно, въ Уложеніи нѣтъ прямой спеціальной статьи, которая бы предусматривала изданіе и распространеніе безразрѣшенныхъ сочиненій, нарушающихъ общественную благопристойность, которыя могутъ быть издаваемы безъ предварительной цензуры на основаніи правилъ закона 6-го апрѣля 1866 г. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ сочиненія, противныя правиламъ благопристойности, могли быть безпрепятственно распространяемы и издатели ихъ не могли бы подлежать никакому взысканію потому только, что сочиненіе, по числу печатныхъ листовъ, не подлежало предварительному разсмотрѣнію цензуры. Если правило, заключающееся въ 151 ст. Улож. объ аналогическомъ примѣненіи закона, когда либо можетъ имѣть мѣсто, то, конечно, въ настоящемъ случаѣ. А такъ какъ въ Улож. нѣтъ другой статьи, которая предусматривала бы преступленіе, по роду своему наиболее подходящее къ настоящему случаю, то, по мнѣнію моему, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что 1001 ст. должна быть примѣняема и къ тѣмъ сочиненіямъ, нарушающимъ благопристойность, которыя могутъ быть издаваемы безъ предварительной цензуры.

Второй вопросъ, вытекающій изъ приговора палаты заключается въ томъ: дѣйствительно ли одно напечатаніе подобнаго рода сочиненія, безъ распространенія его, хотя бы сочиненіемъ этимъ дѣйствительно нарушалась правила благопристойности, не можетъ имѣть послѣдствіемъ подверженіе г. Павленкова взысканію по 1001 ст.? Въ 1001 ст. говорится какъ о лицахъ, которыя будутъ распространять тайно сочиненія, такъ и о тѣхъ, которыя будутъ печатать или инымъ образомъ издавать ихъ, хотя они, слѣдовательно, и не будутъ принимать никакого участія въ распространеніи этого рода сочиненій. Если бы возможно было примѣнить эту статью по аналогіи не только относительно наказанія, но буквально въ полномъ ея объемѣ, то, конечно, разрѣшеніе настоящаго вопроса не представляло бы затрудненія; но я сказалъ уже, что въ статьѣ этой говорится только о тайномъ печатаніи, тайномъ распространеніи, а эти дѣянія составляютъ самостоя-

тельные преступленія независимо отъ содержанія сочиненія. Примѣняя же эту статью лишь по аналогіи къ такому сочиненію, которое могло быть напечатано безъ предварительной цензуры, конечно, встрѣчается вопросъ: можетъ ли одно печатаніе тайнаго сочиненія безъ распространенія его подлежать уголовной отвѣтственности? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ, по первымъ, отъ того, представляется ли одно печатаніе, безъ распространенія сочиненія, совершившимся преступленіемъ, покушеніемъ на оное или только приготовленіемъ къ преступленію, и, во вторыхъ, если печатаніе есть только приготовленіе, то наказуется ли такое приготовленіе по нашимъ законамъ? На основаніи ст. 10 Ул. о наказ., преступленіе считается совершившимся, когда на самомъ дѣлѣ послѣдовало преднамѣренное зло. Преднамѣренное зло всякаго литературнаго произведенія, всякаго печатнаго слова можетъ заключаться въ распространеніи въ обществѣ ложныхъ ученій, въ нарушеніи законовъ благопристойности, нравственности, чести или въ возбужденіи къ какому либо противузаконному дѣянію; слѣдовательно, преднамѣренное зло можетъ быть достигнуто только посредствомъ распространенія сочиненія; покуда же распространеніе не началось, до тѣхъ поръ одно напечатаніе противузаконнаго сочиненія—не можетъ считаться совершившимся преступленіемъ; въ этомъ, мнѣ кажется, сомнѣваться невозможно. Болѣе серьезный вопросъ заключается въ томъ, составляетъ ли напечатаніе покушеніе или приготовленіе?

Законодательство наше раздѣляетъ періодъ приведенія злого умысла въ исполненіе до окончателнаго совершенія преступленія на двѣ части, на приготовленіе и покушеніе. Приготовленіемъ, на основаніи 8 стат. Улож. о наказ., называется присканіе или приобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія, а покушеніемъ называется всякое дѣяніе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злого намѣренія въ исполненіе. Изъ сопоставленія этихъ двухъ опредѣленій очевидно, что покушеніемъ на преступленіе можетъ быть признаваемо лишь такое дѣяніе, которое слѣдуетъ послѣ окончательнаго уже присканія средствъ, по исполненіи всѣхъ необходимыхъ условій для совершенія преступленія, и притомъ дѣяніе это должно быть неразрывно связано съ тѣмъ дѣйствіемъ, исполненіемъ коего заканчивается совершеніе преступленія. Дѣяніе, коимъ приводится преступленіе печати въ исполненіе, заключается въ распространеніи сочиненія, слѣдовательно, покушеніе на это преступленіе можетъ заключаться лишь въ дѣйствіяхъ, относящихся до распространенія, какъ то: отсылка сочиненія на почту и т. п. Напечатаніе же сочиненія, литографированіе и переписка его безъ попытки на распространеніе не составляетъ покушенія, а только присканіе средствъ для распространенія, ибо ненапечатаннаго сочиненія распространять нельзя. Эта граница, отдѣляющая въ дѣлахъ печати покушеніе отъ приготовленія, указана и въ особенной части Уложенія, а именно въ ст. 245, 247, 251, 252 и 275 Улож., предусматривающихъ самыя тяжкія преступленія, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати. Въ этихъ статьяхъ ясно указано, что совершившимся преступленіемъ называется распространеніе переписаннаго или печатнаго сочиненія, или воззванія, составленіе же письменныхъ или печатныхъ сочиненій и воззваній безъ распространенія называется безразлично въ этихъ статьяхъ приготовленіемъ, умысломъ, а въ 251 ст.—началомъ покушенія. Это послѣднее выраженіе, встрѣчающееся только въ 251 ст., ясно показываетъ, что оно употреблено здѣсь

для означенія такого приготовленія, которое весьма близко къ покушенію, но которое не составляетъ собственно того покушенія, о коемъ говорится въ 9 ст. Улож., вслѣдствіе чего оно и называется не по правиламъ о наказаніяхъ за покушеніе, а какъ самостоятельное преступленіе. Изъ смысла этихъ статей очевидно, что законодательство наше не дѣлаетъ различія между напечатанными, переписанными или литографированными сочиненіями и признаетъ составленіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, т. е. переписку, напечатаніе или литографированіе ихъ за приготовленіе, а не за покушеніе на преступленіе; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что законодательство подъ словомъ «составленіе» разумѣло не одно изложеніе сочиненія въ рукописи, но напечатаніе и литографированіе его. Въ этомъ именно смыслѣ поименованныя мной выше статьи постоянно толковались и примѣнялись въ прежнемъ порядкѣ судопроизводства высшими судебными учрежденіями, какъ Правительствующимъ Сенатомъ, такъ и Государственнымъ Совѣтомъ. Точно также, по мнѣнію моему, нельзя считать покушеніемъ въ распространеніе обязательное представленіе экземпляровъ отпечатаннаго сочиненія въ цензурный комитетъ, ибо подобнымъ представленіемъ исполняется лишь предписаніе закона, послѣ котораго можетъ только начаться покушеніе и совершеніе преступленія, т. е. представится возможность приступить къ распространенію сочиненія. Но признаемъ напечатаніе сочиненія и представленія его въ цензурный комитетъ приготовленіемъ еще не разрѣшается вопросъ о томъ, наказуемо ли подобное приготовленіе по нашимъ законамъ?

Ст. 1001, подъ которую прокуроръ палаты подводилъ поступокъ г. Павленкова, предусматриваетъ такое нарушеніе печати, которое, по свойству и роду своему, а также по свойству налагаемаго за него наказанія, должно быть причислено къ такимъ нарушеніямъ правилъ печати, которыя предусмотрены въ VIII отдѣлѣ главы 5 Улож. о наказ. Слѣдовательно, разрѣшеніе вопроса о томъ, наказуемо ли напечатаніе сочиненія, подходящаго подъ 1001 ст., зависитъ отъ разрѣшенія того, наказуемо ли вообще одно напечатаніе безъ распространенія сочиненій, предусмотрѣнныхъ въ VIII разд. глав. 5. Въ этомъ отношеніи требованія закона, мнѣ кажется, весьма ясны и опредѣлительны. Ст. 1034 наказываетъ за перепечатываніе произведенія, запрещеннаго судомъ; ст. 1035 наказываетъ напечатавшаго оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ, постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій; ст. 1036—учинившаго въ печати воззваніе, возбуждающее вражду одной части населенія государства противъ другой или одного сословія противъ другого; ст. 1037 наказываетъ за прямое оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза. Буквальный смыслъ этихъ выраженій, въ особенності „за перепечатаніе и напечатавшій“, даетъ уже полнѣйшій поводъ предполагать, что законодательство наказуетъ напечатаніе сочиненія, независимо отъ того, было ли оно распространено или нѣтъ. Что такое буквальное пониманіе закона есть именно то, которое имѣло въ виду законодательство,—доказывается тѣмъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда законодательство не хотѣло подводить какихъ либо сочиненій подъ это общее правило, то объ этомъ оно специально указывало въ законѣ. Такъ по ст. 1038 напечатаніе безъ разрѣшенія подлежа-

шаго начальства постановленій дворянскихъ, земскихъ и городскихъ собраній наказывается только въ томъ случаѣ, когда напечатаніе соединено съ распространіемъ. Это же самое подтверждается и правилами, установленными для преслѣдованія обвиняемыхъ по дѣламъ печати. На основаніи ст. 14 гл. 3 прил., 5 ст. Улож. ценз. по продолж. 1868 года предоставляетъ цензурнымъ комитетамъ право, когда распространіе какого либо сочиненія не представляется особенно вреднымъ, налагать на такое сочиненіе арестъ и возбуждать въ то же время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго. Если бѣ одно напечатаніе, безъ распространія, было наказуемо, то незачѣмъ было бы поручать цензурному вѣдомству преслѣдованіе обвиняемыхъ. Понимать же это правило въ томъ смыслѣ, что судебное преслѣдованіе въ этихъ случаяхъ можетъ имѣть цѣлью только остановку распространія книги и наложеніе судебного запрещенія на изданіе, невозможно, потому что наложеніе ареста на литературное произведеніе, безъ личнаго взысканія съ издателя, въ нашихъ законахъ допущено лишь относительно періодическихъ изданій, и то только въ порядкѣ административномъ; судъ же не иначе можетъ воспретить распространіе книги, какъ при доказанной виновности подсудимаго и при назначеніи ему наказанія,—это ясно и положительно выражено въ ст. 1045 Ул. о нак. Вотъ почему я рѣшительно несогласенъ съ мнѣніемъ палаты о томъ, что одно напечатаніе книги безъ распространія ея, хотя бы книга и была противузаконна, не можетъ имѣть послѣдствіемъ личную отвѣтственность издателя.

Затѣмъ я перейду къ третьему вопросу, касающемуся того значенія, которое могло имѣть на наказуемость дѣянія г. Павленкова разрѣшеніе, данное предварительной цензурой на напечатаніе въ 1862 году этой статьи. Прокуроръ палаты доказывалъ въ судебномъ засѣданіи, что г. Павленковъ, воспользовавшись правомъ, дарованнымъ литературѣ закономъ 6-го апрѣля 1865 года печатать сочиненія подъ личною своею отвѣтственностью, не имѣетъ законнаго основанія оправдываться въ нарушеніи закона дозволеніемъ напечатать эту статью, даннымъ не ему, а другому лицу предварительной цензурой, несуществующей нынѣ для сочиненій подобнаго рода. Къ этому совершенно справедливому выводу я прибавлю только то, что въ нашемъ законѣ не существовало правила, по которому дозволено, данное предварительной цензурой, покрывало бы незаконность содержанія сочиненія. Дозволеніе цензора только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ могло имѣть влияние на ненаказуемость писателей и издателей, но и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ разрѣшеніе цензора могло имѣть значеніе лишь относительно того изданія, на выпускъ коего оно послѣдовало; съ новымъ же изданіемъ того же сочиненія, авторъ, несмотря на прежде данное разрѣшеніе, долженъ былъ представлять сочиненіе вновь въ цензурный комитетъ, какъ будто бы перваго разрѣшенія вовсе не существовало. Такимъ образомъ, если бѣ г. Павленковъ издавалъ сочиненія Писарева при дѣйствіи предварительной цензуры, онъ долженъ былъ бы представлять книгу вновь въ цензурѣ. Въ настоящее же время, пользуясь правомъ, предоставленнымъ закономъ 6-го апрѣля, онъ издавалъ ее подъ личною отвѣтственностью и не можетъ, слѣдовательно, прикрываться прежнимъ цензурнымъ дозволеніемъ, потерявшимъ всякое юридическое значеніе.

Наконецъ, я перейду къ самому существу дѣла, на которомъ, впрочемъ, долго останавливаться не

буду. Въ докладѣ дѣла подробно изложено было содержаніе статьи „Бѣдная русская мысль“, и я не буду утруждать вниманіе присутствія повтореніемъ одного и того же. Всякое литературное произведеніе можетъ нарушить законы общественнаго благоустройства и благочинія не только противузаконностью предмета сочиненія, но и формою изложенія, т. е. употребленіемъ выраженій неблагопристойныхъ, сравненій, нарушающихъ правила нравственности и общественного приличія, и прокуроръ судебной палаты обвинялъ г. Павленкова именно въ томъ, что выраженія, употребленныя въ изданной имъ статьѣ „Бѣдная русская мысль“, нарушаютъ нравственныя чувства каждаго гражданина. Критическій обзоръ минувшихъ царствованій, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, конечно, не представляетъ собою ничего противузаконнаго. Судъ исторіи, какъ бы онъ ни былъ строгъ, никогда не можетъ имѣть послѣдствіемъ колебаніе основныхъ началъ управленія или уваженія къ сану Императора. Но величіе этого сана и то чувство народнаго къ нему уваженія и благоговѣнія,—чувство, основаніе котораго лежитъ въ нравственномъ и религіозномъ убѣжденіи народа, безусловно требуютъ, чтобъ авторъ, излагая свои убѣжденія, не позволялъ себѣ выраженій и сравненій, которыя оскорбляли бы это чувство. Приличіе и благопристойность выраженій никогда не стѣсняютъ, не имѣютъ ничего общаго съ свободой историческаго заключенія. Намъ нѣтъ дѣла до личныхъ мнѣній автора о дѣяніи Петра Великаго, о влияніи его царствованія на дальнѣйшее развитіе нашего отечества, но обвинительная власть не могла оставить безъ вниманія и не возбудить преслѣдованія противъ издателя этой статьи, въ виду тѣхъ нарушающихъ чувство благопристойности выраженій, въ которыя авторъ облекалъ свои мысли. Я не буду утруждать вниманіе Сената разборомъ всѣхъ такнхъ выраженій, встрѣчающихся на каждомъ листѣ этой небольшой статьи, а ограничусь указаніемъ лишь нѣкоторыхъ образцовъ: такъ, авторъ, желая выразить несогласіе свое съ свойствами преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, говорить, что имѣетъ „отращеніе“ къ преобразователямъ, насильно благоденствующимъ человечеству,—дальше сравниваетъ Петра Великаго съ Панышинымъ, героемъ одной изъ повѣстей г. Тургенева, и, наконецъ, заключаетъ тѣмъ, что если бѣ *Шакловитому удалось убить молодого Петра*, то судьба русскаго народа ни мало бы отъ этого не измѣнилась. Я согласенъ съ мнѣніемъ судебной палаты, что въ этомъ послѣднемъ выраженіи нельзя видѣть преднамѣренной цѣли умалить гнусность поступка Шакловитаго, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать выраженія эти въ высшей степени неприличными, въ высшей степени нарушающими правила общественной благопристойности. Вслѣдствіе сего я покорнѣе прошу Правительствующій Сенатъ воспретить распространіе статьи „Бѣдная русская мысль“, а издателя ея, на основаніи 1001 ст. Улож., подвергнуть денежному штрафу въ томъ количествѣ, въ которомъ Правительствующій Сенатъ признаетъ необходимымъ.

Присяжный повѣренный Арсеневъ (защитникъ Павленкова). Возражая оберъ-прокурору, я измѣню нѣсколько тотъ порядокъ, котораго онъ держался, потому что вопросъ о томъ, составляетъ ли одно напечатаніе сочиненія, безъ его распространія, приготвленіе или покушеніе на преступленіе — вопросъ самый важный въ настоящемъ дѣлѣ, — можетъ возникнуть только тогда, если подсудимый будетъ признанъ виновнымъ въ возводимомъ на него проступкѣ. Прежде чѣмъ

перейти къ вопросу о приготовленіи, поставленному оберъ-прокуроромъ на первый планъ, я разсматриваю поэтому примѣнимость къ настоящему дѣлу 1001 ст. Улож. о наказ.

Я совершенно согласенъ съ оберъ-прокуроромъ только въ одномъ отношеніи. Я нахожу, что хотя по буквальному своему смыслу ст. 1001 примѣняется только къ сочиненіямъ, напечатаннымъ тайно, безъ вѣдома цензуры, и слѣдовательно не относится къ сочиненіямъ, печатаемымъ по закону безъ предварительной цензуры, но по внутреннему ея смыслу она должна быть распространена и на эти послѣдніе случаи. Невозможно предположить, чтобъ законодатель, наказывая за безнравственные сочиненія, напечатанныя тайно, безъ вѣдома цензуры, просмотру которой они подлежали, хотѣлъ оставить безнаказанными точно такія же сочиненія, если они принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя, на основаніи закона, могутъ быть напечатаны безъ предварительной цензуры. Поэтому я вполнѣ допускаю, что съ точки зрѣнія только что мною высказанной ст. 1001 можетъ имѣть примѣненіе къ настоящему дѣлу и что соображенія палаты, клонящіяся къ разрѣшенію вопроса въ противоположномъ смыслѣ, должны быть отвергнуты Правительствующимъ Сенатомъ. Но затѣмъ я встрѣчаю другія болѣе важныя препятствія къ примѣненію ст. 1001. въ случаяхъ, подобныхъ настоящему. Ст. 1001 помѣщена въ 4-й главѣ VIII раздѣла Уложения, озаглавленной слѣдующимъ образомъ: „О преступленіяхъ противъ общественной нравственности и нарушеніи ограджающихъ оную постановленій“. Эта 4-я глава раздѣляется на два отдѣленія: въ первомъ говорится „о соблазнительномъ и развратномъ поведеніи, о противоестественныхъ порокахъ и о сводничествѣ“, а во второмъ—„о противныхъ нравственности и благопристойности сочиненіяхъ, изображеніяхъ, представленіяхъ и рѣчахъ“. Уже изъ одного мѣста, занимаемаго статьею 1001, нельзя не видѣть, что эта статья, подобно всѣмъ другимъ постановленіямъ 4-ой главы VIII раздѣла, направлена только противъ такихъ сочиненій, которыя развращаютъ добрыя нравы, возбуждаютъ чувственность и должны быть признаны неприличными и неблагопристойными въ спеціальномъ смыслѣ этихъ словъ. Къ тому же заключенію ведутъ послѣдующія статьи того отдѣленія, въ которомъ помѣщена статья 1001. Такъ, вслѣдъ за 1001 ст. была помѣщена въ Улож. по изд. 1857 г. ст. 1357, въ которой говорилось о продажѣ фабричныхъ издѣлій съ явно соблазнительными на нихъ изображеніями. Подъ именемъ соблазнительныхъ изображеній, конечно, никто не будетъ понимать изображеній неприличныхъ съ точки зрѣнія чисто условной, изображеній, нарушающихъ тѣ уточненныя понятія о приличіи, которыя существуютъ только въ высшихъ классахъ общества; подъ именемъ соблазнительныхъ изображеній можно разумѣть только изображенія прямо направленные къ тому, чтобъ раздражать чувственность и развращать добрыя нравы. Ст. 1359, перешедшая въ уст. о нак., нал. мир. суд., опредѣляла наказаніе за слова, тѣлодѣянія или другія дѣйствія, публично совершенныя, которыми явно оскорбляются добрыя нравы и благопристойность. И здѣсь очевидно слово „благопристойность“ употреблено въ тѣсномъ его смыслѣ. Въ такомъ же смыслѣ употреблено оно въ ст. 1001 (по изданію 1857 года—1356), къ разбору которой я теперь перехожу. Эта статья назначаетъ наказаніе за напечатаніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью развращеніе нравовъ или явно противныхъ нрав-

ственности и благопристойности. или клонящихся къ сему изображеній... Буквальный смыслъ этой статьи приводитъ къ убѣжденію, что она, подобно всѣмъ другимъ, которыя помѣщены въ томъ же отдѣлѣ, направлена только противъ сочиненій неблагопристойныхъ и безнравственныхъ въ извѣстномъ смыслѣ, т. е. циническихъ, возбуждающихъ чувственность, развращающихъ нравы. Я полагаю, что этому толкованію 1001 статьи соответствуетъ и тотъ общежитейскій смыслъ, въ которомъ употребляются слова: нравственность, благопристойность. Никто, конечно, не скажетъ, что правила нравственности и благопристойности могутъ быть нарушены легкомысленнымъ отношеніемъ къ тому или другому серьезному предмету. Если подобное отношеніе, по мнѣнію законодателя, требуетъ карательныхъ мѣръ, то оно должно составлять предметъ особаго уголовного закона. Такъ, напримѣръ, нашъ законъ назначаетъ особое наказаніе за легкомысленное отношеніе къ предметамъ вѣры, т. е. за кощунство. За легкомысленное отношеніе къ серьезнымъ предметамъ государственнаго устройства, государственной жизни нашъ законъ не назначаетъ никакого наказанія. Примѣнять къ нему 1001 ст., имѣющую такой ясный, опредѣлительный смыслъ, значило бы создавать какъ бы новый законъ, до сихъ поръ несуществующій. Въ подкрѣпленіе моего мнѣнія я позволю себѣ привести еще одно доказательство, почерпнутое также изъ текста 1001 ст. Судебныя мѣста, на основаніи нашихъ законовъ, имѣютъ право (но не обязаны) уничтожать напечатанныя сочиненія, которыя почему либо будутъ представляться опасными или вредными (Улож. ст. 1045). Этимъ правомъ судъ можетъ пользоваться или не пользоваться по своему усмотрѣнію. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сочиненіе представляется направленнымъ къ колебанію довѣрія къ закону, къ постановленіямъ и распоряженіямъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій, судебныя мѣста могутъ не уничтожать сочиненія, признаннаго противузаконнымъ, если оно уже слишкомъ долго обращается въ публикѣ или по своему содержанию не можетъ произвести никакихъ особенно вредныхъ послѣдствій. Между тѣмъ 1001 ст. вмѣняетъ суду въ непремѣнную обязанность уничтожать всѣ сочиненія и изображенія, противъ которыхъ она направлена. Если ограничивать примѣненіе статьи 1001 сочиненіями, возбуждающими чувственность и развращающими нравы, то обязательное уничтоженіе подобныхъ сочиненій представляется вполнѣ понятнымъ. Но если распространять дѣйствіе статьи 1001 на сочиненія, несовмѣстныя съ условными правилами приличія—правилами, о которыхъ каждый можетъ имѣть свое особое мнѣніе, нарушеніе которыхъ никакой опасностью не угрожаетъ, то между постановленіемъ статьи 1001, требующимъ уничтоженія сочиненій, и постановленіемъ статьи 1045, представляющимъ его на усмотрѣніе суда, окажется вопіющее противорѣчіе, ничѣмъ необъяснимое. Объ аналогическомъ примѣненіи ст. 1001 къ случаямъ, подобнымъ настоящему, также не можетъ быть и рѣчи. Для того, чтобъ судъ могъ воспользоваться предоставленнымъ ему ст. 151 Уложения весьма важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опаснымъ правомъ, необходимо, чтобъ между проступкомъ, за который не назначено въ законѣ опредѣленнаго наказанія, и между проступкомъ, къ которому его приравниваютъ, была тѣсная внутренняя связь, чтобъ дѣйствіе, подводимое по аналогіи подъ кару уголовного закона, было дѣйствіемъ несомнѣнно противузаконнымъ, преступленіемъ, такъ какъ по 151 ст. назначается

наказаніе по аналогіи только за преступленія, за противузаконныя дѣйствія. Гдѣ можетъ быть сомнѣніе относительно противузаконности дѣянія, тамъ немислимо примѣненіе статьи 151. Между тѣмъ противузаконность неприлично легкомысленнаго отзыва о томъ или другомъ предметѣ—вопросъ крайне спорный и подлежащій, по моему мнѣнію, скорѣе отрицательному, чѣмъ утвердительному разрѣшенію. Между сочиненіями, развращающими добрыя нравы—сочиненіями, которыхъ послѣдствія могутъ быть губительны для многихъ членовъ общества, и между сочиненіями, которыя, можетъ быть, возбуждаютъ въ нѣкоторыхъ читателей, на нѣсколько минутъ, не совсѣмъ пріятное чувство, нѣтъ никакой внутренней аналогіи; они совершенно не сходны между собой. Такъ какъ все обвиненіе противъ Павленкова построено исключительно на 1001 ст., и такъ какъ никто не утверждаетъ, чтобы изданныя имъ статьи клонились къ развращенію нравовъ или возбужденію чувственности, то приведенныхъ мною соображеній достаточно для поколебанія обвиненія въ самомъ его основаніи. Правда, въ обвинительномъ актѣ и въ протестѣ прокурора судебной палаты говорилось объ оправданіи, будто бы, Писаревымъ свободныхъ отношеній между двумя полами; но такъ какъ это обвиненіе не было поддерживаемо обвинительною властью въ настоящемъ засѣданіи, то я не считаю нужнымъ входить въ подробное его разсмотрѣніе. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на слова, приведенныя г. прокуроромъ судебной палаты, чтобы убѣдиться въ томъ, что они заключаютъ въ себѣ не оправданіе теоріи, на которую они намекаютъ, а указаніе на непримѣнимость ея къ практической жизни. Но для того, чтобы исчерпать всѣ вопросы, которые возбуждаютъ настоящее обвиненіе, я считаю необходимымъ перейти къ самому существу дѣла. Въ этомъ отношеніи я ограничусь весьма немногими замѣчаніями, какъ потому, что г. оберъ-прокуроръ коснулся только двухъ-трехъ мѣстъ въ статьѣ Писарева, такъ и потому, что Правительствующему Сенату, конечно, извѣстна защита, которая была представлена самимъ Павленковымъ въ судебной палатѣ—защита, заключающая въ себѣ самый полный и обстоятельный разборъ фактической стороны дѣла.

Доказывая неблагопріятность статьи Писарева, г. оберъ-прокуроръ ссылается преимущественно на сравненіе императора Петра Великаго съ Паншинымъ, героемъ одного изъ романовъ Тургенева, и на то мѣсто статьи, гдѣ говорится о покушеніи Шакловитаго на жизнь Петра Великаго. Я не стану утверждать, что сравненіе Петра Великаго съ Паншинымъ можно одобрить, но неприличія, неблагопріятности я въ немъ не вижу. Что касается до словъ о покушеніи Шакловитаго, то, по общему смыслу статьи „Вѣдная русская мысль“, эти слова заключаютъ въ себѣ не оправданіе преступленія Шакловитаго, какъ полагаетъ г. прокуроръ судебной палаты, но логическое его сужденіе. Писаревъ говоритъ, что ни одна личность не имѣетъ господствующаго вліянія на ходъ историческихъ событій, что ни одна личность, какъ бы она ни была сильна, рѣшительно не можетъ, по своему произволу, измѣнить теченіе жизни. Если Писаревъ выводитъ отсюда то заключеніе, что личная дѣятельность реформаторовъ большею частью остается безплодною, то съ такою же послѣдовательною можно прійти и къ другому заключенію—что всякая попытка остановить подобную дѣятельность путемъ насилія не только безнравственна, но и совершенно бесполезна, такъ какъ реформатора и безъ того остановить самая сила

вещей. Я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе того, насколько правильно это воззрѣніе: я утверждаю только, что изъ него вытекаютъ, какъ необходимое послѣдствіе, оба приведенные выше вывода. Если нѣтъ такого властителя, который могъ бы осуществить идею, несоотвѣтствующую положенію народа въ данную минуту, то столь же невозможно успѣхъ и для насильственнаго движенія, начатаго снизу. Теорія, развиваемая Писаревымъ, осуждаетъ одинаково всякое насиліе; слова его о Шакловитомъ не могутъ имѣть поэтому никакого предсудительнаго смысла.

Такимъ образомъ, гг. сенаторы, если бы даже и можно было распространять понятіе о неприличіи и неблагопріятности до тѣхъ далекихъ границъ, до которыхъ распространяетъ его г. оберъ-прокуроръ, то и тогда слѣдовало бы признать, что эти границы не нарушены статьѣй Писарева въ отношеніи къ Петру Великому. Можетъ быть, было бы лучше, если бы Писаревъ воздержался отъ нѣкоторыхъ выраженій, имъ употребленныхъ; но, во всякомъ случаѣ, онъ не нарушилъ уваженія къ личности императора, и статья его не можетъ низвести Петра Великаго съ того мѣста, которое совершенно законно принадлежитъ ему въ исторіи Россіи.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію послѣдняго, самаго существеннаго, вопроса о томъ, что такое напечатаніе книги безъ распространенія, я долженъ сказать нѣсколько словъ о вопросѣ, возбужденномъ въ судебной палатѣ и затронутомъ обвинительною властью и сегодня. Г. оберъ-прокуроръ доказываетъ, что позволеніе цензуры, съ которымъ напечатана статья Писарева въ 1862 г., не можетъ имѣть въ настоящее время никакого значенія; онъ полагаетъ, что нѣтъ закона, на основаніи котораго сочиненіе, разъ пропущенное цензурой, могло бы быть печатаемо вторично безнаказанно, и указываетъ на то, что при дѣйствіи прежняго порядка къ новаго изданія сочиненія, однажды пропущеннаго цензурой, нужно было новое разрѣшеніе цензуры.

Съ точки зрѣнія юридической, формальной, противъ этого взгляда довольно трудно возражать; но мнѣ кажется, что прежнее одобреніе статьи цензурой все таки не можетъ быть упущено изъ виду при разсмотрѣніи дѣла по существу. Прежній пропускъ цензурой показываетъ, что извѣстная статья съ точки зрѣнія правительства представлялась невреждою, неопасною, слѣдовательно, неподлежащей наказанію; всякое лицо, знающее, что правительство разъ выразило, такимъ образомъ, свой взглядъ на извѣстную статью, можетъ разсчитывать на безнаказанность въ случаѣ новаго изданія ея. Издавая новый законъ о печати, законодатель хотѣлъ измѣнить положеніе печати не къ худшему, а къ лучшему. Это даетъ право предполагать, что если такая то статья прошла въ печать при порядкѣ гораздо болѣе строгомъ, то она тѣмъ болѣе можетъ быть напечатана при новомъ порядкѣ, болѣе благопріятномъ для печати. Точно такъ же и Павленковъ, приступая къ изданію сочиненій Писарева, зналъ, что они уже появлялись въ печати въ журналѣ „Русское Слово“ въ 1862 году, слѣдовательно, появлялись въ такой формѣ, надъ которою у насъ существуетъ особенно строгое наблюденіе, и въ такое время, когда еще не было изданъ законъ 6-го апрѣля 1865 года. Я думаю, что судъ, судящій по совѣсти, не можетъ не обратить вниманія на эти обстоятельства, потому что они разъясняютъ побужденія, которыми руководствовался Павленковъ при напечатаніи сочиненія Писарева. Что въ 1862 году

статьи Писарева издавались графомъ Куселевымъ-Безбородко, а въ 1866 году были изданы Павленковымъ—это совершенно безразлично, потому что дѣло не въ томъ, кто издаетъ книгу, а въ томъ, какаѣ книга издается. Прокуроръ судебной палаты указывалъ еще на то, что принятіе того мнѣнія, которое поддерживалъ подсудимый, привело бы къ невозможнымъ, нелѣпымъ результатамъ; что освобожденіе отъ всякой отвѣтственности всего того, что было напечатано съ разрѣшенія предварительной цензуры, предполагаетъ преслѣдованіе всего того, что не было пропущено цензурою. Противъ этого я считаю достаточнымъ указать только на то, что законъ 6-го апрѣля изданъ для облегченія литературы, и что если позволительное при прежнемъ порядкѣ вещей остается позволительнымъ и при новомъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ граница дозволеннаго и незволеннаго осталась на прежнемъ мѣстѣ. Законъ 6-го апрѣля подвинулъ ее впередъ, и сдѣлалъ, слѣдовательно, дозволеннымъ многое изъ того, что считалось незволеннымъ въ прежнее время.

Я старался доказать, что 1001 ст. Уложения ни по буквальному, ни по внутреннему ея смыслу не можетъ имѣть примѣненія къ такимъ нарушеніямъ приличія, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ дѣлѣ, что въ статьѣ Писарева „Вѣдная русская мысль“ нѣтъ никакихъ неприличныхъ словъ и выраженій, и что прежде напечатаніе, съ разрѣшенія предварительной цензуры, устраняетъ возможность осужденія г. Павленкова за новое изданіе этой статьи.

За симъ я перехожу къ вопросу, сегодня въ первый разъ поступающему на обсужденіе Правительствующаго Сената—къ вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ разсматривать напечатаніе статьи, когда она не была распространена. По этому предмету соображенія г. оберъ-прокурора распадутся на двѣ части, изъ которыхъ я вполнѣ согласенъ съ одной и безусловно несогласенъ съ другой. По мнѣнію г. оберъ-прокурора, преступленіемъ въ дѣлахъ печати можетъ считаться только распространеніе сочиненія, покушеніемъ—только попытка распространенія; поэтому онъ признаетъ, что не только составленіе статьи, но и напечатаніе ея должно быть признаваемо только приготовленіемъ къ преступленію. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю мнѣніе г. оберъ-прокурора, и считаю нужнымъ дополнить его только указаніемъ на рѣшенія с.-петербургской судебной палаты, въ которыхъ былъ затронутъ вопросъ о приготовленіи къ проступкамъ печати. Въ одномъ изъ этихъ рѣшеній (по дѣлу Соколова), отличающемся большой подробностью и основательностью, вопросъ о приготовленіи разрѣшенъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ предполагаетъ разрѣшить его г. оберъ-прокуроръ. Въ другомъ рѣшеніи (по дѣлу Суворина) признано, что напечатаніе книги есть покушеніе на преступленіе, и въ числѣ соображеній, которыя были приведены для того, чтобъ опровергнуть теорію защиты, ту самую теорію, которая была развита сегодня г. оберъ-прокуроромъ, указывается на то, что нашъ законъ считаетъ приготовленіемъ одно составленіе статьи, когда она заключаетъ въ себѣ государственное преступленіе. Изъ этого выводится заключеніе, что если приготовленіемъ считается составленіе статьи, то все идущее дальше составленія должно быть признаваемо покушеніемъ на преступленіе. Мнѣ кажется, что законъ о государственныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ печати, даетъ ключъ къ разрѣшенію спорнаго вопроса въ совершенно другомъ смыслѣ. Этотъ законъ разни-

чаетъ распространеніе сочиненія отъ простаго составленія, и назначаетъ за первое наказаніе гораздо болѣе строгое, чѣмъ за второе. Изъ двухъ соприкасающихся между собою постановленій уголовного закона въ ограничительномъ смыслѣ должно быть толкуемо то, которымъ назначается наказаніе болѣе строгое. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ дѣйствія, занимающія средину между составленіемъ и распространеніемъ, должны быть уравниваемы не съ послѣднимъ, а съ первымъ, и что понятіе о приготовленіи, въ дѣлахъ печати, оканчивается только тамъ, гдѣ начинается распространеніе.

Находя совершенно справедливымъ мнѣніе г. оберъ-прокурора о приготовленіи вообще, я не вполнѣ понимаю, какимъ образомъ можно перейти отъ этой первой посылки къ тому заключенію, на которомъ остановился г. оберъ-прокуроръ. По мнѣнію г. оберъ-прокурора, законы о печати, помѣщенные въ 5-й главѣ VIII раздѣла, которую онъ считаетъ себя въ правѣ примѣнять по аналогіи къ статьямъ, помѣщеннымъ въ 4-й главѣ того же раздѣла, назначаютъ болѣею частью наказаніе за самое напечатаніе статьи или книги. Это мнѣніе опровергается прежде всего простымъ сопоставленіемъ узаконеній 5-й главы VIII раздѣла. Если бѣ законодатель считалъ наказуемымъ самое напечатаніе статьи или книги, то онъ, конечно, примѣнилъ бы это общее начало одинаково ко всѣмъ проступкамъ печати, въ особенности къ проступкамъ болѣе важнымъ. Между тѣмъ мы видимъ, что, по буквальному смыслу закона, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе важныхъ, наказуемымъ признается только распространеніе статьи или книги, а въ другихъ, менѣе важныхъ—простое напечатаніе ея. Такъ, напримѣръ, по статьѣ 1039 назначается наказаніе за оглашеніе въ печати фактовъ, вредящихъ достоинству извѣстнаго лица, а по статьѣ 1040—за простое оскорбленіе. Само собою разумѣется, что оскорбленіе есть проступокъ менѣе тяжкій, нежели опозореніе или диффамация; это подтверждается и различіемъ наказаній, которыя установлены въ той и другой статьѣ. Между тѣмъ, если толковать законъ, какъ толкуетъ его г. оберъ-прокуроръ, простое оскорбленіе будетъ подлежать наказанію даже тогда, когда статья только напечатана, а опозореніе или диффамация только тогда, когда сочиненіе будетъ распространено въ публикѣ. Я вывожу это изъ первыхъ словъ 1039 ст., которая говоритъ объ оглашеніи въ печати; разумѣется, что подъ *оглашеніемъ въ печати* можно понимать только распространеніе; поэтому, если нѣтъ распространенія, то нѣтъ и наказанія. Въ 1040 статьѣ говорится о *всякомъ оскорбительномъ въ печати отзывѣ* и т. д. Слѣдовательно, здѣсь возможно наказаніе за простое напечатаніе, возможно наказаніе даже тогда, когда арестъ наложенъ на книгу до выхода ея въ свѣтъ, но частное лицо случайно узнало, что въ книгѣ содержатся оскорбительные о немъ отзывы. Можно ли допустить толкованіе закона, приводящее къ подобнымъ результатамъ? Не ясно ли, что слово „напечатаніе“ употребляется нашимъ закономъ наравнѣ съ словами: „распространеніе, публикація, оглашеніе въ печати, въ печатныхъ изданіяхъ“. Въ подтвержденіе этого я сошлюсь еще на 1042 ст. Улож., въ которой сказано, что сочинитель призывается къ суду, когда не докажетъ, что публикація его сочиненія произведена безъ его вѣдома и согласія; слѣдовательно, наказуемость сочинителя становится возможной только

тогда, когда сочиненіе опубликовано; пока оно не опубликовано, не можетъ быть и рѣчи о наказаніи.

Затѣмъ обратимся къ общему характеру той теоріи, которую выставляетъ обвинительная власть, и посмотримъ, къ какимъ результатамъ она насъ приведетъ. Мы увидимъ одно изъ двухъ: или въ преступленіяхъ печати нѣтъ никакой разницы между приготовленіемъ, покушеніемъ и совершеніемъ, или, что еще болѣе странно, покушеніе наказывается менѣе строго, чѣмъ приготовленіе. Если допустить, что законы, помѣщенные въ 5-й главѣ VIII раздѣла, назначаютъ наказаніе за приготовленіе, то нужно будетъ признать, что то же самое наказаніе назначается и за покушеніе, т. е. за попытку выпустить книгу въ свѣтъ, или за совершившееся преступленіе, т. е. за дѣйствительное ея распространеніе. Но такой выводъ противенъ тому общему правилу, на основаніи котораго преступленіе совершившееся наказывается строже, нежели приготовленіе или покушеніе, не успѣвшее осуществиться. Между тѣмъ, здѣсь отвѣтственность будетъ одинаковая. Если же признать, что наказаніе за покушеніе смигчается на двѣ или болѣе степеней (Ул. ст. 114 и 115), тогда окажется еще болѣе большая несообразность, т. е. покушеніе будетъ наказываемо менѣе строго, нежели приготовленіе. Между тѣмъ, на какомъ основаніи преступления по дѣламъ печати, въ большинствѣ случаевъ гораздо болѣе заслуживающія снисхожденія, чѣмъ другія преступления, должны быть изъяты изъ дѣйствія того общаго правила, по которому покушеніе наказывается менѣе строго, чѣмъ совершившееся преступленіе? Кромѣ того, если принять теорію г. оберъ-прокурора, то что сдѣлается съ другимъ общимъ правиломъ, на основаніи котораго покушеніе, остановленное по собственной волѣ, оставляется безнаказаннымъ? Представимъ себѣ такой случай: я представилъ въ цензурный комитетъ извѣстное сочиненіе; по закону оно должно лежать тамъ 2—3 дня, впродолженіе которыхъ я рѣшаюсь остановить выпускъ его въ свѣтъ; я готовлюсь заявить объ этомъ; я могу, впрочемъ, обойтись и безъ заявленія, такъ какъ цензурный комитетъ не разрѣшаетъ выпускъ книги, а только допускаетъ его своимъ безмолвіемъ; но въ это же время на книгу налагаютъ арестъ и меня предають суду. Если признавать наказуемымъ уже приготовленіе, то я подвергнусь наказанію, несмотря на то, что я рѣшился не публиковать напечатанную мною книгу. Наконецъ, если считать безразличнымъ въ дѣлахъ печати и приготовленіе, и покушеніе, и совершеніе преступленія и признавать ихъ одинаково наказуемыми, то нѣтъ причины ограничивать наказуемость только вполнѣ отпечатанными сочиненіями; можно начинать преслѣдованіе за напечатаніе нѣсколькихъ страницъ, хотя бы послѣдующее давало имъ совершенно другой смыслъ. Наконецъ, я позволю себѣ указать еще на одно чрезвычайно важное противорѣчіе, которое вытекаетъ изъ теоріи, защищаемой г. оберъ-прокуроромъ. Я позволю себѣ обратить вниманіе ваше, гг. сенаторы, съ одной стороны, на ст. 1035 Уложенія, съ другой—на ст. 275 и 274. Въ ст. 274—5 говорится о распространеніи и составленіи такихъ сочиненій, которыя возбуждаютъ сопротивленіе или противодѣйствіе властямъ, отъ правительства установленнымъ. Наказаніе за распространеніе—ссылка въ Сибирь, а за составленіе—заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Статья 1035 опредѣляетъ наказаніе за

возбужденіе неуваженія къ закону, т. е. за проступокъ менѣе важный, чѣмъ тотъ, который предусмотрѣнъ ст. 274—275. Maximum наказанія, опредѣленнаго въ ст. 1035—заключеніе въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца. Представимъ себѣ, что появляются въ свѣтъ два сочиненія, изъ которыхъ въ одномъ заключается возбужденіе къ насильственному сопротивленію власти, а въ другомъ—возбужденіе только къ неуваженію закона. Оба сочиненія подвергаются предварительному аресту, начнется судебное преслѣдованіе, и признается какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ приготовленіе. Затѣмъ, на основаніи спеціальнаго закона, 275 ст., тотъ, который совершилъ болѣе важное преступленіе, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца, а тотъ, который совершилъ преступленіе менѣе тяжкое, на основаніи 1035 ст., можетъ быть заключенъ въ тюрьмѣ на годъ и четыре мѣсяца. Такимъ образомъ за преступленіе болѣе важное, но относительно котораго существуетъ спеціальнй законъ, можетъ быть назначено наказаніе менѣе тяжкое, нежели за преступленіе менѣе важное, но относительно котораго нѣтъ спеціальнаго закона, назначающаго наказаніе за приготовленіе.

Изъ всего сказаннаго я вывожу заключеніе, что толкованіи обвинительной власти не соответствуютъ ни общему, ни буквальному смыслу нашихъ законовъ. Я думаю, что во всѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ не назначено спеціальнаго наказанія за приготовленіе, оно должно быть признаваемо не наказуемымъ. Здѣсь я встрѣчаюсь съ послѣднимъ доводомъ обвинительной власти. Она выводитъ изъ закона 6-го апрѣля, что такъ какъ судебное преслѣдованіе можетъ быть начинаемо и противъ сочиненій, подвергнутыхъ аресту прежде выхода въ свѣтъ, то послѣдствіемъ такого преслѣдованія непременно должно быть личное наказаніе виновнаго; въ противномъ случаѣ самое преслѣдованіе не имѣло бы никакой цѣли. Но если бы это было и такъ, то законъ 6-го апрѣля измѣнилъ бы положеніе нашей литературы не къ лучшему, а къ худшему. При дѣйствіи прежняго порядка, запрещеніе статьи цензурою не влекло бы за собой личной отвѣтственности автора, если въ его сочиненіи не было признаковъ государственнаго преступленія; между тѣмъ въ настоящее время, по мнѣнію г. оберъ-прокурора, лицо, представившее въ цензурный комитетъ статью или книгу, можетъ подвергнуться личному наказанію независимо отъ уничтоженія статьи или книги. Это была бы слишкомъ явная несообразность. Съ другой стороны, судебное преслѣдованіе книги, арестованной до выхода въ свѣтъ, не можетъ быть названо ни къ чему не ведущимъ, хотя бы оно и не могло окончиться личнымъ наказаніемъ виновнаго. Статья 1045 Уложенія даетъ суду право уничтожить статью или книгу при назначеніи наказанія за преступленіе или проступокъ печати. По аналогіи, статья эта можетъ быть примѣнена и къ тѣмъ случаямъ, когда никакого наказанія не назначается, когда существуетъ только приготовленіе къ преступленію. Прежде уничтоженіе статьи или книги зависѣло отъ усмотрѣнія цензуры, теперь оно можетъ воспослѣдовать только по опредѣленію суда (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ сочиненій, для которыхъ продолжаетъ существовать предварительная цензура). Слѣдовательно, преданіе суду, несмотря на то, что авторъ не можетъ подвергнуться личному наказанію, не есть пустая формальность; отъ суда

зависитъ разрѣшеніе вопроса, часто болѣе важнаго, нежели личная отвѣтственность автора, вопроса о томъ, должна ли быть уничтожена статья или книга.

Всѣ соображенія, мною приведенныя, сводятся къ тому, что подсудимый Павленковъ не совершилъ никакого преступленія, которое могло бы подлежать наказанію по буквѣ или по общему смыслу нашихъ законовъ. Если же Правительствующій Сенатъ признаетъ, что дѣйствіе Павленкова можно подвести подъ 1001 ст., то во всякомъ случаѣ, на основаніи того общаго правила, по которому виновный наказывается за приготовленіе только тогда, когда существуетъ о томъ спеціальнѣйшій законъ, я прошу оставить Павленкова свободнымъ отъ всякой личной отвѣтственности.

Что касается уничтоженія статьи, то я полагаю, что эта крайняя мѣра только тогда можетъ быть примѣнена, когда статья представляетъ большую опасность; но та статья, за которую судится Павленковъ, была и находится въ обращеніи въ публикѣ, слѣдовательно, никакой опасности отъ новаго выпуска ея въ свѣтъ нельзя ожидать. Притомъ подсудимый уже достаточно наказанъ: изданная имъ книга арестована три года тому назадъ, и онъ несетъ отъ того большой убытокъ. Я просилъ бы Правительствующій Сенатъ, даже въ случаѣ признанія Павленкова виновнымъ, не подвергать его личному наказанію и не уничтожать ни всей статьи, ни тѣхъ частей ея, которыя составляютъ предметъ настоящаго дѣла.

Оберъ-прокуроръ. На всѣ возраженія защитника противъ возможности примѣненія къ настоящему случаю ст. 1001 Улож., я представляю на разрѣшеніе Правительствующаго Сената слѣдующее замѣчаніе. Не раздѣляя мнѣнія защитника о возможности толковать понятіе о благопристойности, заключающееся въ 1001 ст., въ такомъ ограниченномъ смыслѣ, я тѣмъ не менѣе сдѣлаю предположеніе, что толкованіе защитника справедливо, и затѣмъ рассмотрю къ какому практическому результату такое толкованіе закона должно привести насъ въ примѣненіи его къ данному случаю. Самъ г. защитникъ, разбирая выраженія, употребленныя въ статьѣ „Вѣдная русская мысль“, пришелъ къ убѣжденію, что нѣкоторыя изъ нихъ, конечно, похвалить невозможно. Я съ своей стороны нахожу, что выраженія эти не только нельзя похвалить, но что они заслуживаютъ полнѣйшаго осужденія. Я убѣжденъ, что Правительствующій Сенатъ признаетъ, что по духу нашего законодательства о печати невозможно допустить въ печати такіа выраженія, которыя употреблены въ этой статьѣ. Нельзя допустить въ государствѣ, управляемомъ самодержавной властью, чтобъ авторъ, говоря объ императорѣ, дѣянія котораго хотя и сдѣлались уже достояніемъ исторіи, могъ позволить себѣ сказать, что если бѣ Шакловитому удалось убить его, то судьба Россіи отъ этого бы не измѣнилась.

Я ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что Правительствующій Сенатъ признаетъ слова эти въ высшей степени неприличными и неблагопристойными, и что статья эта не можетъ быть разрѣшена къ распространенію. Если же подобное сочиненіе не могло быть допущено къ распространенію, то Правительствующій Сенатъ, въ силу 1045 ст. Улож. о наказ., обязанъ будетъ подвести поступокъ издателя подъ одну изъ статей Улож. о наказ., предусматривающую подобнаго рода поступокъ. Статьи же наиболѣе подходящей, а по моему мнѣнію, и

вполнѣ предусматривающей этотъ поступокъ, какъ ст. 1001, нѣтъ въ Уложеніи. Что же касается за симъ до возраженій защитника относительно ненаказуемости будто бы одного напечатанія по всѣмъ преступленіямъ печати, предусмотрѣннымъ въ 5 главѣ VIII разд. Улож. о наказ., и той несообразности въ наказаніи за приготовленіе и самое совершеніе преступленія, которое несправедливо будетъ, если признать одно напечатаніе наказуемымъ, то въ дополненіе перваго заключенія моего я обращаю вниманіе Правительствующаго Сената на то, что въ каждой изъ статей, предусматривающихъ эти преступленія, опредѣлено не одно какое либо, а различныя наказанія, какъ то: тюремное заключеніе, арестъ и денежное взысканіе. Слѣдовательно, отъ суда зависитъ примѣнить то или другое наказаніе, соображаясь не только съ содержаніемъ сочиненія, но и съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ самое преступленіе приведено въ исполненіе, т. е. совершилось ли преступленіе вполнѣ, было ли покушеніе или только приготовленіе къ преступленію.

Защитникъ. Я не говорю, что въ статьѣ Писарева есть неприличныя выраженія; я замѣтилъ только, что лучше было бы не употреблять нѣкоторыхъ словъ дающихъ поводъ къ недоразумѣніямъ, но за употребленіе такихъ словъ возможно осужденіе только съ точки зрѣнія литературной, а не съ точки зрѣнія судебной. Я полагаю, что для предупрежденія такихъ отзывовъ объ историческихъ дѣятеляхъ, которые могутъ имѣть вредныя послѣдствія, наши уголовные законы вполнѣ достаточны; но примѣненіе ихъ немислимо, когда идетъ рѣчь только о рѣзкихъ выраженіяхъ, не принятыхъ въ печати. Желательно или нежелательно изданіе закона, который былъ бы направленъ противъ такихъ выраженій, — это вопросъ, не подлежащій обсужденію въ настоящемъ дѣлѣ; несомнѣнно только то, что пока такого закона не существуетъ, не существуетъ и возможности наказанія за выраженія, неприличныя лишь по своей рѣзкости. Аналогическое примѣненіе закона не можетъ здѣсь имѣть мѣста. Что касается до втораго замѣчанія оберъ-прокурора, то я не могу признать его правильнымъ по весьма простой причинѣ. Онъ полагаетъ, что неудобства, мною указанныя, не существуютъ при томъ большомъ просторѣ въ выборѣ наказаній за проступки печати, который предоставляется суду. Но весьма легко можетъ встрѣтиться такой случай: судъ, признавая распубликованную статью преступною, но усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельства до крайности смягчающія вину подсудимаго, считаетъ справедливымъ назначить наказаніе въ низшей степени и въ низшей мѣрѣ, какую только допускаетъ законъ. Представимъ себѣ, что статья точно такого же содержанія осталась нераспубликованною, была задержана до выхода въ свѣтъ. Понизить наказаніе еще въ большей мѣрѣ судъ не будетъ имѣть права, и такимъ образомъ онъ будетъ поставленъ въ необходимость назначить одно и то же наказаніе и за приготовленіе къ преступленію, и за преступленіе, вполнѣ совершившееся. Такая несообразность противна духу закона, и нельзя предполагать, чтобъ она была допущена законодателемъ. Отсюда явствуетъ, что приготовленіе въ дѣлахъ печати, ненаказуемо, за исключеніемъ случаевъ, особо предусмотрѣнныхъ въ законѣ.

ПРИГОВОРЪ СЕНАТА 1).

(14 марта 1869 года).

По выслушаніи заключительныхъ проній между оберъ-прокуроромъ и защитникомъ подсудимаго, присяжнымъ повѣреннымъ Арсеньевымъ, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ, что въ перепечатанной Павленковымъ статьѣ Писарева: „Бѣдная русская мысль“, авторъ главнымъ образомъ разбираетъ споръ между западниками и славянофилами о значеніи реформы императора Петра I, и что въ этой статьѣ къ числу самыхъ рѣзкихъ сужденій принадлежатъ нижеслѣдующія.

Предпосылая главному предмету статьи общія соображенія о значеніи историческихъ дѣятелей, Писаревъ между прочимъ говоритъ:

„Область неизвѣстнаго, непредвидѣннаго и случайнаго еще такъ велика, мы еще такъ мало знаемъ и внѣшнюю природу, и самихъ себя, что даже въ частной жизни наши смѣлые замыслы и послѣдовательныя теоріи разбиваются въ прахъ то объ внѣшнія обстоятельства, то объ нашу собственную психическую натуру. Кто изъ насъ не знаетъ, напримѣръ, что ревность—чешука, что чувство свободы, что полюбить и разлюбить не отъ насъ зависитъ, и что женщина не виновата, если измѣняетъ намъ и отдается другому? Кто изъ насъ не ратовалъ словомъ и перомъ за свободу женщины? А пусть случится этому бойцу испытать въ своей любви огорченіе, пусть его разлюбить женщина, къ которой онъ глубоко привязанъ. Что же выйдетъ? Неужели вы думаете, что онъ утѣшитъ себя своими теоретическими доводами и успокоится въ своей безукоризненно гуманной философіи? Нѣтъ, помилуйте. Этотъ непобѣдимый диалектикъ, этотъ вдохновенный философъ полѣзетъ на стѣны и надѣлаетъ такихъ глупостей, на которыя, можетъ быть, не рѣшился бы самый дюжинный смертный... Если намъ трудно и даже невозможно расположить собственную жизнь по той программѣ, которую совершенно одобряетъ нашъ разумъ, то тѣмъ болѣе историческому дѣятелю, т. е. человѣку, стоящему на замѣтной ступенькѣ, совершенно невозможно сдѣлать такъ, чтобы нѣсколько тысячъ или миллионъ людей завели между собою именно такія отношенія, какія онъ считаетъ разумными и нормальными... Жизнь не терпитъ произвольныхъ ампутацій и механическихъ склеиваній, кто хочетъ коверкать на свой ладъ живую дѣйствительность, тотъ этимъ самымъ желаніемъ обнаруживаетъ полное непониманіе жизни и полную неспособность дѣйствовать на нее благотворно... Въ цивилизованной націи, въ которой каждый отдѣльный гражданинъ считаетъ себя полноправнымъ лицомъ и знаетъ, гдѣ кончается свобода и гдѣ начинается нахальный произволъ, въ такой націи... возможны или постоянныя измѣненія въ нравахъ и идеяхъ,—измѣненія, происходящія отъ смѣны поколѣній и отъ естественнаго движенія жизни, или крупныя перевороты, соотвѣтствующія той или другой неудовлетворенной потребности цѣлаго сословія, цѣлой массы людей. По идеѣ одного мыслителя, по волѣ одного генія,

какъ бы ни былъ уменъ этотъ мыслитель, какъ бы ни былъ силенъ этотъ геній, не сдѣлается никакого ощутительнаго измѣненія ни въ жизни, ни въ понятіяхъ, ни въ стремленіяхъ. Когда мыслятъ, когда живутъ полной человѣческой жизнью цѣлыя тысячи или миллионы разумныхъ существъ, тогда, конечно, единичная мысль и единичная воля тонуть и исчезаютъ въ общія проявленія великой народной мысли, великой народной воли... Въ какойнибудь имперіи негровъ-ашантиевъ, властелинъ, имѣющей подъ своимъ начальствомъ преданное войско, можетъ, пожалуй, по своему благоусмотрѣнію, измѣнять у жителей моды, обычаи, образъ жизни; онъ можетъ насильно дать имъ новую религію, новые законы, новыя увеселенія. Не составивъ себѣ яснаго понятія о своихъ чисто-человѣческихъ правахъ, бѣдные ашантии покорятся, привыкнутъ, можетъ быть, къ новымъ искусственнымъ порядкамъ и даже, можетъ быть, согласятся быть въ рукахъ своего властелина послушными орудіями для дрессированія своихъ упорныхъ или непонятливыхъ соотечественниковъ. Въ образованномъ обществѣ, конечно, немыслима даже подобная попытка. Самый сумасшедшій изъ римскихъ Цезарей, какойнибудь Кай Калигула, Коммодъ или Геліогабалъ не пытался произвольно перестроить социальныя отношенія, установленныя обычаи, существующіе законы. Въ новѣйшее время самое легкое посягательство отдѣльнаго лица на такія права, которыя общество привыкло считать своею неотъемлемою и законною собственностью, вело за собою самыя рѣзкіе и рѣшительныя перевороты. Достаточно назвать Карла I и Іакова II англійскихъ, Карла X и Людовика-Филиппа французскихъ. Эти четыре имени напомнятъ читателю четыре многозначительныя историческія эпизода.—Перехода затѣмъ къ спору между западниками и славянофилами. Писаревъ замѣчаетъ, что нельзя не раздѣлять какъ стремленіе западниковъ къ европейской жизни, такъ и отвращеніе славянофиловъ противъ цивилизаторовъ à la Пашининъ, или что то же самое, à la Петръ Великій. . . . . Въ настоящее время мы, русскіе, почувствовавъ свою незрѣлость, стали строги и требовательны къ самимъ себѣ, и потому стремимся къ настоящему европеизму и не удовлетворяемся остроумными затѣями Петра Алексѣевича. Сходясь съ славянофилами въ ихъ отвращеніи къ цивилизаторамъ, насильно благодѣствующимъ человѣчеству, мы бы желали, чтобы народъ развивался самъ по себѣ, чтобы онъ собственнымъ ощущеніемъ сознавалъ свои потребности и собственнымъ умомъ пріискалъ средства для ихъ удовлетворенія. Мы въ этомъ случаѣ не встаемъ противъ подражательности, если только народъ собственнымъ процессомъ мысли доходитъ до сознанія необходимости позаймствоваться у сосѣдей тѣмъ или другимъ изобрѣтеніемъ или учрежденіемъ. Мы не желаемъ только, чтобы надъ жизнью народа *продълывали тѣ или другіе фокусы*, чтобы способъ проведенія реформы въ жизнь былъ насильственный. Но, придавая важное значеніе самостоятельному развитію народной жизни, мы не думаемъ, чтобы мыслящій историкъ могъ въ исторіи московскаго государства до Петра подмѣтить какіенибудь симптомы народной жизни, чтобы онъ нашелъ въ ней чтонибудь, кромѣ жалкаго подавленнаго прозябанія... Славянофильское отрицаніе дѣйствій Петра во имя депетровскаго порядка вещей оказывается несостоятельнымъ, хотя это отрицаніе основано на очень законномъ и понятномъ отношеніи славянофиловъ къ тѣмъ бытовымъ формамъ, которыя разработа-

1) Рѣшали дѣло сенаторы: В. А. Арцымовичъ, Н. А. Буцковскій, Н. И. Стояновскій, К. Н. Лебедевъ, К. К. Петерсъ и И. И. Познавъ при оберъ-секретарѣ г. Угитѣ. Мы пропускаемъ начало этого приговора, которое представляетъ собой *буквальное* изложеніе рѣшенія судебной палаты и протеста прокурора Тизенгаузъ-на. То и другое уже извѣстно читателю изъ предыдущихъ страницъ.

лись у насъ въ XVIII и въ половинѣ XIX вѣка. Сухой бюрократизмъ этихъ бытовыхъ формъ тяготѣлъ надъ ними свинцовою тяжестью, и они видѣли, что этотъ бюрократизмъ ведетъ свое происхожденіе изъ заморскаго запада и постоянно указываетъ на свою непосредственную связь съ дѣйствіями Петра... Накидываясь на Петра за то, что онъ нарушилъ гармонию прошедшаго, славянофилы не сообразили того, что одинъ человѣкъ не можетъ измѣнить строй народной жизни, если эта жизнь построена на крѣпкихъ и разумныхъ основаніяхъ, сознанныхъ и любимыхъ своими народамъ. Если Петръ дѣйствительно опрокинулъ что нибудь, то онъ опрокинулъ только то, что было слабо и гнило, только то, что повалилось бы само собою. Мы видимъ такимъ образомъ, что и славянофилы и западники преувеличиваютъ значеніе дѣятельности Петра; одни видятъ въ немъ искаителя народной жизни, другіе какого то Самсона, разрушившаго стѣну, отдѣлявшую Россію отъ Европы. Метафорамъ съ одной и съ другой стороны нѣтъ конца, потому что только метафорами можно до нѣкоторой степени закрасить нелѣпость того или другого положенія. Дѣятельность Петра вовсе не такъ плодотворна историческими послѣдствіями, какъ это кажется его восторженнымъ поклонникамъ и ожесточеннымъ врагамъ. Жизнь тѣхъ семидесяти милліоновъ, которые называются общимъ именемъ русскаго народа, вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ, *если бы, напримеръ, Шахловитому удалось убить молодого Петра...* Вотъ манифестъ 19 февраля 1861 года дѣло совсѣмъ другое. Этотъ манифестъ—историческое событіе, эпоха для жизни Россіи. Но кто же, кромѣ Устрялова, рѣшится считать эпохою закладку Петербурга, или учрежденіе академіи, или основаніе потѣшныхъ ротъ? А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что многосторонняя, кипучая дѣятельность Петра представляетъ собою оригинальное и характерное явленіе. Эта дѣятельность важна и замѣчательна, какъ барометрическое указаніе; она доказываетъ намъ, какъ глубоко спалъ русскій народъ, какъ безсиленъ былъ противъ этого богатирскаго сна тотъ шумъ, который производилъ Петръ, и какъ непробудно продолжалъ спать этотъ народъ во время дѣятельности своего властелина и послѣ ея окончанія. Проснулся ли онъ теперь, просыпается ли, спитъ ли по прежнему, мы не знаемъ. Народъ съ нами не говоритъ, и мы его не понимаемъ. Вѣрно только одно: если онъ проснется, то самъ по себѣ, по внутренней потребности; мы его не разбудимъ воплями и воззваніями, не разбудимъ любовью и ласками, какъ не разбудилъ Петръ Алексѣвичъ ни казнями стрѣльцовъ, ни изданіями голландской типографіи Тессинга*.

Сопоставляя эти сужденія съ выведенными изъ нихъ прокурорскимъ надзоромъ обвиненіями. Правительствующій Сенатъ находить, что изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Писаревымъ о супружескихъ отношеніяхъ, вовсе нельзя заключить, чтобы онъ оспаривалъ начало семейнаго союза, или оправдывалъ свободныя отношенія двухъ половъ, какъ выражается о томъ прокуроръ судебной палаты. Не говоря уже о томъ, что Писаревъ лишь вскользь коснулся этого предмета, въ видѣ примѣра, а не въ видѣ заданной себѣ темы, нельзя не замѣтить, что онъ самъ признаетъ теорію о свободѣ чувствъ п отношеній между супругами неосуществимую утопіей, слѣдовательно не одобряетъ этой теоріи; ставя вездѣ и во всемъ реальныя цѣли выше идеальныхъ Писаревъ глумится надъ послѣдними. Поэтому, сужденія Писарева по означенному предмету не

могутъ быть признаны противузаконными ни въ смыслѣ 1037 ст. Улож. о наказ., воспреещающей оспариваніе или порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ начала семейнаго союза, ни въ смыслѣ указанной прокуроромъ судебной палаты 1001 ст. того же Улож., воспреещающей изданіе сочиненій, явно противныхъ нравственности и благопристойности, тѣмъ болѣе, что эти сужденія и по формѣ употребленныхъ Писаревымъ выраженій не заключаютъ въ себѣ ничего непристойнаго. Переходя затѣмъ къ другому предмету обвиненія, а именно къ непристойнымъ отзывамъ Писарева въ статьѣ, напечатанной Павленковымъ, о государственной дѣятельности Императора Петра I-го. Правительствующій Сенатъ остановился на вопросѣ о томъ: насколько можетъ быть свободна, по нашимъ законамъ, критика въ историческихъ изслѣдованіяхъ о государственной дѣятельности почившихъ монарховъ Россіи? Не подлежитъ сомнѣнію, что историческіе труды не могутъ быть поставлены въ такую рамку, въ которой историческому изслѣдователю дозволялось бы разбирать только полезныя дѣйствія почившаго монарха и воспрещалось бы касаться дѣйствій неодобренныхъ и вредныхъ по ихъ существу или по ихъ послѣдствіямъ. Такое воспрещеніе было бы искаженіемъ исторической истины и лишило бы народъ его исторіи, т. е. того самосознанія, которое служитъ основаніемъ всякаго развитія народной жизни. Въ дѣйствующихъ у насъ законахъ нѣтъ ничего подобнаго такому воспрещенію исторической критики. Напротивъ того, не только въ отношеніи къ временамъ давно минувшимъ, но даже и въ отношеніи къ настоящему времени, дозволяется у насъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей (прилож. къ ст. 5 цензур. уст. по прод. 1868 года, гл. IV, ст. 16). Но вмѣстѣ съ тѣмъ законы наши требуютъ, чтобы въ печатныхъ сочиненіяхъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ о предметахъ важныхъ и высокихъ, чтобы безвредныя шутки отличались отъ существенныхъ оскорбленій нравственныхъ приличій, и чтобы недопускались оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы (Уст. ценз. ст. 7, 13, и примѣч. къ 5 п. продол. 1863 г.). Очевидно, что, по разуму этихъ законовъ, историческій изслѣдователь въ правѣ критиковать дѣянія историческихъ дѣятелей, не исключая и почившихъ монарховъ, но онъ обязанъ сохранять тонъ, приличный предмету. Величіе царскаго сана и чувство народнаго къ нему уваженія и благоговѣнія—чувство, основаніе котораго лежитъ въ нравственномъ и религіозномъ убѣжденіи народа,—безусловно требуютъ, чтобы авторъ, излагая свои убѣжденія, не позволялъ себѣ выраженій и сравненій, оскорбительныхъ для этого чувства. Съ этой точки зрѣнія нельзя признать дозволеннымъ закономъ критикую глумленіе Писарева надъ государственной дѣятельностію императора Петра I-го. Глумленіе это бросается въ глаза какъ въ намекахъ, что самый сумасшедшій изъ римскихъ цезарей не пытался произвольно перестроить социальныя отношенія, установленныя обычаями и существующіе законы,—что въ настоящее время мы не желаемъ, чтобы надъ жизнью народа продѣлывали тѣ или другіе фокусы, такъ и въ прямыхъ отзывахъ автора о такъ называемыхъ имъ „затѣяхъ

Петра Алексѣевича“, о „цивилизаторѣ à la Панинъ“ (ничтожная личность въ повѣсти Тургенева „Дворянское гнѣздо“), или, что то же самое, „à la Петръ Великій“, и, наконецъ, о томъ, что „жизнь русскаго народа вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ. если бы, напримѣръ, Шапловитому удалось убить молодого Петра“. Изложенныя въ статьѣ Писарева сужденія, имѣющія извѣстный въ исторической литературѣ взглядъ на значеніе политическихъ дѣятелей, непозволительны ни по существу своему, ибо вѣрность того или другого взгляда на политическихъ дѣятелей можетъ быть предметомъ ученаго спора и свободнаго состязанія, ни по тону въ высшей степени неприличному, ни по выраженіямъ, несообразнымъ съ должнымъ уваженіемъ къ государственному дѣятелю и бывшему русскому императору. Неразборчивость выражений доходитъ здѣсь до того, что Писаревъ отзывается легкомысленно даже о такомъ ужасномъ преступленіи, каково царевубійство, и для указанія, насколько онъ считаетъ бесполезною дѣятельность императора Петра I-го, говорить, что жизнь русскаго народа вовсе не измѣнилась бы, если бы Шапловитому удалось убить молодого Петра.

Но сколь бы ни былъ неприличенъ и позвѣстителенъ тонъ статьи Писарева, этого еще недостаточно для осужденія Павленкова за перепечатаніе этой статьи. Для признанія извѣстнаго дѣянія преступнымъ, а виновника дѣянія подлежащимъ наказанію недостаточно того, чтобы это дѣяніе было противно духу существующихъ законовъ; необходимо, сверхъ того, чтобы оно было воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, или по крайней мѣрѣ, чтобы оно имѣло существенное сходство съ дѣяніемъ, за которое законъ угрожаетъ наказаніемъ (Улож. о наказ. ст. 1, 90, 147 и 151; Уст. Угол. Суд. ст. 12 и 771 пунктъ 1-й). Въ настоящемъ случаѣ обвинительная власть подводитъ поступокъ подсудимаго Павленкова подъ дѣйствіе 1001 ст. Улож. о наказ. Чтобы опредѣлить съ точностію, какое именно преступленіе предусматриваетъ въ этой статьѣ закона, слѣдуетъ обратить вниманіе, во первыхъ, на мѣсто, занимаемое ею въ Уложеніи о наказаніяхъ, т. е. на то, къ какому разряду уголовныхъ законовъ она отнесена, а во вторыхъ, на буквальный ея смыслъ. По системѣ, принятой въ Уложеніи о наказаніяхъ, раздѣла VIII, глава IV, о преступленіяхъ противъ общественной нравственности, раздѣляется на два отдѣленія: первое о соблазнительномъ и развратномъ поведеніи, о противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ, и второе—о противныхъ нравственности и благопристойности сочиненіяхъ, изображеніяхъ, представленіяхъ и рѣчахъ. Это послѣднее отдѣленіе начинается означенною 1001 статью, въ которой изображено: „если кто либо будетъ тайно отъ цензуры печатать или инымъ образомъ издавать въ какомъ бы то ни было видѣ, или же распространять подлежащія цензурному разсмотрѣнію сочиненія, имѣющія цѣлю развращеніе нравовъ, или явно противныя нравственности и благопристойности, или клонящіяся къ сему соблазнительныя изображенія, тотъ подвергается за сие: денежному взысканію не свыше пятисотъ рублей, или аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ. Всѣ сочиненія или изображенія сего рода уничтожаются безъ всякаго за оныя вознагражденія“. Очевидно, что этотъ законъ, какъ по мѣсту, занимаемому имъ въ системѣ Уложенія о наказаніяхъ, такъ и по своему точному смыслу, относится къ такимъ безнравственнымъ и неблагопристойнымъ сочиненіямъ, которыя противны чувствамъ цѣломудрія, непорочности и стыдли-

вости, и которыя имѣютъ цѣлю, по словамъ закона, развращеніе нравовъ, почему законъ не предоставляетъ на усмотрѣніе суда, но безусловно предписываетъ уничтожать всѣ сочиненія или изображенія этого рода. Между неблагопристойностію въ этомъ смыслѣ и неприличіемъ въ смыслѣ изъясненія неуваженія къ предметамъ высокимъ, въ смыслѣ извѣстной насмѣшки или кощунства надъ предметами народнаго почитанія, нѣтъ никакого близкаго сходства, ни по роду, ни по важности проступка, и если бы проступки послѣдняго рода были предусмотрѣны въ Уложеніи о наказаніяхъ, то карательный законъ, къ нимъ относящійся, былъ бы помѣщенъ не въ IV главѣ VIII раздѣла, а въ главѣ V, въ развитіе примѣчанія къ 1035 ст. Но какъ эта статья, такъ и примѣчаніе къ ней имѣютъ предметомъ охраненіе уваженія лишь къ *дѣйствующимъ* законамъ и къ *существующимъ* властямъ, и вовсе не касаются злоупотребленій правомъ исторической критики. Поэтому нельзя не признать, что въ отношеніи злоупотребленія правомъ исторической критики наше уголовное законодательство представляетъ пробѣлу, который не можетъ быть пополненъ толкованіемъ закона по аналогіи, т. е. по правилу, предписанному въ 151 ст. Улож. о наказ., такъ какъ для опредѣленія наказанія по этому правилу необходимо, чтобы въ Уложеніи о наказаніяхъ существовалъ законъ, который предусматривалъ бы преступленіе, имѣющее близкое сходство съ даннымъ случаемъ по роду и важности преступленія, а такого закона, какъ выше объяснено, въ отношеніи къ поступку Павленкова, не существуетъ. Постановленное въ 151 ст. Улож. правило, по источникамъ его, допускало опредѣленіе по аналогіи только наказанія, а не преступности факта, который долженъ быть установленъ закономъ. Но на практикѣ примѣненіе закона по аналогіи допускалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда факту приписывались всѣ признаки опредѣленнаго въ законѣ преступленія не по буквальному смыслу закона, а по его разуму, т. е. по основаніямъ и цѣли закона. За расширеніемъ судебными уставами власти суда въ толкованіи закона, въ настоящее время судебныя установленія распространяютъ законъ и на такіе факты, которые не вполне подходятъ подъ опредѣленные закономъ виды преступленій, но имѣютъ основныя черты преступленія, или, лучше сказать, имѣютъ характеръ той группы преступленій, подъ которую подводится фактъ. Простирать примѣненіе закона по аналогіи далѣе этого значило бы присвоить суду законодательную власть и уничтожить всякую опредѣленную черту въ томъ разграниченіи между судебною властію и властію законодательною, которое постановлено было во главѣ основныхъ положеній преобразованія судебной части (ст. 1). Не слѣдуетъ думать, что 12 ст. Уст. уг. суд., опредѣляющая власть суда въ примѣненіи уголовного закона, не поставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ предѣловъ для суда, и что такъ какъ по 13-й ст. того же устава воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, то судъ, при неимѣніи въ виду закона, воспрещающаго судимое дѣяніе подъ страхомъ наказанія, можетъ примѣнить къ этому дѣянію законъ о другомъ преступленіи, не стѣсняясь неправоильностію аналогіи между судимымъ дѣяніемъ и предусмотрѣннымъ въ законѣ. Такой выводъ изъ вышеозначенныхъ законовъ былъ бы совершенно несогласенъ съ ихъ разумомъ, какъ потому, что вмѣстѣ съ ними дѣйствуютъ 90, 147 и 151 ст. Улож. о наказ., которыхъ

смыслъ опредѣленъ выше, такъ и потому, что уставъ уголовнаго судопроизводства, воспрещая останавливать рѣшеніе дѣла за какими-либо недостатками въ законѣ, вовсе не предписываетъ подвергать тому или другому наказанію всякаго, кто признаетъ будетъ виновнымъ въ судимомъ дѣяніи, а напротивъ того прямо указываетъ въ 1 п. 771 ст., что судъ постановляетъ приговоръ объ оправданіи подсудимаго, когда дѣяніе, въ коемъ онъ обвиненъ, не воспрещено законами подъ страхомъ наказанія. Уставъ уголовнаго судопроизводства расширяетъ власть суда въ толкованіи законовъ лишь въ томъ отношеніи, что онъ дозволяетъ суду, въ примѣненіи къ данному случаю, разъяснить недомолвки и неточное изложеніе закона, а также соглашать кажущееся или дѣйствительное въ законахъ противорѣчіе, но и затѣмъ остаются непоколебимыми основныя правила толкованія законовъ судебной властью—правила, состоящая въ томъ, что судъ можетъ подводить, по аналогіи, подъ извѣстную статью Уложения о наказаніяхъ лишь такое дѣяніе, которое несомнѣнно подходитъ подъ эту статью по разуму закона и только въ ней именно не упомянуто, что явные пробѣлы въ кодексѣ можетъ пополнить только законодатель, а не судья. Въ настоящемъ случаѣ примѣненіе къ поступку подсудимаго Павленкова указываемой обвинительной властью 1001 ст. Улож. о наказ. тѣмъ менѣе возможно, что статья эта не только предусматриваетъ дѣяніе, неоднородное съ дѣяніемъ Павленкова, но вмѣстѣ съ тѣмъ наказуемость за это дѣяніе обуславливаетъ такими обстоятельствами, которыя вовсе не встрѣчаются въ дѣлѣ Павленкова, а именно обстоятельствами тайнаго отъ цензуры печатанія, изданія или распространенія. Разсматриваемая статья Писарева была напечатана Павленковымъ въ сборникѣ сочиненій Писарева, не подлежащемъ, по своему объему, предварительной цензурѣ, и статья эта не была Павленковымъ распространена, а задержана при самомъ напечатаніи ея; слѣдовательно, въ поступкѣ Павленкова нѣтъ и тѣхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1001 ст. Улож., которые состоятъ въ тайномъ отъ цензуры печатаніи и распространеніи такого сочиненія. Что же касается указанія прокурора судебной палаты на выпускъ Павленковымъ преслѣдуемой статьи, вмѣстѣ съ другою, въ Москвѣ, отдѣльною брошюрой съ измѣненіемъ названія статей и съ утайкою отъ московскаго цензурнаго комитета, что статьи эти уже заарестованы и подвергнуты судебному преслѣдованію с.-петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, то это новое обвиненіе, какъ не предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ и не разсмотрѣнное судомъ первой степени, за силою 751—753, 853, 863, 878 и 892 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть предметомъ сужденія апелляціоннаго суда. Указанный въ 1001 ст. Улож. о наказ. условія наказуемости предусмотрѣннаго въ ней проступка не такъ маловажны, чтобы можно было не стѣсняться отсутствіемъ ихъ въ примѣненіи этого закона, и они не потеряли своей силы и въ настоящее время, за отбѣною предварительной цензуры для сочиненій извѣстнаго объема, какъ это доказываетъ оставленіе прежняго закона безъ измѣненія и въ новомъ изданіи Уложения, послѣдовавшемъ въ виду постановленныхъ 6 апрѣля 1865 г. временныхъ правилъ о цензурѣ и печати. Конечно, такимъ образомъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о наказуемости виновнаго въ напечатаніи сочиненія, которое по роду своему подходитъ подъ указанную въ 1001 ст. Уложения, но, по объему, не подлежало предварительной цензурѣ

и задержано до его распространенія. Очевидно, что вина въ такомъ проступкѣ несравненно менѣе вины въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 1001 ст. Уложения, а потому отсутствіе спеціальнаго закона о первомъ изъ этихъ проступковъ неосновательно было объяснять тѣмъ, что законодатель приравнивалъ оба проступка, различныя по своей важности, и полагалъ подводить ихъ подъ одинъ и тотъ же карательный законъ, а скорѣе можно допустить, что законодатель не считалъ нужнымъ облагать личнымъ наказаніемъ виновныхъ въ одномъ лишь напечатаніи, безъ всякаго распространенія, такихъ сочиненій, которыя не заключаютъ въ себѣ важныхъ злоупотребленій. Понятно, что одно уничтоженіе такихъ сочиненій можетъ служить достаточной уздою для лицъ, предпринимающихъ подобныя изданія. Но здѣсь Правительствующій Сенатъ по необходимости долженъ коснуться болѣе общаго вопроса, а именно: какою степенью осуществленія злого умысла надлежитъ считать напечатаніе преступнаго сочиненія, задержаннаго до обращенія его въ употребленіе? По закону (Улож. о наказ. ст. 9 и 10), преступленіе почитается совершившимся, когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало преднамѣренное виновнымъ, или-же иное отъ его дѣйствій зло, а покушеніемъ на преступленіе признается всякое дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе этого намѣренія въ исполненіе. Если приложить эти опредѣленія закона къ преступленіямъ печати, имѣющимъ цѣлью распространить въ обществѣ вредныя мысли, описанія или изображенія, то окажется, что преступленіе этого рода надлежитъ считать совершившимся лишь съ распространеніемъ, или по крайней мѣрѣ съ выпускомъ сочиненія въ обращеніе, а покушеніемъ на такое преступленіе слѣдуетъ считать всякое дѣйствіе, коимъ начинается распространеніе или выпускъ его въ обращеніе. Поэтому одно напечатаніе сочиненія, когда выпускъ его еще не послѣдовалъ или былъ задержанъ, должно быть признаваемо лишь приготовленіемъ къ преступленію, наказуемымъ, по общему закону, только въ особяхъ, именно означенныхъ законодателемъ случаяхъ, а также тогда, когда содѣянное при приготовленіи есть само по себѣ преступленіе (ст. 112 и 113). Эти соображенія вполне подтверждаются и тѣми законами, въ которыхъ законодатель, по важности преступленій или по инымъ причинамъ, призналъ нужнымъ, не отсылая къ общимъ положеніямъ о мѣрѣ наказаній, опредѣлить спеціально по каждому роду преступленія, какому наказанію подвергаетъ не только совершившееся преступленіе, но и предшествующія восходящія ступени осуществленія злого умысла. Такъ, по ст. 245, 248, 251, 252, 274 и 275 Улож. о наказ., виновные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій съ преступною цѣлью, опредѣленною въ тѣхъ статьяхъ, приговариваются къ наказанію за совершенное ими преступленіе, а виновные въ составленіи такихъ сочиненій, но неизобличенные въ злоумышленномъ распространеніи ихъ, приговариваются къ наказанію, по словамъ закона, какъ за преступный умыселъ, приготовленіе или *начало покушенія*. Это послѣднее выраженіе, встрѣчающееся только въ 251 стат., употреблено въ ней, повидимому, лишь для означенія такого приготовленія, которое весьма близко къ покушенію, но которое однако не составляетъ собственно прямого покушенія, предусмотрѣннаго въ 9 ст. Уложения. Правда, въ вышеозначенныхъ спеціальныхъ законахъ не указано съ точностью промежуточной ступени между распространеніемъ

напечатаннаго сочиненія и составленіемъ его; но при объясненіи этой исполноты опредѣленія признаковъ преступленія надлежитъ слѣдовать тому общему въ толкованіи законовъ правилу, что изъ двухъ сопрягающихся между собою постановленій уголовного закона, въ ограниченномъ смыслѣ должно быть толкуемо то, которымъ назначается наказаніе менѣе строгое. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ дѣйствія, занимающія средину между составленіемъ и распространіемъ, должны быть уравниваемы не съ послѣднимъ, а съ первымъ, и что понятіе о приготовленіи въ дѣлахъ печати, какъ это вытекаетъ и изъ общихъ положеній закона, оканчивается только тамъ, гдѣ начинается распространіе. Законъ, опредѣляя наказаніе за извѣстное преступленіе, всегда имѣетъ въ виду преступленіе совершенное или оконченное, а въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ видѣ изыатія изъ общихъ правилъ, полагаетъ особое наказаніе и за одну изъ предшествующихъ ступеней осуществленія злого умысла, обыкновенно означаетъ при этомъ, какъ выше сказано, что наказаніе полагается, какъ за преступный умыселъ, приготовленіе или покушеніе. Поэтому статьи закона, опредѣляющія самостоятельное наказаніе, повидимому, лишь за дѣйствіе, которое должно служить предварительною ступеню къ совершенію преступленія, безъ указанія этой ступени, слѣдуетъ толковать съ особенной осмотрительностью, а въ дѣлахъ печати не выпускать изъ виду и того, что слово «напечатать» имѣетъ въ общежитіи двоякое значеніе: въ тѣсномъ смыслѣ оно значить—оттиснуть въ типографіи, а въ пространномъ—публиковать, т. е. оттиснуть и пустить въ обращеніе. Два значенія этого слова были уже источникомъ разнообразнаго толкованія закона судебными мѣстами. При толкованіи этого слова въ законахъ о печати, необходимо принять во вниманіе: во-первыхъ, что въ 1021 ст. Улож., объемлющей почти всѣ преступленія печати, или по крайней мѣрѣ всѣ болѣе важныя изъ нихъ, наказанія полагаются за выпускъ въ обращеніе *не пропущенныхъ цензурою* книгъ преступнаго содержанія, означеннаго, между прочимъ, въ ст. 1001, 1035 и 1039 Улож. Это преступленіе, какъ вполне совершенное и, притомъ, вопреки запрещенію цензуры, несравненно важнѣе, чѣмъ одно напечатаніе такихъ сочиненій, когда они не подлежали цензурѣ и не были еще выпущены въ обращеніе; а поему нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы законодатель сравнялъ въ мѣрѣ отвѣтственности приготовленіе къ преступленію, менѣе важному, съ совершеніемъ преступленія болѣе важнаго. Однако къ такому заключенію неминуемо слѣдовало бы придти, если бы употребленные въ означенныхъ статьяхъ слова «напечатать, огласить въ печати», принимая въ тѣсномъ ихъ значеніи. Во-вторыхъ, наше уголовное уложеніе подвергаетъ наказанію за одно приготовленіе къ преступленію только въ случаяхъ самыхъ опасныхъ и важныхъ злоумышленій (ст. 241, 242, 244, 245, 248—254, 274, 275, 1457, 1611), и притерживаетъ того же взгляда и въ преступленіяхъ печати, какъ это видно, между прочимъ, изъ того, что даже наказаніе за богохуленіе въ печатныхъ сочиненіяхъ обуславливается распространіемъ этихъ сочиненій (ст. 181); слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы въ преступленіяхъ печати, несравненно меньшей важности, какъ-то въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1001, 1035—1037, 1039 и 1040, законодатель желалъ обложить наказаніемъ даже одно приготовленіе къ преступленію, а между тѣмъ къ такому именно заключенію привелъ бы принятіе

слова «печатать», встрѣчающееся въ этихъ статьяхъ, въ тѣсномъ его значеніи. Въ-третьихъ, съ принятіемъ этого слова въ его тѣсномъ значеніи, пришлось бы наказывать за оскорбительныя слова или отзывы, предусмотрѣнные въ 1040 ст. Улож. о наказ., коль скоро сочиненіе, въ которомъ содержатся эти слова или отзывы, было отпечатано, хотя бы оно было задержано до распространенія его и о существованіи такого сочиненія обобщенный зналъ лишь по слухамъ или по догадкѣ, а такой выводъ противорѣчитъ общему понятію объ обидахъ, какъ непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ, и о ненаказуемости заочныхъ обидъ. Въ-четвертыхъ, вообще, если допустить, что законы, помѣщенные въ V-й главѣ, VIII раздѣла Улож., назначаютъ наказаніе за приготовленіе къ преступленіямъ печати, въ нихъ предусмотрѣннымъ, то нужно будетъ признать, что то же самое наказаніе назначается и за покушеніе, т. е. за попытку выпустить книгу въ свѣтъ, и за совершившееся преступленіе, т. е. за дѣйствительное ея распространіе, такъ какъ осуществленіе злого умысла въ его послѣднихъ степеняхъ окажется предусмотрѣннымъ въ законахъ, но такой выводъ противенъ тому общему и весьма важному правилу, на основаніи котораго преступленіе совершившееся наказывается строже, нежели приготовленіе или покушеніе, не успѣвшее осуществиться; притомъ въ такомъ случаѣ нѣтъ причинъ ограничивать наказуемость только исполнѣ отпечатанныхъ сочиненіями: можно начать преслѣдованіе за напечатаніе нѣсколькихъ страницъ, хотя бы содержаніе послѣдующихъ страницъ давало первымъ совершенно другой смыслъ. Въ-пятыхъ, по ст. 1042 Улож., опредѣляющей постепенность отвѣтственности сочинителя, издателя, типографщика и книгопродавца, сочинитель призывается къ суду во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не докажетъ, что *публикація* его сочиненія произведена безъ его вѣдома и согласія, а изъ этого ясно видно, что употребленные въ предыдущихъ статьяхъ слова «напечатать, въ печати» должны быть понимаемы не въ тѣсномъ, а въ пространномъ смыслѣ *публикаціи* напечатаннаго сочиненія. Если такимъ образомъ принять все вышеизложенное во вниманіе, то не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что одно напечатаніе сочиненія, не подлежавшаго предварительной цензурѣ и задержаннаго до выпуска его въ обращеніе, можетъ подвергаться наказанію сочинителя, издателя или типографщика лишь тогда, когда оно, по содержанію своему, принадлежитъ къ роду тѣхъ преступныхъ злоумышленій, въ которыхъ законъ караетъ даже одно приготовленіе къ преступленію (ст. 112, 245, 248, 251, 252, 274 и 275 Улож. о наказ.). Поэтому, если бы поступокъ подсудимаго Павленкова и могъ быть подведенъ, по аналогіи, подъ дѣйствіе 1001 ст. Улож., то и въ этомъ случаѣ онъ не могъ бы подлежать наказанію, такъ какъ напечатанное имъ сочиненіе было задержано до выпуска его въ обращеніе, слѣдовательно, напечатаніе его составляло лишь одно приготовленіе къ преступленію, не наказуемое въ преступленіяхъ этого рода. Наконецъ, Правительствующій Сенатъ не можетъ оставить безъ вниманія, что подсудимый Павленковъ только *перепечаталъ* сочиненія Писарева, пропущенныя предварительною цензурой и находящіяся въ книгахъ, незаятыхъ изъ обращенія и невнесенныхъ въ каталогъ запрещенныхъ книгъ, а по закону (Улож. ст. 1034) даже перепечатаніе произведенія, *запрещеннаго по суду*, подвергаетъ наказанію лишь тогда, когда произведеніе это было внесено въ каталогъ запрещенныхъ книгъ. Согласно съ

этимъ правиломъ и книгопродавцы, за храненіе, продажу и распространеніе такой книги, которая сперва была позволена, а впослѣдствіи подверглась запрещенію, не подлежатъ отвѣтственности, если книга эта не была внесена въ каталогъ запрещенныхъ, или если о запрещеніи ея не было установленнымъ порядкомъ объявлено (ст. 1019). Слѣдовательно, если бы поступокъ подсудимаго Павленкова и былъ воспрещенъ уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія и если бы подсудимый оказался виновнымъ въ самомъ совершеніи преступленія, а не въ одномъ лишь приготовленіи къ оному, ненаказуемому въ этомъ родѣ преступленій, то и въ такомъ случаѣ онъ не подлежалъ бы наказанію за перепечатаніе такого сочиненія, которое не было запрещено и не внесено въ каталогъ запрещенныхъ книгъ. Что же касается разсматриваемой статьи Писарева, перепечатанной Павленковымъ, то хотя содержаніе ея и не можетъ быть признано преступнымъ, по неимѣнію въ виду спеціальнаго закона, воспрещающаго подъ страхомъ наказанія сочиненія подобнаго содержанія, но какъ тонъ статьи Писарева и выраженія, въ ней употребляемыя, противны общимъ цензурнымъ правиламъ и дальнѣйшее распространеніе такого сочиненія можетъ имѣть вредное вліяніе, то означенную статью, согласно съ указаніемъ закона (Улож. ст. 1045), слѣдуетъ уничтожить. Хотя въ законѣ этомъ сказано, что судъ можетъ опредѣлить уничтоженіе этой книги при назначеніи наказанія виновному въ преступленіи печати, но, очевидно, что здѣсь слова: «при назначеніи на-

казанія» опредѣляютъ скорѣе время, въ которое эта мѣра принимается, чѣмъ условіе, при которомъ она можетъ быть принята. Конечно, въ большей части случаевъ уничтоженіе вредной книги будетъ совпадать съ назначеніемъ наказанія; однако могутъ быть и такіе случаи, въ которыхъ книга оказывается самаго вреднаго или даже преступнаго содержанія, а между тѣмъ сочинитель или издатель книги не можетъ быть подвергнутъ наказанію, или потому, что совершилъ преступленіе въ состояніи невмѣняемости, или потому, что виновенъ въ одномъ лишь приготовленіи къ преступленію, или потому, что вредное его сочиненіе не воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, или же потому, что привлечено къ суду не то лицо, которое по закону подлежитъ отвѣтственности (ст. 1042 Улож. о наказ.) и т. п. Изъ этого видно, что уничтоженіе вредной книги невозможно поставять всегда и безусловно въ зависимость отъ назначенія наказанія виновному въ преступленіи печати.

По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ *опредѣляетъ*: 1) подсудимаго отставного поручика Флорентія Ѳедорова Павленкова отъ наказанія по настоящему дѣлу освободить, а перепечатанную имъ статью Писарева «Бѣдная русская мысль» уничтожить; 2) приговоръ Судебной палаты, въ чемъ онъ не согласенъ съ вышензложенными соображеніями, отмѣнить, о чемъ и послать указъ С.-Петербургской судебной палатѣ съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла.

Ф. Ө. Павленковъ ¹⁾.

(Отрывки изъ воспоминаній).

Флорентій Өеодоровичъ Павленковъ, изъ дворянъ Тамбовской губерніи, родился 8 октября 1839 года. Рано лишившійся родителей, въ дѣтскомъ еще возрастѣ, онъ былъ опредѣленъ на воспитаніе въ Александровскій кадетскій корпусъ для малолѣтнихъ, находившійся въ Царскомъ Селѣ, откуда переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ, что на Васильевскомъ Островѣ въ Петербургѣ, и въ іюнѣ 1859 г. выпущенъ изъ корпуса въ чинѣ поручика въ одинъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ, съ прикомандированіемъ къ Михайловской Артиллерійской Академіи. Здѣсь мы и познакомились впервые другъ съ другомъ и вскорѣ близко сошлись, благодаря совмѣстнымъ занятіямъ и работамъ, и это сближеніе, несмотря на несходство нашихъ характеровъ, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого, незамедлило превратиться въ самую тѣсную, искреннюю дружбу, оставшуюся неизмѣнной во всю жизнь.

Наклонность къ литературнымъ занятіямъ проявилась у Флорентія Өеодоровича довольно рано, и, еще будучи кадетомъ, онъ обратилъ на себя особое вниманіе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцева, однимъ сочиненнымъ имъ стихотвореніемъ, по поводу котораго Ростовцевъ возилъ его во дворецъ и награждалъ золотыми часами. Стихотвореніе это, по видимому, было ультра-патріотическаго характера, отражавшаго въ себѣ господствовавшее въ то время въ кадетскихъ корпусахъ настроеніе и, въ послѣдствіи, Павленковъ тщательно избѣгалъ вспоминать и говорить объ этомъ эпизодѣ. Во время прохожденія курса въ Академіи Павленковъ особенно много удѣлялъ вниманія физикѣ, химіи и техникѣ артиллерійскаго дѣла, особенно заинтересовавшись изученіемъ исторіи старинныхъ нарѣзныхъ орудій, результатомъ чего была его первая печатная работа, помѣченная имъ 15 сентября 1860 г.

и появившаяся въ Артиллерійскомъ Журналѣ подъ заглавіемъ: О старыхъ нарѣзныхъ орудіяхъ, хранящихся въ С.-Петербургскомъ арсеналѣ.

Въ августѣ 1861 г., по окончаніи курса въ Артиллерійской Академіи, Павленковъ былъ назначенъ на службу въ Кіевскій арсеналъ, съ зачисленіемъ, въ послѣдствіи, по гвардейской конной артиллеріи въ чинѣ прапорщика; въ 1862 г. произведенъ въ подпоручики и въ 1865 г. въ поручики.

Службу въ Кіевскомъ арсеналѣ проходилъ въ должности завѣдывающаго водоснабженіемъ арсенальныхъ мастерскихъ изъ р. Днѣпра и весьма скоро убѣдился, что значительная экономія отъ расходуемыхъ на дѣйствіе водопровода матеріаловъ (главнымъ образомъ дровъ), по установившемуся изъ старости обычаю, не записывается на приходъ въ пользу казны, а поступаетъ въ безотчетное распоряженіе командира арсенала, который со своей стороны удѣляетъ часть своихъ доходовъ своимъ пособникамъ. Убѣдившись, что такія же злоупотребленія, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, практикуются и во всѣхъ другихъ арсенальныхъ мастерскихъ и что завѣдывающіе ими молодые офицеры (Дм. Конст. Квитко, Ант. Андр. Шевченко) точно также возмущены укorenившимся казнокрадствомъ и, располагая собранными ими уликами, охотно присоединяются къ общему дѣлу обличенія казнокрадовъ, Павленковъ и два его товарища подали формальное о томъ заявленіе инспектировавшему арсеналъ генералу Маникину-Неустроеву. Незадолго до этого я также былъ назначенъ на службу въ Кіевскій Арсеналъ и по приѣздѣ въ Кіевъ поселился въ одной общей съ Павленковымъ квартирѣ. Получивъ за тѣмъ въ свое завѣдываніе одну изъ арсенальныхъ мастерскихъ, я фактически лишенъ былъ однако возможности принять те-

¹⁾ Вскорѣ послѣ смерти Ф. Ө. Павленкова нѣкоторые лица, изъявившія желаніе составить обстоятельную его біографію, обратились ко мнѣ, какъ къ лицу долгие годы состоявшему съ нимъ въ постоянныхъ и близкихъ дружественныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ, за содѣйствіемъ, имѣя въ виду воспользоваться для предполагаемой ими цѣли личными моими воспоминаніями объ извѣстныхъ мнѣ различныхъ обстоятельствахъ жизни Флорентія Өеодоровича, что и послужило для меня поводомъ записать настоящіе отрывки изъ моихъ воспоминаній, представляющихъ лишь вполне достовѣрный фактическій матеріалъ для будущихъ біографовъ покойнаго моего друга и товарища Ф. Ө. Павленкова.

перъ же активное участіе въ общемъ дѣлѣ и присоединился къ нему лишь впоследствии. По своей неопытности мы не знали, конечно, что, по существовавшимъ въ тѣ времена правамъ и обычаямъ, инспектированіе генераловъ сводилось собственно къ полученію ими ежегодной дани съ инспектируемыхъ ими учреждений. Генераль прежде всего потратилъ не мало времени, уговаривая Павленкова и его товарищей взять свои заявленія назадъ, откровенно заявляя, что ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ и только имъ будетъ плохо, и когда убѣдился въ твердомъ намѣреніи Павленкова отстаивать и доказывать правоту своихъ заявленій, то распорядился перевести Павленкова въ Брянскъ, куда и вынужденъ онъ былъ отправиться въ срединѣ октября 1863 г.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Кіевѣ Павленковъ началъ заниматься изученіемъ, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшейся доступной для многихъ, фотографіи и по этому поводу помѣстилъ въ одномъ изъ специальныхъ петербургскихъ журналовъ «Фотографъ» № 13, 14, 16 и 17 небольшую статью «Искусство въ Фотографіи», а также въ октябрѣ 1863 г. выпустилъ въ Кіевѣ свое первое самостоятельное изданіе: «Собраніе формулъ для фотографіи Е. Бертрана» перевелъ и издалъ Ф. П.—въ. Кіевъ. Въ типографіи Теодорова и Минята 1863 г. 67 стр. 500—600 экз.

Между тѣмъ по возбужденному Павленковымъ арсенальному дѣлу началось слѣдствіе, которое генераль Олоховъ производилъ крайне медленно и съ явнымъ намѣреніемъ выгородить командира арсенала и обвинить Павленкова въ неосновательности заявленныхъ имъ злоупотребленій. По прошествіи цѣлаго года такого пристрастнаго и медлительнаго слѣдствія нашли необходимымъ, для ускоренія дѣла, временно перевести Павленкова изъ Брянска въ Кіевъ, куда онъ и возвратился въ половинѣ декабря 1864 г., но это нисколько не повліяло на болѣе успѣшный ходъ слѣдствія. Павленкова почти не тревожили никакими допросами и въ то же время, несмотря на его просьбу, не привлекали къ исполненію какихъ либо служебныхъ обязанностей, конечно въ видахъ устраненія для него возможности обнаруживать новые факты въ подкрѣпленіе сдѣланныхъ уже имъ обвинительныхъ заявленій. По возвращеніи въ Кіевъ Павленковъ засталъ меня уже женатымъ и снова поселился въ одной со мною, достаточно просторной квартирѣ, въ которой мы съ нимъ жили ранѣе, до перевода его въ Брянскъ.

Располагая значительнымъ досугомъ, Павленковъ приступилъ къ переводу на русскій языкъ, пользовавшагося тогда большимъ успѣхомъ, курса физики Гано и привлечь и меня къ этой работѣ. Имъ была переведена первая половина

книги, на мою долю досталась вторая. Тогда же Павленковъ нашелъ возможнымъ сдѣлать попытку критическаго изслѣдованія, на основаніи практическихъ указаній, недавно введеннаго передъ тѣмъ въ войсковыхъ частяхъ института офицерскихъ судовъ чести. Написанная имъ по этому поводу брошюра: «Наши офицерскіе суды» была издана имъ въ Петербургѣ при содѣйствіи типографіи Куколь-Яснопольскаго (Цензурное разрѣшеніе 31 октября 1865 г.).

Лѣтомъ 1865 г. Павленковъ вторично заявилъ претензію на инспекторскомъ смотру съ жалобой на командира арсенала, недопуская его къ извлеченію изъ дѣлъ арсенала свѣдѣній, относящихся до производимаго слѣдствія, и устранившаго его отъ исполненія какихъ либо служебныхъ обязанностей.

Послѣдствіемъ этой жалобы было распоряженіе начальства отправить Павленкова обратно въ Брянскъ и выдержать его тамъ въ теченіи 2-хъ недѣль подъ арестомъ.

По возвращеніи въ Брянскъ Павленковъ оставался тамъ недолго. Убѣдившись въ невозможности продолжать службу въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, при существовавшихъ въ то время порядкахъ, онъ вскорѣ поѣхалъ въ Петербургъ, рассчитывая выступить тамъ на педагогическомъ поприщѣ, съ какою цѣлью и подалъ прошеніе о принятіи его на только что учрежденные при 2-й С.-Петербургской военной гимназіи педагогическіе курсы, но это ему не удалось, вслѣдствіе запоздалости его заявленія.

Переводъ Физики Гано подвигался успѣшно и еще во время пребыванія Павленкова въ Кіевѣ насъ очень забрала мысль о возможности осуществленія изданія русскаго перевода этой книги въ виду совершенной недостаточности имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи для этого средствъ. Кромѣ немалыхъ расходовъ за печать и бумагу, необходимо было затратить одновременно значительную сумму на выписку изъ Парижа клише для рисунковъ и М. Gapot за право перевода. Прежде всего была сдѣлана попытка обратиться къ содѣйствію извѣстнаго въ то время книжнаго магазина Я. Исакова въ Петербургѣ. Но Исаковъ поставилъ условіемъ передать ему въ полную собственность сдѣланный переводъ съ вознагражденіемъ за то въ 600 р., т. е., оцѣнивалъ трудъ менѣе, чѣмъ по 10 р. за печатный листъ. Пришлось изыскивать другіе способы. Заручившись согласіемъ на небольшой кредитъ типографіи Куколь-Яснопольскаго, рѣшили открыть при этой типографіи предварительную подписку на это изданіе, и издавать его выпусками для постепеннаго погашенія издательскихъ расходовъ и такой же постепенной затраты на пріобрѣтеніе клише изъ Парижа. Такимъ образомъ 1-й выпускъ могъ уже появиться въ началѣ 1864 г., а

послѣдній въ маѣ 1866 г. Печаталась книга въ количествѣ 4000 экз. и къ лѣту 1867 г. было все распродано. Цѣна была назначена 3 р. 50 к. При такихъ-то условіяхъ зародилось и осуществилось это первое капитальное изданіе Павленкова, ставшее краеугольнымъ камнемъ и основательнымъ ресурсомъ всей послѣдующей его издательской дѣятельности, разившейся до такихъ громаднхъ размѣровъ, о которыхъ нельзя было и мечтать въ 1864 г. Послѣдующія изданія Физики Гано печатались уже въ 6000 экз. и послѣднее—9-е изданіе—выпущено въ 1898 г.

Ко времени переѣзда Павленкова въ Петербургъ въ концѣ 1865 г. изданіе курса Физики Гано было доведено лишь до половины; изъ 3-хъ предполагавшихся выпусковъ было отпечатано только 1½ и Павленкову приходилось принимать энергическія мѣры какъ по понужденію типографіи, такъ и по обезпеченію изданія заказываемыми въ Парижѣ рисунками, и все время своего пребыванія въ Петербургѣ всецѣло посвящать издательской дѣятельности, которая до того уже завлекла его, что онъ началъ подумывать объ отставкѣ, чтобы уже всецѣло посвятить себя книгоиздательству.

Къ тому же времени, конца 1865 или начала 1866 г., относится его первое знакомство съ семействомъ Дмитрія Ивановича Писарева, съ его матерью Варварой Дмитріевной и старшею сестрою—Вѣрою Ивановной. Самъ Д. И. Писаревъ сидѣлъ въ то время въ крѣпости (съ 1862 г.) и Павленковъ съ нимъ въ это время не видался.

Еще въ бытность свою въ Кіевѣ Павленковъ съ увлеченіемъ перечитывалъ статьи Д. И. Писарева въ Русскомъ Словѣ и глубоко сожалѣлъ, что не имѣетъ возможности собрать и выпустить отдѣльнымъ изданіемъ всѣ эти статьи. Послѣ переселенія въ Петербургъ, когда опытъ самостоятельнаго изданія Физики Гано не только оправдалъ, но и превзошелъ его ожиданія, Павленковъ рѣшилъ попытаться осуществить свои давнишнія мечтанія и вступилъ въ заочныя переговоры съ Писаревымъ. Известно, съ какимъ восторгомъ молодой 25-лѣтній критикъ и публицистъ принялъ предложеніе Павленкова издать полное собраніе его сочиненій теперь же, при жизни,—обстоятельство, которое, по заявленію Писарева, не выпадало на долю даже многимъ изъ великихъ писателей. Павленковъ со свойственной ему энергіею принялся за дѣло, такъ что въ мартѣ или апрѣлѣ 1866 г. могла быть уже выпущена въ свѣтъ печатавшаяся въ 3000 экз. 1-я часть сочиненій Писарева и почти готова была къ выпуску 2-я часть, какъ возникли нѣкоторыя неожиданныя осложненія, съ одной стороны, въ виду того, что Печаткинъ, съ которымъ Павленковъ вошелъ въ нѣкоторыя денежныя соглашенія,

былъ взять по какому-то дѣлу и посаженъ въ крѣпость, а, съ другой, между Писаревымъ и Павленковымъ возникли серьезныя пререканія по поводу настойчиваго нежеланія Писарева поступиться хотя бы одной строкой изъ прежде имъ написаннаго, тогда какъ Павленковъ признавалъ не только желательнымъ, но для пользы дѣла даже необходимымъ, чтобы Писаревъ сдѣлалъ нѣкоторыя неособенно существенныя измѣненія или сокращенія въ одной или двухъ статьяхъ, предназначенныхъ для 2-й части его сочиненій. Онъ какъ бы предугадывалъ, что эта 2-я часть не пройдетъ такъ легко чрезъ горнило цензуры, какъ прошла первая, несмотря на то, что въ свое время всѣ эти статьи были пропущены цензурою для «Русскаго Слова». И дѣйствительно, едва только 2 июня 1866 г. была отпечатана 2-я ч. соч. Писарева, какъ она была арестована. Начались усиленныя хлопоты и хожденія въ Цензурный Комитетъ и Главное Управленіе по дѣламъ печати, оказавшіеся однако безуспѣшными. Такая же участь ожидала, по мнѣнію Павленкова, и 5-ю часть соч. Писарева, но это не останавливало его приготовленій къ дальнѣйшему выпуску этого изданія. «Я всегда возмущался, говорилъ онъ, невыдержанностью окружающихъ меня людей. Начинать мы всѣ большіе мастера, а какъ доходить до развязки,—такъ сейчасъ и на пятный. Разъ навсегда мною положено, если началъ, то и кончай, а то не къ чему было и приниматься». Такого принципа Павленковъ строго придерживался во всю послѣдующую свою дѣятельность. Въ августѣ были выпущены 3 и 5 части соч. Писарева, въ ноябрѣ—6-я; 4-я была имъ приостановлена въ ожиданіи исхода процесса по 2-й части; въ безпрепятственномъ выпускѣ остальныхъ для него не возникало сомнѣній.

Втягиваясь все болѣе и болѣе въ сферу книгоиздательства, открывавшую предъ нимъ новые увлекательные горизонты для просвѣтительной дѣятельности, Павленковъ безъ сожалѣнія порвалъ съ прошлымъ, выйдя въ отставку, и еще болѣе привязалъ себя къ Петербургу и къ новому, ставшему для него любимымъ, дѣлу, приобрѣтениемъ въ концѣ 1866 г. отъ П. А. Гайдебурова книжнаго магазина. «Кто знаетъ, писалъ онъ мнѣ по этому поводу, можетъ быть я и оборвусь... Пусть... Но за то никто не скажетъ, что я стоялъ на одномъ мѣстѣ и успокаивался на первыхъ добытыхъ результатахъ». Магазинъ этотъ помѣщался на углу Невскаго и Михайловской, гдѣ въ настоящее время магазинъ Кача, имѣлъ вывѣску «Книжный магазинъ для иногородныхъ» и въ скоромъ времени сдѣлался очень популярнымъ.

Судебное преслѣдованіе по 2-й части соч. Писарева возбуждено было цензурнымъ вѣдомствомъ

7 июля 1866 г., а самый процесс суда состоялся в С.П.-бургской Судебной Палатѣ только 15 июня 1868 года. За этотъ промежутокъ времени Павленковъ всецѣло посвятилъ себя книгоиздательству и приведенію въ порядокъ своего книжнаго магазина. Кромѣ изданія остальныхъ частей соч. Писарева (всего въ 1-мъ изд. было 10 частей), выпущенныхъ безъ цензурныхъ задержекъ, и повторенія изданія Физики Гано, за это время было издано нѣсколько небольшихъ книгъ, преимущественно по естествовѣдѣнію. (Омбони, Дарвинизмъ; Л. Филге, Алхимія XIX вѣка; Льюисъ, Сердце и мозгъ; Баркеръ, Соотношеніе жизненныхъ и физическихъ силъ; Тиндаль, Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ; Шэбль, Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и др.). Подготавливаясь въ то же время къ судебной защитѣ по 2-й части соч. Писарева, Павленкову удалось заручиться нагляднымъ доказательствомъ того, что въ инкриминируемыхъ статьяхъ не содержится ничего вреднаго по ихъ направленію и цѣли и что преслѣдуются собственно не идеи, а вывѣска надъ ними имени Писарева и, быть можетъ, участіе въ этомъ дѣлѣ какъ издателя его, Павленкова, а не кого-либо другого. Отправившись въ Москву, Павленковъ безъ всякаго труда отпечаталъ тамъ и безпрепятственно провелъ черезъ цензуру тѣ же самыя статьи, измѣнивъ лишь заглавіе и замѣнивъ имя Писарева инициалами его прежняго псевдонима «Николай Рагозинъ». Объ этомъ обстоятельстве Павленковъ подробно сообщилъ суду въ концѣ своей блестящей защитительной рѣчи. Судъ оправдалъ его, но прокуроръ заявилъ протестъ и дѣло перенесено было въ Сенатъ въ апелляціонномъ порядкѣ. Стенографическій отчетъ объ этомъ процессѣ былъ приложенъ ко 2-й части Соч. Писарева изд. 1866 г. При послѣдующихъ изданіяхъ соч. Писарева цензурное вѣдомство настойчиво противилось новому появленію въ печати этого процесса.

Не прошло и мѣсяца послѣ оправданія Павленкова на судѣ, какъ внезапно случилось большое несчастіе. 4 июля 1868 г. Д. И. Писаревъ утонулъ, купаясь въ морѣ, въ Дубельнѣ, близъ Риги. На долю Павленкова выпала печальная необходимость озаботиться перевозкою усопшаго въ Петербургъ и похоронить его (29 июля) на Волковомъ кладбищѣ въ присутствіи многотысячной публики, почитателей Писарева, безъ всякихъ приглашеній или объявленій собравшейся проводить въ мѣсто упокоенія любимаго писателя. Администраціей были приняты мѣры къ недопущенію какихъ-либо рѣчей или иныхъ проявленій сочувствія на могилѣ. Тѣмъ не менѣе Григ. Евламп. Благосвѣтловъ не выдержалъ и началъ было свою рѣчь, но отъ волненія съ первыхъ же словъ зарыдалъ и не могъ продолжать, а за нимъ вы-

ступилъ Пав. Ал. Гайдебуровъ съ неумѣстнымъ упрекомъ по адресу Павленкова, не зная о настоящей причинѣ, вынужденнаго его въ данномъ случаѣ, молчаніи. Его смѣнилъ Дм. Конс. Гирсъ, поплатившійся за то высылкою въ Вологду.

Здѣсь же, на могилѣ, кѣмъ-то предложена была мысль увѣковѣчить память Д. И. Писарева учрежденіемъ стипендіи его имени и постановкой ему памятника. Та же мысль была высказана затѣмъ и въ газетахъ и, помимо какихъ-либо объявленій и приглашеній, въ «Книжный магазинъ для иногородныхъ» стали поступать пожертвованія и многочисленные письменные по этому поводу запросы и предложенія съ разныхъ концовъ Россіи. На всѣ эти запросы Павленкову приходилось лично отвѣчать и разъяснять, повторяя въ каждомъ письмѣ почти одно и то же. Во избѣжаніе излишней траты времени на повтореніе своимъ корреспондентамъ одного и того же, Павленковъ заказалъ въ литографіи Штремера отлитографировать нѣсколько десятковъ писемъ съ соответствующимъ текстомъ, нѣкоторые пробѣлы котораго оставалось бы лишь заполнять такъ или иначе. При выходѣ изъ литографіи съ пакетомъ этихъ бланковъ въ рукахъ Павленковъ 3 сентября 1868 г. былъ арестованъ и послѣ произведеннаго въ его квартирѣ и книжномъ магазинѣ обыска, не открывшаго рѣшительно ничего недозволеннаго, его помѣстили сначала въ Спасскую часть, а потомъ перевели въ Петропавловскую крѣпость.

Не чувствуя за собою никакой вины, Павленковъ не сомнѣвался однако въ намѣреніяхъ администраціи выслать его затѣмъ изъ Петербурга, чтобы лишить его возможности продолжать такъ успѣшно начатую имъ книгоиздательскую дѣятельность, направленіе которой, при особенностяхъ его личнаго характера, далеко не соответствовало видамъ правительства. Онъ полагалъ только, что эта высылка лишь приостановлена до выясненія результатовъ литературнаго процесса по 2 части соч. Писарева, предстоявшаго въ Сенатѣ по протесту прокурора.

Почти одновременно съ арестомъ Павленкова былъ арестованъ и высланъ въ Вологду Дм. Конст. Гирсъ и 5 октября 1868 г. выслена изъ Петербурга въ деревню къ родителямъ Вѣра Ивановна Писарева. Если по отношенію къ Гирсу могло быть поставлено ему въ вину нѣсколько прочувствованныхъ словъ, сказанныхъ имъ на могилѣ Д. И. Писарева, то Вѣра Ив. могла быть виновата только въ томъ, что она сестра Дмитрія Ивановича.

Находясь въ крѣпости и подготавливая себя къ высылкѣ изъ Петербурга, Павленковъ озаботился ликвидировать дѣла по магазину, передавъ его Митр. Петр. Надѣину, обязавшемуся въ числѣ другихъ условій производить денеж-

ные расчеты по неоконченнымъ въ то время его изданіямъ. Отъ книгоиздательства же Павленкову и въ голову не приходило отказываться, и онъ ни сколько не подозрѣвалъ того, что ему, въ мѣстѣ высылки, официально будетъ объявлено о воспрещеніи продолжать издательскую дѣятельность, и если онъ всецѣло передалъ въ мое вѣдѣніе все дѣла по изданіямъ, то исключительно въ видахъ бѣльшаго удобства ихъ осуществленія.

Въ Сенатѣ дѣло Павленкова по второй части Соч. Писарева состоялось 14 марта 1869 г. и кончилось его оправданіемъ, хотя статью «Бѣдная Русская мысль» постановлено было уничтожить. Слѣдствіе по поводу ареста Павленкова (4 сентября 1868 г.) къ тому времени однако еще не закончилось и не давало никакого матеріала для оправданія какъ продолжительнаго заточенія его въ крѣпости, такъ и для высылки изъ столицы. Повидимому, не ожидалось оправданія Павленкова по суду и признаніе его виновности по суду могло бы въ такомъ случаѣ служить хотя бы кое-какимъ основаніемъ для высылки лица, оказавшагося завѣдомо неблагонадѣжнымъ. Но развѣ администрація затруднялась когда-либо отсутствіемъ сколько-нибудь уважительныхъ поводовъ для высылки лицъ почему-либо ей неугодныхъ? 11 іюня 1869 г. Павленковъ былъ высланъ въ Вятку.

Твердость характера, стойкость убѣжденій, высота нравственнаго идеала даннаго лица познается всего легче, выступаетъ всего ярче въ трудные періоды его жизни. Такимъ труднымъ временемъ для Флорентія Федоровича была ссылка. Недавно еще, почти накануне совершившейся катастрофы, жизнь его кипѣла дѣятельностью, голова работала надъ проектами смѣльями, все его существо стремилось къ осуществленію завѣтной мечты и вдругъ, одинъ росчеркъ пера какого-нибудь калифа на часъ опрокидываетъ все его существованіе, связываетъ его волю, заставляя его подчиняться прихоти сатрапа отдаленной провинціи, на котораго нѣтъ ни суда, ни расправы.

Съ несокрушимой энергіей, съ глубокой вѣрой въ свои нравственныя силы и въ возможность осуществленія своихъ идеаловъ явился Флорентій Федоровичъ въ Вятку; несмотря на все неудачи, онъ все-таки въ глубинѣ души вѣрилъ въ побѣду свою надъ мракомъ окружающаго его безправія. Онъ вѣрилъ, что и въ мѣстѣ ссылки онъ найдетъ себѣ дѣятельныхъ, хотя, можетъ быть, и не всегда безкорыстныхъ помощниковъ.

Въ то время Вятка находилась во власти памятнаго своимъ чудачествомъ губернатора В. И. Чарыкова, находившагося въ рукахъ полицеймейстера, умѣвшаго вызывать грома изъ этого маленькаго Юпитера и когда нужно заставлялъ его привѣтливо улыбаться. Къ одному

изъ чудачествъ губернатора можно, наприимѣръ, отнести его желаніе заставить своихъ чиновниковъ вести дневники. Съ этой дѣлюю онъ приказалъ въ губернской типографіи печатать книгу въ 50 листовъ, гдѣ 1-я страница оставлена была для родословной лица, купившаго дневникъ, а остальные для записи разныхъ событій, касающихся нравственныхъ, дѣловыхъ или интимныхъ отношеній съ встрѣчающимися въ жизни людьми; тутъ же находились рубрики о состояніи здоровья, о спокойно или безпокойно проведенной ночи и о причинахъ этого безпокойства и т. под. Для всего этого существовала особая клѣтка, куда пріобрѣтшіи книгу должны были вносить свои житейскія наблюденія, можетъ быть даже секреты.

Любымъ чиновникамъ, особенно близкимъ ему, Чарыковъ дарилъ эти дневники, переплетенные въ кожу и снабженные замкомъ, чтобы никто, кромѣ владѣльца, не могъ заглянуть въ это хранилище секретовъ. Другія же лица, желавшія быть угодными начальству, покупали эти дневники въ обыкновенныхъ папкахъ, платя 50 коп. за экземпляръ. Продажа производилась въ Вятской публичной библиотекѣ.

Къ другимъ чудачествамъ Чарыкова относился его болѣзненный страхъ за свою жизнь, вызванный ловкой продѣлкой полицеймейстера Козина, устроившаго фиктивное покушеніе на губернатора при содѣйствіи одного пропойцы.

Вслѣдствіе этой боязни покушеній, Чарыковъ былъ болѣе чѣмъ остороженъ въ сношеніяхъ съ ссыльными, и дойти до него не было никакой возможности. Все вѣдалъ начальникъ городской полиціи.

Къ этому-то маньяку и попалъ въ распоряженіе Флорентій Федоровичъ.

Замкнутый, малообщительный, расположенный къ усидчивой работѣ, способный къ творческой жизни, Флорентій Федоровичъ по прибытіи своемъ въ Вятку жилъ положительно отшельникомъ, такъ что совершенно лишилъ полицію возможности наблюдать его образъ жизни, и полицеймейстеръ за неимѣніемъ какихъ либо свѣдѣній придумалъ доносить Чарыкову, что Павленковъ *нѣтъ запоемъ*.

Однако, какъ ни сторонился Флорентій Федоровичъ отъ провинціальной жизни, какъ ни закрывалъ онъ герметически свои двери отъ вторженія въ его жилище живой струи внѣшняго воздуха, а она проникла и заставила встрепенуться нашего отшельника.

Въ Вяткѣ въ первые годы заточенія Павленкова произвело большой шумъ одно уголовное дѣло, гдѣ на скамьѣ подсудимыхъ фигурировала одна молодая дѣвушка, обольщенная негодяемъ чиновникомъ губернаторской канцеляріи. Преступленіе дѣвушки было на столько серьезно, что ей угрожала каторга.

Когда до Павленкова дошли слухи о готовя-

шемся процессѣ, онъ предложилъ выступить на судѣ адвокатомъ несчастной и послѣ необыкновенно удачной, горячей, глубоко-трогательной защиты добился ея оправданія.

Этотъ процессъ сразу сдѣлалъ имя Павленкова популярнымъ среди лучшей, наиболѣе идейной части вятскаго общества. Къ нему начали обращаться за совѣтами по вопросамъ юридическаго характера, а затѣмъ и по земскимъ вопросамъ. Нерѣдко знакомству его съ представителями различныхъ общественныхъ слоевъ помогала сама полиція, въ лицѣ главы ея полицеймейстера Козина. Нужно сказать, что губернаторъ о дѣятельности полиціи судилъ по количеству дѣлаемыхъ ею доносовъ на счетъ неблагонадежности обывателей, и особенно земскихъ гласныхъ. Но земцы въ Вяткѣ, послѣ погромовъ, произведенныхъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ среди дѣятелей губернскаго земства, сдѣлались чрезвычайно осторожны и потому ниши полицеймейстеру не давали; слѣдовательно, въ угоду губернатору нужно было сочинять «исторію», если ея не оказывалось на лицо. И вотъ для этой цѣли чрезвычайно удобнымъ оказывался Павленковъ. Во-первыхъ, онъ высланъ, какъ проводникъ въ публику свѣтлыхъ идей, во-вторыхъ, онъ выступилъ защитникомъ несчастной дѣвушки противъ негодяя чиновника. Всѣ данныя на лицо, чтобы признать вреднымъ не только его, а и каждаго изъ его знакомыхъ. Такимъ образомъ начальникъ полиціи, надѣвъ на себя маску сочувствія положенію Павленкова, направляетъ къ нему то того, то другого изъ намѣченныхъ имъ лицъ, а потомъ пользуется этимъ знакомствомъ въ видахъ распространенія сплетенъ и доносовъ какъ относительно Фл. Фед., такъ и относительно лицъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Однако при этомъ Козинъ оказывалъ скорѣе услугу какъ самому Павленкову, такъ и вятскому обществу, хотя добивался совершенно обратныхъ цѣлей.

Еще находясь въ заточеніи въ Петропавловской крѣпости, Павленковъ началъ переводъ французскаго изданія популярной физики Гано и подготовилъ все необходимое для изданія, но по прибытіи въ Вятку ему было официально объявлено, съ отобраніемъ подписки, о воспрещеніи продолжать издательскую дѣятельность. Пришлось издавать обходнымъ путемъ при содѣйствіи типографіи Красовскаго въ Вяткѣ. Такимъ же способомъ Павленковъ издалъ (въ 1873 г.) сдѣланный имъ уже въ Вяткѣ переводъ книги Секки: Единство физическихъ силъ. Изданіе этой замѣчательной книги обошлось Павленкову не дешево, такъ какъ послужило (какъ ни странно это) однимъ изъ поводовъ къ высылкѣ его въ захолустный городъ Яранскъ. Дѣло въ томъ, что нашелся нѣкій доброволецъ-сыщикъ Голубинскій, помѣстившій въ «Пра-

вославномъ Обзорѣніи» по поводу сдѣланнаго Павленковымъ перевода двѣ статьи, въ которыхъ, умилаясь передъ богобоязненностью автора, обвинялъ Павленкова въ томъ, что онъ укралъ у Секки Создателя. Статьи свои Голубинскій разослалъ всѣмъ архіереямъ, ректорамъ семинарій, затѣмъ губернаторамъ и даже жандармскимъ полковникамъ.

Энергичную поддержку въ своемъ недобросовѣстномъ обвиненіи Голубинскій встрѣтилъ въ лицѣ управлявшаго губерніей вице-губернатора Домелунксена и вятскаго архіерея Апполоса. Первый выхлопоталъ у министра Тимашева разрѣшеніе упрятать Павленкова въ какую-либо трущобу, а второй, по настоянію того же Домелунксена, входилъ съ представленіемъ въ Главное Управление по дѣламъ печати объ изъятіи изъ продажи книги Секки въ переводѣ Павленкова и во всякомъ случаѣ о неразрѣшеніи слѣдующихъ изданій. Главное Управление по дѣламъ печати увѣдомило вятскаго архіерея, что книга эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать запрещенію, потому что въ ней нѣтъ ничего противнаго религіи, и объяснило неосновательность его ходатайства. Книга была спасена, но Домелунксенъ воспользовался случаемъ свести свои личные счеты съ Павленковымъ, выславъ его въ Яранскъ.

Но самымъ замѣчательнымъ трудомъ первыхъ годовъ ссылки Павленкова, доставившимъ ему всемірную извѣстность, это была оригинальная разработка имъ наглядно-звуковаго метода для обученія и самообученія грамотѣ и изданная мною въ 1873 г., по его порученію, «Наглядная Азбука», встрѣченная самыми лестными отзывами и всеобщимъ сочувствіемъ не только у насъ, но и за границей. Извѣстному педагогу барону Корфу, при содѣйствіи не менѣе извѣстнаго педагога Диттеса, удалось создать во время всемірной выставки въ Вѣнѣ 2 іюля 1873 г. конференцію извѣстныхъ, прибывшихъ на выставку, педагоговъ различныхъ національностей, и прочесть предъ сонмомъ этихъ ученыхъ публичную лекцію, и на примѣрахъ, взятыхъ изъ нѣмецкаго языка, бар. Корфъ могъ выяснять конференціи педагогическое значеніе «Наглядной Азбуки» и способъ обученія по ней, доказывая превосходство пріемовъ, придуманныхъ русскимъ педагогомъ, надъ другими доселѣ извѣстными. Послѣ оживленныхъ дебатовъ конференція установила, что русская «Наглядная Азбука» представляетъ совершенно неизвѣстный и новый въ Европѣ и Америкѣ способъ обученія и лучше всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ конференціи, руководствъ возбуждаетъ самостоятельность учащихся, оказывая тѣмъ неоцѣненные услуги школѣ, и что въ интересахъ подрастающаго поколѣнія всѣхъ государствъ необходимо попытаться примѣнить

основную мысль этой азбуки къ обученію грамотѣ и въ другихъ государствахъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ «Наглядной Азбуки» у Павленкова и нѣкоторыхъ земцевъ явилась даже идея объ устройствѣ школъ грамотности съ переѣздными учителями. Но для этого необходимо было убѣдиться въ возможности самообученія грамотѣ послѣ нѣсколькихъ уроковъ съ учителемъ, задача котораго научить выдѣленію конечнаго звука въ словѣ и умѣнью найти его знакъ.

Опытъ этотъ дѣйствительно былъ произведенъ однимъ высланнымъ въ Вятскую губернію учителемъ и далъ довольно удовлетворительные результаты. Онъ организовалъ школу изъ 10-ти ученицъ различнаго возраста; тутъ была одна дѣвочка семи лѣтъ и ея бабушка неграмотная крестьянка 42-хъ лѣтъ. Учитель занимался съ своими ученицами двѣ недѣли, довелъ ихъ до буквы *p* и затѣмъ предоставилъ имъ заканчивать азбуку самостоятельно. Школа занималась усердно безъ учителя три недѣли подъ надзоромъ старшей ученицы и не только докончила изученіе всѣхъ буквъ, а начала даже читать статьи изъ приложенной къ азбукѣ хрестоматіи.

Услыхъ этотъ далъ мысль Флорентію Федоровичу и нѣкоторымъ представителямъ земства предложить на ближайшемъ земскомъ собраніи какъ въ самой Вяткѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ мысль объ устройствѣ школъ съ переѣздными наставниками, по образцу шведскихъ начальныхъ школъ. Мысль эта встревожила чиновъ Минист. Нар. Просвѣщ. и вотъ нашлись добровольцы, читающіе въ сердцахъ и усмотрѣвшіе въ азбукѣ, несмотря на то, что она прошла черезъ цензуру общую и Министерства Народнаго Просвѣщенія, сугубую злобность, такъ какъ въ ней, по ихъ мнѣнію, подъ невинной оболочкой, ярко проглядываетъ крамольная попытка подрыванія основъ государства и пропаганда неуваженія къ религіи и священнымъ для народа предметамъ. Первые застрѣльщики, выступившіе въ злобный походъ противъ «Наглядной Азбуки», появились на поляхъ Вятской губерніи, что отчасти объясняется тѣмъ, что въ первое время авторомъ азбуки неправильно считали священника Слободск. уѣзда Н. Н. Блинова и воспользовались случаемъ свести съ нимъ личные счеты. Сельскіе батюшки нашли себѣ надежную защиту и поддержку въ лицѣ Апполоса (вятскаго), Викторина (казанскаго) и Агафангела (?), которые и пустили въ ходъ надлежащія представленія къ искорененію зла. Какъ разъ въ то же время возникли нелады между министрами Внутреннихъ дѣлъ и Просвѣщенія и послѣдствіемъ доклада одного изъ нихъ состоялась конфискація отпечатаннаго на половину 2-го изданія и запрещеніе послѣдующихъ изданій «Наглядной Азбуки». Было бы слишкомъ утомительно и заняло бы много

мѣста перечислять всѣ сдѣлавшіяся намъ извѣстными указанія добровольныхъ сыщиковъ на примѣры зловредныхъ намѣреній автора. Для характеристики этихъ обвиненій достаточно указать, напримѣръ, что два рядомъ поставленные, согласно требованіямъ методики, рисунка налож и стойло признавались профанаціей священныхъ предметовъ; стоящіе въ одномъ ряду рисунки короны и кокошника—служили доказательствомъ насмѣшки надъ царскими регалиями; даже набранныя въ отдѣлѣ церковно-славянской грамоты славянскимъ шрифтомъ словицы или такія слова, какъ щенки, должны были служить доказательствомъ неуваженія къ церкви!

Казалось бы, никто не мѣшалъ пустить въ ходъ красныя чернила и опытною рукою вытравить изъ азбуки и выжать до тла все тлетворное, и тогда по крайней мѣрѣ уцѣлѣлъ бы новый методъ и не погибла бы самая суть дѣла. Павленковъ признавалъ все это за открытое гоненіе невѣждъ противъ ненавистнаго имъ новшества, но не унывалъ, а принималъ свои мѣры.

Такъ какъ всѣ усиленныя ходатайства, разъясненія и доводы привели лишь къ напрасной потерѣ времени, а изъ словъ секретаря Цензурнаго Комитета (Пантелѣева), сообщившаго мнѣ, что если подъ обложкой «Наглядная Азбука» будетъ доставленъ перечень евангельскихъ текстовъ, то и тогда не разрѣшать его печатать, слѣдовало заключить, что запрещается собственно не самая книга, а ея заглавіе, то какъ только это выяснилось, то, сдѣлавъ незначительныя измѣненія въ расположеніи рисунковъ и замѣнивъ прежнее заглавіе другимъ: «Чтеніе и письмо по картинкамъ», Павленковъ разослалъ по экземпляру исправленнаго оригинала въ цензуры городовъ Казань, Москва, Кіевъ и Рига и безъ какихъ-либо затрудненій съ оригинала, возвращеннаго изъ Кіева, въ началѣ 1876 г. было выпущено 30 тыс. экз. новаго изданія той же азбуки съ другимъ заглавіемъ, а впоследствии, по возвращеніи Павленкова въ Петербургъ, ему безъ особаго труда удалось возобновить и прежнее заглавіе: «Наглядная Азбука».

Почти одновременно съ научной разработкой метода наглядно-звуковаго обученія грамотѣ Павленковъ приступилъ къ разработкѣ другого, также новаго матеріала для нагляднаго обученія вообще и подготовилъ матеріалъ для изданія дѣтскихъ задачъ въ картинахъ, которыя онъ назвалъ «Наглядныя несообразности». Въ этой работѣ Павленковымъ впервые былъ взятъ за основаніе бесѣдъ наставника съ дѣтьми отрицательный элементъ, вмѣсто исключительно господствовавшего до того времени положительнаго. По плану изданія въ него должно было войти до 450 темъ рисунковъ, изображающихъ

разные предметы, дѣйствія и явленія въ явномъ (наглядномъ) несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью относительно числа, величины, формы, мѣста, свойствъ и т. д. — несоотвѣтствіи, служащемъ толчкомъ къ вопросамъ «почему?» и «отчего?» Изданіе первоначально появилось въ видѣ приложенія къ журналу «Дѣтское Чтеніе» за 1874 годъ и состояло изъ серіи листовъ съ рисунками и объяснительнаго текста, кромѣ русскаго еще на 3-хъ иностранныхъ языкахъ. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ техническихъ затрудненій изданіе было приостановлено и выполнено уже по возвращеніи Павленкова изъ ссылки, но, къ сожалѣнію, не получило ожидаемаго примѣненія и успѣха.

Попытки примѣненія элемента наглядности не ограничивались для Павленкова вопросами первоначальнаго развитія. Онъ неутомимо стремился расширить область его примѣненія и въ этотъ же періодъ времени усердно разрабатывалъ проектъ устройства оптическаго прибора, посредствомъ котораго возможно бы было полученіе на экранѣ волшебнаго фонаря совмѣщенныхъ стереоскопическихъ изображеній, съ присущей послѣднимъ рельефностью. Къ сожалѣнію за недостаткомъ въ Вяткѣ необходимыхъ техническихъ средствъ и приспособленій дѣло ограничилось однѣми попытками.

Такая же участь, къ сожалѣнію, постигла два подготовленныя Павленковымъ въ 1874 году изданія, именно Брема «Иллюстрированная жизнь животныхъ», народно-школьное изданіе 1873 г. Friedrich Schödler'a въ 3-хъ томахъ съ 1292 политипажами, и изданіе съ русскимъ текстомъ серіи картинъ въ листахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Münchener Bilderbogen. Переводъ для перваго изъ этихъ изданій былъ уже сдѣланъ Павленковымъ, а для втораго г-жей Анненскою и велись дѣятельные переговоры чрезъ книж. маг. Шмидорфа съ иностранными издателями и Библиографическимъ Институтомъ въ Гильдбурггаузенѣ по приобрѣтенію клише для рисунковъ. Послѣднему было даже выслано 400 талеровъ за первую партію клише. Это совпало какъ разъ съ дѣломъ конфискаціи 2-го изданія «Наглядной Азбуки», когда все время и энергію приходилось затрачивать на дѣло возрожденія «Наглядной Азбуки», которая, по выраженію Павленкова, составляла его душу, и «жизнь» или «смерть» «Наглядной Азбуки» для него было почти то же самое, что «половина его собственной жизни и смерти!»...

Освобожденіе «Наглядной Азбуки» изъ подъ спуда совпало съ высылкою Павленкова въ Яранскъ, гдѣ онъ продолжалъ подготовку для изданія составленнаго имъ «Практическаго курса итальянскаго языка» по методу Оллендорфа. Оригиналъ этого труда, переданный Павленковымъ въ мою собственность, былъ утерянъ однимъ

книжнымъ магазиномъ (Покровскаго), куда онъ былъ сданъ мною на храненіе.

Къ тому же періоду тягостнаго томленія въ яранской ссылкѣ (1876 года) относится начало осуществленія одного изъ наиболѣ замѣчательныхъ по своему значенію труда Павленкова по составленію и подготовкѣ къ изданію Иллюстрированнаго Словотолкователя, первые 10 листовъ котораго были закончены имъ въ Яранскѣ. Хотя въ то время имѣлось въ обращеніи не мало изданій, такъ называемыхъ, словарей иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка (Михельсона, Бурдона, Гейзе и др.), но всѣ эти словари, по мнѣнію Павленкова, не могли достигать тѣхъ цѣлей, которыя должны имѣть въ виду подобныя изданія, съ одной стороны, по обилію лишнихъ словъ спеціальнаго характера, извѣстныхъ и безъ того специалистамъ и совершенно не нужныхъ для большинства, а, съ другой стороны, по совершенному отсутствію наглядныхъ изображеній или рисунковъ такихъ предметовъ, о которыхъ нельзя себѣ составить яснаго понятія, несмотря на самое подробное описаніе, безъ нагляднаго изображенія такихъ предметовъ. Кромѣ того такое изданіе должно быть и доступнымъ по цѣнѣ для большинства. Къ сожалѣнію, какъ дальнѣйшая разработка надлежащаго матеріала, такъ и въ особенности изготовленіе болѣе 2000 клише рисунковъ при недостаткѣ на мѣстѣ техническихъ, да отчасти и денежныхъ средствъ, не давали возможности тогда же приступить къ осуществленію этого изданія, которому Павленковъ придавалъ почти такое же важное значеніе, какъ изданію «Наглядной Азбуки», и оно могло быть выпущено имъ лишь спустя долгое время, въ послѣдніе годы его жизни, подъ заглавіемъ: «Энциклопедическій Словарь» Ф. Павленкова.

Отдавая значительную долю своего времени и труда научнымъ занятіямъ и проведенію въ жизнь, въ среду народа, просвѣтительныхъ началъ, Павленковъ въ то же время, не останавливаясь передъ рискомъ еще болѣе ухудшить свое и безъ того незавидное положеніе, смѣло велъ неутомимую борьбу съ гидрой общественной неправды и, по своему возвращеніи изъ Яранска въ Вятку, выпустилъ оригинальное по своему содержанію изданіе: «Вятская Незабудка», памятная книжка Вятской губ. на 1877 годъ.

Въ этотъ альманахъ вошли главнымъ образомъ статьи корреспондентовъ изъ Вятской губ., помѣщенныя въ различныхъ повременныхъ столичныхъ изданіяхъ за послѣдніе 1½ года, и такія же статьи, почему-либо признанныя редакціями для нихъ неудобными и трактовавшія, на ряду съ описаніемъ разныхъ случаевъ изъ общественной жизни, о разныхъ подвигахъ доблестныхъ дѣятелей произвола и беззаконій, съ пропечатаніемъ полностью, ихъ именъ и фамилій.

Выпуская это изданіе, Павленковъ имѣлъ въ виду сдѣлать его періодическимъ, вродѣ альманаха за извѣстный годъ, а главное вызвать подражаніе выпусками подобныхъ же сборниковъ и въ другихъ провинціальныхъ центрахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ частной инициативѣ. Будучи горячимъ сторонникомъ убѣжденія въ необходимости мѣстной печати и сознавая невозможность основанія мѣстной газеты честнаго направленія, Павленковъ полагалъ, что задуманное имъ изданіе также сослужитъ извѣстную службу, пробуждая, съ одной стороны, интересъ къ явленіямъ мѣстной общественной жизни, а съ другой—вызывая къ работѣ дремлюшія литературныя силы края и укрощая отчасти царствующій произволъ и своекорыстіе.

Книга была издана въ Петербургѣ (въ 1000 экз.) въ типографіи Этингера, который считался официально издателемъ, и появленіе ея въ предѣлахъ Вятской губ. произвело потрясающее впечатлѣніе. Не трудно вообразить какая ненавистная злоба и гоненія посыпались на головы предполагаемыхъ авторовъ и преимущественно на дѣйствительнаго издателя. Люди, оскорбленные въ своей халатной неприглядности, рвали и метали во всѣ стороны, присккивая возможные способы къ проявленію злобной мстительности виновнику ихъ позора, который, пренебрегая своимъ личнымъ благополучіемъ, спокойно печаталъ, тѣмъ же обходнымъ путемъ, 2-й томъ «Незабудки» и 2-е изданіе 1-го тома, разошедшагося въ весьма короткое время. Стѣсненіямъ и придирамъ со всѣхъ сторонъ, казалось, не предвидѣлось предѣла. Губернаторъ грозилъ осуществитъ надъ нимъ свое право подвергать Павленкова взысканіямъ и пересылать его на жительство чрезъ каждыя двѣ недѣли изъ одного уѣзда въ другой, и уже подготовилъ высылку его въ Нолинскъ, какъ въ декабрѣ 1877 года неожиданно состоялось давножеланное имъ освобожденіе и переселеніе въ Петербургъ.

Но не могъ ли, однако, Павленковъ, исчерпавъ всѣ доступныя для него и его друзей средства и усилія къ его реабилитаціи законнымъ путемъ, завоевать себѣ свободу равнѣ путемъ нелегальнымъ? Конечно, могъ и эта мысль, если приходила ему въ голову, то развѣ лишь въ первое время ссылки, когда воображеніе невольно рисовало ему безотрадную картину будущаго. Когда же самая жизнь, несмотря на самыя неблагоприятныя условія окружающей его обстановки, показала ему достаточную долю возможности къ плодотворной работѣ и осуществленію его завѣтныхъ стремленій на родной нивѣ, въ особенности послѣ выхода и громаднаго успѣха его «Наглядной Азбуки», Павленковъ все болѣе и болѣе приходилъ къ сознанію, что жизнь за границей (а, вѣдь, только туда ему и можно было переселиться) далеко не удовлетворитъ его, что

тамъ у него не будетъ и не можетъ быть дѣла, которому онъ себя посвятилъ въ Россіи и которое для него представляется возможнымъ только на родинѣ. Если это соображеніе удерживало его на мѣстѣ ссылки ранѣе, то теперь, когда корни предпринятаго дѣла начинали пускаться, хотя и слабые, но все же ростки, для него не представлялось возможности измѣнить своему дѣлу и болѣе чѣмъ когда-либо онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ родиной.

Не задолго до своего освобожденія, еще находясь въ Вяткѣ, Павленковъ пытался издать въ Москвѣ, при участіи владѣльца книжнаго магазина «Русская Грамота», карикатурный альбомъ «На елку», должествовавшій изображать въ серіи рисунковъ соотвѣтственную коллекцію общественныхъ дѣятелей. По присланнымъ эскизамъ и фотографіямъ рисунки исполнялись нѣкоторыми московскими художниками. Это изданіе не было разрѣшено цензурою и не состоялось.

Положеніе Павленкова, очутившагося, наконецъ, въ Петербургѣ на свободѣ, было не изъ завидныхъ. Десятилѣтнее почти заточеніе, сначала въ крѣпости, а затѣмъ въ ссылки, подорвало совѣтъ и безъ того слабый его кредитъ, которымъ онъ когда-то пользовался; одновременная, почти, конфискація 3-хъ солидныхъ изданій (Альбома «На елку», 2-хъ томовъ «Вятской незабудки» и пропущенной духовною цензурою книги «Страданія Великаго Учителя, Господа Нашего Иисуса Христа») пробила довольно значительную брешь въ книгоиздательскихъ ресурсахъ, которые въ то время, за неразрѣшеніемъ цензурою повторенія изданія соч. Писарева, и безъ того были весьма шатки и заключались главнымъ образомъ въ 3000 экземплярахъ Физики Гано и 16 менѣе значительныхъ мелкихъ изданій, всего на сумму не болѣе 16—18 тысячъ рублей по номинальнымъ цѣнамъ. Къ этому надо прибавить крахъ банкирской конторы Баймакова, гдѣ пропало около 1000 р. денегъ, положенныхъ на текущій счетъ, и несостоятельность книжнаго магазина Базунова, на складѣ у котораго были помѣщены изд. Павленкова. Приходилось какъ-бы начинать дѣло вновь, возобновлять прежнія знакомства и сношенія, возстановлять кредитъ и, отложивъ въ сторону какія либо серьезныя начинанія, ограничиться повтореніемъ изданія «Наглядной Азбуки» и примѣненіемъ вложеннаго въ нее принципа наглядности къ обученію письму въ изданныхъ имъ «Наглядно звуковыхъ прописяхъ», соотвѣтственно распространеннымъ въ то время методамъ обученія грамотѣ по Ушинскому, Бунакову, Паульсону и общимъ. Но и эти скромныя, хотя и настойчивыя попытки войти въ норму прежней издательской дѣятельности неожиданно были скоро прерваны внезапнымъ арестомъ Павлен-

кова 25 февраля 1879 г. и одиночнымъ содержаніемъ въ домѣ предварительнаго заключенія почти въ теченіе 2¹/₂ мѣсяцевъ, до 5 мая 1879 г., при чемъ такъ и не удалось ему выяснить причину такого ареста. Наиболѣе вѣроятная причина, повидимому, заключалась въ его знакомствѣ и дѣловыхъ сношеніяхъ съ М. П. Надѣинымъ, арестованнымъ тогда по дѣлу Зиновьева.

Не долго, однако, пришлось Павленкову пользоваться возвращенной ему свободой, но воспользовался онъ ею со всею присущею ему энергіею и неутомимостью для восстановления и укрѣпленія распатаннаго ссыльчима и арестами своего любимаго дѣла. Въ сентябрѣ 1879 г. онъ выпустилъ 5000 экз. иллюстрированнаго изданія «Нашего Друга» барона Корфа и въ ноябрѣ еще 6000, а также по 3000 экз. книги Секки «Единство физическихъ силъ» 2-е изданіе и «Телефонъ» Дю-Монселя, переведеннаго совместно со мною, и началъ печатаніемъ книгу Тиссанде «Мученики науки».

Къ началу 1880 г. издательскія дѣла его настолько поправились, что давали возможность безъ риска вести одновременно 3 крупныхъ изданія и производить расчеты съ банковской акуратностью, затрачивая все выручаемое отъ продажи выпущенныхъ изданій на оплату печатающихся. Къ половинѣ этого года онъ рассчитывалъ обладать издательскимъ фондомъ въ книгахъ болѣе чѣмъ на 50 тысячъ рублей по номинальной цѣнѣ. Хотя это послѣднее оправдалось даже ранѣе, именно уже въ маѣ издательскій активъ его превышалъ 47 тысячъ, но судьба беспощадно продолжала преслѣдовать Павленкова. Началось конфискаціей по распоряженію министра отпечатаннаго въ типографіи Траншеля 2-го изданія книги Секки: «Единство физическихъ силъ» по поводу сдѣланнаго Павленковымъ примѣчанія къ послѣдней главѣ («Органическія силы») и двухъ приложенныхъ къ книгѣ статей Тиндаля и Баркера, безпрепятственно обращавшихся ранѣе въ продажѣ въ отдѣльныхъ цензурованныхъ его же изданіяхъ. Самый же существенный удар обрушился на его голову, когда 8 марта Павленковъ былъ арестованъ, 9 апрѣля перемѣшенъ изъ дома предварительнаго заключенія въ Вышневолоцкую тюрьму, откуда 9 мая отправленъ въ ссылку въ Западную Сибирь для водворенія на жительство въ г. Ялуторовскъ, куда прибылъ 2 іюля. Поводомъ для ареста и ссылки не было рѣшительно никакихъ, кромѣ развѣ того, что его фамилія была найдена въ записной книгѣ какого-то достаточно скомпromетированнаго субъекта. Съ первыхъ же дней послѣдняго своего ареста Павленковъ не надѣялся на скорое свое освобожденіе и хотя не сознавалъ за собою никакой вины, но предвидѣлъ возможность своего невольнаго переселенія за Уралъ и потому еще въ Вышневолоцкой тюрьмѣ принялъ мѣры для формальной передачи мнѣ всѣхъ своихъ дѣлъ. Если что его угнетало, такъ только развѣ признаніе необходимости крайней осторожности въ дальнѣйшемъ веденіи дѣла, такъ какъ нельзя изъ Сибири такъ же широко и легко планировать, какъ дѣйствуя въ Петербургѣ и ведя дѣла самолично. Въ Ялуторовскѣ онъ приступилъ къ переводу книги Эспинаса «Соціальная жизнь животныхъ», изданной имъ по возвращеніи въ Петербургъ.

Одновременно съ высылкою въ Ялуторовскъ друзьями Павленкова велись энергичныя хлопоты къ его освобожденію и въ сентябрѣ Павленкова официально увѣдомили о разрѣшеніи вернуться въ Петербургъ при условіи представленія за него благонадежнаго поручительства. Такое поручительство охотно взяла на себя вдова генерала Надежда Дмитриевна Половцева. Соблюденіе неизбѣжныхъ по этому случаю формальностей задержало Павленкова въ Ялуторовскѣ до февраля 1881 г. и онъ могъ вернуться въ Петербургъ лишь въ апрѣлѣ 1881. И такъ еще слишкомъ годъ судьба вычеркивала изъ полезной дѣятельности Павленкова, но къ счастью это уже въ послѣдній разъ и въ остальные 19 лѣтъ его жизни его уже не тревожили ни обысками, ни арестами, кромѣ ареста по недоразумѣнію на нѣсколько часовъ 7 января 1882 г. по дѣлу какого-то неизвѣстнаго Павленкову Орлова.

Съ первыхъ же дней по освобожденіи Павленкову приходилось, помимо неутомимыхъ хлопотъ и труда по приведенію въ порядокъ разстроенныхъ его продолжительнымъ отсутствіемъ издательскихъ дѣлъ, настойчиво хлопотать у разныхъ лицъ и мѣстъ о реабилитаціи дорогихъ его сердцу изданій и не напрасно. Такъ онъ скоро добился того, что его азбуку вернули ея первоначальное названіе «Наглядная Азбука», а министръ народнаго просвѣщенія, потребовавъ отъ Комитета ея вторичнаго разсмотрѣнія, собственно властью рѣшилъ допустить ея въ школы. Точно также ему удалось добиться отгѣны запрещенія издавать сочиненія Писарева, безъ приложенія, впрочемъ, къ изданію литературнаго процесса по 2-й части. Эти завоеванія во многомъ облегчили ему дальнѣйшій путь къ выпуску нѣкоторыхъ другихъ изданій, казавшихся прежде рискованными, и содѣйствовали большей увѣренности къ продолженію своей дѣятельности въ избранномъ имъ направленіи. Съ возобновленіемъ изданія соч. Писарева, съ открытіемъ доступа «Азбуки» въ школы и съ изданіемъ серіи книжекъ «Популярно-научная бібліотека», встрѣченыхъ съ большимъ сочувствіемъ, дѣла книгоиздательства настолько быстро поправились, что давали возможность выпускать 25—30 из-

даній въ годъ. Упрочившійся въ то же время за нимъ широкій кредитъ и обиліе поступающихъ къ нему отъ разныхъ лицъ предложеній объ изданіи ихъ работъ начинали даже нѣсколько смущать Павленкова возможностью зарваться и оказаться, такъ сказать, несостоятельнымъ въ выполненіи всего задуманнаго, что вызывало даже съ его стороны потребность въ самоограниченіи. Это казалось необходимымъ еще потому, что Павленкову почти все время приходилось работать одному, безъ какихъ либо помощниковъ, исполняя самолично до мелочей всѣ разнообразныя детали многосложнаго и быстро растущаго дѣла своего книгоиздательства. «Одно исправленіе оригиналовъ чего стоитъ! часто говаривалъ онъ. Вѣдь, пишущихъ вполнѣ правильно, какъ показалъ ему опытъ, такъ же мало, какъ вполнѣ честныхъ людей». Усердно преслѣдуя во всѣхъ своихъ изданіяхъ основной принципъ наглядности, Павленковъ не останавливался никогда предъ издержками на рисунки и обильно снабжалъ свои изданія рисунками лучшихъ художниковъ и мастеровъ и всѣ его изданія всегда отличались прекрасной вѣшностью и при томъ дешевизною. Привыкнувшій, какъ по своему характеру, такъ и по обстоятельствамъ жизни въ ссылкахъ, къ крайнему ограниченію своихъ личныхъ потребностей, Павленковъ совсѣмъ не пользовался доходами отъ распродажи своихъ изданій, живя въ обстановкѣ, напоминающей обстановку малодостаточнаго студента, и если дѣлалъ крупныя затраты, то только на приобрѣтеніе необходимыхъ для него книгъ, поддерживая постоянно свое близкое знакомство съ международною литературою по интересовавшимъ его вопросамъ. Все, что выручалось отъ продажи ранѣе выпущенныхъ изданій, тотчасъ же обращалось на привлеченіе къ жизни новыхъ изданій или повтореніе прежнихъ въ значительно улучшенномъ видѣ и нерѣдко съ пониженіемъ продажной стоимости книгъ.

Независимо отъ внесенія въ книгу свѣжей струи, которую отличаются почти всѣ его изданія, не малую заслугу Павленкова предъ обществомъ составляло то, что удешевленіемъ книги и характеромъ подбора своихъ изданій онъ первый далъ громадный толчекъ къ широкому проникновенію въ народъ доступной для него книги, такъ много способствовавшей его саморазвитію. Вслѣдъ за нимъ, волей неволей, и другіе издатели вынуждены были понижать цѣну книги въ аналогичныхъ случаяхъ. Не преслѣдуя въ своихъ изданіяхъ какихъ либо цѣлей барыша, нерѣдко случалось, что при первомъ изданіи въ 10—12 тысячъ экземпляровъ какой либо книги, на успѣхъ которой нельзя было не рассчитывать, Павленковъ назначалъ прямо убыточную для себя цѣну книги, надѣясь покрыть этотъ убытокъ при послѣдую-

щихъ изданіяхъ, и рѣдко въ томъ ошибался. При такихъ условіяхъ были изданы имъ, напримѣръ, сочиненія Гл. Ив. Успенскаго, вмѣсто прежней цѣны въ 12 или 8 р., за 3 р., соч. Пушкина за 1¹/₂ р. и др.

Характеръ и направленіе книгоиздательской дѣятельности Павленкова слишкомъ общеизвестны, чтобы нужно было распространяться о томъ, и не лишнемъ будетъ развѣ привести только нѣкоторыя данныя, относительно того, до какихъ размѣровъ развилась эта дѣятельность, начавшаяся 36 лѣтъ тому назадъ скромнымъ изданіемъ русскаго перевода Физики Гано въ количествѣ 4000 экз.

Во времени возвращенія Павленкова изъ вятской ссылки, къ началу 1878 г., числилось всего только 16 однотомныхъ изданій его, съ номинальною стоимостью около 18.000 р. Къ началу 1900 г. число изданій доведено было имъ до 255, состоявшихъ изъ 722 томовъ или отдѣльныхъ книгъ, въ томъ числѣ изданій по литературѣ, исторіи, социологіи и законовѣдѣнію 71 изданіе въ 108 книгахъ; популярно научныхъ книгъ 96 изд. въ 96 кн.; для дѣтей и юношества 41 изд. въ 76 кн.; учебн. руководствъ, пособій и справочныхъ 42 изд. въ 46 кн.; иллюстрированныхъ бібліотекъ (Пушкинская, Лермонтовская, сказочная, біографическая, научнопопулярная для народа) 5 изд. въ 396 кн.

Общая стоимость этихъ изданій, по номинальнымъ цѣнамъ, опредѣляется суммою 804.628 р.

Десять слишкомъ лѣтъ, разновременно проведенныхъ въ крѣпости, тюрьмахъ и ссылкахъ, при всевозможныхъ лишеніяхъ и возмутительныхъ гигиеническихъ условіяхъ, конечно не могли не оказать пагубнаго вліянія даже на выносливый и довольно крѣпкій организмъ Павленкова. Первые, хотя и не особенно рѣзкія, послѣдствія этого вліянія обнаружались уже въ 1885 г. и къ 1894 г. приняли уже довольно угрожающій для жизни характеръ. Для того, чтобы хотя нѣсколько отдалить такъ неумолимо приближающуюся катастрофу, надо было не только сократить, а даже совсѣмъ прекратить издательскую дѣятельность, круто измѣнить установленный эту дѣятельностью режимъ и переселиться въ благодатные теплые климаты Италіи или Египта. Но не такъ думалъ и рѣшалъ Павленковъ, для котораго жизнь безъ дѣла, а тѣмъ болѣе безъ такого, которое онъ создалъ, не могла быть жизнью. Напротивъ того, послѣдніе годы его жизни могутъ быть отмѣчены какъ наиболѣе продуктивныя по его дѣятельности. Въ особенноти онъ усиленно работалъ и хлопоталъ въ эти годы по осуществленію изданія соч. Герцена, съ которыхъ ему однако такъ и не удалось до своей смерти выхлопотать снятіе запрета, и по изданію

такъ давно дѣлѣннаго имъ въ мысляхъ дешеваго, иллюстрированнаго энциклопедическаго словаря и въ то же время строишь весьма широкіе и смѣлыя планы ряда будущихъ изданій. Не смотря на серьезность угрожающихъ ему въ послѣдніе годы предостереженій и сознаніе того, что достаточно для него какой либо заурядной случайности, чтобы вызвать роковой исходъ, онъ продолжалъ такъ же неумолимо, какъ и ранѣе, вести свое дѣло къ дальнѣйшему развитію личнымъ своимъ трудомъ и участіемъ, признавая, что мысль о смерти всегда должна тормозить всякое дѣло и въ такомъ случаѣ его невозможно не только вести, но даже и начинать. Онъ искренно сокрушался лишь объ одномъ, что не видѣлъ вокругъ себя лицъ, на которыхъ съ увѣренностью могъ бы положиться, что они вполне замѣнятъ его во всѣхъ отношеніяхъ, когда его не станетъ, и съ грустью предвидѣлъ необходимость ликвидаціи своего дѣла, которая, впрочемъ, должна бы быть по его мнѣнію, совершена не иначе, какъ въ пользу того самаго народа, который давалъ ему средства на веденіе дѣла, и въ своемъ завѣщаніи установилъ, за выдѣленіемъ сравнительно небольшой суммы (45.000) въ пользу нѣкоторыхъ учреждений и лицъ, всю остальную, выроченную отъ ликвидаціи дѣла, сумму денегъ употребить на открытіе въ наиболѣе бѣдныхъ мѣстахъ (деревняхъ, поселкахъ) бесплатныхъ народныхъ читаленъ, съ тѣмъ чтобы въ первыя же пять лѣтъ со дня его смерти было открыто 2000 читаленъ съ затратою на это капитала въ 100.000 р.

Въ послѣдніе годы своей жизни Павленковъ, уступая настоянію своихъ друзей, проводилъ

часть зимы на югѣ Франціи, въ Ниццѣ, уѣзжая туда поздней осенью и возвращаясь въ Петербургъ ранней весной, не прекращая однако и тамъ ни своего личнаго участія въ дѣлѣ, ни начатыхъ имъ ранѣе работъ по тѣмъ или другимъ изданіямъ.

Осенью 1898 г., передъ сборами въ Ниццу, здоровье Павленкова особенно сильно пошатнулось, возбудивъ среди публики довольно тревожныя слухи. Это обстоятельство, въ связи съ истекавшимъ въ томъ же году 35-лѣтіемъ отъ начала его издательской дѣятельности, послужило поводомъ для заявленія ему общественной признательности и сочувствія, въ видѣ многочисленныхъ адресовъ и депутацій отъ имени многихъ общественныхъ интеллигентныхъ группъ и учащейся молодежи разныхъ городовъ (Харькова, Екатеринослава, Петербурга и др.), какъ издателя-творцу русской научно-популярной литературы.

Осень 1899 г. окончательно подорвала и безъ того ослабѣвшій организмъ неумолимаго труженика, затрудняя даже возможность поддержать угасающую жизнь переѣздомъ въ Ниццу, на что такъ рассчитывали пользовавшіе его врачи.

Только 2 января 1900 г. онъ, наконецъ, съ трудомъ могъ выѣхать изъ Петербурга, въ Ниццу, а 20-го его уже не стало.

3 февраля Ф. Θ. Павленковъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ въ близкомъ сосѣдствѣ съ могилами Шелгунова и Писарева.

Миръ праху и вѣчная память неустанному борцу за правду и безкорыстному труженику, издателя-творцу русской научно-популярной литературы!

В. Черкасовъ.

21 апрѣля 1906 г.
г. Калуга.

Итоги XIX вѣка. Популярный экономическій очеркъ. *Д. Нордена*. Ц. 40 к.

Развитіе народнаго хозяйства на западѣ. Проф. *Максима Ковалевскаго*. Ц. 75 к.

Въ трущобахъ Англии. Плавъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества. *Бутса*. Съ англ., подъ ред. *Р. Семментковскаго*. Ц. 1 р.

Исторія рабочаго движенія въ Англии. *Уэбба*. Съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Женщины и экономическое отношеніе. *Шарлотты Стетсонъ*. Перев. съ англ. Ц. 1 р.

Современная женщина. Ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ. *Брандта*. Ц. 60 к.

Мужчина и женщина. Этюдъ о вторич. половыхъ признакахъ у человѣка. *Гевлокъ Элмиса*. Съ рис. Ц. 1 р.

Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. *Гирша*. Съ нѣм. Ц. 30 к.

Недостатки современнаго полицейскаго надзора за общественной нравственностью. Проституція и торговля женщинами. Мѣры борьбы съ этимъ зломъ. *Геннеамъ-Рина*. Перев. съ нѣм. Ц. 50 к.

Вѣчный миръ и разруженіе. *М. Энгельгардта*. Ц. 25 к.

Современное народовѣдѣніе. *Ахелмиса*. Съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.

Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. *К. Раппопорта*. Ц. 75 к.

Исторія культуры. *Липперта*. Перев. съ нѣм. Съ 83 рис. 6-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Политическая исторія современной Европы. III. *Сенъбоса*. Перев. подъ ред. *А. Трачевскаго*. Ц. 1 р. 50 коп.

Исторія XIX вѣка. (1789—1899). *Маршала*. Перев. съ франц. подъ редакц. проф. *Трачевскаго*. Ц. 3 р.

Исторія цивилизаціи въ Англии. *Т. Бокля*. пер. съ англ. *Буйницкаго*. Ц. 2 р.

Исторія первобытныхъ людей. *Э. Клодда*. Перев. съ англійск. *М. Энгельгардта*. Съ 88 рис. Ц. 40 к.

Первобытные люди. *Дебъера*. Перев. съ франц., съ допол. *М. Энгельгардта*. 2-е изд. Съ 84 рис. Ц. 75 к.

Происхожденіе семьи, собственности и государства. *Д-ра Этельса*. Перев. съ нѣмецкаго 2-е изд. Ц. 50 к.

Исторія семьи. *Липперта*. Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 60 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно*. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія французской революціи. *Лависса и Рамбо*. Перев. съ франц. *Юлшина*. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣчная утопія. *А. Кирхгейма*. Перев. съ нѣм. Съ приложеніемъ главы „Страна свободы“ изъ книги *Ф. Клейнверхтера*: „Государственные романы“. Ц. 1 р. 25 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды. *Том. Карлейля*. 2-е изд. Перев. съ англ. *В. Яковенко*. Ц. 1 р.

Правители и мыслители. Біографическіе очерки. *Е. Литвиновой*. Съ портретами. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Политикоса*. Съ 16-ю портретами. Ц. 1 р.

Философія, этика, психологія.

Положительная философія *Огюста Конта*. Въ популярномъ изложеніи д-ра *Робине*. Ц. 50 к.

Философія *Герберта Спенсера*. Въ сокращенномъ изложеніи *Коллинза*. Перев. съ англ. *П. Мокіевскаго*. 2-е русск. изд. Ц. 2 р.

Философія *Шопенгауэра*. Въ популярномъ изложеніи д-ра *Т. Рибо*. Перев. съ французскаго *Э. Ватсона*. Ц. 50 к.

Исторія религіи. Проф. *Мензиса*. 3-е изд. Ц. 1 р. Психологія религіи. *Р. де-ла Грассери*. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 25 к.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. *Пэйо*. Съ франц. Ц. 50 к.

Эволюція общихъ идей. *Рибо*. Съ франц. Ц. 60 к. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Проф. *Сабатъе*. Ц. 75 к.

Жизнь и смерть. Публ. лекціи пр. *Сабатъе*. Ц. 75 к. Пессимизмъ. *Селли*. Популярный обзоръ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Этика. (Ученіе о нравственности). Проф. *Маккензи*. Перев. съ франц. Ц. 75 к.

Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Проф. *Э. Эванса*. Съ англ. Ц. 75 к.

Прогрессивная нравственность. Проф. *Фаулера*. Съ англ., подъ ред. *Влад. Соловьева*. Ц. 40 к.

Нравственный инстинктъ. Его происхожденіе и развитіе. *Сутерленда*. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. *В. Ленки*. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 25 к.

Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. *Лоскутова*. Ц. 1 р.

Путь къ счастью. *Кирхнера*. Съ нѣм. Ц. 60 к. Счастье и трудъ. Проф. *Мантегацца*. Перев. съ итал. 3-е изд. Ц. 60 к.

Характеръ и нравственное воспитаніе. *Кейра*. Съ франц., подъ ред. *Р. Семментковскаго*. Ц. 40 к.

Воспитаніе воли. *Пэйо*. Съ франц. 5-е изд. Ц. 60 к. Воспитаніе чувствъ. Составилъ *Тома*. Съ франц. Ц. 75 к.

Очерки психологіи. *Тиченера*. Съ англ. Ц. 1 р. Душевныя движенія. Популярно-научный очеркъ. *Ланге*. Перев. съ франц. и нѣм. Ц. 40 к.

Привычка и инстинктъ. *Морана*. Съ англ. Съ рис. Ц. 1 р.

Психологія вниманія. *Рибо*. Съ франц. 3-е изд. Ц. 30 к.

Психологія характера. *Полама*. Съ франц. Ц. 75 к. Психологія великихъ людей. *Жоли*. 3-е изд. Ц. 60 к.

Физиологія страстей. *Летурино*. Перев. съ франц. д-ра *В. В. Святловскаго*. Ц. 1 р.

Патологія души. Опытъ гигиены ума. Д-ра *Мориса Флери*. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Геніальность и помѣшательство. *Ломброзо*. Перев. съ итал. Съ портретомъ автора и рис., 3-е изд. Ц. 1 р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ современ. литературѣ и искусствѣ. *Макса Нордау*. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Въ поискахъ за истиной (парадоксы). Геній и толпа.—Психопатическая генія и таланта.—Естественная исторія любви.—Эволюціонная эстетика и т. п. *Макса Нордау*. Перев. съ нѣм. 4-е изд. Ц. 1 р.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка*. Съ англ. Ц. 30 к.

Усталость. Популярно-научныя бесѣды. *Моссо*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Гигіена невращеника. Проф. *Пру и Балле*. Съ франц. Ц. 60 к.

Нервность нашего времени. *Цисльротта*. Ц. 25 к. Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ. Д-ра *Маррена*. Съ франц. Ц. 75 к.

Современныя психопаты. Д-ра *Кюллера*. Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣрить или не вѣрить? Эскурсія въ область таинственнаго. Д-ра *Битнера*. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 50 к.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА. ДЛЯ НАРОДА.

В. ЛУНКЕВИЧА.

- 1) Земля. Съ 27 рис. Ц. 14 к.
- 2) Небо и звѣзды. Съ 37 рис. Ц. 14 к.
- 3) Громъ и молнія. Съ 24 рис. Ц. 12 к.
- 4) Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. Ц. 8 к.
- 5) Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.
- 6) Зеленое царство. Съ 32 рис. Ц. 16 к.
- 7) Бичи земли и чудеса природы. Съ 23 рис. Ц. 16 к.
- 8) Землетрясенія и огнедышашія горы. Съ 12 рис. Ц. 16 к.
- 9) Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. Ц. 25 к.
- 10) Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.
- 11) Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. Ц. 16 к.
- 12) Жилища и постройки животныхъ. Съ 25 рис. Ц. 16 к.
- 13) Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Ц. 15 к.
- 14) Общественная жизнь животныхъ. Съ 20 рис. Ц. 12 к.
- 15) Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата (жизнь муравья). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
- 16) Обезьяны. Съ 16 рис. Ц. 15 к.
- 17) Пчелы, осы и термиты. Съ 16 рис. Ц. 18 к.
- 18) Вода. Съ 52 рис. Ц. 28 к.
- 19) Подводное царство. Съ 63 рис. Ц. 20 к.
- 20) Воздухъ. Съ 27 рис. Ц. 15 к.
- 21) Степь и пустыня. Съ 38 рис. Ц. 18 к.
- 22) Тайга и тундра. Съ 23 рис. Ц. 14 к.
- 23) Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Съ 43 рис. Ц. 25 к.
- 24) Четвероногіе и пернатые хищники. Съ 29 рис. Ц. 18 к.
- 25) Четвероногіе слуги человѣка. Съ 32 рис. Ц. 23 к.
- 26) Враги и друзья человѣка. Съ 56 рис. Ц. 28 к.
- 27) Животныя-кровопійцы и дармоѣды. Съ 25 рис. Ц. 15 к.
- 28) Растенія-дармоѣды и растенія-хищники. Съ 25 рис. Ц. 15 к.
- 29) Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія. Съ 30 рис. Ц. 15 к.
- 30) Законъ жизни среди животныхъ и растеній. Съ 50 рис. Ц. 24 к.
- 31) Исторія происхожденія растеній и животныхъ. Съ 18 рис. Ц. 18 к.
- 32) Подземное царство. Съ 84 рис. Ц. 32 к.
- 33) Исторія земли. Съ 62 рис. Ц. 28 к.
- 34) Каменный уголь. Съ 39 рис. Ц. 20 к.
- 35) Нефть и соль. Съ 35 рис. Ц. 20 к.
- 36) Сокровища горъ. Съ 44 рис. Ц. 26 к.
- 37) Чудеса науки и техники. Вып. 1. Паръ и электричество. Съ 60 рис. Ц. 16 к.
- 38) Чудеса науки и техники. Вып. 2. Книгопечатаніе. — Фотографія. — Фонографъ. Съ 35 рис. ц. 15 к.
- 39) Чудеса общенія. Вып. 1. Съ 114 рис. Ц. 35 к.
- 40) Чудеса общенія. Вып. 2. Съ 42 рис. Ц. 20 к.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной.

Съ примѣчаніями, указателями и 8-ю снимками (7 портретовъ и 1 статуя). 7 томовъ. Ц. 7 р.

Цѣна отдѣльныхъ томовъ:

Томъ I. Повѣсти, разказы и романы 495 стр. Ц. 1 р.

Томъ II. Былое и Думы. Часть I, II, III и IV. 514 стр. Ц. 1 р.

Томъ III. Былое и Думы. Часть V. 590 стр. Ц. 1 р.

Томъ IV. Публицистическія и критическія статьи. 464 стр. Ц. 1 р.

Томъ V. Публицистическія и критическія статьи (въ томъ числѣ „Письма изъ Франціи и Италіи“, „Съ того берега“ и друг.). 460 стр. Ц. 1 р.

Томъ VI. Дневникъ. Статьи изъ „Колокола“. 400 стр. Ц. 1 р.

Томъ VII. Переписка А. И. Герцена съ Н. А. Захарьиной. 649 стр. Ц. 1 р.

А. И. Герценъ. Русской народъ и Соціализмъ. Ц. 10 к.

А. И. Герценъ. Старый міръ и Россія. Ц. 10 к.

А. И. Герценъ (Искандеръ). Кто виноватъ? Ц. 50 к.

А. И. Герценъ. Робертъ Оуэнъ. Ц. 12 к.

А. И. Герценъ. Александръ I и В. Н. Каразинъ. Ц. 12 к.

А. И. Герценъ. Книгиня Екатерина Романовна Дашкова. Ц. 20 к.

А. И. Герценъ. Крещеная собственность. Ц. 8 к.

А. И. Герценъ (Искандеръ). Съ того берега. Ц. 40 к.
Бухъ Л. О государственныхъ финансахъ въ Россіи Ц. 25 к.

Николинъ Н. Государственное устройство Россіи и Государственная Дума. Ц. 20 к.

Уоллесъ, А. Статьи по вопросу о націонализациіи земли (Научн. и социальн. изслѣдованія, т. II). Перев. Л. Лакіера. Ц. 80 к.

Мигула, В. Біологія растеній. Переводъ Бедельяна. Съ 37 рис. Ц. 40 к.

Г. Гауптманъ. Ткачи. Драма изъ жизни нѣмецкихъ ткачей сороковыхъ годовъ. Въ 5 дѣйствіяхъ. Полный перев. съ нѣм. Д. Алперина. Ц. 25 к.

Левъ Бухъ. Краткій курсъ политической экономіи. Ц. 70 к.

Лабулэ. Принципъ-пудель. Полный переводъ съ франц. П. Казановича. Ц. 50 к.

Культурно-историческая бібліотека Н. Николина.

Древнѣйшіе жители Европы. Съ 32 рис. Цѣна 20 к.

Древняя Греція. Съ 36 рис. и 2 карт. Ц. 40 к.

Древній Римъ. Съ 32 рис. и 4 карт. Ц. 40 к.

(Готовятся къ печати: На зарѣ государственности, Борьба христіанства съ язычесвоиъ, Средневѣковье, Крестовые походы и борьба съ императорствомъ, Французская революція, Трудъ и капиталъ и др.)

Главный складъ изданій Ф. Павленкова въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова.—

С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, д. № 2.